

2 (16)

Социогуманитарные коммуникации

2026

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИЙ
им. проф. М. А. БОНЧ-БРУЕВИЧА»
(СПбГУТ)

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

№ 2 (16)

Научное периодическое сетевое издание

Санкт-Петербург
2026

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Гехт А. Б. – заведующий кафедрой истории и регионоведения, кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Неровный А. В. – заместитель заведующего кафедрой истории и регионоведения СПбГУТ (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ

Измозик В. С. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

Цверианашвили И. А. – заместитель декана факультета Социальных цифровых технологий (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

Яковлев О. А. – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Гехт Н. Э. – специалист по учебно-методической работе кафедры истории и регионоведения (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Алёшин А. С. – кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Ачкасов В. А. – доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Ачкасова В. А. – доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Барышников В. Н. – доктор исторических наук (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Белов В. В. – доктор психологических наук, доцент (Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия)

Белова Е. В. – кандидат психологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Борисова Н. А. – кандидат технических наук, доктор исторических наук, доцент Центральный музей связи имени А. С. Попова, Санкт-Петербург, Россия)

Бурлина Е. Я. – кандидат искусствоведения, доктор философских наук, профессор (Самарский государственный медицинский университет, Самара, Россия)

Васильева Е. В. – кандидат культурологии, доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия)

Вольфсон М. Б. – кандидат экономических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Воронов И. И. – доктор исторических наук, доцент, (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Герашенко Л. И. – доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Гончарова Е. А. – доктор филологических наук, профессор (РГПУ им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия)

Губанов И. Б. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Завалишин А. Ю. – доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Зиновьева Е. И. – доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Зотова А. В. – доктор исторических наук, академик РАЕН (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Иваненко А. В. – кандидат педагогических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Измозик В. С. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Ипполитов Г. М. – доктор исторических наук, профессор (Поволжский государственный университет телекоммуникации и информатики, Самара, Россия)

Камедина Л. В. – доктор культурологических наук, профессор (Забайкальский государственный университет, Чита, Россия)

Ковалёв Б. Н. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет им. Петра Великого, Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Краснова Е. В. – кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Кулик С. В. – доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный политехнический университет им. Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия)

Кульназарова А. В. – кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Лейбенсон Ю. Т. – кандидат исторических наук, доцент (филиал МГУ в г. Севастополе, Севастополь, Россия)

Макаров В. В. – доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Мальченкова А. Е. – кандидат социологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Марков А. П. – доктор педагогических наук, доктор культурологии (Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов, Санкт-Петербург, Россия)

Мешков А. В. – кандидат экономических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Микешин М. И. – доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Михеева Н. М. – кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Непомнящий А. А. – доктор исторических наук, профессор (Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия)

Позднякова А. С. – кандидат исторических наук, доцент (Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева, Москва, Россия)

Полторац С. Н. – доктор исторических наук, профессор (Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия)

Пученков А. С. – доктор исторических наук, профессор РАН (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Рудник С. Н. – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия)

Рупасов А. И. – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник (Санкт-Петербургский институт истории РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Самбуров К. В. – кандидат географических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Сидорова Н. А. – кандидат культурологических наук, доцент (Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург, Россия)

Стародубцев М. П. – доктор педагогических наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Сыроватская Е. Ф. – кандидат филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Хлевов А. А. – кандидат исторических наук, доктор философских наук, профессор (Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия)

Чернов С. А. – доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Цыгоняева А. Ю. – кандидат философских наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Яковлев О. А. – кандидат исторических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

Яценко М. В. – доктор филологических наук, доцент (Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

В. С. Измозик

Российская империя. 1914-1916 гг. на путях к революции.....8

А. Г. Воротыло, В. Ю. Семин, А. Ю. Трофимов

Северный Кавказ исторически важный геостратегический и экономический регион, влияющий на безопасность южных рубежей России.....20

М. А. Несин

Набег русов на Константинополь 860 г. в латиноязычных южноевропейских источниках.....28

П. П. Карпенко, А. В. Пелогейко

Программа Александра I в отношении Кавказа.....40

В. П. Тихоньких

Столыпинская модернизация политического режима в России: трансформация от цезаризма к бонапартизму.....46

А. Г. Воротыло, П. П. Карпенко

Создание системы управления войсками в первом периоде Великой Отечественной войны.....60

Е. Г. Овчинникова, Н. Н. Овчинников

Полярное мореплавание России в XVII веке.....66

О. Л. Губарев

О вероятности неслучайного совпадения имен первых Рюриковичей и героев *Sógbrot af fornkonungum*. Часть II: вероятностная интерпретация ономастических совпадений.....71

ПСИХОЛОГИЯ

Е. В. Белова

Уязвимости, ресурсы и этапы развития «человека экономического».....78

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Е. В. Алёнкина, П. А. Смирнов

Музыкальный конкурс "Евровидение" как индикатор политического ландшафта современной Европы.....89

Т. В. Молчанова

Глоссарий: новые термины в культуре. Часть 2.....97

ПОЛИТОЛОГИЯ**А. П. Спугай**

Вопрос о присоединении к НАТО в медиадискурсе Швеции.....104

И. А. Дерябина

Новые вызовы для арктической политики России в контексте региональной безопасности после 2022 года.....114

ПЕДАГОГИКА**Е. В. Враге, С. С. Семенова**

Комплексный метод как основа эффективного развития гибкости и подвижности в суставах у студентов 18-19 лет.....125

РЕЦЕНЗИИ НА НАУЧНЫЕ ТРУДЫ**А. С. Пученков**

Пученков А. С. От Сталина до Горбачева: Советский Союз на пути к перестройке. Рецензия на книгу: Полынова М. Ф. «СССР: от сталинского восстановления к горбачевской перестройке. Вторая половина 1940-х - первая половина 1980-х гг.».....133

А. С. Позднякова

Американский взгляд на русскую трагедию. Рецензия на книгу: Бертран Патенод «Большое шоу в стране большевиков: Деятельность Американской администрации помощи в Советской России во время голода 1921 года».....140

**ПУБЛИКАЦИИ ПО МАТЕРИАЛАМ КОНФЕРЕНЦИИ
«XXVII МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАЛТИЙСКИЙ
КОММУНИКАЦИОННЫЙ ФОРУМ»****А. А. Гречко, К. А. Ряполов**

Повышение эффективности городского управления на основе технологий «умного города» (на примере Санкт-Петербурга).....146

И. Е. Астафьева-Румянцева, Л. И. Набиева

Имидж Макса Ферстаппена в СМИ: парадокс гонщика, которого любят вопреки правилам.....150

А. Г. Кузнецова

Развитие переговорного процесса России и Китая в отношении газопровода
«Сила Сибири – 2».....156

П. И. Червоткина

Сравнение алгоритмов кластеризации K-modes и CLOPE (на примере данных
социологического опроса).....160

М. А. Церковников

Эффективность креативной наружной рекламы в цифровую эпоху.....165

С. В. Рябинина

Репрезентация добровольческой деятельности в государственных медиа:
формирование гражданской активности молодежи (на примере проекта #МыВместе).....169

А. А. Добрикова, А. А. Смелов

Психологические механизмы создания имиджа ландшафтного бюро
(на примере компании «Иволга»).....174

И. Е. Астафьева-Румянцева, Е. Е. Сапожникова

Конкурентный анализ в разработке стратегии продвижения личного бренда
модельера исторического костюма.....178

К. Ю. Потаенкова

Трансформация ценностных ориентиров российского общества в XXI веке.....185

К. Р. Хайдаршин, А. А. Харлова

Биокомпьютер CL1: как искусственный мозг из стволовых клеток меняет парадигму
вычислений и будущее цифрового общества.....189

С. П. Дронникова, Р. А. Жадан

Граница между субъективностью и объективностью в деятельности блогеров-
журналистов.....195

Н. И. Щедрин

Development and application of a glasses-free 3d display system based
on a pseudo-holographic pyramid.....199

З. В. Рыбинская

Towards better Russian sign language translation: dataset challenges and training
strategies.....203

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94(47).084

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ. 1914-1916 ГГ. НА ПУТЯХ К РЕВОЛЮЦИИ**В. С. Измозик**

Статья анализирует утверждение журналиста А. С. Селиванов, что якобы причинами краха царизма в феврале 1917 г. стала скоординированная деятельность транснациональных финансовых групп и масонских лож, так как в самой России в тылу и на фронте все обстояло благополучно и в начале 1917 года Россия стояла на пороге крупнейшей победы в своей истории. На основе целого ряда источников и исторических работ доказывается, что статья А. С. Селиванова представляет собой грубую фальсификацию истории, а начавшаяся революция была не неизбежным, но закономерным результатом социально-экономических и политических противоречий.

Ключевые слова. А. С. Селиванов, П. Н. Дурново, аграрный вопрос, фабрично-заводской пролетариат, материалы перлюстрации, заградотряды на фронте, братание, продовольственное положение, доклады Охранного отделения.

На протяжении десятилетий, особенно после появления "библии сталинизма" – Краткого курса истории ВКП(б) в 1938 г. – был создан и методично пропагандировался набор легенд о событиях 1917 года. Складывалось впечатление, что Ленину, большевикам все заранее и наперед было ясно, что, эсеры и меньшевики лишь слепые и покорные прихвостни буржуазии, что никакой альтернативы Октябрьской революции не было и быть не могло. Эти мифы рухнули в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Лишь отдельные группы верующих сталинистов продолжают за них цепляться.

Но на этом месте уже многие годы спешат утвердиться новые легенды. На волне интереса к истории поднялась и продолжает свою деятельность мутная волна «вертодоксов», готовых буквально корезить историческую реальность, не считаясь с фактами, не задумываясь над необходимостью доказательности, проверки и осмысления публикуемого материала. Особое внимание уделяется положению накануне 1917 г. и на протяжении его: причинам свержения царизма в феврале 1917 г., последующему развитию событий и, конечно, т.н. «Октябрьской революции» (Октябрьскому перевороту, Октябрьскому вооруженному вос-

станию). Зрителя, читателя, пользователя Интернета журналист А. С. Селиванов убеждает, что «В начале 1917 года Россия стояла на пороге крупнейшей победы в своей истории. Недостатки и проблемы на фронте были преодолены. Весной ожидался тройной парад победы русских войск – в Берлине, Вене и Константинополе. ... Даже в напряженные военные годы у нас свободно продавались все продукты. Несмотря на войну, в России не останавливался рост промышленности и благосостояние граждан. ... В Русской Императорской армии Мировой войны не существовало ни «заградотрядов», ни политруков. ... В то же время, свободно действующая во время войны Государственная Дума стала центром оппозиции правительству Государя – правительству воюющей страны. Во многом, именно такая безграничная свобода и сыграла свою роковую роль в крушении нашей державы. ... в деле разрушения русского государства объединили свои усилия целый ряд государств – как военные противники, так и формальные союзники России по Первой мировой войне. ... Свержение царской власти происходило по целому ряду направлений и уровней, в том числе, координация деятельности происходила на уровне транснацио-

нальных финансовых групп и даже ма- сонских лож. ... Владимир Федорович Джунковский¹ носил военные чины. Но в 1913 году был назначен товарищем министра внутренних дел и командующим Отдельным корпусом жандармов. За два года пребывания в должности Джунковскому удалось практически полностью ликвидировать систему политического сыска. ... уволил многих жандармских офицеров – высочайших профессионалов своего дела. Именно эти сотрудники могли бы и должны были стать постоянным объективным источником информации о ситуации на фронте и в тылу. И постоянным фактором стабилизации и улучшения этой ситуации» [1].

Красивый эмоциональный текст призван убедить, что причины краха монархии лежат в заговоре «темных сил» со стороны враждебного Запада и внутренних изменников, в «безграничной свободе» для их деятельности. Но так ли это было на самом деле? Попробуем восстановить подлинную картину положения в 1915-1916 гг. на основе официальных документов, материалов антибольшевистского лагеря, воспоминаний людей из правительственного лагеря, сосредоточив внимание на экономическом и социальном положении в стране и доказать, что господин А. С. Селиванов занимается фальсификацией истории. Подчеркну, что господин А. С. Селиванов имеет полное право не любить либералов, революционеров всех оттенков, но он не имеет права перевирать факты.

Конечно, было бы нелепо отрицать быстрое в целом экономическое развитие России на рубеже XIX-XX вв. Но оставившись на этом означает «выковы-

ривать изюминки из булки», т.е. подбирать удобные факты, не желая видеть целостную картину. Рост экономики одновременно сопровождался экономическими кризисами, особенно проявившим себя в 1903-1907 гг. Во-вторых, выйдя на четвертое место в мире по общему объему производства, Россия значительно отставала от наиболее развитых стран: США, Великобритании, Германии, Франции. Если же учитывать валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения, то Россия уступала большинству стран Европы. Относительно грамотности населения, необходимого условия для промышленного развития, то и здесь ситуация была достаточно печальной.

Наконец, главной нарастающей проблемой стал аграрный вопрос. В стране, где 75-80 % составляли крестьяне, образовался колоссальный резервуар дешевой рабочей силы, которую город и промышленность не успевали использовать. Это происходило по нескольким причинам. На протяжении ряда веков неконтролируемая рождаемость регулировалась очень высокой детской смертностью. В результате отмены крепостного права, экономического развития в сельской местности появилась некоторая сеть медицинской помощи (больницы, фельдшерские пункты), выросла гигиена в повседневной жизни. В результате при прежнем уровне рождаемости снизилась смертность, в том числе и детская. Это привело к двукратному росту сельского населения за 40 послереформенных лет и к такому же сокращению количества пахотной земли на крестьянскую душу.

Следующим моментом стала низкая урожайность в большинстве губерний. Согласно выводам одного из крупнейших специалистов данной проблемы в начале XXI в. А. В. Островского, «за 1861-1915 гг. общий сбор зерна увеличился с 30 пуд. до 50 пуд., т.е. ... примерно на две трети. Это было не только результатом повышения производительности земли (следствие потепления

¹ Джунковский Владимир Федорович (1865-21.02.1938, Москва). Адъютант великого князя Сергея Александровича (1891-1905), московский вице-губернатор (1905-1908), московский губернатор (1908-1913), товарищ министра внутренних дел и командующий Отдельным корпусом жандармов (1913-1915). Отставлен 19.08.1915. В действующей армии: командир бригады, дивизии. Произведен в генерал-лейтенанты. После Октября 1917 г. арестовывался, находился в заключении. Освобожден 28.11.1921. Арестован в конце 1937 г. Расстрелян 21.02.1938.

климата и перехода от переложно-залежной системы земледелия к трёхполью в одних губерниях, от трёхполья к многополью – в других), но и результатом совершенствования урожайной статистики. Однако темпы этого прогресса могли иметь тенденцию к возрастанию лишь до конца XIX в., затем обнаружилось не только относительное, но и абсолютное их замедление. ... Накануне Первой мировой войны самые высокие сборы с десятины давали посевы ячменя – 53,3 пуд., за ними следовала рожь – 51,4 пуд., затем овёс – 50,7 пуд., и пшеница – 37,4 пуд. Для сравнения: в это время за границей с десятины посева зерновых собирали: Италия – 57,5 пуд., Австрия – 69,3 пуд., Германия – 77,8 пуд., Венгрия – 83,1 пуд., США – 83,2 пуд., Канада – 87,1 пуд., Дания – 110,6 пуд., Голландия – 113,7 пуд., Англия – 123,4 пуд. [2, с.104-106]. На достигнутом уровне зерновое производство могло удовлетворять минимальные продовольственные, но не имело возможности обеспечивать фуражные потребности страны. Главную роль на хлебном рынке играли средние и беднейшие крестьянские хозяйства. Их товарность имела вынужденный характер, а связанное с рынком производство в большинстве губерний являлось убыточным. Это во многом объясняет разорение крестьянства и помещичьего дворянства, трудности в реализации столыпинской аграрной реформы, складывание в деревне взрывоопасной ситуации.

Изучение данных по 50 российским губерниям показывает, что «крестьяне потребляли около 10% необходимого количества сахара и яиц, 25% мяса, 30% молока и молочных продуктов, 40% овощей. Недопотребление этих продуктов компенсировалось более значительным потреблением картофеля – 154% и хлеба – 165%. Из девятнадцати предвоенных лет только двенадцать были урожайными, а семь по существу являлись голодными, так как в эти годы собранный урожай не мог обеспечить продо-

вольственных потребностей населения. В среднем на три урожайных года приходился один неурожайный. Полученные данные вполне подтверждают существующее представление о том, что до революционный хлебный экспорт Европейской России развивался под лозунгом: «Недоедим, но вывезем». Дефицит продовольственного зерна имел своим следствием расширение производства картофеля. Крестьяне не только арендовали землю, но и платили налоги: мирские, земские, казённые [2, с. 164, 175-177]. По-прежнему периодически сельскую местность охватывал голод. Последний, в 1911-1912 гг., охватил 60 губерний России. Наибольший размер недород принял в губерниях и областях Поволжья, Западной Сибири и северного Казахстана. Министр земледелия в 1915-1916 гг., одноклассник В. И. Ульянова (Ленина), А. Н. Наумов вспоминал: «Россия фактически не вылезает из состояния голода то в одной, то в другой губернии, как до войны, так и во время войны» [3, с. 289-292]. Как указывает д.и.н. В. В. Калашников, «В 1902 году было 365 случаев привлечения армии для подавления народных волнений. В следующем году – 322 случая: треть всей пехоты и две трети кавалерии, расположенных в европейской России, были задействованы в ликвидации беспорядков. Это был громкий звонок для власти. И что она сделала? Ничего. А осенью 1905 года в европейской части России уже горело полторы тысячи помещичьих усадеб. За время первой русской революции 1905-1907 годов была сожжена почти каждая десятая усадьба (более 6 тыс. имений). По сути, в стране с 1902 года шла малая локальная крестьянская война. Столыпинская реформа ситуацию лишь усугубила. Волнения затихли только с началом Первой мировой войны. Но это было затишье перед бурей» [4].

Рост крестьянских недоимок и мощная волна крестьянского движения, прокатившаяся по России в 1902-1906 гг., дают основание думать, что к этому

времени рост эксплуатации деревни приблизился к своей критической черте. В 1910 г. один из ближайших сотрудников П. А. Столыпина А. В. Кривошеин писал: «Если все останется в прежнем положении, если по-прежнему значительная доля наличной рабочей силы, не находя себе применения, будет оставаться неиспользованной, то кризис этот неизбежен в более или менее близком будущем» [2, с. 422].

Положение фабрично-заводского пролетариата после революции 1905-1907 гг. хотя экономически несколько улучшилось, но численность слоя т.н. «рабочей аристократии», т.е. квалифицированных рабочих с достаточным доходом для содержания семьи составляла всего 4 %. Но дело было не только в этом. К сожалению, немногие исследователи задумываются на д тем, почему в авангарде революционного движения чаще всего выступали металлисты, находившиеся на одном из первых мест по уровню зарплаты. Дело в том, что в ходе крупных забастовок начала XX в., кроме привычных требований об улучшении условий труда, повышения зарплаты появилось новое, требовавшее обращение к рабочим «на вы». Это означало, что эти люди осознавали себя личностями и требовали к себе уважения.

Таким образом, накануне 1914 г. в Российской империи сохранялся мощный потенциал недовольства самых различных социальных слоев. Это понимали наиболее вдумчивые представители правительственного лагеря. В феврале 1914 г. бывший министр внутренних дел П. Н. Дурново направил записку Государю, умоляя его не вступать в надвигающуюся войну с Германией и предупреждая в противном случае об угрозе социальной революции. П. Н. Дурново писал: «Крестьянин мечтает о даровом наделении его чужою землею, рабочий – о передаче ему всего капитала и прибылей фабриканта, и дальше этого их вожделения не идут. И стоит только широко кинуть эти лозунги в население,

стоит только правительственной власти безвозбранно допустить агитацию в этом направлении, – Россия, несомненно, будет ввергнута в анархию ... Война с Германией создаст исключительно благоприятные условия для такой агитации. ... война эта чревата для нас огромными трудностями и не может оказаться триумфальным шествием в Берлин. Неизбежны и военные неудачи, ... неизбежными окажутся и те или другие недочеты в нашем снабжении. При исключительной нервности нашего общества, этим обстоятельствам будет придано преувеличенное значение, а при оппозиционности этого общества, все будет поставлено в вину правительству. ... социальная революция, в самых крайних ее проявлениях, у нас неизбежна. ... Законодательные учреждения и лишенные действительно авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдерживать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению» [5, с. 196-197].

Как же этот политический анализ проявился в ходе Первой мировой войны? Прежде всего, обратимся к годовому отчету о перлюстрации за 1915 г. и материалам перлюстрации конца 1916-начала 1917 гг. Напомним, что служба перлюстрации (тайное чтение корреспонденции), действовавшая в империи на постоянной основе с середины XVIII в., к 1914 г. имела семь официальных пунктов в крупнейших городах и просматривала до 1 млн. писем в год. Сам отчет за 1915 г. составляет 288 машинописных страниц. [6, л. 1-144 об.]. Его составители во вступлении писали: «Яркую картину напряжения всех сил страны и неизбежных при этом разногласий, споров, нареканий дает материал, собранный Особой частью в 1915 г.» [6, л. 1]. Отчет включал тридцать два раздела: Общие положения, Оценка деятельности правящих сфер, Критика деятельности членов Кабинета; О законодатель-

ных палатах; О майском погроме в Москве; Московские беспорядки и образование прогрессивного блока; Земский и городской союзы и монархические организации; Мобилизация промышленности; Железные дороги в связи с продовольственным вопросом; Эвакуация казенных учреждений, беженцы, жители; Крестьяне; Запрещение продажи водки; О кооперативах; Положение сельского хозяйства; Об инородцах; О Галиции; О евреях; О немцах; Украинский вопрос; О латышах, татарах и других; Кавказ; Революционное движение; Народное просвещение; Министерство финансов; Вопросы международной политики; О печати; Об армии; О предательстве [С.Н.] Мясоедова²; Санитарная часть; О госпиталях; О флоте; Слухи о мире [6, л. 1, 4, 8, 12об., 17, 18 об., 47, 53, 62об., 70 об., 74 об., 76 об., 77 об., 79, 88 об., 90 об., 96, 106 об., 108, 109об., 113, 116, 119, 121, 128, 128 об., 134, 135, 137, 140, 140 об.].

Как во все времена в подобных документах, прежде всего, подчеркивались благожелательные для высших сфер отклики. Например, депутат Думы А. И. Савенко писал 6 января в действующую армию: «В стране царит полное единодушие». Сохранялись, особенно в начале года, надежды на скорую и безусловную победу. Епископ Холмский и Люблинский Анастасий 22 января из Холма в письме известному общественному деятелю графу С. Д. Шереметеву восторженно отзывался о русской армии: «Наш солдат – прямо святой человек. ... и военачальники вполне достойны своих подчиненных». Один из активнейших деятелей Союза русского народа граф А. И. Коновницын 4 января писал симферопольскому помещику К. А. Дуранте в Одессу: «Мы должны исполнить историческую задачу России, и мы, только мы, должны ... быть в Константинополе и поднять православный крест на Св. Софии, взяв в свои руки владение про-

ливами». Сами составители отчета, рассуждая о настроении крестьянской массы, приходили к оптимистическому выводу: «Миллионы русских крестьян безропотно приносили кровавые жертвы на алтарь Отечества. ... Никакие неудачи, никакие лишения не заставляли крестьян падать духом. ... Ничто не колебало ... твердой решимости победить врага во что бы то ни стало и спасти родину». О революционном движении в отчете указывалось, что «охвативший всю страну патриотический подъем совершенно парализовал эту агитацию». [6, л. 1, 129, 121-121 об., 70 об., 113].

Вместе с тем, перлюстраторы не могли скрыть распространенность совсем других мнений. Московский промышленник П. П. Дюшен из Москвы писал председателю Главного военноморского суда С. П. Дюшену в Петроград 30 сентября, что нельзя винить только правительство, ибо «все эти савовники и министры взяты из нашей среды» [6, л.5об.]. Миф о «немецком засилье» прочно овладел умами не только малограмотной толпы, но и многих савовников, и интеллигентов. Петроградский градоначальник, генерал-майор князь А. Н. Оболенский в письме в Ашхабад от 31 января делился своими мыслями с князем А. Н. Трубецким: «Относительно немцев меры нужны радикальные. Надо отнять всякое имущество: дома, имения, торговые предприятия и капиталы». Одновременно градоначальник признавал, что под флагом казенного патриотизма извлекаются доходы, в частности, издателем газеты «Новое время» А. А. Сувориным. По этому поводу он писал в том же письме: «Ты пишешь, что я напрасно штрафую Суворина, но ведь он ведет шантажную борьбу, требуя денег с разных немцев и вообще лиц с немецкими фамилиями» [6, л. 98]. Антинемецкие настроения (искусственно разжигаемые задолго до Первой мировой войны), а затем и государственные мероприятия, направленные против российских немцев, отрицательно отра-

² С.Н. Мясоедов (1865-20.03.1915, Варшава) – полковник, повешенный во время Первой мировой войны по ложному обвинению в шпионаже.

зились на сельском хозяйстве. «Глупейшие меры эти имели следствием разорение десятков тысяч образцовых хозяйств, – отмечал позже последний государственный секретарь Российской империи С. Е. Крыжановский, – лишили нас в самое трудное время обильного источника продовольствия и снабжения, ударяли по двумстам тысячам лиц немецкого происхождения, состоявшим в рядах армии, и дали первый толчок к массовым беспорядкам и разграблению имущества в Москве и С.-Петербурге» [7, с. 295].

Некоторые из правых осознавали опасность для самой российской монархии этой антинемецкой кампании. Председатель Союза русских людей в Одессе Н. Н. Родзевич писал 2 августа К. Н. Пасхалову: «У нас слишком уж усердно обвиняют всех немцев и даже носителей немецких фамилий, а ведь между ними очень многие верой и правдой служат России. ... Это натравливание на немцев поднимается очень высоко и становится орудием антидинастической пропаганды». Но даже в этой среде росло сознание, что причины нарастающего кризиса значительно глубже. А. Гладкий из действующей армии 14 ноября делился своими впечатлениями с представителем правой группы Государственного совета князем А. А. Ширинским-Шахматовым: «Кругом какая-то оргия взяточничества, казнокрадства и прямого предательства». [6, л. 98, 103, 58 об.].

Одной из важнейших тем были нераспорядительность властей и ухудшение экономической ситуации. На это жаловались не только обыватели, но и ответственные администраторы. Архангельский воинский начальник Г. Д. Дитерихс 3 марта делился с начальником Главного технического управления генерал-лейтенантом бароном Е. Э. Роппом: «Навигация на носу, а у железной дороги нет никаких приготовлений... Опять отдел военных сообщений будет давать заглазные наряды вагонов и будут простои. ... Опять будут делить вагоны по ведомствам и вагоны будут ухо-

дить недогруженными». 14 октября из Петрограда сообщали в Оренбург: «Настала страшная неурядица с подвозом продуктов первой необходимости». Из Борисоглебска В. М. Люце 17 декабря жаловался М. Ф. Люце в Петроград: «Борьба с дороговизной ни к каким результатам не приводит» [6, л. 61, 58, 60]. «В Москве становится очень трудно жить, – отмечал в своем дневнике 18 марта 1915 г. известный правый общественный деятель и религиозный мыслитель Л. А. Тихомиров. – Все страшно дорого, или даже совсем нет. У нас дров нет. Осталось на несколько дней, а на дровяных складах не дают, говорят – нет». [6, с. 296].

Постепенно в письмах росло опасение за будущее страны. К. Н. Пасхалов уже 23 апреля писал Д. А. Хомякову: «Будущее готовит России ряд таких испытаний, которые могут разрешиться весьма бедственно». Известный деятель правого движения, протоиерей И. И. Восторгов 29 мая писал лучшей подруге императрицы А. А. Вырубовой в связи с немецким погромом в Москве: «Вчера тысячные толпы громили и ... грабили немецкие магазины в лучших частях города ... движение народа проглядели и не приняли мер, ... его пулями и нагайками одними не остановить... не следует испытывать терпение народа». 29 декабря в письме из деревни Липовка Самарской губернии в Петроград подчеркивалось: «В деревне живет одна надежда, что вся земля будет разделена крестьянам». Неизвестный автор писал княгине Н. П. Голицыной из Тифлиса 5 сентября: «Прямо ужас берет за будущее при теперешнем положении вещей». А. Готовцев 24 декабря из Ярославля писал А. А. Римскому-Корсакову в Петроград: «... крайнее расстройство железнодорожного движения и все растущая дороговизна вносят озлобление в малоимущие классы и положение становится крайне серьезным». Некий Андреев из Петрограда 25 ноября сообщал А. Е. Тихомирову в Харьков: «По выносимым ре-

зольюциям видно, что рабочие относятся к войне отрицательно. До сих пор большевики имели перевес на всех заводах» [6, л. За, 17-17 об., 74 об., 116].

Таким образом, в течение 1915 г. пессимистические настроения постепенно нарастали в самых различных частях общественного политического спектра. Правые, либералы и левые, при всем различии своих взглядов и мнений на возможные пути решения проблем, сходились в том, что внутреннее положение становится все более кризисным и грозит России невиданными бедствиями.

Что же в это время происходило в действующей армии? С началом войны во всех воюющих странах с целью информационной борьбы были созданы комиссии по сбору материалов о нарушениях принятых соглашений о правилах ведения боевых действий (защита мирного населения, особый статус раненых и госпиталей, не применение разрывных пуль и т.п.). В России такую Чрезвычайную следственную комиссию (ЧСК) возглавил сенатор А. Н. Кривцов. Официальные распоряжения русского командования соответствовали правилам ведения войны. Командующий 8-й армией генерал А. А. Брусилов 7 августа 1914 г. отдал приказ: «Поздравляю славные войска армии с переходом границы. Приказываю объяснить нижним чинам, что мы вступаем в Галицию, хотя и составляющую теперь часть Австро-Венгрии, но это исконная Русская земля, населённая, главным образом, Русским же народом, для освобождения которого война ведётся. Русская армия не ведёт войны с мирными жителями. Русский солдат для мирного жителя, к какой бы он народности ни принадлежал, не враг, а защитник, а тем более он защитник для родного по крови галичина. Я выражаю глубокую уверенность, что никто из чинов, имеющих честь принадлежать к армии, не позволит себе какого-либо насилия над мирным жителем и не осрамит имя Русского солдата. С мирным населением каждый из нас

должен обращаться так же, как это было в родной России» [8, с. 260]. Однако наряду с получением сведений о нарушениях со стороны немецких и австро-венгерских войск комиссии пришлось признать достоверность телеграммы, которую начальник штаба Северо-Западного фронта генерал В. А. Орановский 21 ноября 1914 г. направил командующему 10-й армией генералу Ф. В. Сиверсу: «Главкомандующий [Н. В. Рузский] приказал подтвердить к точному исполнению требование Верховного главнокомандующего [Великий князь Николай Николаевич] при наступлении гнать перед собой всех жителей мужского пола рабочего возраста, начиная с 10 лет [9, с. 667].

Теперь **относительно отсутствия «загрядотрядов» и сдачи в плен.** Действительно какого-то общего приказа не существовало. Но в ситуации неустойчивости войск, в обстановке современной войны с использованием новых технических средств командующие армиями действовали так, как им подсказывал разум. 19 декабря 1914 г. командующий 2-й армией генерал от инфантерии В. В. Смирнов издал приказ: «все сдавшиеся в плен, ... будут по окончании войны преданы суду и с ними будет поступлено так, как велит закон. ... О сдавшихся в плен немедленно сообщать на родину, чтобы знали родные о позорном их поступке, и чтобы выдача пособия семействам сдавшихся была бы немедленно прекращена. Приказываю также: всякому начальнику, усмотревшему сдачу наших войск, не ожидая никаких указаний, немедленно открывать по сдающимся огонь оружейный, пулеметный и ружейный» [9, с. 179-180]. Приказ генерала А. А. Брусилова 5 июня 1915 г.: «[при наступлении] сзади надо иметь особо надежных людей и пулемёты, чтобы, если понадобится, заставить идти вперёд и слабодушных. Не следует задумываться перед поголовным расстрелом целых частей за попытку повернуть назад или, ещё хуже, сдаться противнику. Все, кто видит, что целая

часть (рота или больше) сдаётся, должны открывать огонь по сдающимся и совершенно уничтожать их; второе – для малодушных, сдающихся в плен или остающихся в строю, не должно быть пощады; по сдающимся должен быть направлен и ружейный, и пулемётный, и оружейный огонь, хотя бы даже с прекращением огня по неприятелю; на отходящих или бегущих действовать таким же способом, а при нужде не останавливаться также и перед поголовным расстрелом» [8, с. 261, 262]. В ситуации непонимания огромной массой солдат смысла и целей войны нарастало такое явление, как «братание»³. Первые случаи отмечались уже в августе 1914 г. на Юго-Западном фронте. Массовые случаи братания наблюдались во время Пасхи 1916 года, когда самовольное прекращение огня и встречи с противником коснулись десятков полков Северного, Западного и Юго-Западного фронтов [10, с. 30-33].

В 1916 г. экономические и социальные проблемы продолжали нарастать, делая политическую ситуацию все более неустойчивой. Почти 3 млн. человек оказались в плену. С первых же недель войны начались перебои на транспорте. Сокращалось промышленное производство. В сельском хозяйстве, лишившемся почти половины трудоспособного населения, сбор хлеба сократился почти на 20 %. В четыре раза – с 8,5 до 33,5 млн. рублей – вырос государственный долг [11, с. 17, 23.]. Нарастала инфляция. К февралю 1917 г. курс рубля на внутреннем рынке упал до 27 коп. Резко снизился уровень жизни широких масс. Потребление рабочих в 1916 г. при росте номинальной зарплаты составляло менее 50 % довоенного уровня [11, с. 11-12.]. Заготовленный хлеб лежал на складах в глубине страны. В 1915 г. командующие военными округами получили право запрещать вывоз продовольствия за пределы этих территорий. В марте – мае 1915

г. был ограничен вывоз зерна из окрестностей Череповца, Белостока, Могилева, Витебска, Смоленска, из губерний Прибалтики и т. д. С начала 1916 г. в ряде городов вводят карточки, устанавливают нормы выдачи муки и круп [11, с. 48]. 30 июня 1916 г. был принят закон о четырех мясопустных днях в неделю, т.е. запрещении продажи мяса в эти дни [12]. Генерал А. А. Брусиллов писал о питании армии в конце 1916 г.: «вместо 3 фунтов (1,2 кг) хлеба начали давать 2 фунта (800 грамм) строевым, находившимся в окопах, и 1,5 фунта в тылу; мяса, вместо фунта (400 грамм) в день, давали сначала три четверти, а потом и по 0,5 фунта. Затем пришлось ввести два постных дня в неделю, когда клали в котел вместо мяса рыбу, в большинстве случаев селёдку; наконец, вместо гречневой каши пришлось зачастую давать чечевицу.... Сомнительным было также состояние конского состава вообще, так как овса и сена доставлялось из тыла чрезвычайно мало, а на месте не было возможности что-либо добывать, так как уже всё было съедено» [8, с. 225, 229].

20 сентября 1916 г. в письме к жене, Александре Федоровне, Николай II писал, что по полученным сведениям «цены все растут, и народ начинает голодать ... Самый проклятый вопрос, с которым я когда-либо сталкивался», – делился российский император. – Я никогда не был купцом и просто ничего не понимаю в этих вопросах» [13, с. 46]. В конце ноября правительство приняло предложение министра земледелия А. А. Риттиха о введении с января 1917 г. принудительной хлебной разверстки. По сути, это был все же продналог. Предусматривалась поставка 506,5 млн. пудов в установленные сроки для армии и оборонной промышленности. О снабжении городов должны были позаботиться местные власти [11, с. 46]. К управлению хозяйством, хоть и в ограниченной форме, были впервые допущены торгово-промышленные круги. Но все эти меры не ликвидировали хозяйственной разрухи.

³ Братание – стихийное прекращение военных действий солдатами противоборствующих армий на короткий период.

Между тем, буржуазная оппозиция, стремившаяся лишь к реформам, казалась Николаю II и его ближайшему окружению самым страшным врагом. Царица убеждала мужа в одном: «России нужен кнут». В письме 14 декабря 1916 г. она требовала от мужа: «Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом-покруши их всех... Будь властелином, и все преклонятся перед тобой!» [13, с. 189].

Столь же примитивны и ошибочны суждения А. С. Селиванова о ситуации с политическим сыском в империи в это время и, в частности, о В. Ф. Джунковском. Снят он был со своего поста за доклад о пьяном кутеже, устроенном Г. Распутиным в московском ресторане «Яр» ... 1915 г. Николай II очень болезненно относился к любой негативной информации о «нашем Друге», как именovala Распутина императрица, считая это сугубо семейным делом. Действительно В. Ф. Джунковский запретил наличие секретных сотрудников в армии, но не отменял другие формы политического розыска. В частности, начальник Витебского ГЖУ полковник А. Р. Шульц неоднократно просил разрешить ведение перлюстрации «с соблюдением всесторонней конспирации». 30 мая 1914 г. А. Р. Шульц сообщил в Департамент полиции, что при проезде Джунковского вопрос был решен «в утвердительном смысле». При этом товарищ министра дал указание пользоваться перлюстрацией «при соблюдении полной осторожности и в исключительных случаях» [14, с. 90, 92]. В целом же, губернские жандармские управления (ГЖУ) и охранные отделения располагали сетью осведомителей во всех оппозиционных режиму партиях и общественных кругах. Начальник Петроградского охранного отделения генерал-майор К. И. Глобачев в своих докладах на рубеже 1916-1917 гг. буквально бил в колокола, предупреждая о надвигающейся катастрофе. При этом он предупреждал 5 февраля 1917 г., что «Продовольственный кризис ... ныне

задел все слои столичного общества без исключения. ... Матери семей, изнуренные бесконечным стоянием в хвостах у лавок, ... гораздо ближе к революции, чем гг. Милюковы, Родичевы и Ко, и, конечно, они гораздо опаснее, так как представляют собою тот склад горючего материала, для которого достаточно одной искры, чтобы вспыхнул пожар. ...продовольственная разруха смешивается в одно целое с политической смутой и грозит России крахом, какого еще не знала русская история...» [15, с. 387]. Хотя директор Департамента полиции (ДП) А. Т. Васильев наложил резолюцию «Во всеподданнейшую записку», т.е. это должен был прочесть император, но это был голос Кассандры, ибо на все предупреждения, а их было немало, Государь реагировал словами, что у него другая информация [16, с. 21-25].

Между тем, общественное мнение уже по сути смирилось с мыслью о неизбежности надвигающейся революции. Показательны 121 выписка из частной корреспонденции, сделанная службой перлюстрации, за период с октября 1916 г. по 23 февраля 1917 г. Тема деятельности верховной власти и ее структур присутствует в 90 письмах из 121 (74,4 % всей переписки). Независимо от политической позиции, ни один из корреспондентов не оценивал положительно деятельность правительства. Священник С. Базилевич (Черниговская губерния) 2 декабря 1916 г. жаловался родственнику: «Цены, как на предметы потребления, так и на рабочие руки поднялись невероятно. ... Куда же ведет страну правительство?». В переписке все чаще звучало недовольство продолжением войны. Из Рыбинска 5 декабря 1916 г. было направлено письмо председателю Думы М. В. Родзянко от имени более двухсот «граждан Рыбинска и Рыбинского уезда» в связи с немецкими предложениями о мире. Здесь, в частности, говорилось: «При теперешнем положении, при теперешней разрухе, продовольственной неурядице, при тепереш-

нем голоде и холоде – мы не в состоянии вести войну. ... Народ желает, чтобы, пока не поздно, был заключен мир». Генерал-лейтенант И. Г. Эрдели писал 18 ноября 1916 г. о внутренней разрухе и заключал: «ничего удивительного ..., если управляет Гришка Распутин» [17, л. 29, 47, 17]. Некоторые авторы не скрывали разочарования в русском народе. Протоиерей И. И. Восторгов 26 октября 1916 г. жаловался: «Наш народ сверху и донизу стал хулиганом» [17, л. 79]. На 121 перлюстрированную выписку есть только одна, исполненная оптимизма.

Более 20 % выписок содержат предчувствие надвигающегося краха и революции. Это настроение было присуще представителям всего политического спектра. 4 октября 1916 г. И. И. Восторгов писал члену Совета при министре внутренних дел Н. Ч. Заинчковскому: «Под нами зияющая бездна. ... В кровавом зареве закатываются дни наши» [17, л. 151]. Флигель-адъютант Н. В. Поливанов 4 декабря 1916 г. из Тифлиса констатировал: «Дальше идти некуда» [17, л. 40]. Бывший министр внутренних дел Н. А. Маклаков 20 января 1917 г. делился с адресатом: «Был я у Государя и Императрицы. ... очень хочется Им помочь, и так неудержимо роковым ходом всякая помощь становится все менее вероятной и возможной» [17, л. 94].

Перлюстрированная переписка подтверждает, что на рубеже 1917 г. правительство утратило доверие политически активных слоев населения. Политика полумер делала все более неизбеж-

ным стихийный революционный взрыв, поводом к которому могли стать различные конкретные события. 23 февраля 1917 г. депутат Думы, член фракции правых протоиерей И. М. Гвоздев писал отцу в родную Вологду: «Ты пишешь, что в Вологде тревожно и все чего-то ждут. ... это всеобщее настроение в России, и оно естественно при современном положении Отечества» [17, л. 69]. Именно в эти часы ожидание сменялось тем потрясением, которого ждали и надеялись избежать.

Таким образом, вся сумма имеющихся фактов убедительно доказывает, что события 1917 г. – как бы их ни называть: революцией, бунтом, переворотом и т.п. – были **не неизбежным, но закономерным** результатом накопившихся объективных проблем и неспособности или нежелания власти, прежде всего Николая II, прислушаться к предупреждениям, звучавшим из самых разных кругов, в том числе от союзников, Великобритании и Франции. Ибо союзники, во всяком случае в тот момент более всего были озабочены удержанием России в войне и никакие политические потрясения здесь им были абсолютно не нужны. Тот же К. И. Глобачев писал впоследствии: «Русская Февральская революция была созданием русских рук» [15, с. 135]. Такая реальная действительность, конечно, не столь красива, как «сказки» господина А. С. Селиванова, но именно она необходима для понимания прошлого и извлечения из нее уроков на будущее.

Список источников и литературы

1. Селиванов А. Русская катастрофа 1917-го. Кто ее приближал, и кто против нее боролся? [Электронный ресурс] // Cont.ws. – 25.04.2021. – URL: <https://cont.ws/@selivanov1654/1975275> (дата обращения: 19.05.2026).
2. Островский А. В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX – начало XX в. – М. : Товарищество научных изданий КМК, 2016. – 431 с.
3. Наумов А. Н. Из уцелевших воспоминаний, 1868-1917. – Т. I. – Нью-Йорк : Изд-во имени Чехова, 1954. – 377 с.
4. Февральская революция. Точка невозврата // Санкт-Петербургские ведомости. – 05.03.2017.
5. Дурново П. Н. Записка Дурново со вступительной статьей М. Павловича // Красная новь. – 1922. – № 6. – С. 178-199.

6. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 265. Д. 1042.
7. Козлов С. А. Российские ученые-аграрники XIX – начала XX в.: Историко-биографические очерки / С. А. Козлов. М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 967 с.
8. Брусилов А. А. Мои воспоминания. – М. : Воениздат, 1946. 264 с.
9. Лемке М. К. 250 дней в царской ставке (25 сентября 1915 – 2 июля 1916 гг.). / Мих. Лемке. – Пб., 1920. – XVIII, 859 с. : ил.
10. Асташов А. Б. Братания на русском фронте Первой мировой войны // Новый исторический вестник. – 2019. – № 28. – С. 29-41.
11. Китанина Т. М. Война, хлеб, революция. – Л. : Наука, 1985. – 386 с.
12. Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при правительствующем Сенате. – 1916. – Отдел первый, № 193. – Ст. 1621.
13. Переписка Николая и Александры Романовых. – Т. V. – М. ; Л. : Госиздат, 1927. – 304 с.
14. Измозик В. С. «Черные кабинеты»: история российской перлюстрации. XVIII – начало XX века. – М. : Новое литературное обозрение, 2015. – 425 с.
15. Глобачев К. И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. – М. : РОССПЭН, 2009. – 519 с.
16. Коваленко Н. А. Николай II накануне февральских событий 1917 г. // Научный вестник МГТУ ГА. Серия: История, философия, социология. – 2006. – № 101.
17. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1282. – Оп. 2. – Д. 1983.

Измозик Владлен Семенович – д.и.н., профессор кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), izmozik@mail.ru

RUSSIAN EMPIRE. 1914–1916. ON THE ROAD TO REVOLUTION

V. S. Izmozik

The article analyzes the claim by journalist A.S. Selivanov that the causes of the collapse of tsarism in February 1917 were the coordinated activities of transnational financial groups and Masonic lodges, given that in Russia itself, both at the rear and at the front, everything was prosperous, and at the beginning of 1917 Russia stood on the threshold of the greatest victory in its history. Based on a number of sources and historical works, it is demonstrated that A.S. Selivanov's article constitutes a crude falsification of history, and that the ensuing revolution was not inevitable but rather a natural result of socio-economic and political contradictions.

Keywords: A.S. Selivanov, P.N. Durnovo, agrarian question, factory proletariat, intercepted correspondence materials, blocking detachments at the front, fraternization, food situation, reports of the Okhrana Department.

References

1. Selivanov A. Russkaya katastrofa 1917-go. Kto ee priblizhal, i kto protiv nee borolsya? [The Russian Catastrophe of 1917. Who Approached It and Who Fought Against It?] [Electronic resource] // Cont.ws. – 25.04.2021. – URL: <https://cont.ws/@selivanov1654/1975275> (last request: 19.05.2026). (In Russ.)
2. Ostrovskij A. V. Rossijskaya derevnya na istoricheskom pereput'e. Konec XIX – nachalo XX v. [The Russian Village at the Historical Crossroads. Late 19th – Early 20th Century]. – Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2016. – 431 p. (In Russ.)
3. Naumov A. N. Iz ucelevshikh vospominanij, 1868-1917 [From the Surviving Memoirs, 1868-1917]. – Vol. I. – New York: Izd-vo imeni Chekhova, 1954. – 377 p. (In Russ.)
4. Fevral'skaya revolyuciya. Tochka nevozvrata [The February Revolution. The Point of No Return] // Sankt Peterburgskie vedomosti [Saint Petersburg Gazette]. – 05.03.2017. (In Russ.)

5. *Durnovo P. N.* Zapiska Durnovo so vstupitel'noj statej M. Pavlovicha [Durnovo's Memorandum with an Introductory Article by M. Pavlovich] // *Krasnaya nov'* [Red Virgin Soil]. – 1922. – No. 6. – pp. 178-199. (In Russ.)
6. Gosudarstvennyj arkhiv Rossijskoj Federacii (GARF) [State Archive of the Russian Federation (SARF)]. F. 102. Op. 265. D. 1042. (In Russ.)
7. *Kozlov S. A.* Rossijskie uchenye-agrarniki XIX – nachala XX v.: Istoriko-biograficheskie ocherki [Russian Agricultural Scientists of the 19th – Early 20th Century: Historical and Biographical Essays]. – Moscow: Politicheskaya enciklopediya, 2018. – 967 p. (In Russ.)
8. *Brusilov A. A.* Moi vospominaniya [My Memoirs]. – Moscow: Voenizdat, 1946. – 264 p. (In Russ.)
9. *Lemke M. K.* 250 dnej v carskoj stavke (25 sentyabrya 1915 – 2 iyulya 1916 gg.) [250 Days at the Tsar's Headquarters (September 25, 1915 – July 2, 1916)] / Mih. Lemke. – Petrograd, 1920. – XVIII, 859 p.: ill. (In Russ.)
10. *Astashov A. B.* Brataniya na russkom fronte Pervoj mirovoj vojny [Fraternalization on the Russian Front of the First World War] // *Novyj istoricheskij vestnik* [New Historical Bulletin]. – 2019. – No. 28. – pp. 29-41. (In Russ.)
11. *Kitanina T. M.* Vojna, khleb, revolyuciya [War, Bread, Revolution]. – Leningrad: Nauka, 1985. – 386 p. (In Russ.)
12. Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij pravitel'stva, izdavaemoe pri pravitel'stvuyushchem Senate [Collection of Laws and Government Orders Published by the Governing Senate]. – 1916. – Otdel pervyj, No. 193. – St. 1621. (In Russ.)
13. *Perepiska Nikolaya i Aleksandry Romanovykh* [Correspondence of Nicholas and Alexandra Romanov]. – Vol. V. – Moscow; Leningrad: Gosizdat, 1927. – 304 p. (In Russ.)
14. *Izmozik V. S.* «Chernye kabinety»: istoriya rossijskoi perlyustracii. XVIII – nachalo XX veka ["Black Chambers": A History of Russian Mail Censorship. 18th – Early 20th Century]. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. – 425 p. (In Russ.)
15. *Globachev K. I.* Pravda o russoj revolyucii. Vospominaniya byvshego nachal'nika Petrogradskogo okhrannogo otdeleniya [The Truth about the Russian Revolution. Memoirs of the Former Head of the Petrograd Okhrana Department]. – Moscow: ROSSPEN, 2009. – 519 p. (In Russ.)
16. *Kovalenko N. A.* Nikolaj II nakanune fevral'skikh sobytij 1917 g. [Nicholas II on the Eve of the February Events of 1917] // *Nauchnyj vestnik MGTU GA. Seriya: Istorija, filosofiya, sociologiya* [Scientific Bulletin of MSTUCA. Series: History, Philosophy, Sociology]. – 2006. – No. 101. (In Russ.)
17. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv (RGIA) [Russian State Historical Archive (RGIA)]. – F. 1282. – Op. 2. – D. 1983. (In Russ.)

Izmozik Vladlen Semyonovich – Doctor of Historical science, Professor of the Department of History and Regional Studies, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), izmozik@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 25.02.2026; принята к публикации: 23.04.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Izmozik V. S. Российская империя. 1914-1916 гг. На путях к революции // *Социогуманитарные коммуникации*. – 2026. – № 2(16). – С. 8-19.

FOR CITATION:

Izmozik V. S. Rossijskaya imperiya. 1914-1916 gg. Na putyah k revolyucii [Russian Empire. 1914–1916. On the road to revolution] // *Sociogumanitarnye kommunikacii* [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 8-19.

УДК 623.612

СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ ИСТОРИЧЕСКИ ВАЖНЫЙ ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РЕГИОН, ВЛИЯЮЩИЙ НА БЕЗОПАСНОСТЬ ЮЖНЫХ РУБЕЖЕЙ РОССИИ**А. Г. Воротыло, В. Ю. Семин, А. Ю. Трофимов**

В статье рассматривается историческое значение Северо-Кавказского региона для России.

На протяжении практически всей своей истории Кавказ был объективно вовлечен в процессы геополитической и, прежде всего военно-политической экспансии. Логика борьбы заставляла Россию стремиться к установлению стабильных границ, которые можно было бы защищать. Важнейшей доминантой российской политики являлось стремление к ликвидации источников угроз с кавказского направления. Именно в этом заключался смысл всей кавказской политики России на протяжении столетий. Таковым он продолжает оставаться и в настоящее время.

Ключевые слова: Россия, Северо-Кавказский регион, Европа, Центральная Азия, Средиземноморье, Суэцкий канал, Гибралтарский пролив, Азовское море, Каспийское море, Черное море, Китай, Персия, Индия, Турция, Иван Грозный, кабардинский род Темрюковичей, Петр I, Крымское ханство, Украина, Польша, река Сунжа, Дон, Волга.

Для Российской Федерации геополитическая ценность Северного Кавказа связана с его положением как связующего транспортного коридора между Европой и Центральной Азией. Данный регион предоставляет стране доступ сразу к трём морям – Чёрному, Каспийскому и Азовскому. А через бассейны Азовского и Чёрного морей открывается путь в Средиземноморье, а затем – к Гибралтару и Суэцкому каналу. Иными словами, Северный Кавказ играет роль передового рубежа России на главных транспортных магистралях, соединяющих Европу с Центральной Азией, что придаёт ему исключительное геостратегическое и хозяйственное значение. Дополнительный вес этому региону придаёт то обстоятельство, что именно отсюда на протяжении долгой истории России постоянно исходила военная угроза. В течение многих столетий эти пространства представляли собой огромные степные массивы, где кочевали бесчисленные племена, сеявшие разрушения и гибель среди русских городов и деревень. Вынужденная логика самосохранения побуждала наше государство к созданию прочных, поддающихся обороне границ, однако вплоть до Кавказского хребта, берегов

Чёрного и Каспийского морей на юге таких надёжных рубежей не существовало. Именно по этой причине важнейшим вектором всей политики России было стремление нейтрализовать очаги угроз с кавказского направления. В этом, собственно, и состояла суть кавказской стратегии империи на протяжении многих эпох, и она не утратила актуальности и сегодня. Нынешнее ухудшение обстановки на Северном Кавказе напрямую вытекает из системных усилий по выдавливанию России из этого региона путём организации бандитской и террористической активности международных и чеченских радикалов. Как пишет в своей работе «Геополитическая экспансия России на Кавказе в XVI–XX веках» Игорь Валентинович Бочарников, практически на всём протяжении своей истории Кавказ неизменно втягивался в орбиту геополитической, и прежде всего военно-политической, экспансии. Занять Кавказ, утвердить там своё главенство стремились, по сути, все сопредельные с ним государства и аналогичные им политические структуры, ставившие перед собой цель расширить подконтрольные им территории и взять под свой надзор ключевые транспортные и

торгово-экономические магистрали, которые сходились именно на Кавказском перешейке. Здесь проходили древние торговые маршруты из Европы в Персию и Индию, а также знаменитый «Шёлковый путь», соединявший Европу с Китаем. Следовательно, власть над Кавказом и политическое верховенство в регионе сулили огромные экономические выгоды. Всё это закономерно вело к тому, что на Кавказский перешеек возникали притязания со стороны самых разных центров экономической и военной силы.

Если говорить о самых ранних попытках военно-политического проникновения в регион, то следует прежде всего упомянуть военные походы на Кавказ персидской династии Ахеменидов (V-IV вв. до н.э.). Понтийское царство эпохи Митридата IV, господствовавшее во II-I вв. до н.э. в районе Причерноморья, включая черноморское побережье Кавказа, после своего поражения уступило регион Риму. В первом столетии нашей эры большая часть Кавказа оказалась под сарматским контролем, а в IV веке – под властью гуннов. VII век стал временем начала экспансии арабских халифатов в регионе. Последующая судьба Кавказа оказалась напрямую связана с доминированием на Северном Кавказе Хазарского, а затем Половецкого каганатов, а после монголо-татарского нашествия – с властью тюркских завоевателей от Чингисидов (начало XIII столетия) вплоть до Тимура (конец XV века). В дальнейшем, на протяжении XVI-XVIII веков, Кавказский перешеек стал полем ожесточённой борьбы между Персидской и Османской державами. Наконец, со второй половины XVIII столетия здесь развернулось масштабное военно-политическое, экономическое и цивилизационное наступление Российского государства, которое поставило себе целью обезопасить южные пределы, сломать военно-политическую и торговую блокаду на этом направлении, а также осуществить провозглашённую в концепции «Москва – III Рим» мессианскую задачу – помогать единоверным на-

родам Кавказа освободиться от религиозного гнёта и физического уничтожения. Реализации этого комплекса целей и была посвящена вся кавказская политика России. При этом ключевой характеристикой российской экспансии на Кавказе оставалось то, что она носила преимущественно военно-оборонительный характер по своему исходному импульсу и побудительным причинам.

Кавказ долгое время был для России одним из самых уязвимых в смысле безопасности направлений. Фактически на всём протяжении XVI-XVII веков южное и юго-восточное пограничье Русского государства выглядело как бескрайняя степь, по которой непрерывно передвигались кочевники, приносявшие смерть и разграбление русским селениям и городам. Обстоятельства борьбы заставляли страну искать пути к обретению стабильных, оборонопригодных границ. Но вплоть до Кавказских гор, Чёрного и Каспийского морей на юге таких границ попросту не было» [1, с. 26]. Вот в чём заключался первоначальный смысл всей многовековой кавказской политики России.

Напряжённая военно-политическая ситуация на Кавказе, его хроническая вовлечённость в войны и столкновения, присутствие в регионе агрессивных, враждебных России военно-государственных структур настоятельно диктовали необходимость обеспечения военной безопасности страны именно на этом направлении. Стоит напомнить, что Московское государство, освободившись в 1480 году от ордынской зависимости, тем не менее не избавилось от постоянной военной опасности, исходившей от наследников распавшейся Золотой Орды – Казанского, Астраханского, Крымского ханств и, непосредственно на кавказском направлении, от Ногайской орды. Однако если на западе и востоке русские земли были прикрыты лесными массивами, то «степные просторы на юге России во многом облегчали кочевникам регулярные набеги» [1, с. 34]. Не защищённые естественными преградами южные рубежи, бли-

зость к подвижным военно-феодальным образованиям порождали для Русского государства непрерывную военную угрозу. Причём эта угроза нависала не только над пограничьем, но и над самыми жизненно важными центрами страны, включая столицу.

Наиболее опасным для Русского государства в ту эпоху было черноморское кавказское направление, которое в тот период представляло собой цепочку турецких опорных пунктов, превратившихся уже к середине XVI столетия в небольшие крепости – Сухум, Гагры, Темрюк и подобные. На этой территории турками при прямом участии крымских татар и некоторых кавказских сообществ была фактически восстановлена работорговля, причём основную массу захватываемых в невольники людей составляли жители степных районов России, Польши, а также христианское население Армении и Грузии. Начиная уже с XVI века «турки и крымский хан ежегодно вывозили с Кавказского побережья более 12 тысяч рабов» [2]. Эти цифры, бесспорно, выглядят впечатляюще и показательны, особенно если учесть стремительный подъём в ту пору и Турции, и Крымского ханства, базировавшийся исключительно на рабском труде.

Становление и последующее развитие Российского государства объективно требовало обеспечения военной безопасности, а значит – активизации военно-политических усилий именно на кавказском направлении, которое являлось одним из самых угрожаемых и плохо защищённых. Данное обстоятельство сыграло решающую роль в старте внешнеполитической экспансии России на Кавказ, начавшейся фактически с момента образования единого централизованного Российского государства, то есть с конца XV – начала XVI веков. Этот этап экспансии характеризовался главным образом поиском военно-политических контактов с региональными государственными образованиями.

Именно ко времени правления Ивана Грозного, который первым среди российских правителей осознал значение Кавказа для обороны молодого Московского царства, следует отнести прямые истоки российской экспансии в регионе. Огромную историческую роль здесь сыграл брак Ивана Грозного в 1561 году с дочерью кабардинского князя Темрюка. Этот брак по праву можно считать важнейшим политическим шагом русского царя, направленным на укрепление российских позиций на Кавказе. Его следствием стало принятие Кабарды (наиболее развитого в регионе в государственном и военном отношении образования) под российский протекторат. Через родство с влиятельным кабардинским родом Темрюковичей московский государь приобрёл в лице кабардинских князей и самой Кабарды стратегического партнёра в борьбе не только с местными военно-феодальными структурами, но и с доминировавшими тогда в регионе Турцией и Персией.

Обретя, таким образом, своего рода опору в лице Кабарды на Центральном Кавказе, Русское государство по сути заявило о своих претензиях в кавказских вопросах и о намерении преодолеть военно-политическую блокаду, искусственно созданную на этом направлении региональными державами и в первую очередь Турцией. В дальнейшем, как отмечает автор капитального исследования «Кавказская война» генерал русской армии В. А. Потто, практически все российские монархи стремились к закреплению своей власти на Кавказе. «Мысль о господстве на Кавказе становится наследственной в русской истории» [3, с. 14].

Этому в значительной мере способствовал и стихийно протекавший процесс возникновения на юге страны казачества, чьё историческое предназначение состояло не только в антифеодальном протесте внутри России, но и в необходимости ограждать «русскую землю» от бесконечных кочевнических набегов. В первую очередь это относится к старейшему в

стране донскому казачеству, которое веками прикрывало южную степную полосу России на отрезке от Дона до Волги. Впоследствии стихийно сформировавшееся донское казачество превратилось в важнейший рычаг государственной политики, в том числе и на кавказском направлении. Столь же стихийно и естественно казачество возникло и на самом Кавказе – на берегах Терека. Его главная задача состояла уже непосредственно в предотвращении и, по возможности, в обеспечении военной безопасности приграничных районов уже за пределами собственно России» [4].

По причине отсутствия у государства достаточных сил и средств, нужных для охраны и обороны южных рубежей, Московское царство всемерно поощряло казачью активность на кавказском направлении. В этом смысле показательна, например, поддержка Иваном Грозным гребенских казаков, основавших в устье Сунжи Терский городок. На протяжении долгого времени эта крепость играла роль передового оборонительного форпоста России, задача которого заключалась в мониторинге военно-политической ситуации в регионе и недопущении внезапных нападений на Русскую землю. Значение Терского городка подтверждается и тем, что его существование на территории, фактически находившейся под властью Турции, в 1571 году едва не спровоцировало русско-турецкую войну.

Османская империя имела собственные интересы на Кавказе и в частности в Кабарде, считая её подвластной себе, и поэтому не могла мириться с российским протекторатом над ней. Лишь прямая угроза войны со стороны Порты заставила русское правительство разрушить казачий Терский городок. Однако уже в 1578 году он был восстановлен и затем продолжал нести функцию сторожевой заставы России. В этом шаге московского правительства проявилось стремление отражать турецкую агрессию и нападения подвластных ей сил уже за пределами Русской земли.

Ещё одно направление российской политики на Кавказе предполагало налаживание и расширение связей с народами и государственными структурами региона. Во взаимоотношениях с самими кавказскими правителями царское правительство с самого начала придерживалось достаточно сдержанной линии, которая выражалась в стремлении устоять и поддерживать с ними контакты. Показательна в этом плане особая дипломатическая связь с монархом самого крупного и влиятельного грузинского царства – Кахетии (в русских документах того времени – Иверская земля) – царём Александром II, подписавшим прошение о переходе своего царства в полное подданство московского государя. Причём инициатива подданства исходила от самого царя Александра, который пытался использовать Московское царство для освобождения Кахетии от персидского господства и недопущения её аннексии Османской империей. Однако направленная для достижения этой цели военная экспедиция под руководством воеводы А. Хворостина [5] не смогла добиться поставленных задач, потерпев поражение от объединённых войск горцев Северного Кавказа.

Стало очевидно, что Московское государство в конце XVI века было ещё неспособно обеспечивать вооружённый протекторат на таком отдалении, как Кахетия. Тем не менее, этой военно-политической акцией Россия обозначила свои позиции и интересы на Кавказе, а в полном титуле царя Фёдора Иоанновича уже появился титул «государя земли тверской, грузинских царей и Кабардинской земли, черкесских и горских князей» [6].

Борис Годунов, несмотря на сложную внутреннюю обстановку в стране, продолжил линию на развитие отношений и помощь отдельным грузинским государствам, в том числе Кахетии. В 1604 году им была вновь направлена военная экспедиция в Тарки во главе с воеводами И. М. Бутурлиным и В. Т. Плещеевым.

При этом её цели были аналогичны предыдущей кампании – завоевание Тарковского шамхалата. Отряду под началом И. М. Бутурлина пришлось в Дагестане столкнуться уже непосредственно с турецкими частями, с помощью которых горцы нанесли ему полное поражение. Характерно, что причиной провала второй экспедиции на Кавказ, как и в предыдущем случае, стало несвоевременное оказание военной поддержки со стороны кахетинского царя. Для правителей региона, оказывавшихся между двух огней – Турции и Персии, уже тогда была типична практика решать свои проблемы с помощью внешней военной силы, и эта роль предназначалась России.

Последующие события в Кахетии (убийство царя Александра и переориентация захватившего трон его сына Константина на Персию) временно ослабили российско-кахетинские и в целом российско-кавказские политические связи. Проблемы последующего развития России, связанные с преодолением Смуты, сделали эти связи ещё слабее, однако не остановили её военно-политическую экспансию на Кавказ.

В целом для русско-кавказских политических отношений того периода характерными чертами были фрагментарность и эпизодичность, а также то, что они, как правило, выстраивались не под эгидой центрального правительства, а на местном или приграничном уровне. Основной упор во внешнеполитической деятельности России на кавказском направлении делался на противодействие военной экспансии Турции путём установления и развития торгово-экономических и военно-политических связей с народами и государственными образованиями региона, а также на создание военно-политического «союза» с Персией, для которой доминирование Османской империи в регионе было столь же опасным, что и для России.

Турция, например, стремилась установить свой протекторат над всем Закавказьем и Дагестаном, находившимися в

вассальной зависимости от Персии, а также взять под контроль транзит шёлка и других товаров из Персии и Индии в Европу. К России же выдвигались требования восстановить Астраханское ханство и не вмешиваться в кавказские дела. Поэтому российско-персидский союз был взаимовыгоден. О его значении говорит, к примеру, тот факт, что ещё в 1586 году шах Ирана Годабанд, после очередного поражения Персии, пообещал московскому царю города Баку и Дербент (в обмен на военную поддержку), а его сын шах Аббас Великий, кроме того, уступал России также и Кахетию» [7] с единственным условием – чтобы они не отошли к Турции. Итак, главные цели экспансии Российского государства на Кавказе в XVI-XVII веках диктовались его жизненно важной потребностью в военной безопасности, что представляло собой задачу стратегического порядка. Не менее значимой была и задача прорыва блокады на кавказском направлении. Эта цель достигалась путём установления дипломатических и иных контактов с рядом кавказских государственных образований и развития торгово-экономического альянса с Персией, чтобы уравновесить военную мощь Османской империи в регионе.

Все перечисленные шаги русского правительства на Кавказе знаменовали собой лишь поиск путей к решению главной задачи – полноценному утверждению России в регионе. Однако из-за недостатка сил и средств, а также собственной уязвимости на этом направлении, эти шаги носили не системный, а спорадический характер.

Новый импульс военная политика России на Кавказе приобрела только в эпоху Петра I. В его царствование вновь восстанавливаются политические связи с Кабардой. В частности, в 1711 году Пётр I в своей грамоте кабардинским князьям документально подтвердил российское покровительство над ними» [8]. Позже протекторат России распространяется и на Осетию. Устанавливаются также политические контакты Петер-

бургского двора с целым рядом северокавказских правителей.

Таким образом, экспансия Российского государства на Кавказе, беря начало в его центральной части, постепенно распространялась на периферию, к каспийскому и черноморскому побережьям. Перспективным направлением военной политики России в этой ситуации становился Дагестан, вдоль каспийского берега которого проходил так называемый «Малый шёлковый путь» – важнейшая торговая магистраль, соединявшая индийские и персидские рынки с европейскими. Ещё в 1667 году был подписан первый торговый договор между русским правительством и представителями

«джульфинской торговой компании» [9, С. 232], который закреплял торгово-экономические отношения между Россией и Персией. В 1673 году этот договор был вновь подтверждён, а в 1717 году русский посланник в Персии А. П. Вольнский заключил русско-персидское соглашение, по которому русские купцы получали право свободно торговать на персидской территории. И хотя эти акты ещё не давали основания перевести отношения России с Персией в формат союзничества, тем не менее можно утверждать, что торгово-экономический альянс России с Ираном сыграл положительную роль в последующем утверждении её позиций в данном регионе

Список источников и литературы

1. Авраменко А.М., Матвеев О.В., Матющенко П.П., Ратушняк В.Н. Об оценке Кавказской войны с научных позиций историзма // Кавказская война: уроки истории и современность. Матер. науч. конф. г. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. Краснодар, 1995. С. 24–43.
2. Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. – М., 1958. – С.21.
3. Потто В.А. Кавказская война: В 5 т. – Ставрополь: «Кавказский край», 1994. – Т. 1. – 672 с.
4. Акты, относящиеся к истории Войска Донского. – Новочеркасск, 1902; Гнеденко А. М., Гнеденко В. М. Задруги своя или все о казачестве. – М., 1993, Потто В. А. Два века терского казачества (1571–1801гг.): Репринт. воспроизв. Издание 1912 г. – Ставрополь, 1991; Родоная С. Э. Борьба донского казачества с турецко-татарской агрессией в первой половине XVII века и его взаимоотношения с Грузией. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тбилиси, 1955.
5. Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива Министерства иностранных дел С. А. Белокуровым. Вып. 1, 1517-1613. – М., 1889. – 584 с.
6. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. IV. История России с древнейших времен. Т.7-8 /Отв. ред. И.Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. – М: Мысль, 1989. – С. 269. ЦГАДА. Ф. Сношения России с Грузией, 1596-1597 гг. Н 1. Л. 1-110.
7. Полиевктов М.А. Материалы по грузино-русским отношениям. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. ун-та, 1937. – 588 с.
8. РГАДА. Ф. 115. Кабардинские дела. 1719. № 1. Л. 1; Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв.: В 2-х т. М., 1957. Т. 1. С. 3.
9. Кунакова Н.П. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII – начале XVIII в. // Исторические записки / Отв. ред. А. Л. Сидоров. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – Т. 57. – С. 232.

Воротыло Александр Григорьевич – научный сотрудник, Военная академия связи имени С. М. Будённого, (г. Санкт-Петербург, Россия), vag.69@mail.ru

Семин Владимир Юрьевич – научный сотрудник, Военная академия связи имени С. М. Будённого, (г. Санкт-Петербург, Россия), v.u.semin@mail.ru

Трофимов Антон Юрьевич – научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории, Военная академия связи имени С. М. Будённого, (г. Санкт-Петербург, Россия), K06ra@mail.ru

**THE NORTH CAUCASUS AS A HISTORICALLY IMPORTANT
GEOSTRATEGIC AND ECONOMIC REGION AFFECTING THE SECURITY
OF RUSSIA'S SOUTHERN BORDERS**

A. G. Vorotylo, V. Yu. Semin, A. Yu. Trofimov

The article examines the historical significance of the North Caucasus region for Russia.

Throughout almost its entire history, the Caucasus has been objectively involved in processes of geopolitical and, above all, military-political expansion. The logic of struggle compelled Russia to strive for the establishment of stable borders that could be defended. The most important dominant feature of Russian policy was the aspiration to eliminate sources of threat from the Caucasian direction. This was the essence of all of Russia's Caucasian policy for centuries. It remains so to the present day.

Keywords: Russia, North Caucasus region, Europe, Central Asia, Mediterranean Sea, Suez Canal, Strait of Gibraltar, Sea of Azov, Caspian Sea, Black Sea, China, Persia, India, Turkey, Ivan the Terrible, Kabardian Temryukovich family, Peter the Great, Crimean Khanate, Ukraine, Poland, Sunzha River, Don River, Volga River.

References

1. Avramenko A.M., Matveev O.V., Matyushchenko P.P., Ratushnyak V.N. Ob ocenke Kavkazskoj vojny s nauchnykh pozicij istorizma [On the Assessment of the Caucasian War from the Scientific Standpoint of Historism] // Kavkazskaya vojna: uroki istorii i sovremennost'. Materialy nauch. konf. g. Krasnodar, 16–18 maya 1994 g. [The Caucasian War: Lessons of History and Modernity. Materials of the Scientific Conference, Krasnodar, May 16–18, 1994]. – Krasnodar, 1995. – pp. 24–43. (In Russ.)
2. Smirnov N. A. Politika Rossii na Kavkaze v XVI-XIX vekakh [Russia's Policy in the Caucasus in the 16th–19th Centuries]. – Moscow, 1958. – p. 21. (In Russ.)
3. Potto V. A. Kavkazskaya vojna: V 5 t. [The Caucasian War: In 5 vols.]. – Stavropol': "Kavkazskij kraj", 1994. – Vol. 1. – 672 p. (In Russ.)
4. Akty, odnosyashchiesya k istorii Vojska Donskogo [Acts Relating to the History of the Don Army]. – Novocherkassk, 1902; Gnedenko A. M., Gnedenko V. M. Zadrugi svoya ili vse o kazachestve [One's Own Homesteads or All About the Cossacks]. – Moscow, 1993; Potto V. A. Dva veka terskogo kazachestva (1571–1801 gg.): Reprint. vosproizv. Izdanie 1912 g. [Two Centuries of the Terek Cossacks (1571–1801): Reprint Reproduction of the 1912 Edition]. – Stavropol', 1991; Rodonaya S. E. Bor'ba donskogo kazachestva s turecko-tatarskoj agressiej v pervoj polovine XVII veka i ego vzaimootnosheniya s Gruziej [The Struggle of the Don Cossacks against Turkish-Tatar Aggression in the First Half of the 17th Century and Their Relations with Georgia]. Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Author's Abstract of PhD Dissertation]. – Tbilisi, 1955. (In Russ.)
5. Belokurov S. A. Snosheniya Rossii s Kavkazom: Materialy, izvlechennye iz Moskovskogo glavnogo arkhiva Ministerstva inostrannykh del S. A. Belokurovym. Vyp. 1, 1517-1613 [Russia's Relations with the Caucasus: Materials Extracted from the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs by S. A. Belokurov. Iss. 1, 1517-1613]. – Moscow, 1889. – 584 p. (In Russ.)
6. Solov'ev S. M. Sochineniya. V 18 kn. Kn. IV. Istoriya Rossii s drevnejshikh vremen. T.7-8 [Works. In 18 books. Book IV. History of Russia from Ancient Times. Vols. 7-8] / Ed. by I.D. Koval'chenko, S. S. Dmitriev. – Moscow: Mysl', 1989. – p. 269. (In Russ.) TsGADA. F. Snosheniya Rossii s Gruziej, 1596-1597 gg. N 1. L. 1-110. (In Russ.)
7. Polievktov M. A. Materialy po gruzino-russkim otnosheniyam [Materials on Georgian-Russian Relations]. – Tbilisi: Izd-vo Tbilisskogo gos. un-ta, 1937. – 588 p. (In Russ.)
8. Russian State Archive of Ancient Acts F. 115. Kabardinskie dela. 1719. No. 1. L. 1 (In Russ.); Kabardino-russkie otnosheniya v XVI-XYIII vv.: V 2-kh t. [Kabardian-Russian Relations in the 16th-18th Centuries: In 2 vols.]. – Moscow, 1957. – Vol. 1. – p. 3. (In Russ.)

9. *Kunakova N. P.* Russko-iranskije trgovnye otnosheniya v konce XVII – nachale XVIII v. [Russian-Iranian Trade Relations in the Late 17th – Early 18th Century] // *Istoricheskie zapiski* [Historical Notes] / Ed. by A. L. Sidorov. – Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1956. – Vol. 57. – p. 232. (In Russ.)

Vorotylo Alexander Grigorievich – researcher, Budyonny Military Academy of the Signal Corps, (St. Petersburg, Russia), vag.69@mail.ru

Semin Vladimir Yuryevich – researcher, Budyonny Military Academy of the Signal Corps, (St. Petersburg, Russia), v.u.semin@mail.ru

Trofimov Anton Yuryevich – researcher at the Scientific Research Laboratory, Budyonny Military Academy of the Signal Corps, (St. Petersburg, Russia), K06ra@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 28.04.2026; принята к публикации: 21.05.2026.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Воротыло А. Г., Семин В. Ю., Трофимов А. Ю. Северный Кавказ исторически важный геостратегический и экономический регион, влияющий на безопасность южных рубежей России // *Социогуманитарные коммуникации*. – 2026. – № 2(16). – С. 20-27.

FOR CITATION:

Vorotylo A. G., Semin V. Yu., Trofimov A. Yu. Severnyj Kavkaz istoricheski vazhnyj geostrategicheskij i ekonomicheskij region, vliyayushchij na bezopasnost' yuzhnyh rubezhej Rossii [The North Caucasus as a historically important geostrategic and economic region affecting the security of Russia's southern borders] // *Sociogumanitarnye kommunikacii* [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 20-27.

НАБЕГ РУСОВ НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ 860 Г. В ЛАТИНОЯЗЫЧНЫХ ЮЖНОЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ

М. А. Несин

Набег русов на Константинополь 860 г. отражен в таких латиноязычных источниках, как послание римского папы Николая I к византийскому императору Михаилу III 865 г. и венецианские хроники XI – XVI вв. Сомнения отдельных ученых на этот счет не убедительны. В послании Николая I к набегу русов определенно имеют отношение сведения о сожженных пригородах Константинополя, а упоминания о сожжении храмов и об убийстве многих людей вероятно связаны с арабскими завоеваниями. В венецианских хрониках жестокое нападение на пригород / пригороды Константинополя приписано норманнам. Скорее всего, оно у западнохристианских авторов ассоциировалось с кровавыми рейдами норманнов, наводившими ужас на Западную Европу. В хронике И. Диакона норманны характеризуются то как народы, то как народ и упоминается лишь 1 атакованный пригород. Сведения хронике Ф. Бьондо о возвращении норманнов в Британское море основаны не на уникальных источниках, а на стремлении позднего хрониста приурочить набег на Константинополь к разновременным событиям раннесредневековой истории, включая поселение норманнов в Нормандии, состоявшемуся не ранее X в. Сведения латиноязычных источников о разорении пригорода / пригородов Константинополя не противоречат другим источникам о набеге русов 860 г., в которых нет однозначных упоминаний осады и штурме города.

Ключевые слова: поход русов на Константинополь 860 г, римский папа Николай I, русы, норманны, Иоанн Диакон, Флавио Бьондо.

Набег русов на Константинополь 860 г. упомянут в таких южноевропейских (итальянских) латиноязычных источниках, как послание римского папы Николая I к византийскому императору Михаилу III 865 г. и 4 венецианских хроники XI–XVI вв. Иоанна Диакона, Андреа Дандоло, Флавио Бьондо и Марка Сабеллика. Известия этих источников были переведены на русский язык и опубликованы. Но существующие в историографии разногласия относительно того, в какой мере их можно использовать применительно к набегу русов на Константинополь и разночтения в переводах на русский язык делают эту тему по-прежнему неисчерпанной и актуальной.

В письме римского папы Николая I к византийскому императору Михаилу III 865 г. отмечены безнаказанные нападения иноверцев на Византию: вторжение на Крит, разорение Сицилии, завоевание ряда греческих провинций, а также сожжение церквей с убийством

многих людей и пригородов Константинополя, почти примыкающих к его стенам [29, col. 954]. Большинство исследователей связывает вторжение на Крит, разорение Сицилии и захват многих византийских областей с арабскими завоеваниями первой половины IX в., когда арабы захватили Крит, большую часть Сицилии, южноитальянские города, а также взяли и сожгли малоазиатский город Аморий и относит сведения о сожжении пригородов Константинополя к походу русов 860 г., в ходе которого действительно были разорены предместья византийской столицы. Лишь К. Де Боор и С. Манго скептически отнеслись к такому отождествлению [27, s. 461; 30, p. 78]. Между тем, стоит заметить, что их скепсис основан на недоразумениях. К. де Боор почему-то считал, что римский папа должен был преувеличить масштаб атак нехристей на Византию, хотя не привел ни одного соответствующего примера, а также заявил, что ему

хотелось бы верить, что упоминание Николаем I о сожжении почти примыкающих к городским стенам пригородов Константинополя относятся к арабам, которые в то время с Крита достигли Мраморного моря [27, s. 461]. Можно согласиться с ученым в том, что это – вопрос веры, а не науки: наука в отличие от веры требует доказательств. В данном случае – доказательств нападения арабов в те годы на предместья Византии. Между тем, в действительности в царствование Михаила III «критский флот» (флотилия критских арабов) совершила набег лишь «до всего приконтинентского побережья» (перевод Я. Н. Лобарского) [19, с. 84] – берегов острова Мармора, расположенного в южной части Мраморного моря во многих десятках км от Константинополя. Предместья Константинополя в IX в. были разорены именно при набеге русов 860 г. В свою очередь, С. Манго счел слова Николая I о безнаказанных нападениях иноверцев на византийские владения слишком преувеличенными, чтобы их можно было отнести к чему бы то ни было: римский папа умолчал о серьезном поражении, которое византийцы нанесли арабам в 863 г. [в битве при Лалакаоне]. [30, р. 78]. Однако в первой половине IX в. арабы, как известно, действительно благополучно захватили Крит, значительную часть Сицилии, южноитальянские города и малоазиатский город Аморий, а в 860 г. русы безнаказанно разорили предместья Константинополя (по сведениям очевидца набега константинопольского патриарха Фотия, русы, не встретив вооруженного сопротивления со стороны ромеев, обступив город, безнаказанно разорили предместья и очень от этого обогатились (перевод П. В. Кузенкова) [7, с. 35-37, 57-60])¹;

¹Отметим, что в обеих гомилиях Фотия на нашествие русов упомянуты обороты «τα προ της πόλεως» / «τα προ του άστεος» [7, с. 27, 46], которые буквально означают «то, что перед городом». Их переводят как «предместья», «пригород» (переводы Е. Л. Ловягина и П. В. Кузенкова) [9, с. 424, 431; 7, с. 35, 57]. Заметим, что Фотий не уточил, о скольких предместьях шла речь. Но поскольку русы об-

сведения о гибели русов появятся уже в сравнительно поздних греческих хрониках. Так что Николаю I тут нечего не требовать выдумывать или приукрасить до неузнаваемости. К тому же, поскольку римский папа писал об этом в ответ на угрозы Михаила III идти войной на Рим [29, col. 953-954], ему было уместнее урезонить своего корреспондента упоминанием реальных безнаказанных вражеских нападений на Византийскую империю, чем смешить явными инсинуациями. А поражение арабов в битве при Лалакаоне 863 г. не имело отношения к делу, ибо оно не аннигилировало указанные арабские завоевания византийских владений и, конечно, не отменяло набег русов на предместья столицы Византийской империи.

Кроме того, исследователи не сошлись во мнении, относилось ли упомянутое в этом в папском послании сожжение церквей к разорению пригородов Константинополя. Если к примеру А. А. Куник выделил курсивом сожжение и церквей, и столичных предместий как события, относящиеся к походу русов на Константинополь [8, с. 173], то П. В. Кузенков приписал русам лишь разорение пригородов [7, с. 89-90]. На наш взгляд [11, с. 52; 12, с. 246], поскольку в письме Николая I шла речь о нападениях на Византийскую империю разных нехристианских народов, а сожженные церкви не указаны как находившиеся в столичных пригородах, то далеко не очевидно, что сообщение о сожженных церквях не относилось к арабским набегам. Поэтому к набегу русов на Константинополь 860 г. можно твердо отнести лишь упоминание о сожженных пригородах Константинополя.

Таким образом, нападение русов на Константинополь в данном источнике выглядит как рейд на предместья. Впрочем, в иных источниках об этом набеге тоже нет однозначных данных об

ступили город, то явно разорили более одного пригорода. Поэтому указанные переводы Е. Л. Ловягина и П. В. Кузенкова нам кажутся верными.

осуществлении русами осады и штурма крепости [11, с. 51; 12, с. 243-244].

Кроме того, ученые, переводившие на русский и английский языки текст папского письма разошлись в выводах, относились ли слова римского папы об убийстве многих людей к сожжению храмов, или также к сожжению пригородов Константинополя. Если в переводах А. А. Куника и А. А. Васильева убийство множества людей связано как с сожжением храмов, так и пригородов [8, с. 173; 31, р. 61], то в переводе П. В. Кузенкова оно относится к сожжению церквей [7, с. 89]. Между тем, из соответствующего фрагмента папского послания: «*postremo non ecclesias sanctorum, interfectis numerosis hominibus, ac suburbana Constantinopoleos, quae et muris ejus pene contigua sunt, incendimus*» [29, col. 954], который дословно переводится на русский язык следующим образом: «В конце концов [мы], не церкви святых, убив множество людей, а также пригороды Константинополя, которые почти примыкают к его стенам, сожгли», видно, что убийство множества людей относится непосредственно к сожжению храмов, а не пригородов. Конечно, сожжение русами пригородов Константинополя не было бескровным. Но для главы западнохристианской церкви было приоритетней отметить массовое убийство людей именно при сожжении церквей, которое не факт что осуществилось русами во время набега на Константинополь 860 г.

В венецианских хрониках XI-XVI вв. сообщается о нападении норманнов на 360² кораблях на пригород / пригороды Константинополя. В наиболее ранней, Венецианской хронике И. Диакона, на-

²Лишь в позднейшей хронике М. Сабеллика начала XVI в. при пересказе известия хроники Ф. Бьондо указано *trecentarum navium* (триста кораблей – лат.), что является явной неточностью, поскольку у Бьондо фигурирует традиционное число «*trecentiarum sexaginta navium*» (триста шестьдесят кораблей – лат.) [7, с. 152-153, 155]. Не ясно, каким образом возникло расхождение. Либо Сабеллик нечаянно пропустил числительное «*sexaginta*», либо нарочно для простоты округлил число судов до 300.

бег норманнов на пригород Константинополя упоминается между сообщениями о замерзании венецианской лагуны [в 860 г.] и [случившейся в 863 г.] смерти франкского короля Карла, сына Лотаря [26, р. 116-117], что дает основание отнести его к промежутку между 860 и 863 гг. [4, с. 53-54]³. (Отметим, что в хронике А. Дандоло XIV в. нападение норманнов на пригороды Константинополя также приурочено к рубежу 850-х – 60-х гг.: оно произошло «*Per haec tempora*» (в эти времена – лат.), когда патриарх Градо Виталий отлучил от церкви византийского императора Михаила III за низложение патриарха Игнатия и короля Лотарингии Лотаря за кровосмешение [28, col. 181]; это определенно случилось в начале 860-х г., когда римский папа Николай I занялся вопросами бракоразводного процесса Лотаря II и занял резко негативную позицию по отношению к осуществленной при Михаиле III перемене на константинопольском патриаршем престоле, отказавшись признать законным низложение Игнатия и назначение Фотия до того, как Игнатия пришлют к нему в Рим на суд (о хронологии деятельности Николая I см: [6])). Большинство исследователей отождествляет описанное в венецианских хрониках нападение норманнов на предместье / предместья Константинополя с по-

³П. В. Кузенков также предложил учесть при датировке описанного И. Диаконом норманнского нападения на Константинополь набеги норманнов на Аквитанию [7, с. 150], однако это является излишним, поскольку они в Венецианской хронике И. Диакона XI в. не фигурируют (как и иные упоминания норманнов, не связанные с нападением на пригород Константинополя [26]). О разорении норманнами Аквитании и прочих галльских земель написано более 4 столетий спустя в хронике Ф. Бьондо XV в. [7, с. 152], которая, конечно, не может быть источником Венецианской хроники И. Диакона. К слову, отметим, что в относительно поздней хронике Бьондо набег норманнов на пригороды Константинополя датирован противоречиво: с одной стороны, он случился уже после норманнского разорения Аквитании и прочих галльских земель (то есть, не ранее 840-х гг., когда норманны сожгли Руан, Нант, разорили Париж, сожгли Бодо и Перигё), с другой стороны – еще во времена захвата арабами Крита (то есть, в 820-е гг.), в то же время норманны вернулись из-под Константинополя в Британское море [там же] (на пролив Ла-Манш), где они обоснуются уже в следующем, X в.

ходом русов на Константинополь 860 г. Лишь А. А. Васильев не связывал это нападение норманнов с походом русов, отмечая, что в венецианских хрониках указано иное число судов, чем в византийских – у русов и что поход норманнов завершился триумфом, в то время как русы по словам византийских хронистов погибли [31, р. 31-41]. Но эти доводы не являются убедительными. Во-первых, часто нарративные источники во много раз расходятся в оценках количества войск в одном и том же походе. Никто из исследователей не дублировал походы Игоря на Константинополь 941 г. и Ярослава на Киев 1015/1016 г. из-то того, что Лиутпранд Кремонский указал у Игоря более 1000 судов [4, с. 39], а хроника Симеона Логофета (далее – СЛ) – 10000 [24, с. 231], а у Ярослава, по разным летописным оценкам, было не то 4000, не то 41000 воинов [16, с. 62; 18, с. 175]. Во-вторых, гибель русов в походе на Константинополь 860 г., как известно, упомянута в относительно поздних византийских источниках X–XI вв., в хронике СЛ и в Брюссельской хронике. Очевидец набега русов, патриарх Фотий отмечал, что русы обогатились от набега на предместья Константинополя [7, с. 57], что вполне отвечает версии венецианских хроник об успешном норманнском разорении пригорода или пригородов Константинополя. При этом источники не упоминают о 2-х неприятельских нападениях на пригороды Константинополя на рубеже 850-х – 60-х гг. в царствование Михаила III (за исключением разве что поздней Никоновской летописи XVI в., в которой описание похода русов 860 г. приведено несколько раз, будучи переписано из разных источников [21]). Поэтому большинство ученых относит эти описанные в венецианских хрониках события к походу русов 860 г. и версия А. А. Васильева об отдельном набеге норманнов на Константинополь за единичным исключением [25, с. 277] не имеет поддержки в историографии. В целом рассказы вене-

цианских хроник о нападении норманнов на пригород / пригороды византийской столицы хорошо сочетаются как с упоминанием римского папы Николая I о сожженных иноверцами пригородах Константинополя, так и с иными источниками о набегах русов на Константинополь, в которых, как указано выше, нет однозначных упоминаний о попытке русов взять крепость осадой или штурмом. Таким образом, в соответствии с принятым в науке известным принципом бритвы Оккама экономнее полагать, что в венецианских хрониках шла речь о набегах русов 860 г., а не изобретать второе неприятельское нападение на пригороды византийской столицы во времена Михаила III, почему-то не отразившееся в византийских источниках⁴.

Наиболее обстоятельно действия норманнов под Константинополем описаны в Венецианской хронике И. Диякона начала XI в. По сведениям этого хрониста «gentes» (народы) норманнов на 360 кораблях подошли к Константинополю и, будучи не в силах никаким образом взять неприступный город, смело вели войну «suburbanum» (в пригороде)⁵, убив множество людей и так «gens» (народ) с триумфом возвратился [26, р. 116-117]. Таким образом, в данном источнике нападавшие представлены не то как разные народы (gentes), не то как один народ (gens). В переводах данного источника на русский язык обычно ста-

⁴ Ради того, чтобы объяснить молчание византийских хроник о предполагаемом им дополнительном набегах на Константинополь, А. А. Васильеву пришлось делать допущения: то ли византийские хронисты спугали норманнский рейд с арабским даром, что примеров такой путаницы ученый привести не смог, а критские арабы достигали в те годы лишь берегов острова Мармара, то ли вообще могли умолчать о набегах на Константинополь [31, р. 61]. (однако, никаких недвусмысленных примеров молчания византийских хроник о достоверных походах на саму столицу империи Васильев не привел, кроме летописного похода Олега, вопрос о достоверности которого остается открытым, к тому же по летописной версии суда Олега не смогли подойти морем к городу [16, с. 36]).

⁵ Потому стоит признать более точным перевод П. В. Кузенкова, в котором это слово передано как «пригород» в ед. числе [7, с. 151], а не пересказ А. А. Васильева и не перевод А. В. Назаренко, в коих фигурируют «suburbs», «предместья» во мн. ч. [Ср.: 31, р. 23; 4, с. 54].

раются сгладить это противоречие, упоминая их просто как «племена» во множественном числе, либо как «народ» в единственном числе [4, с. 53; 7, с. 151]. Происхождение этого разночтения в тексте хроники остается неясным: то ли оно возникло в результате простой описки венецианского хрониста, то ли И. Диакон выражал неоднозначные взгляды на этническую природу норманнов, выделяя среди них разные народы, но фактически считая их одним народом. Отметим, что это – единственный источник о походе русов 860 г., в котором сообщается о нападении неприятелей только на 1 пригород, а не на пригороды во множественном числе. В вышеуказанном письме римского папы Николая I фигурировали пригороды. Не ясно связано ли это с ошибкой И. Диакона или с использованием им каких-то не известных современным историкам уникальных сведений об атаке на 1 пригород.

«Описание Иоанном состоявшейся в 1004/05 г. торжественной церемонии бракосочетания в Константинополе и затем в Венеции Джованни, старшего сына дожа, и Марии, дочери Романа Аргира и племянницы византийских императоров Василия II и Константина, столь живо и подробно, что некоторые исследователи считают его не только очевидцем этих событий, но и доверенным лицом дожа, сопровождавшим его сына в столицу Византии. Там Иоанн мог подчеркнуть информацию о событиях византийской истории, в частности о нападении 860 г.» [7, с. 150]. Вполне вероятно, что сведения о наличии у нападавших сотен судов И. Диакон подчеркнул из сравнительно поздних византийских преданий об участии в походе русов на Константинополь сотен кораблей [11, с. 46] (при этом, сведения о благополучном возвращении неприятелей И. Диакон, трудившийся в начале XI в., тоже не должен был брать из сравнительно ранних греческих источников, так как версия о гибели русов и их кораблей, впервые отразившаяся в хронике СЛ середины X в., возобладала в

Византии не сразу: примерно в это же время по заказу самого василевса Константина Багрянородного была создана хроника Продолжателя Феофана, о гибели русов не упоминавшая [7, с. 124; 13, с. 23]). Менее вероятной нам кажется версия Б. В. Перхавко, что сведения Венецианской хроники о набегах норманнов на Константинополь связаны с русско-итальянскими контактами [14, с. 5]: в хронике нападавшие с русами не отождествлены и нет ни одного упоминания русов и Руси, что было бы странно при наличии контактов И. Диакона с жителями Руси. Скорее всего тот узнал о набегах в самом Константинополе в начале XI в, когда женил сына венецианского дожа на знатной византийке.

Другое дело, что И. Диакон назвал нападавших норманнами, а не русами. А. В. Назаренко считал отождествление русов с норманнами типичным для европейских раннесредневековых источников, заявив, что так делали Л. Кремонский и франкский император Людовик II в письме к византийскому василевсу Василию I Македонянину [4, с. 54]. Однако Людовик II русов не упоминал [там же, с. 23], а то, что он под норманнами подразумевал русов – домысел правдоподобный, но не обязательный [22, с. 130] и сам Назаренко признавал, что «свидетельство» Людовика II о норманнах «допускает и иную интерпретацию» [4, с. 38]. И. Диакон также норманнов с русами не отождествлял⁶. Для

⁶В этой связи попытки современных антинорманистов усмотреть в упомянутых в этих источниках норманнах кальку с греческих обозначений русов как северного народа, гиперборейцев [3, с. 26-27; 2, с. 92-93] нам представляются совершенно необоснованными [13, с. 23]: ни Людовик II, ни И. Диакон русов не упоминали, зато Л. Кремонский выводил термин «норманны» из немецких слов «nord» и «man», «север» и «человек» и никак не упоминал его с греческими характеристиками русов [4, с. 38]. Так что вполне возможно, что отождествление им русов с норманнами было «чертой латинской языковой практики», «сложилось на латинской почве», «а не было скопировано с греческого словоупотребления» [4, с. 38; 10, с. 17]. Другое дело, что как мы уже отмечали [12, с. 236; 13, с. 23] этими же авторами была высказана и другая версия, что И. Диакон связал атаку на пригороды Константинополя с набегами норманнов, известными из западноевропейских хроник [2, с. 92]. Поскольку И. Диакон

западнохристианских источников XI в. отождествление норманнов с русами уже не характерно. В середине X в., когда Л. Кремонский назвал русов норманнами, русы еще не ославились. Согласно знаменитым сведениям современника Л. Кремонского, Константина VII Багрянородного, русы представляли собой отдельный от славян народ, дающий скандинавоязычные названия днепровским порогам [5, с. 47, 322-325; 23]. Но ближе к XI в. скандинавские выходцы на Руси заметно ассимилировались, о чем наглядно свидетельствует распространение славянских имен в княжеской семье. В XI в., когда писал И. Диакон, иностранные источники о Руси уже не упоминают русов как скандинавский народ, отличный от славян как этническим, так и в языковом отношении. Не исключаем, что венецианский хронист просто связал жестокое нападение на пригород Константинополя с кровавыми рейдами норманнов, наводивших ужас на западноевропейские города. К слову, в Англосаксонской хронике, начатой около 891 г., под 851 г. указано схожее число вторгшихся в Темзу кораблей данов: 350 [1, с. 65]. Это отнюдь не означает, что Англосаксонская хроника была источником Венецианской. Речь идет о наличии у западнохристианских хронистов близких – несколько завышенных [20] – оценок масштаба норманнских набегов. А поскольку в Венецианской хронике неоднократно упомянуты западноевропейские события и ни разу не фигурируют восточноевропейские [26], экономнее полагать, что И. Диакон связал разорение пригорода Константинополя не с Русью, а с норманнами – грозой хорошо известной ему раннесредневековой Западной Европы. Вполне вероятно, что упоминание И. Диаконом у напавших на Константинополь 360 кораблей связано не только с относительно поздней византийской версией о нали-

чии у русов сотен судов, но и с близкими оценками западнохристианских хронистов масштабов норманнских флотилий.

Венецианский хронист XIV в. А. Дандоло в «Хрониконе венецов» в сокращенном виде воспроизвел известие И. Диакона о нападении gentes (народов) норманнов на 360 судах на suburbana (пригороды) Константинополя с убийством многих [жителей] и возвращением со славой [28, col. 181]. Разве что упомянул пригороды во множественном числе. Не ясно, случайно Дандоло допустил неточность при переписывании рассказа И. Диакона или сделал это сознательно, увеличив масштаб норманнского разорения окрестностей Константинополя, чтобы норманнский набег был и в самом деле, несомненно, достоин славы.

В венецианской хронике XV в. «Римская история» Ф. Бьондо, в целом повторявшего сведения о норманнском нападении на 360 кораблях на пригороды Константинополя более ранних венецианских хронистов, И. Диакона и А. Дандоло, есть 2 небольших уникальных дополнения. Первое, незамеченное исследователями, состоит в том, что в отличие о своих предшественников вместо убийства нападавшими многих людей Бьондо сообщил о разграблении и сожжении пригородов: «suburbanisque illius spoliatis atque incensis» [31, p. 31]⁷ (пригороды его разграбив и спалив – лат.). Впрочем, поскольку разорение и сожжение поселений во время неприятельских нападений, и, в частности, набегов норманнов на западноевропейские города было обычным делом, то едва ли есть основание делать вывод, что хронист воспользовался неким уникальным источником о неприятельском нападении на пригороды Константинополя. Во-вторых, Бьондо добавил, что ата-

неоднократно проявлял интерес к западноевропейским событиям и ни разу – к восточноевропейским, данная версия является вполне вероятной.

⁷П. В. Кузенков, переиздавая опубликованный А. А. Васильевым латинский текст хроники Ф. Бьондо о норманнском набеге на Константинополь, по ошибке пропустил слова «spoliatis atque» (разграбив и – лат.) [ср.: 31, p. 31; 7, с. 152], относящиеся к разграблению пригородов Константинополя.

ковавшие пригороды Константинополя норманны «in Britannicum mare sunt reversi» (в Британское море (на пролив Ла-Манш) вернулись – лат.) [31, р. 31; 7, с. 152], из чего А. А. Васильев, полагавший, что Бьондо опирался на некие уникальные источники, сделал вывод о нападении норманнов на Константинополь со стороны Средиземного моря [31, р. 31]. В то же время, отметим, что Бьондо не сообщал, где пролегал путь норманнов – через Европу по рекам, или вокруг нее по морям (недаром младший современник Ф. Бьондо, М. Сабеллик, полагая, что у Бьондо подразумевался кружной морской путь, счел нужным оговориться о речном пути по Истру (Дунаю) [7, с. 153]). К тому же, надо учесть, что, на Британском море (то есть, на Ла-Манше, в Нормандии), норманны, как известно, обосновались уже в X в., когда западнофранкский король Карл Простоватый выделил Роллону земли на южной стороне Ла-Манша. Отметим, что Бьондо отнес к одному времени такие разновременные события, как начало правления Карла Лысого (около середины IX в.), арабское завоевание Крита (20-е гг. IX в.) и проживание норманнов на Ла-Манше [там же, с. 152] (не ранее X в.). Поэтому венецианский хронист эпохи Ренессанса продемонстрировал не знание уникальных источников [Ср.: 31, р. 31; 7, с. 152, 154], а попытку блеснуть эрудицией в области раннесредневековой истории, на деле спутав события разных поколений и даже веков. Так что использовать его измышление как надежный источник о походе русов на Константинополь 860 г. не приходится.

Наконец, более поздний венецианский книжник, М. Сабеллик в «Рапсодиях исторических эннеад» начала XVI в. высказал критическое отношение к рассказу Ф. Бьондо о том, что «gente» (народ) норманнов «petitum esse hostiliter Byzantium trecentarum navium classe vastatisque suburbanis locis in Britannicum mare reversos» [7, с. 153] (атаковал враждебно Византий (Кон-

стантинополь) флотом из трехсот кораблей / устремился враждебно к Византию с флотом из трехсот кораблей⁸ и, опустошив пригородные местности, в Британское море (на Ла-Манш) возвратился – лат). Сабеллик не считал плавание по морям вокруг Европы через Галльский, Атлантический и Иберийский океаны (Бискайский залив, Атлантический океан и Болеарское море) возможным и утверждал, что оно бы взбудоражило всю Европу. Также он считал легендарным путь к Босфору через Германское и Сарматское (Балтийское) моря (под которым, конечно, подразумевался знаменитый речной трансконтинентальный путь из Варяг в Греки, связывавший Балтийское море с Константинополем [17, с. 31, 57; 15, с. 173]). Речной путь по Истру (Дунаю) был, по его мнению, также неудобен для норманнов [7, с. 153]. Таким образом, достоверность норманнского нападения на пригороды Константинополя была поставлена М. Сабелликом под сомнение. Хронист отдал предпочтение сообщению Ф. Бьондо о сарацинах (мусульманах) [там же]. Стоит иметь в виду, что при жизни М. Сабеллика другие мусульмане – турки-османы практически безраздельно хозяйничали в восточном Средиземноморье и вояж европейцев вокруг Европы к Константинополю в то время был немыслим. Разумеется, это едва ли имеет отношение к реалиям IX в., когда норманны Хастинга и Бьорна плавали вокруг Европы до Италии. А набег критских арабов до острова Мармара в Мраморном море во времена Михаила III показывает, что рейд на расположенный на том же Мраморном Константинополь был возможен и со стороны Средиземного моря. Кроме того, стоит учесть, что трансконтинентальный путь из Варяг в Греки, связы-

⁸В переводе П. В. Кузенкова говорится о враждебном устремлении к Византию [там же]. Вместе с тем, оборот «petitum esse» имел разные значения – атаковал / устремился. Поэтому у М. Сабеллика речь могла идти как о враждебном устремлении к Константинополю, так и о враждебном нападении на Константинополь.

вавший Балтийское море с Константинополем, ко временам Сабеллика уже несколько веков не функционировал и потому тот ошибочно считал этот путь вымышленным. Как мы видим, М. Сабеллик обозначил упомянутых Ф. Бьондо норманнов с Британского моря как один народ. Это не противоречит представлениям средневековых хронистов о скандинавском населении Нормандии. Другое дело, что сделанная поздними книжниками привязка участников набега на пригороды Константинополя к Британскому морю является явным анахронизмом: норманны обоснуются на Ла-Манше более полувека спустя после набега на Константинополь 860 г.

Таким образом, набег русов на Константинополь 860 г. отражен в таких латиноязычных итальянских источниках, как послание римского папы Николая I к византийскому императору Михаилу III 865 г. и 4 венецианских хроники XI-XVI вв. Сомнения отдельных ученых на этот счет не являются убедительными. В письме Николая I к набегу русов безусловно относятся сведения о сожженных

пригородах Константинополя, а упоминания о сожжении церквей и убийстве многих людей вероятно связаны с арабскими завоеваниями. В венецианских хрониках жестокое нападение на пригород / пригороды Константинополя приписано норманнам. Скорее всего оно у западнохристианских авторов ассоциировалось с кровавыми рейдами норманнов, наводившими ужас на Западную Европу. В хронике И. Диакона норманны фигурируют то как народы, то как народ и упоминается 1 атакованный пригород. Сведения Ф. Бьондо о возвращении норманнов в Британское море основаны не на уникальных источниках, а на попытке позднего хрониста приурочить набег на Константинополь к разновременным событиям раннесредневековой истории, включая поселение норманнов в Нормандии, состоявшемуся не ранее X в. В целом, сведения латиноязычных источников о разорении пригорода или пригородов Константинополя не противоречат другим источникам о набеге русов 860 г., в коих нет однозначных упоминаний осады и штурма города.

Список источников и литературы

1. Англосаксонская хроника. Пер. с др.-англ. Метлицкой З. Ю. – Санкт-Петербург: Евразия, 2010. – 288 с.
2. Беззаконов С. Н., Жих М. И. Поход русов на Константинополь в 860 г.: проблемы исторической географии и логистики // Исторический формат. – 2021. – № 4. – С. 78-124.
3. Галкина, Е. С. Русский каганат. Без хазар и норманнов / Е. С. Галкина. – Москва: Издательство Алгоритм, 2012. – 336 с.
4. Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. – Т. IV – Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – 512 с.
5. Константин Багрянородный. Об управлении империей. – Москва: Наука, 1991. – 496 с.
6. Королев, А. А. Николай I / А. А. Королев // Православная энциклопедия – 2018 – Т. 50. – С. 394-416.
7. Кузенков, П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках / П. В. Кузенков // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. Православная энциклопедия – Москва: Восточная литература, 2003. – С. 3-172.
8. Куник, А. А. Тождество русов-язычников и норманнов, подтверждаемое посланием папы Николая I от сентября 865 г. / А. А. Куник. // Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1878. – Ч. 1. – С. 161-191.
9. Ловягинъ, Е. Л. Две беседы святаго патріарха константинопольскаго Фотія по случаю нашествія россовъ на Константинополь / Е. Л. Ловягин // Журналъ «Христіанское чтеніе, издаваемое при Санктпетербургской Духовной Академіи». – 1882 – № 9-10. – С. 414-443.

10. Назаренко, А. В. Русь IX века: обзор письменных источников / А. В. Назаренко. // Русь в IX–XI вв.: Археологическая панорама. – Москва: Институт археологии РАН, 2012. – С. 12-35.
11. Несин, М. А. Набег русов на Константинополь летом 860 года (ход событий, продолжительность, командование, численность судов) / М. А. Несин // Социогуманитарные коммуникации. – 2024. – № 1 (7). – С. 45-55.
12. Несин, М. А., Аряев, Л. Н. О сомнительных методах работы с источниками ради иллюстрации удобной концепции. (Размышления по поводу работы М. И. Жиха «О некоторых дискуссионных вопросах похода русов на Константинополь 860 г.») / М. А. Несин, Л. Н. Аряев // Историческая экспертиза. – 2024. – № 4. – С. 227-252.
13. Несин, М. А., Аряев, Л. Н. Еще раз о масштабах набега русов на Константинополь 860 г. / М. А. Несин, Л. Н. Аряев // Наука и образование сегодня – 2025 – 3 (84) – С. 16-46
14. Перхавко, В. Б. Русско-итальянские пересечения и соприкосновения в X–XII веках / В. Б. Перхавко // *Rossica Antiqua*. – 2012. – № 1 (5). – С. 3–32.
15. Петрухин, В. Я. «Путь из Варяг в греки»: летописная конструкция и трансконтинентальные магистрали / В. Я. Петрухин // Восточная Европа в древности и средневековье. Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен. XX Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто, Москва, 16-18 апреля 2008 г., Материалы конференции. — Москва: ИВИ РАН, 2008. – С. 171-175.
16. Повесть временных лет. – 2-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург: Наука, 1996. – 667 с.
17. Подосинов, А. В. Гидрография Восточной Европы в античной и средневековой геокартографии / А. В. Подосинов // «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. – Москва: Языки славянских культур, 2007. – С. 13-101.
18. Полное собрание русских летописей – Т. 3. – Москва: Языки славянской культуры, 2000. – 720 с.
19. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. – Санкт-Петербург: Наука, 1992. – 354 с.
20. Сойер, П. Эпоха викингов / П. Сойер / Перевод с английского А. П. Санина. – Санкт-Петербург: Евразия, 2006. – 351 с.
21. Творогов, О. В. Сколько раз ходили на Константинополь Аскольд и Дир? / О. В. Творогов. // Славяноведение. – 1992. – № 2. – С. 54-59.
22. Толочко, А. П. Очерки начальной руси / А. П. Толочко. – Киев; Санкт-Петербург: Лаурус, 2015. – 336 с.
23. Успенский, Ф. Б. К этимологии названий днепровских порогов у Константина Багрянородного: *vr̥oṣṭa v̥erou* / Ф. Б. Успенский. // Славяне и их соседи. XXVII конференция памяти В.Д. Королюка. – Москва: Индрик, 2014. – С. 87-91.
24. Хроника Симеона Магистра и Логофета. – Москва: Русский фонд содействия образованию и науке, 2014. – 264 с.
25. Юрасов, М. К. К вопросу о первых очагах распространения христианства у восточных славян / М. К. Юрасов // Христианское чтение. – 2023. – № 1. – С. 267-288.
26. *Cronache veneziane antiquissime* / Publ. a cura di G. Monticolo. – Roma: Forzan E. C. tipografi del senato. Palazzo Madama, 1890. – 276 p.
27. *De Boor, C. Der Angriff der Rhos auf Byzanz* // *Byzantinische Zeitschrift* – 1895 – Bd. 4. – S. 445-466.
28. *Muratori, L. A. Rerum italicarum scriptores Ab anno aerae christianae quingentesimo ad millesimum quingentesimum quorum potissima pars nunc primum in lucem prodit ex Ambrosianae, Estensis, aliarumque insignium bibliothecarum codicibus* / L. A. Muratori. – T. 12 – Mailand : Ex typographia Societatis palatinae, 1728. – 1184 col.
29. *Patrologiae cursus completus: sive bibliotheca universalis, integra, uniformis, commoda, oeconomica, omnium SS.* – T. 119 – Paris: apud Garnier fratres, editores et J. P. Migne, 1880. – 1146 col.
30. *The Homilies of Photius, Patriarch of Constantinople. English Translation, Introduction And Commentary by Cyril Mango.* – Cambridge: Harvard University Press, 1958. – 327 p.

31. *Vasiliev, A. A. The Russian attack on Constantinople in 860. / A. A. Vasiliev. – Cambridge: The Mediaeval Academy of America, 1946. – 246 p.*

Несин Михаил Александрович – к.и.н., библиотекарь, Библиотека Российской академии наук, (г. Санкт-Петербург, Россия), petergof-history@yandex.ru

THE RUS RAID ON CONSTANTINOPLE IN 860 IN LATIN-SPEAKING SOUTHERN EUROPEAN SOURCES

M. A. Nesin

The Rus raid on Constantinople in 860 is reflected in such Latin-language sources as the message of Pope Nicholas I to the Byzantine Emperor Michael III in 865 and the Venetian chronicles of the XI – turn of the XV-XVI centuries. The doubts of individual scientists on this score are not convincing. In the message of Nicholas I, information about the burned suburbs of Constantinople is definitely related to the Rus raid, and references to the burning of temples and the killing of many people are probably related to the Arab conquests. In the Venetian chronicles, a brutal attack on the suburbs of Constantinople is attributed to the Normans. Most likely, Western Christian authors associated it with the bloody raids of the Normans, which terrified Western Europe. In the chronicle of I. Deacon, the Normans are characterized as peoples, then as a people, and only 1 attacked suburb is mentioned. Information from the chronicle of F. Biondos about the return of the Normans to the British Sea are based not on unique sources, but on the desire of a late chronicler to date the raid on Constantinople to various events in early medieval history, including the Norman settlement in Normandy, which took place no earlier than the X century. Information from Latin-language sources about the devastation of the suburbs of Constantinople does not contradict other sources about the Rus raid of 860, which do not explicitly mention the siege and storming of the fortress.

Keywords: Rus' campaign against Constantinople in 860, Pope Nicholas I, Rus', Normans, John the Deacon, Flavio Biondo.

References

1. Anglosaksonskaya hronika [Anglo-Saxon Chronicle]. Translated from Old English by Metlitskaya Z. Yu. – Sankt-Peterburg: Evraziya, 2010. 288 p. (In Russ.)
2. *Bezzakonov S. N., Zhih M. I. hod rusov na Konstantinopol' v 860 g.: problemy istoricheskoy geografii i logistiki* [Military expedition of the rus' to constantinople in 860: problems of historical geography and logistics] *Istoricheskij format* [Historical format]. 2021. № 4. P. 78-124. (In Russ.)
3. *Galkina E. S. Russkij kaganat. Bez hazar i normannov* [Russian Khaganate. Without Khazars and Normans]. Moscow: Izdatelstvo Algoritm, 2012. (In Russ.)
4. *Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov: Hrestomatiya* [Ancient Rus in the light of foreign sources: anthology]. Vol. IV. Moscow: Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke, 2010. 512 p. (In Russ.)
5. *Konstantin Bagrjanorodnyj. Ob upravlenii imperiej* [On the Rule of the Empire]. Moscow: Nauka, 1991. 496 p. (In Russ.)
6. *Korolev A. A. Nikolaj I* [Nicolas I]. *Pravoslavnaya enciklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. 2018. Vol. 50. P. 394-416. (In Russ.)
7. *Kuzenkov P. V. Pohod 860 g. na Konstantinopol' i pervoe kreshchenie Rusi v srednevekovyh pis'mennyh istochnikah* [Campaign of 860 to Constantinople and the first baptism of Russia in medieval written sources]. *Drevnejšie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2000. Problemy istochnikovedeniya* [Ancient States of Eastern Europe. 2000. Problems of Source Studies], Moscow, Vostochnaya literatura, 2003. P. 3-172. (In Russ.)
8. *Kunik A. A. Tozhestvo rusov-yazychnikov i normannov, podtverzhdaemoe poslaniem papy Nikolaya I ot sentyabrya 865 g.* [Identity of the Pagan Russians and Normans, confirmed

by the message of Pope Nicholas I of September 865]. *Izvestiya al-Bekri i drugih avtorov o rusi i slavyanah* [News of al-Bekri and other authors about Russia and the Slavs]. Sankt-St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1878. Part. 1. P. 161-191. (In Russ.)

9. *Lovjagin E. L.* Dve besedy svjatejšhago patriarha konstantinopol'skago Fotija posluchaju nashestvija rosov na Konstantinopol' [Two Discourses by His Holiness Patriarch Photios of Constantinople on the Invasion of the Russians in Constantinople]. *Zhurnal «Hristianskoe chtenie, izdavaemoe pri Sanktpeterburgskoj Duhovnoj Akademii»* [journal "Christian Reading, Published at the St. Petersburg Theological Academy]. 1882. № 9-10. P. 414-443. (In Russ.)

10. *Nazarenko A. V.* Rus IX veka: obzor pismennykh istochnikov [IX Century of Rus: a Review of written sources]. *Rus v IX-XI vv. Arkheologicheskaya panorama*. [Rus' v IX–XI vv.: Arheologicheskaya panorama [Russia in the IX–XI centuries: Archaeological panorama]. Moscow, Institut arheologii RAN, 2012. P. 12-35. (In Russ.)

11. *Nesin M. A.* Nabeg rusov na Konstantinopol' letom 860 goda (hod sobytij, prodolzhitel'nost', komandovanie, chislennost' sudov) [Rus raid on Constantinople in the summer of 860 (course of events, duration, command, number of ships)]. *Sociogumanitarnye kommunikacii* [Social and humanitarian communications]. 2024. № 1 (7). P. 45–55 (In Russ.)

12. *Nesin M. A., Aryaev L. N.* O somnitelnikh metodakh raboti s istochnikami radi illyustratsii ugodnoi kontseptsii. (Razmishleniya po povodu rabotu M. I. Zhikha «O nekotorykh diskussionnykh voprosakh pokhoda rusov na Konstantinopol' 860 g.>) [On questionable methods of working with sources and literature in order to illustrate a pleasing concept (reflections on the recent work of M. I. Zhikh «On some controversial issues of the Rus campaign against Constantinople in 860)]. *Istoricheskaya ekspertiza* [Historical Expertise]. 2024. № 4. P. 227-252. (In Russ.)

13. *Nesin M. A., Aryaev L. N.* Yeshche raz o masshtabakh nabega rusov na Konstantinopol' 860 g. [Once Again on the Scale of the Rus Raid on Constantinople in 860]. *Nauka i obrazovanie segodnya* [Science and Education Today]. 2025. №3 (84). P. 16-46 (In Russ.)

14. *Perhavko V. B.* Russko-ital'yanskije peresecheniya i soprikosnoveniya v X-XII vekah [Russian-Italian intersections and contacts in the X-XII centuries]. *Rossica Antiqua*. 2012. № 1 (5). P. 3-32. (In Russ.)

15. *Petrukhin V. Ya.* «Put' iz Varyag v greki»: letopisnaya konstrukciya i transkontinental'nye magistrali ["Way from the Varangians to the Greeks": A Chronicle Construction and Transcontinental Highways]. *Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e* Transkontinental'nye i lokal'nye puti kak sociokul'turnyj fenomen. XX CHteniya pamyati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto, Moskva, 16-18 aprelya 2008 g., Materialy konferencii [Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages: Transcontinental and Local Routes as a Sociocultural Phenomenon. XX Readings in Memory of Vladimir Terentyevich Pashuto, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, Moscow, April 16-18, 2008, Conference Proceedings Moscow: IVI RAS, 2008. P. 171-175. (In Russ.)

16. *Povest' vremennykh let* [Tale of Bygone Years]. 2-e izd., ispr. i dop. Sankt-Peterburg: Nauka, 1996. 667 p. (In Russ.)

17. *Podosinov A. V.* Gidrografiya Vostochnoj Evropy v antichnoj i srednevekovoj geokartografii [Hydrography of Eastern Europe in Ancient and Medieval Geocartography]. «Russkaya reka»: Rechnye puti Vostochnoj Evropy v antichnoj i srednevekovoj geografii ["Russian River": River Routes of Eastern Europe in Ancient and Medieval Geography]. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 2007. P. 13-101. (In Russ.)

18. *Polnoe sobranie russkikh letopisei* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 3. Moskva: Yaziki slavyanskoi kulturi, 2000. 720 p. (In Russ.)

19. *Prodolzhatel Feofana.* Zhizneopisaniya vizantiiskikh tsarei [Continuation of Theophanes. Lives of the Byzantine Tsars]. Sankt-Peterburg: Nauka, 1992. 354 p. (In Russ.)

20. *Sojer P.* Epoha vikingov [Viking Age] / Translated from English by A. P. Sanin. St. Petersburg: Eurasia, 2006] / Perevod s anglijskogo A. P. Sanina. Sankt-Petersburg: Evraziya, 2006. 315 p. (In Russ.)

21. *Tvorogov O. V.* Skolko raz khodili na Konstantinopol Askold i Dir? [How many times did Askold and Dir go to Constantinople?] *Slavyanovedenie* [Slavic Studies]. 1992. № 2. P. 54-59. (In Russ.)

22. *Tolochko A. P.* Ocherki nachalnoj rusi [Essays on early Russia]. Kiev; Sankt-Petersburg: Laypus, 2015. (In Russ.)
23. *Uspenskii F. B.* K etimologii nazvanii dneprovskikh porogov u Konstantina Bagryanorodnogo: ῥόδα νεου [On the Etymology of the Names of the Dnieper Rapids in Constantine Porphyrogenitus: ῥόδα νεου]. Slavyane i ikh sosedi. XXVII konferentsiya pamyati V.D. Korolyuka [Slavs and Their Neighbors. XXVII Conference in Memory of V.D. Korolyuk]. Moskva: Indrik, 2014. P. 87-91. (In Russ.)
24. *Khronika Simeona Magistra i Logofeta* [Chronicle of Simeon the Magister and Logothetes]. Moskva: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2014. 264 p. (In Russ.)
25. *Yurasov M. K.* K voprosu o pervykh ochagakh rasprostraneniya khristianstva u vostochnykh slavyan [On the Question of the First Foci of the Spread of Christianity among the Eastern Slavs]. Khristianskoye chteniye [Christian Reading]. 2023. № 1. P. 267–288. (In Russ.)
26. *Cronache veneziane antiquissime* / Publ. a cura di G. Monticolo. Roma: Forzan E C. tipografi del senato. Palazzo Madama, 1890. 276 p. (In Latin).
27. *De Boor C.* Der Angriff der Rhos auf Byzanz [Rus' attack on Byzantium]. Byzantinische Zeitschrift [Byzantine Journal]. 1895. Vol. 4. P. 445-466 (In German.)
28. *Muratori L. A.* Rerum italicarum scriptores Ab anno aerae christianaе quingentesimo ad millesimum quingentesimum quorum potissima pars nunc primum in lucem prodit ex Ambrosianaе, Estensis, aliarumque insignium bibliothecarum codicibus [Italian writers from the year of the christian era, five hundred to one thousand five hundred, the most important part of which now sheds light on The First Of Ambrosian, Este, and other prominent codes of libraries]. Vol. 12 Mailand : Ex typographia Societatis palatinae, 1728. 1184 col. (In Latin.)
29. *Patrologiae cursus completus: sive bibliotheca universalis, integra, uniformis, commoda, oeconomica, omnium SS* [Complete patrol courses: universal or library, complete, uniform, convenient, economical, all ss]. Vol. 119. Parisis: at Garnier brothers, editor by J.-P. Migne, 1880. 1146 col. (In Latin.)
30. *The Homilies of Photius, Patriarch of Constantinople.* English Translation, Introduction and Commentary by Cyril Mango. Cambridge: Harvard University Press, 1958. 327 p. (In Eng.)
31. *Vasiliev A. A.* The Russian attack on Constantinople in 860. Cambridge: The Mediaeval Academy of America, 1946. 246 p. (In Eng.)

Nesin Mikhail Alexandrovich – candidate of historical sciences, librarian, Library of the Russian Academy of Sciences, (St. Petersburg, Russia), petergof-history@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 25.02.2026; принята к публикации: 21.04.2026.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Несин М. А. Набег русов на Константинополь 860 г. в латиноязычных южноевропейских источниках // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 2(16). – С. 28-39.

FOR CITATION:

Nesin M. A. Nabeg rusov na Konstantinopol' 860 g. v latinoyazychnykh yuzhnoevropejskikh istochnikah [The rus raid on Constantinople in 860 in Latin-speaking southern European sources] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 28-39

УДК 623.612

ПРОГРАММА АЛЕКСАНДРА I В ОТНОШЕНИИ КАВКАЗА

П. П. Карпенко, А. В. Пелогейко

В статье рассматривается период правления Александра I и его программа в отношении Кавказа.

Основная идея программы правительства Александра I в отношении Кавказа заключалась в необходимости закрепления позиции Российской империи в регионе. Это и обусловило коренной перелом в политике России на Кавказе произошедший в середине второго десятилетия XIX века. А. П. Ермолов – один из наиболее почитаемых героев Отечественной войны, представитель суворовской школы полководцев-победителей и являвшегося таким образом живой легендой для всего офицерского корпуса России, был наделен полномочиями наместника Александром I. В период наместничества на Кавказе генерала А. П. Ермолова, военная политика и соответственно геополитическая экспансия России в регионе приобретает целенаправленный характер и качественно новое содержание, в соответствии с программой Александра I.

Ключевые слова: Россия, Северный Кавказ, Александр I, А.П. Ермолов, Турция, Иран, Чечня, Дагестан, Грузия, Каспийская флотилия, Отдельный кавказский корпус, Черное море.

Ключевая идея правительственной программы Александра I относительно Кавказа сводилась к необходимости упрочить позиции империи в этом регионе, чтобы затем решать уже более масштабные стратегические задачи. Именно данное обстоятельство и вызвало кардинальный поворот в российской кавказской политике, случившийся в середине второго десятилетия XIX века. Многие авторы, изучавшие кавказскую политику России, склонны связывать смену официального курса империи на Кавказе с назначением сюда наместником генерала А. П. Ермолова и проводившейся им впоследствии жёсткой линией по колонизации края. Однако на деле такая трактовка отражает реальные политические процессы начала XIX века лишь отчасти и представляет собой упрощённое объяснение событий, где причина и следствие кавказской политики России меняются местами. Не генерал Ермолов изменил российскую политику на Северном Кавказе, а напротив – трансформация представлений руководства страны о целях и задачах империи в регионе сделала востребованной фигуру именно А. П. Ермолова: одного из наи-

более прославленных героев Отечественной войны, представителя суворовской школы полководцев-победителей, а значит, живой легенды для всего офицерского состава России.

В самом общем виде свою позицию по кавказскому вопросу Александр I сформулировал в краткой фразе: «Стоять на Кавказе твердо» [1 с. 328-329]. Именно А. П. Ермолов более всего подходил для воплощения этой установки, и поэтому, невзирая на некоторые его личные качества, близость к либеральным кругам офицерства, а также репутацию бунтаря, он всё же был поставлен во главе Грузинского корпуса. Более того, масштаб задач, которые предстояло решить генералу, предопределил уровень его ответственности и объём полномочий, дарованных ему Александром I. Среди этих полномочий были, к примеру, такие: принятие местных кавказских народов в российское подданство, ведение вопросов войны и мира вплоть до объявления военных действий и их начала – будь то в Закавказье, на Северном Кавказе или в приграничных с Россией районах Персии и Турции, и так далее. В руках наместника была сосре-

доточена огромная власть: он одновременно являлся командиром Отдельного кавказского корпуса и главноуправляющим Грузией. Ему подчинялись Каспийская флотилия, Черноморское казачье войско, Астраханская и Кавказская губернии. Общая численность всех войск, которые находились в распоряжении наместника, превышала 50 тысяч человек. Всё это ярко свидетельствовало о том, какой вес придавался кавказской политике в официальном Петербурге.

Именно в соответствии с названной программой Александра I выстраивалась в дальнейшем вся кавказская линия. Этой программой Россия, по сути, провозгласила свою военно-политическую экспансию в регионе. И именно в период наместничества на Кавказе генерала А. П. Ермолова военная политика и, соответственно, геополитическая экспансия России на Кавказе обретают целенаправленный характер и качественно новое наполнение. Его специфика заключалась в том, чтобы разделить горские народы на лояльных и нелояльных по отношению к России (по терминологии XIX века — мирных и немирных), подавлять открытые вооружённые выступления против империи и не допускать возможных аналогичных волнений.

Важнейшим фактором, определившим суть ермоловской политики, стало то, что «проконсул Кавказа» просто не мог представить себе, чтобы какой-то местный владетель отказывал в покорности российскому императору, чью власть он считал более справедливой. Поэтому все усилия наместника были направлены на ограничение суверенной власти кавказских правителей, а там, где это представлялось возможным, — и на её полную ликвидацию. В более широком смысле свою задачу Ермолов видел в продолжении процесса собирания земель, начавшегося задолго до него. К моменту окончания его правления большинство государственных и этно-территориальных образований Кавказа

уже находилось под полной юрисдикцией Российской империи.

Исходя из анализа сложившейся тогда военно-политической обстановки, Ермолов выработал основные принципы и направления военной политики России на Северном Кавказе, которые изложил в рапорте императору Александру I от 12 февраля 1819 года: «Государь! Внешней войны опасаться не можно... Внутренние беспокойства гораздо для нас опаснее! Горские народы примером независимости своей в самых подданных вашего императорского величества порождают дух мятежный и любовь к независимости. Теперь средствами малыми можно отвратить худые следствия; несколько позднее и умноженных будет недостаточно» [2]. Основываясь на таком понимании целей и задач военной политики России на Кавказе, ещё в 1818 году Ермолов предложил Александру I программу действий. Она предусматривала создание на Северном Кавказе, и особенно в Чечне, разветвлённой сети оборонительных сооружений, которая ограничивала бы свободу передвижения мобильных отрядов горцев, направлявшихся для совершения набегов на равнинные районы [3, С. 95]. В русле этой программы Ермолов составил последовательный и систематический план наступательных операций. Показательна в этом отношении сама логика Ермолова относительно того, как следует устанавливать власть России в регионе. «Кавказ, — говорил А. П. Ермолов, — это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Надо или штурмовать ее, или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого, так поведем же осаду».

Не оставляя горцам безнаказанным ни одного ограбления, ни одного набега, он в то же время, по характеристике А. Керсновского, «положил никогда не делать второго шага, не сделав первого, — не начинать решительных действий, не оборудовав предварительно их баз, не создав раньше наступательных плац-

дармов. Существенную часть плана составляла постройка дорог и просек, возведение укреплений (топору и заступу А. П. Ермолов отводил место наравне с ружьем) и, наконец, широкая колонизация края казаками и образование „прослоек“ между враждебными России племенами путем переселения туда „преданных нам племен“» [3, с. 97].

Весьма показательна в этом смысле военно-политическая прозорливость Ермолова, поскольку дальнейшее развитие событий в регионе лишь подтвердило опасения главнокомандующего. Уже весной 1818 года всё внимание русского военного командования было приковано к восстанию в Чечне. Осознавая всю серьёзность этого мятежа и его возможные последствия, Ермолов лично возглавил экспедицию в Чечню, «рядом коротких ударов привел в повиновение всю местность между Терекком и Сунжей, построил крепость Грозную». Обезопасив аналогичным образом левый фланг со стороны Дагестана, Ермолов двинулся в Аварию на Дженгутай, где в тот период также происходило восстание под руководством аварского владетеля Асланхана. После подавления этого выступления Аварское ханство вновь было приведено к присяге на верность России, а для предотвращения подобных мятежей в 1819 году здесь была возведена крепость Внезапная. В следующем, 1820 году Ермолов предпринял экспедиции в Каракайтаг, Акушу, Кази-Кумух и другие районы Дагестана, тем самым расширив зону влияния русской администрации.

Постройкой в 1821 году крепости Бурной завершилось формирование на левом фланге так называемого треугольника опорных пунктов. Это поставило под фактический полный контроль русской военной администрации развитие военно-политической ситуации в регионе и – что самое важное – передвижения различных мобильных вооружённых формирований горцев, что позволяло предотвращать их дерзкие и внезапные налёты. Обеспечив таким об-

разом левый фланг, Ермолов в 1822 году обратил внимание на центр Кавказской линии, где за счёт возведения новых укреплённых линий были подавлены и не допущены в дальнейшем антироссийские вооружённые выступления в Кабарде. Стратегия действий Ермолова оказалась единственно верной. Именно она не позволила уже в середине 1820-х годов разрозненным вооружённым выступлениям в регионе слиться в единое целое и тем самым уберегла народы Северного Кавказа от опустошительных войн. Это особенно важно, поскольку значительная часть антироссийских выступлений имела ярко выраженный спровоцированный характер и по своей сути не выражала интересов ни всего населения региона, ни даже какого-то отдельного народа [4, с. 150-151].

В 1827 году сменивший Ермолова на посту наместника генерал И. Ф. Паскевич, несмотря на неприятие политики своего предшественника, тем не менее продолжал линию на военно-силовое утверждение России в регионе. Однако граф Паскевич не обладал теми качествами талантливое военачальника и администратора, которые были присущи Ермолову. Не сумел Паскевич определиться и с приоритетами российской политики на Кавказе. Им были упущены негативные процессы, назревавшие в центре и на востоке северокавказского региона, где именно в тот период зарождалось мощное радикальное антироссийское движение мюридизма и происходила трансформация отдельных вооружённых выступлений в одну из самых длительных и масштабных войн России – Кавказскую [5, с. 58].

Вывод основных сил Кавказского корпуса с Центрального и Восточного Кавказа стал крупной стратегической ошибкой, поскольку это позволило восставшим горцам не только захватить лояльные России Аварское ханство и Тарковское шамхальство, но и распространить своё влияние на значительную часть Горного Дагестана и Чечни. К 1832

году власть мюридов была установлена практически повсеместно в Дагестане и Чечне, а также в ряде районов Центрального Кавказа. Таким образом, большинство территорий Северо-Восточного Кавказа в указанный период вышли из-под контроля русской военной администрации. И только тогда военное командование осознало всю значимость этого движения и его негативные последствия для России. Впоследствии для буквально всех главнокомандующих Кавказским корпусом проблема «умиротворения горцев» стала задачей первостепенной важности. Однако этот острый кризис, принявший характер затяжного военно-политического противостояния, не остановил российской экспансии на данном направлении. Этому во многом способствовали итоги победоносных войн России с Ираном и Турцией. По их результатам были подписаны Туркманчайский договор с Ираном (1828) и Адрианопольский договор с Турцией (1829).

Согласно этим документам, Персия окончательно отказывалась от любых прав на Дагестан в пользу России, а Турция признавала весь Северо-Западный Кавказ «вечным владением Российской империи» [6, с. 202]. К России отошли всё западное побережье Каспия и восточное побережье Чёрного моря, включая такие стратегически важные

пункты, как крепости Анапа, Гагра, Сухум и другие. Наиболее существенным здесь стало укрепление России практически на всём восточном берегу Чёрного моря, а также в Закубанье и на Центральном Кавказе. Это резко изменило стратегическую ситуацию на Кавказе в пользу России и расширило сферу её влияния на всём Ближнем Востоке.

В целом же кавказская политика России в данный период определялась не столько территориальными приобретениями на Кавказе, сколько вопросом о черноморских проливах, которые приобрели для империи уже стратегическое значение. «Географическое положение государств определяет их нужды и пользы, – писал Николай I в инструкции послу в Константинополе Рибопьеру (1826). Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что с того дня, как русские владения коснулись берегов Чёрного моря, свободное сообщение между этим морем и Средиземным стало одним из первых интересов России, а сильное влияние в Константинополе – одной из первых потребностей» [7, с. 78]. Поэтому войны России с сопредельными государствами в регионе носили традиционный характер и велись, как уже отмечалось, за обладание выгодными стратегическими рубежами как на самом Кавказе, так и за его пределами.

Список источников и литературы

1. *Ермолов А. П.* Записки. (1798-1826). – М., 1991. – 463 с.
2. *Ковязин С. В.* Основные направления военной политики России на Северном Кавказе в XIX в. Автореф. дис ...канд. ист. наук. – М., 1998. – 183 с.
3. *Керсновский А. А.* История русской армии: В 4-х т. – Т. 2. – М.: Голос, 1993. – 336 с.
4. *Шеремет В. И.* Турция и Андрианопольский мир 1829 года. – М., 1976. – 224 с.
5. *Теплов В. А.* Русские представители в Царьграде в 1496-1891 : Русские представители в Царьграде в 1496-1891 Ист. очерк / [Соч.] В. Теплова. – Санкт-Петербург : тип. А.С. Суворина, 1891. – [2], 73 с.
6. *Маркова О. П.* Восточный кризис 30-х – начала 40-х годов XIX века и движение мюридизма // Исторические записки / Отв. ред. А.Л. Сидоров – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. 42. – с. 202-237.
7. *Юзефович Т. А.* Договоры России с Востоком. Политические и торговые. – СПб., 1869. – 296 с.

Карпенко Петр Павлович – научный сотрудник, Военная академия связи имени С. М. Будённого (г. Санкт-Петербург, Россия), pkarpenko1959@gmail.com

Пелогейко Александр Викторович – научный сотрудник, Военная академия связи имени С. М. Будённого, (г. Санкт-Петербург, Россия), pelogeiko@gmail.com

ALEXANDER I'S PROGRAM REGARDING THE CAUCASUS

P. P. Karpenko, A. V. Pelogeiko

The article examines the reign of Alexander I and his program regarding the Caucasus.

The main idea of the government program of Alexander I regarding the Caucasus was the necessity of consolidating the position of the Russian Empire in the region. This also caused a radical turning point in Russia's policy in the Caucasus that occurred in the middle of the second decade of the 19th century. A.P. Ermolov – one of the most revered heroes of the Patriotic War, a representative of Suvorov's school of victorious commanders, and thus a living legend for the entire officer corps of Russia – was granted viceregal powers by Alexander I. During the governorship of General A.P. Ermolov in the Caucasus, military policy and, accordingly, Russia's geopolitical expansion in the region acquired a purposeful character and qualitatively new content, in accordance with Alexander I's program.

Keywords: Russia, North Caucasus, Alexander I, A.P. Ermolov, Turkey, Iran, Chechnya, Dagestan, Georgia, Caspian Flotilla, Separate Caucasus Corps, Black Sea.

References

1. *Ermolov A. P. Zapiski. (1798–1826) [Notes. (1798-1826)].* – Moscow, 1991. – 463 p. (In Russ.)
2. *Kovyazin S. V. Osnovnye napravleniya voennoj politiki Rossii na Severnom Kavkaze v XIX v. [Main Directions of Russia's Military Policy in the North Caucasus in the 19th Century].* Avtoref. dis. ... kand. ist. nauk [Author's Abstract of PhD Dissertation]. – Moscow, 1998. – 183 p. (In Russ.)
3. *Kersnovskij A. A. Istorija russkoj armii: V 4-kh t. [History of the Russian Army: In 4 vols.].* – Vol. 2. – Moscow: Golos, 1993. – 336 p. (In Russ.)
4. *Sheremet V. I. Turciya i Adrianopol'skij mir 1829 goda [Turkey and the Treaty of Adrianople of 1829].* – Moscow, 1976. – 224 p. (In Russ.)
5. *Teplov V. A. Russkie predstaviteli v Car'grade v 1496-1891: Istoricheskij ocherk [Russian Representatives in Tsargrad in 1496-1891: A Historical Sketch].* – Saint Petersburg: tip. A.S. Suvorina, 1891. – [2], 73 p. (In Russ.)
6. *Markova O. P. Vostochnyj krizis 30-kh – nachala 40-kh godov XIX veka i dvizhenie myuridizma [The Eastern Crisis of the 1830s – Early 1840s and the Muridism Movement] // Istoricheskie zapiski [Historical Notes] / Ed. by A.L. Sidorov. – Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1953. – Vol. 42. – pp. 202-237. (In Russ.)*
7. *Yuzefovich T. A. Dogovory Rossii s Vostokom. Politicheskie i torgovye [Russia's Treaties with the East. Political and Commercial].* – Saint Petersburg, 1869. – 296 p. (In Russ.)

Karpenko Petr Pavlovich – researcher, Budyonny Military Academy of the Signal Corps, (St. Petersburg, Russia), pkarpenko1959@gmail.com

Pelogeiko Aleksandr Viktorovich – researcher, Budyonny Military Academy of the Signal Corps (St. Petersburg, Russia), pelogeiko@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 28.04.2026; принята к публикации: 23.05.2026.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Карпенко П. П., Пелогейко А. В. Программа Александра I в отношении Кавказа // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 2(16). – С. 40-45.

FOR CITATION:

Karpenko P. P., Pelogeiko A. V. Programma Aleksandra I v otnoshenii Kavkaza [Alexander I's Program Regarding the Caucasus] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 40-45

УДК: 332.2

СТОЛЫПИНСКАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТ ЦЕЗАРИЗМА К БОНАПАРТИЗМУ

В. П. Тихоньких

Цель статьи показать, что в условиях модернизации политического режима в России в начале XX века, ключевым аспектом которого являлся переход от цезаризма к бонапартизму, сохранение существующей власти стало зависеть от способности адаптировать политическую структуру к новым экономическим и социальным реалиям. При этом сохранение сословной структуры общества и доминирующей роли помещного дворянства, как основы монархической власти оставалось неизменным условием этого перехода. Автор статьи рассматривает модернизацию политического режима, как переход от цезаризма к бонапартизму, а также уделяет внимание причинам сохранения сословной структуры общества и позиций помещного дворянства - устоев монархической власти.

Ключевые слова: Столыпин П. А., аграрный вопрос, помещики, крестьяне, крестьянская община, имение, политическая власть.

Введение.

Суть модернизации политического режима заключалась в переходе от цезаризма к бонапартизму при сохранении прежней сословной структуры общества и доминирования помещного дворянства являющегося социально-экономической основой монархической власти. Цезаризм, характеризующийся концентрацией власти в руках одного лидера, должен был эволюционировать в более сбалансированную систему, сочетающую элементы авторитарного и демократического управления. Однако при этом сословная структура общества, доминирование помещного дворянства и сохранение монархической власти оставались неизменными. Это позволяло правящим элитам сохранить контроль над политической ситуацией, снижая риски социальных потрясений и политической нестабильности.

Столыпин пришел к власти в момент, когда назрела необходимость изменения политического курса, определяемого термином «цезаризм». Смысл которого состоял в опоре власти на крестьянство, считавшей, что монархические традиции наиболее полно отражены именно в этом социальном слое и потому он будет поддерживать монарха. Не случайно, что в Первой государст-

венной думе, получившей название «булыгинская», а затем и II Думе преобладали крестьянские депутаты [4, с. 555].

Основной целью реформ Столыпина в политической сфере являлось стремление сохранить самодержавную форму правления и соединить капитализм с феодализмом. Говоря современным языком, он шел по пути конвергенции феодализма и капитализма. При этом для него наиболее важным было сохранение самодержавия и господства сословия дворян, поэтому сословный принцип модернизации политической системы оставался одним из основных. Занимая такую позицию Столыпин подвергался нападкам «слева», и «справа». Здесь следует подчеркнуть, что реформатор считал, что политические перемены необходимы, но в той мере и там, где они служат экономическим преобразованиям и не затрагивают устоев самодержавной власти. При этом соединение капиталистических и феодальных форм отношений требовало буржуазно-демократических перемен, но новое содержание в лице Думы и многопартийной системы вставлялось в рамки прежней политической системы. Утверждение в России империализма требовало перехода на качественно новый уровень всей политической системы страны. Не-

обходимо отметить, что наличие места в статье не позволяет охватить весь аспект реформ, внимание уделено лишь материалу, который наиболее рельефно отражает суть политики бонапартизма: формирование и работа Государственной думы, земская, социальная и судебная реформы.

Основная часть.

За очевидной экономической составляющей аграрного вопроса скрывалась глубинная политическая дилемма, связанная с распределением власти в обществе. С одной стороны, левые политические силы, выступавшие за радикальное перераспределение земельных ресурсов, стремились лишить помещичье землевладение его доминирующего положения. С другой стороны, правые силы, осознавая угрозу своему статусу при успешном проведении аграрных реформ, видели в них потенциальную угрозу своему политическому и экономическому господству. Отсюда сущность аграрного вопроса заключалась в его способности служить катализатором трансформации политической системы.

Созыв первой Государственной думы Российской империи предусматривался Манифестом от 6 августа 1905 года. Избирательный закон в Думу разработал министр внутренних дел А. Г. Булыгин. Положение о выборах в Государственную думу отстраняло от выборов: лиц женского пола; лиц моложе двадцати пяти лет; обучающиеся (студентов) в учебных заведениях; воинских чинов армии и флота, состоящих на действительной военной службе; «бродячих инородцев» и иностранных подданных. А также губернаторов и вице-губернаторов, градоначальников и их помощников – в пределах подведомственных им местностей и лиц, занимающих полицейские должности в губернии или городе, по которым производятся выборы [5, с. 645-651]. Для крестьян, которые соответствовали имущественному цензу устанавливались 4-х ступенчатые, для дворян и буржуазии – 2-ступенчатые выборы. Роль Думы своди-

лась фактически до статуса законосовещательного органа при царском Правительстве. Октябрьская всеобщая политическая стачка 1905 года сорвала выборы и созыв Булыгинской думы [16].

Исторически поместное дворянство традиционно являлось основной социальной опорой режима и, следовательно, казалось логичным сделать ставку именно на этот слой населения. Однако решение совещания оказалось иным – приоритет был отдан крестьянству. В соответствии с избирательными законами от 6 августа и от 11 декабря 1905 г. 49% всех выборщиков, непосредственно участвовавших в избрании депутатов Думы, была представлена крестьянством. Это означало, что в губернских избирательных собраниях образованных на основе сословно-куриального принципа, пишет Аврех, ни один кандидат в депутаты не мог рассчитывать на успех без поддержки крестьянской части собрания. Исключением из этого правила являлись лишь крупнейшие города, которые получили право прямых выборов без разделения на курии. Таким образом, Аврех акцентирует внимание на том, что на петергофских совещаниях июля 1905 года правящие элиты столкнулись с необходимостью выработки стратегии, направленной на определение социальной опоры для нового законодательного органа. Успешное решение этого вопроса имело решающее значение для конфигурации будущего избирательного законодательства Российской империи, определяя тем самым вектор политического развития страны в условиях нарастающего общественного и политического кризиса [1].

Выборы во II Государственную думу проходили по тем же правилам, что и в булыгинскую – многоступенчатые выборы по куриям. При этом сама избирательная кампания проходила на фоне хотя и затухающей, но продолжающейся революции: «беспорядки на аграрной почве» в июле 1906 года охватили 32 губернии России, а в августе 1906 года

крестьянскими волнениями было охвачено 50 % уездов Европейской России [11, с. 22]. Для Столыпина II Дума выступала механизмом осуществления нового политического курса, получившего название бонапартистского. Выборы в первые две Думы показали, что цезаризм уже не может быть формой сотрудничества с крестьянскими массами. Необходим был новый политический курс. После отклонения II Думой программы реформ Правительства пересматриваются положения Манифеста 17 октября 1905 г. и 3 июня 1907 г. и II Дума распускается и вводится новый закон о выборах. Действия правительства получили название «Третьеиюньского государственного переворота», так как являлись грубым нарушением положений Манифеста 17 октября 1905 г. Шаткая база самодержавия еще более ослабела [1].

«Третьеиюньский государственный переворот» привёл к формированию так называемой «третьеиюньской монархии». Основной политической целью Правительства «третьеиюньской монархии» стало лавирование между интересами буржуазии, либеральной интеллигенции и помещичьего дворянства с целью устранения угрозы нового революционного взрыва. Сущность переворота 3 июня 1907 г. состояла в отвержении политики цезаризма и переход к политике бонапартизма, превращения «крестьянской» Думы в Думу «господскую».

Реализация политического курса бонапартизма получило в выборах III Государственной думы. Правительство перераспределяет квоты выборщиков в пользу помещиков и буржуазии. «3-я Г. дума, писал Н. Красильников, явилась созданием Столыпина» [9, с. 33]. Однако III Дума создана не только Столыпиным, она была создана также и «объединенным дворянством». В результате получился политический инструмент, который, по мысли Столыпина, можно с успехом использовать в своих интересах. Свою политическую судьбу он неразрывно соединил с III Думой [1].

Ни в одной из Дум дореволюционной России не было проправительственного большинства, в связи с чем каждый раз после окончания избирательной кампании в Правительстве ставился вопрос о корректировке действовавшего закона о выборах. В III Думе на которую опирался Столыпин также невозможно было создать какое-либо большинство одной политической партии. Октябристам, на 1912 год принадлежало 120 мест из 442, то есть 27,55%, и им приходилось договариваться со своими «соседями» справа, представленными 141 депутатом, около 32%, или слева, 52 кадеты и 36 прогрессистов, всего 20%. Поэтому был использован фактор совпадения части интересов крупной буржуазии с интересами помещичьего дворянства. Партия октябристов имела буржуазную программу, а ее лидером был выходец из семьи московского фабриканта – А. И. Гучков. В Думе фракция партии октябристов состояла на три четверти из помещиков и чиновников. На основе использования части общих интересов либеральной буржуазии и консервативных помещиков при их антагонизме с интересами крестьянства и рабочего класса сложилась третьеиюньская система, типичная бонапартистская система на [10, с. 325].

Следовательно, бонапартизм представлял сложную и неустойчивую систему, которая требовала для нормального функционирования почти идеальных условий. В первую очередь длительного, измеряемого десятилетиями периода «покоя», отсутствия в стране революционного движения. В противном случае система превращалась в дополнительный источник кризиса режима. Так на деле и получилось. Поскольку «цезаристский» вариант Думы с опорой на все крестьянство провалился, оставался второй и последний шанс – опереться на Думу бонапартистскую. Режим потеряв «сплошную и простую» опору в лице крестьянства, сделал ставку на «сильных» против «слабых», на лавирование между

помещиками и буржуазией. Это был его последний шанс [1].

Думская монархия, государственный строй, установившийся в России после выборов III Государственной думы, более всего характеризует сущность политической системы России в 1907-1917 гг. Не противоречит ему и другое название, введенное в литературу Аврехом – «третьеиюньская монархия». При этом можно считать, что монархия в России оставалась абсолютной, поскольку Государственная дума была, по сути, безвластным учреждением. Тем не менее, эта политическая структура не является характерной для абсолютной власти. Создание бонапартистской системы обеспечивало реальную неограниченность власти, использующей в своих интересах как общую контрреволюционность дворянства и буржуазии, так и противоречия между ними. Монархия не считала Думу равной себе политической силой и в придворных кругах считали, что Государственная дума «дана преждевременно». Консервативное дворянство по-прежнему упорно защищало тезис о незыблемости абсолютизма в России. Манифест 17 октября 1905 г. и Основные законы 1906 г. расценивались им как акт доброй воли самодержца, который он вправе отменить и добивалось ликвидации Думы. Большинство же либерального дворянства считало, что Государственная дума может стать органом его власти.

Наибольшие разногласия внутри третьеиюньского режима вызвали вопросы о назначении и месте Думы в государственной политической системе и судьбе реформ, заявленных кабинетом Столыпина. В их числе судебная реформа, которая должна была отражать принципы курса бонапартизма. Правительство Столыпина внесло в Государственную думу целый ряд инициатив, направленных к укреплению единого правового пространства Российской империи. Предполагалось определить права человека во время предварительного следствия, установить условный срок

осуждения, ввести принцип гражданской и уголовной ответственности чиновников, посягнувших на свободы.

Судебная реформа преследовала цель обеспечить фундаментальную основу политических свобод – права на частную собственность. В концепции Столыпина политическая свобода может быть реализована через экономическую свободу индивидуального хозяйствующего субъекта. Это представляется корректным, однако возникает вопрос о возможности достижения реальных политических свобод посредством реформ, предложенных Столыпиным без решения крестьянского вопроса. Столыпин обоснованно утверждал, что отсутствие у крестьянина личной земельной собственности и зависимость от общины неизбежно ограничивают его гражданскую свободу, независимо от законодательных актов. Однако достижение положительных результатов в реформировании одной социальной сферы без одновременного преобразования в других сферах представляется невозможным. Экономическая самостоятельность крестьянства была недостижима при сохранении традиционного помещичьего землевладения. Сохранение сословного доминирования поместного дворянства неизбежно ограничивало политические права и свободы крестьянских собственников. Анализ реформ Столыпина в контексте их влияния на политические свободы позволяет сделать вывод о необходимости комплексного подхода к социальным преобразованиям. Экономическая эмансипация крестьянства была невозможна без трансформации земельных отношений и устранения сословных привилегий, что, в свою очередь, требовало существенных изменений в политической системе.

Законопроектом «О преобразовании местного суда» преследовалась цель приблизить суд к населению, сделать его доступнее для населения. Законопроект Столыпина судебной реформы был одобрен Государственным Советом

и Государственной думой и утвержден императором 15 июня 1912 г. Закон отменял изжившую практику вынесения приговоров по нормам обычного права. Судопроизводство в целом демократизировалось. Предусматривалось восстановление мирового суда, избираемого земскими собраниями на селе, а в городе – городскими думами. По сути дела, возрождение мирового суда означало отказ от сословного судопроизводства. В 1912 г. были восстановлены мировые суды с прежним порядком выборов и освобожденные от опеки земских начальников волостные крестьянские суды [8].

С целью ужесточения уголовного законодательства, в дополнение к Уложению о наказаниях уголовных и исправительных, в редакции 1885 г., были изданы новые уголовные законы. В апреле 1905 г. устанавливается имущественная ответственность сельских обществ и селений, крестьян, которые принимали участие в погромах помещичьих имений. Указ 2 декабря 1905 г. усилил репрессии за участие в забастовках на предприятиях, имеющих общегосударственное значение введением тюремного заключения сроком от 8 месяцев до 1,5 лет. Весной 1906 г. действие этого указа распространилось на сельских рабочих. Применялось и Уголовное уложение 1903 г., предусматривавшего ответственность за бунт против царской власти и членов императорского дома, о государственной измене и др. [12, с. 850-852].

Наиболее трагическим содержанием бонапартизма политического режима Столыпина стали военно-полевые суды, хотя они были временными, но все же, придавали специфический облик всей юридической и политической системе России того времени. Суды состояли из офицеров, прокурор и адвокат при этом отсутствовали. Дела «преступников» захваченных на месте преступлений рассматривались в течение двух суток, причем негласно. Приговоры военно-полевых судов исполнялись в течение суток. Имя Столыпина в истории России

неразрывно связано со «стольпинским галстуком» – фразой, прозвучавшей в устах одного кадетского оратора. Виселица была свойственной Столыпину формой борьбы с революцией. Было вынесено более 5 тыс. смертных приговоров и казнено 3,5 тыс. человек. Если не считать расстрелов без суда после подавления вооруженного восстания [15, с. 457]. Пришедшими на смену военно-полевым судам пришли военно-окружные суды, которые с 1907 года по 1909 год вынесли 4232 смертных приговора. Карательные меры в подавляющем своем большинстве коснулись только крестьянства. Революционеры уехали за границу или продолжали действовать нелегально. Иначе, как произволом такую политику назвать нельзя.

Либерально настроенное дворянство было возмущено репрессиями, которые грубо нарушали существующее уголовное и гражданское законодательство России. Вот что писал В. П. Обнинский, общественный деятель, последние годы жизни целиком посвятивший себя публицистике и общественной работе. В книге «Последний самодержец» он характеризует личности Столыпина и Николая II и их отношение к помилованию осужденных «революционеров»: «В самом остром, пробном для человеческой совести, вопросе помилования приговорённых к смерти, Николай и Столыпин оказались достойными друг друга... Николаю не хотелось получать изо дня в день просьбы о помиловании; никому неприятно вечное напоминание о его порочных привычках. Поэтому он сложил единственную драгоценность царей – право миловать – на Столыпина, а тот был так жесток и груб душой, что принял это право с предвзятой мыслью не пользоваться им. Вот чем объясняются систематические отказы на просьбы бесчисленных русских *morituri* и безнаказанность генерал-губернаторов, введших типический для русской реакции институт административной казни. Для видимости, каждая просьба о помиловании

совершала цикл по канцеляриям, а Столыпин покойно отвечал на мольбы и запросы, что «не от него зависит отказ». Он становился как бы наёмным убийцей, безнаказанность которому гарантировалась» [13, с. 367].

Самым обычным явлением при Николае II стало привлечение для борьбы с беспорядками не только полиции и жандармерии, но и войск, что являлось чрезвычайной мерой. Неспособность управлять страной обычными средствами, соблюдая ее законодательство, постоянное использование чрезвычайных мер являлись ярким свидетельством кризиса власти. Тот строй, который так последовательно защищал Николай II, явно отжил свое. Сохранять его можно было, лишь опираясь на военную силу, но это не могло иметь длительной перспективы.

Социальные изменения в российской деревне и ускоренные темпы аграрной реформы диктовали необходимость реформы местного самоуправления. Местное самоуправление развивалось в направлении совершенствования и расширения уже имевшейся системы земских учреждений и создания новой «мелкой земской единицы» на уровне волости и поселка. С 1864 года земское самоуправление было предусмотрено только на уровне губерний и уездов. Намечая демократизацию и расширение функций земского и городского самоуправления, действующего на основе Положений 1864 и 1890 гг. в 50 губерниях России, Столыпин планировал постепенно распространить местное самоуправление на все регионы империи. Подвести под него фундамент в виде волостного земства, которые должны были прийти на смену, отжившим свой век волостным сходам.

После революции 1905-1907 гг. политическое лицо либерального земства резко изменилось. В июне и августе 1907 г. в Москве состоялись I и II Всероссийские съезды земских деятелей. Президиумом I Всероссийского съезда земских деятелей руководили октябристы М. В. Род-

зянко и А. И. Гучков и представители крайне правого Объединенного дворянства Д. А. Олсуфьев и В. Н. Ознобишин [16, с. 37-133].

На съезде преобладали крайне правые, представительство кадетов было незначительным. Либеральное меньшинство пыталось поддержать представленный правительством проект реформы местного управления. Кадет В. Пржевальский назвал правительственный законопроект о создании волостного и поселкового управления «шагом к широкой демократизации местной жизни», но законопроект был опровергнут правыми делегатами. Правые обвиняли Столыпина в стремлении разрушить крупное помещичье землевладение, в «подрыве корня монархии», в передаче самоуправления в руки «безземельных земцев» и даже в «полете в социал-демократию». Доводы либералов о необходимости воспитания из крестьян «сознательных граждан» успеха не имели. Правые требовали передачи законопроекта в земские собрания, где у них было большинство. Анализируя доводы обеих сторон, псковский делегат А. Зубчанинов произнес пророческую фразу: «Будет у нас не эволюция, а новая революция» [17, с. 40-130].

Еще более правым оказался II Всероссийский съезд земских деятелей. Его возглавили деятели Объединенного дворянства – М. Д. Ершов, А. А. Уваров, А. А. Шечков. Съезд обсудил вопрос создания волостного земства. Подавляющим большинством голосов съезд также отверг правительственный проект реформы местных органов власти и самоуправления, согласно которому роль крестьян в низовых звеньях управления должна была возрасти. Принцип всеобщих, прямых и равных выборов, предложенный Столыпиным, был тоже отклонен. Все усилия правых направлялись на обеспечение преобладания в будущем волостном земстве представителей от поместного дворянского сословия. Октябрист А. Д. Голицын выступил про-

тив позиции правых, поскольку они преследовали цель увековечить свою власть на местах: «Большинство земств, особенно уездных, отдано в пожизненное и потомственное владение уцелевшим индивидуумам из поместного дворянства. Им лишь без всякого избрания достаточно только прибыть в собрание» [3, с. 1,5].

Позиция правых консервативных земцев сорвала проведение реформы местного самоуправления. В последующие годы отношения земства с правительством претерпели кардинальные перемены. Окончание революции 1905-1907 гг. и переход Правительства к важным государственным и социальным преобразованиям, позволили земствам укрепиться в роли органов местного самоуправления. Правительство вынуждено было проявлять прямую заинтересованность в эффективной работе органов местного самоуправления. От этого во многом зависел успех начатых реформ. Внутри земских учреждений прекратились гонения на «третий элемент». Несмотря на трения и разногласия, именно в данный период взаимоотношения земства и правительства приобрели характер сотрудничества. К 1914 г. местные земские учреждения действовали уже в 43 губерниях России.

Столыпин совершил серьезную ошибку учредив в 1911 г. земства в западных губерниях, в результате чего он лишился поддержки октябристов. Западные губернии экономически зависели от польской шляхты. Государственные интересы противоречили введению земств в губерниях, где большинство крупных землевладений принадлежало полякам. Стремясь улучшить положение белорусского и русского населения, составлявшего большинство этих губерний, Столыпин пошел на учреждение там земской формы правления. Дума в целом поддержала его, однако Государственный совет отклонил проект Столыпина. Он обратился к Николаю II с просьбой прервать работу обеих палат на три дня, чтобы за это время правительство срочно

приняло новый закон. Заседания Думы были приостановлены и закон принят. Данное действие противоречило процедуре принятия законов и продемонстрировало пренебрежение государственной власти к своим собственным учреждениям. Раскол между Правительством и даже самыми умеренными либералами углубился. В программной речи в Думе в марте 1907 г. Столыпин заявил: «Отечество наше должно превратиться в государство правовое», но его реальные действия в корне противоречили этому заявлению [18, с. 50-62].

Заметным явлением в русской политической жизни стала отмена в 1906 г. цензуры не периодической печати. Издания левых партий получили легальность и открыто пропагандировали свои идеи – терроризм, уничтожение существующего строя и это явно противоречило политике «усмирения». Продолжал действовать принятый в ноябре 1905 г. указ о наложении штрафа и ареста на печатные издания при наличии в них признаков уголовного деяния, которые осуществлялись исключительно в судебном порядке.

III Государственная дума показала свое бессилие хотя ей удалось провести закон о столыпинской аграрной реформе. Успешной реализации реформы препятствовали консерватизм крестьянской общины. Крестьяне не спешили к переходу на хутора и отруба. Многие крестьяне, даже имея возможность, не покупали землю, сопротивление консервативных помещичье-бюрократических кругов, подтверждение этому факту то, что закон о хуторах и отрубках утверждался четыре года. Против хуторов и отрубов была «социалистическая» интеллигенция и иерархи православной церкви, выступавших против частной собственности крестьян на землю.

Правительство Столыпина сделало попытку решить рабочий вопрос и предоставило специальной комиссии, состоявшей из представителей правительства и предпринимателей, рассмотреть про-

ект трудового законодательства. Правительственное предложение было весьма умеренным – ограничение рабочего дня 10,5 часами, на тот момент он составлял 11,5 часа, отмена обязательных сверхурочных работ, право на создание контролируемых правительством профорганизаций, введение рабочего страхования, создание больничных касс счет рабочих и хозяина. Однако это категорически не устроило предпринимателей, которые считали, что делать уступки рабочим нельзя, необходимо соблюдать «свободу трудового соглашения», жаловались на низкую доходность промышленности. Несмотря на увещевания правительства и наиболее сознательных представителей предпринимательства, правительство вынуждено было уступить давлению В Думу законопроект попал в сильно урезанном виде и с большой задержкой. Можно заключить, что правительственная рабочая программа потерпела крах из-за неуступчивости и жадности буржуазии. Из-за противодействия промышленной буржуазии не была реализована правительственная программа реформ трудового законодательства, которая предусматривала принятие законов о создании больничных касс для рабочих, конфликтных комиссий из представителей рабочих и администрации, о сокращении рабочего дня. Все законотворчество «третьеиюньской монархии» свелось к принятию в январе 1912 г. двух весьма ограниченных страховых законов – о государственном страховании рабочих от несчастных случаев и в случае болезни.

Кризис третьеиюньской системы, провал столыпинской политики «успокоения и реформ», предопределили обострение политической борьбы. С середины 1910 г. наметился подъем общедемократического движения в стране. Он охватывал все слои российского общества. Всю Россию потрясли события, которые произошли в апреле 1912 г. на Ленских золотых приисках. В результате расправы над бастующими рабочими, требо-

вавшими 8-часового рабочего дня, увеличения зарплаты, отмены штрафов, организации медицинской помощи, улучшения продовольственного снабжения и др., 270 человек было убито и 250 ранено. Ленские события положили начало массовым протестным выступлениям в том числе под революционными лозунгами. Выступления, все чаще приобретающие политический, революционный характер, нарастали вплоть до начала Первой мировой войны. Стачечная борьба к 1914 г. приблизилась к уровню 1905 г. отличаясь большей организованностью. Но революционные волнения не достигли уровня Октябрьской всеобщей (всероссийской) политической стачки – первого общероссийского политического выступления рабочих и служащих, одного из ключевых эпизодов революции 1905-1907 годов в России. Когда бастовало более 2 миллионов человек под лозунгами свержения самодержавия, демократических свобод, а также с экономическими требованиями [15, с. 165-270]. Стачка стала главной причиной издания Николаем II Манифеста 17 октября. Долгосрочных выводов из этого весьма примечательного революционного выступления ни Столыпиным, ни императором не было сделано.

Правительственная политика вызвала не только новый революционный подъем, но и рост либеральной оппозиционности. Даже октябристы заговорили об обреченности проводимой царизмом политики. Еще активнее повели себя в Думе и в прессе кадеты и прогрессисты. Они поняли, что царизм не желает идти на проведение реформ и не сможет обеспечить мирного развития страны. Не отказываясь от поиска компромиссов с правительством, либеральная буржуазия решила использовать нараставшее забастовочное движение в своих целях с тем, чтобы оказать давление на царизм, провести в стране реформы в своих интересах. Либералы искали пути сближения с любой оппозицией. Представители прогрессистов и левые кадеты зимой и

весной 1914 г. призывали к широкой мобилизации общественных сил против власти внутри и вне Государственной думы и новой революции. Эта мобилизация должна была осуществляться в союзе с партиями и фракциями крайне левых сил и предполагала призыв к различным массовым выступлениям, включая политические забастовки. В стране вызревал кризис общенационального масштаба.

Задуманные реформы противоречили интересам той части помещиков, которые не могли приспособиться к капиталистическому развитию и интересам помещиков, которые были способны приспособиться к капиталистическому развитию, но не хотели терять даже часть своих земель. С обеих сторон помещики были заинтересованы в слабом хозяйстве крестьянина, существование которого обеспечивало общинное землепользование. Слабое хозяйство крестьянина надежно обеспечивало помещичью экономию дешевой рабочей силой. Вначале, соглашаясь на аграрную реформу, помещичье дворянство стремилось отвести угрозу от собственных усадеб, когда же угроза миновала, то предложенная Столыпиным программа реформ вызвала сопротивление. По мнению Дякина, Столыпин, пытаясь осуществить преобразования, встретил сопротивление со стороны тех сил, которые считали, что существующие в России порядки совершенны и не требуют реформ. Думается, что среди помещичьего дворянства было не много, кто так считал, но зато никто не хотел терять свою собственность и привилегированное сословное положение в общественной жизни России. «Столкновение бонапартистской и легитимистской группировок лежало в основе борьбы в верхах в 1907-1911 гг.», – утверждает Дякин [7, с. 23]. С таких же позиций звучит критика политики аграрного бонапартизма у Авреха [2].

Общие национальные интересы требовали перехода страны к индустриальному обществу, ради сохранения

экономического и военного могущества статуса великой державы. Узкие, сословные интересы помещичьего дворянства, отрицали новое и были направлены на восстановление дореформенных порядков. В такой ситуации политика самодержавия могла носить только компромиссный характер. Требовалось учитывать одновременно сословные интересы дворян и общегосударственные интересы. Компромисс лишь усиливал недовольство либерального и консервативного дворянства, ослаблял тем самым основную социальную базу монархии. Ослабление позиций помещичьего дворянства усиливало разлад между правящими верхами и дворянством – все это являлось признаками кризиса сословной политики. Правительство уже не могло полностью подчинять свою социально-экономическую политику консервативному дворянству. Тот факт, что интересы именно этого дворянства оставались приоритетными для правительства, лишало его способности адекватно ответить на вызов времени, обеспечить быстрый и эффективный переход страны от аграрного способа производства к индустриальному.

Опора на класс буржуазии, как крупной, так и средней, также была практически невозможной. Стремление найти опору в буржуазии не только вызвало вражду традиционной элиты, но и потребовало бы отказа от самодержавия, как политической формы власти. Охранительная политика помещичьего дворянства стало своеобразной исторической «ловушкой» для самодержавной власти. Опора на новые классы, на буржуазию и рабочий класс была невозможна, поскольку это вело к ликвидации самодержавия и опора на помещичье дворянство не имевшего исторической перспективы, также вело к ликвидации самодержавия. Здесь сыграла роль историческая инерция традиции. Самодержавие опиралось на социальный слой, который должен был исторически исчезнуть, а вместе с ним и самодер-

жавная форма правления. В этом проявился атавизм средневекового миропонимания династии Романовых и стало ее исторической трагедией. Да и иного пути просто не было. Любые попытки решить проблему малоземелья крестьян за счет помещичьего землевладения отвергались и последовательно проводилась политика его сохранения.

Последствия революции 1905-1907 гг. заставили царя и помещиков отказаться от надежды на патриархальность крестьянства и их безоговорочное подчинение. Крестьянская община предстала как весьма многочисленная общественная организация, которая была направлена против засилья помещичьего сословия на селе. Помещикам стало ясно, что крестьяне не только не хотят больше им подчиняться, но что среди крестьян, особенно кулаков, есть немало тех, кто готов занять место самого помещика. Неожиданностью для правящего класса стало то, что община не только не желала покорно нести груз поместных и государственных повинностей, но и проявила себя как организованная политическая сила, сплоченная круговой порукой. Крестьянская община оказалась способной к организованной политической борьбе и осознающей свои права. Правительству представлялось правильным ликвидация крестьянской общины как социально-экономического института в деревне.

Реформа натолкнулась на феодальную психологию сословия помещиков и бюрократические методы ее проведения. Камнем преткновения явилось стремление уравнивать перед законом крестьян-собственников с дворянством. Когда Столыпин поставил на очередь реорганизацию местного управления, с целью приобщения крестьянства к осуществлению власти наряду с дворянством, он встретил со стороны последнего предельно ожесточенное сопротивление.

Необходимо сделать вывод, что задача сохранения помещичьего землевладения и сохранение сословного гос-

подства дворянства была достигнута, но лишь на короткий исторический период.

Заключение.

Преобразования в политической структуре по существу не затронули устаревшей системы государственного устройства. В стране отсутствовали реальные гражданские права и свободы. Политическая модернизация отставала от изменений в экономической сфере. Самодержавие сделало шаг по пути превращения в конституционную монархию, но сам этот шаг был половинчатым – правительственный лагерь не допустил к реальной власти даже умеренных либералов, переорганизовал избирательный закон в соответствии со своими интересами, постоянно нарушая и без того урезанные права законодательных учреждений. Самодержавие подходило к своему краху, не осознавая всей глубины системного кризиса, охватившего страну.

Реформы в политической сфере, проведенные под руководством Столыпина, имели антиреволюционную направленность с надеждой, что они лишат революционное движение массовой базы в деревне и городе. Это понимали и представители революционных сил и движений, чем объясняется их отрицательная оценка реформ Столыпина. Третьеиюньская система не оправдала надежд, которые возлагали на нее сторонники постепенного буржуазного реформирования и крах бонапартизма в России был предопределен. Попытки создания прочного политического и экономического союза поместного дворянства и буржуазии оказались не плодотворными, поскольку противоречия между поместным дворянством и буржуазией изначально имели тенденцию к обострению. Надежда с ее помощью решить острые социально – политические и экономические проблемы в стране не увенчалась успехом, а лишь наряду с другими проблемами приблизили новую революцию.

Монархическая власть предприняла одну из последних попыток стабилизировать ситуацию в обществе полити-

ческими методами, дав обществу несколько обновленную политическую систему, в надежде на продление своего собственного существования. При отсутствии в России многочисленного среднего класса, который объективно заинтересован в стабильности и реформизме, возможности проведения политических

и иных реформ были весьма ограниченными. Государственная дума как инструмент реформирования России оказалась непригодна. Не состоятельной оказалась и сословная политика опоры власти на поместное дворянство, которое Столыпин стремился сохранить в экономике и политической структуре власти.

Список источников и литературы

1. Аврех А. Я. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. / А. Я. Аврех. – Москва: Политиздат, 1991. – 286 с.
2. Аврех А. Я. Царизм и IV Дума 1912-1914 гг. [Текст] / А. Я. Аврех ; АН СССР. Ин-т истории СССР. – Москва: Наука, 1981. – 293 с.
3. Ближайшие задачи земской реформы: Докл. чл. 3 Гос. думы кн. А.Д. Голицына в заседании ЦК Союза 17 Окт. 5 мая 1913 г. – Москва: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1913. – 23 с.
4. Витте С. Ю. Воспоминания. В 3 томах. Т. 3. / С. Ю. Витте. – Москва: Соцэкгиз, 1960. – 723 с.
5. Высочайше утвержденное Положение о выборах в Государственную Думу. 6 августа 1905 г. // Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: в 33 т. Т. 25: 1905. Отделение 1: от № 25605–27172 и дополнения. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1908. – С. 645-651.
6. Стенографические отчеты / Гос. дума, второй созыв, 1907 год, сессия вторая. Т.1. – Санкт-Петербург: Государственная типография, 1907. – 322 с.
7. Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. / В. С. Дякин. – Ленинград, 1978. – 246 с.
8. Закон о преобразовании местного суда с приложением Временных правил о волостном суде: высочайше утвержденный 15 июня 1912 года : одобренный Государственным Советом и Государственной Думой : неофициальное. – Изд. 2-е. – Москва: издание юридического книжного магазина «Правоведение» И. К. Голубева, комиссионера государственной типографии, Типография П. П. Рябушинского, 1913. – 155 с.
9. Красильников Н. Д. Петр Аркадьевич Столыпин и его деятельность в первой, второй и третьей Государственной думе по важнейшим государственным вопросам: по финляндскому, польскому, по землеустроению крестьян, по вероисповедному, по введению земства в западном крае и многим другим крупнейшим явлениям общественной жизни / Н. Красильников. – Санкт-Петербург: Отеч. тип., 1912. – 63 с.
10. Ленин В. И. Полное собрание сочинений – 5-е изд. / В. И. Ленин. – Москва: Издательство политической литературы, 1968 / Итоги выборов Т. 22. – 325 с.
11. Малышева О. Г. Избирательная система и практика России в период думской монархии 1905-1917. / О.Г. Малышева. – Москва.: Квадрига, 2018. – 240 с.
12. О временных правилах о наказуемости участия в забастовках в предприятиях, имеющих общественное или государственное значение, а равно в учреждениях правительственных, и об обеспечении судьбы тех служащих, кои, не принимая участия в забастовках, пострадали от учиненного над ними насилия. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. – Санкт-Петербург, 1908. – Т. 25, отд. 1. – № 26987. – С. 850-852.
13. Обнинский В. П. Последний самодержец: Очерк жизни и царствования императора России Николая II. / В. П. Обнинский. – Berlin: E. Frowein, 1912. – 562 с.
14. Островский А. В. Россия. Самодержавие. Революция. Т. II. / А.В.Островский. – Москва: Товарищество научных изданий 2020. – 622 с.
15. Покровский М. Н. Русская история в самом сжатом очерке / М. Н. Покровский. – 4-е изд., посмертное – Москва: Парт. изд-во, 1933. – 543 с.
16. Смирнов А. Ф. Государственная дума Российской империи 1906-1917 гг. историко-правовой очерк / А. Ф. Смирнов. – Москва: Центрполиграф, 2021. – 718 с.

17. Стенографические отчеты 1-го Всероссийского съезда земских деятелей в Москве: заседания 20.1-15 июня 1907 г. – Москва: Городская типография, 1907. – 278 с.

18. *Столыпин П. А.* Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете 1906-1911. / «Нам нужна Великая Россия / П. А. Столыпин. – Москва: Молодая гвардия, 1991. – 411 с.

Тихоньких Виктор Петрович – историк, независимый исследователь, (г. Абакан, Россия), victor.tikhonkikh@mail.ru

STOLYPIN'S MODERNIZATION OF THE POLITICAL REGIME: TRANSFORMATION FROM CAESARISM TO BONAPARTISM

V. P. Tikhonkikh

The purpose of the article is to show that in the context of the modernization of the political regime in Russia at the beginning of the 20th century – a key aspect of which was the transition from Caesarism to Bonapartism – the preservation of the existing regime became dependent on its ability to adapt the political structure to new economic and social realities. At the same time, the preservation of the estate structure of society and the dominant role of the landed nobility as the foundation of monarchical power remained an indispensable condition of this transition. The author examines the modernization of the political regime as a transition from Caesarism to Bonapartism, and also focuses on the reasons for the preservation of the estate structure of society and the positions of the landed nobility – the foundations of monarchical power.

Keywords: P.A. Stolypin, agrarian question, landowners, peasants, peasant commune, landed estate, political power.

References

1. *Avrekh A. Ya.* P. A. Stolypin i sud'by reform v Rossii [P. A. Stolypin and the Fate of Reforms in Russia]. – Moscow: Politizdat, 1991. – 286 p. (In Russ.)
2. *Avrekh A. Ya.* Tsarizm i IV Duma 1912-1914 gg. [Tsarism and the IV Duma, 1912-1914] / A. Ya. Avrekh; AN SSSR. In-t istorii SSSR. – Moscow: Nauka, 1981. – 293 p. (In Russ.)
3. Blizhajshie zadachi zemskoj reformy: Dokl. chl. 3 Gos. dumy kn. A. D. Golitsyna v zasedanii TsK Soyuza 17 Okt. 5 maya 1913 g. [The Immediate Tasks of Zemstvo Reform: Report by Member of the 3rd State Duma, Prince A. D. Golitsyn, at the Meeting of the Central Committee of the Union of October 17, May 5, 1913]. – Moscow: T-vo tip. A.I. Mamontova, 1913. – 23 p. (In Russ.)
4. *Vitte S. Yu.* Vospominaniya. V 3 tomakh. T. 3. [Memoirs. In 3 vols. Vol. 3] / S. Yu. Vitte. – Moscow: Sotsekgiz, 1960. – 723 p. (In Russ.)
5. Vysochajshe utverzhdennoe Polozhenie o vyborakh v Gosudarstvennuyu Dumu. 6 avgusta 1905 g. [The Most Highly Approved Regulation on Elections to the State Duma. August 6, 1905] // Rossiya. Zakony i postanovleniya. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii. Sobranie 3-e: v 33 t. T. 25: 1905. Otdelenie 1: ot № 25605–27172 i dopolneniya [Russia. Laws and Regulations. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 3rd Collection: in 33 vols. Vol. 25: 1905. Department 1: from No. 25605–27172 and Supplements]. – Saint Petersburg: Gos. tip., 1908. – pp. 645-651. (In Russ.)
6. Stenograficheskie otchety / Gos. Duma, vtoroj sozyv, 1907 god, sessiya vtoraya. T.1. [Verbatim Reports / State Duma, Second Convocation, 1907, Second Session. Vol. 1]. – Saint Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya, 1907. – 322 p. (In Russ.)
7. *Dyakin V. S.* Samoderzhavie, burzhuziia i dvoryanstvo v 1907-1911 gg. [Autocracy, the Bourgeoisie and the Nobility in 1907-1911] / V. S. Dyakin. – Leningrad, 1978. – 246 p. (In Russ.)
8. Zakon o preobrazovanii mestnogo suda s prilozheniem Vremennykh pravil o volostnom sude: vysochajshe utverzhdenyj 15 iyunya 1912 goda: odobrennyj Gosudarstvennym Sovetom i Gosudarstvennoyu Dumoyu: neoficial'noe [The Law on the Transformation of the Local Court

with the Appendix of Temporary Rules on the Volost Court: Most Highly Approved on June 15, 1912: Approved by the State Council and the State Duma: Unofficial]. – 2nd ed. – Moscow: izdanie yuridicheskogo knizhnogo magazina «Pravovedenie» I. K. Golubeva, komissionera gosudarstvennoj tipografii, Tipografiya P. P. Ryabushinskogo, 1913. – 155 p. (In Russ.)

9. *Krasil'nikov N. D.* Petr Arkad'evich Stolypin i ego deyatel'nost' v pervoj, vtoroj i tret'ej Gosudarstvennoj dume po vazhnejshim gosudarstvennym voprosam: po finlyandskomu, pol'skomu, po zemleustrojstvu krest'yan, po veroispovednomu, po vvedeniyu zemstva v zapadnom krae i mnogim drugim krupnejshim yavleniyam obshchestvennoj zhizni [Pyotr Arkadyevich Stolypin and His Activities in the First, Second and Third State Dumas on the Most Important State Issues: on Finland, Poland, on Peasant Land Organization, on Religious Matters, on the Introduction of Zemstvo in the Western Territory and Many Other Major Phenomena of Public Life] / N. Krasil'nikov. – Saint Petersburg: Otech. tip., 1912. – 63 p. (In Russ.)

10. *Lenin V. I.* Polnoe sobranie sochinenij – 5-e izd. [Complete Works – 5th ed.] / V. I. Lenin. Itogi vyborov. T. 22 [Election Results. Vol. 22]. – Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1968. – 325 p. (In Russ.)

11. *Malysheva O. G.* Izbiratel'naya sistema i praktika Rossii v period dumskoj monarkhii 1905-1917 [The Electoral System and Practice of Russia during the Period of the Duma Monarchy 1905-1917] / O.G. Malysheva. – Moscow: Kvadriga, 2018. – 240 p. (In Russ.)

12. O vremennykh pravilakh o nakazuemosti uchastiya v zabastovkakh v predpriyatiyakh, imeyushchikh obshchestvennoe ili gosudarstvennoe znachenie, a ravno v uchrezhdeniyakh pravitel'stvennykh, i ob obespechenii sud'by tekhn sluzhashchikh, koie, ne prinimaya uchastiya v zabastovkakh, postradali ot uchinennogo nad nimi nasiliya [On Temporary Rules on the Punishability of Participation in Strikes in Enterprises of Public or State Importance, as well as in Government Institutions, and on Ensuring the Fate of Those Employees Who, Not Participating in Strikes, Suffered from Violence Committed Against Them] // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 3-e [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 3rd Collection]. – Saint Petersburg, 1908. – Vol. 25, dep. 1. – No. 26987. – pp. 850-852. (In Russ.)

13. *Obninskij V. P.* Poslednij samoderzhec: Oчерk zhizni i carstvovaniya imperatora Rossii Nikolaya II [The Last Autocrat: An Outline of the Life and Reign of Russian Emperor Nicholas II] / V. P. Obninskij. – Berlin: E. Frowein, 1912. – 562 p. (In Russ.)

14. *Ostrovskij A. V.* Rossiya. Samoderzhavie. Revolyuciya. T. II. [Russia. Autocracy. Revolution. Vol. II] / A.V. Ostrovskij. – Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdanij, 2020. – 622 p. (In Russ.)

15. *Pokrovskij M. N.* Russkaya istoriya v samom szhatom oчерke [Russian History in a Very Concise Outline] / M. N. Pokrovskij. – 4th ed., posmertnoe. – Moscow: Part. izd-vo, 1933. – 543 p. (In Russ.)

16. *Smirnov A. F.* Gosudarstvennaya дума Rossijskoj imperii 1906-1917 gg.: istoriko-pravovoj oчерk [The State Duma of the Russian Empire 1906-1917: A Historical and Legal Outline] / A. F. Smirnov. – Moscow: Centrpoligraf, 2021. – 718 p. (In Russ.)

17. Stenograficheskie otchety 1-go Vserossijskogo s'ezda zemskikh deyatelej v Moskve: zasedaniya 20.1-15 iyunya 1907 g. [Verbatim Reports of the 1st All-Russian Congress of Zemstvo Leaders in Moscow: Sessions of June 20-15, 1907]. – Moscow: Gorodskaya tipografiya, 1907. – 278 p. (In Russ.)

18. *Stolypin P. A.* Polnoe sobranie rechej v Gosudarstvennoj dume i Gosudarstvennom sovete 1906-1911. "Nam nuzhna Velikaya Rossiya" [Complete Collection of Speeches in the State Duma and State Council 1906-1911. "We Need a Great Russia"] / P. A. Stolypin. – Moscow: Molodaya gvardiya, 1991. – 411 p. (In Russ.)

Tikhonkikh Viktor Petrovich – historian, independent researcher, (Abakan, Russia), victor.tikhonkikh@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 17.02.2026; принята к публикации: 03.04.2026.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Тихоньких В. П. Столыпинская модернизация политического режима в России: трансформация от цезаризма к бонапартизму // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 2(16). – С. 46-59.

FOR CITATION:

Tikhonkikh V. P. Stolypinskaya modernizaciya politicheskogo rezhima v Rossii [Stolypin's modernization of the political regime: transformation from caesarism to bonapartism] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 46-59

УДК 623.612

СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ ВОЙСКАМИ В ПЕРВОМ ПЕРИОДЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

А. Г. Воротыло, П. П. Карпенко

В статье рассматривается создание нового звена в системе управления – Главные командования на стратегических направлениях, которые позволяли удовлетворить возросшие потребности в управлении огромными группировками войск, ведущими боевые действия на самостоятельных стратегических и операционных направлениях, на существенном удалении от действующих войск. Было принято решение приблизить стратегическое управление к фронту через промежуточное звено, тем самым повысить стабильность и оперативность управления войсками. Первые крупные сражения Великой Отечественной войны показали, что для эффективного решения задач на стратегических направлениях требовались усилия не одного, а двух и более фронтов с привлечением дальней бомбардировочной авиации, войск ПВО, а на приморских направлениях и сил ВМФ. Убедительную роль военной связи, как основного средства обеспечения управления вооружённой борьбой, подтвердили первые боевые действия начального периода войны.

Ключевые слова: Главные командования, Главкомандующий войсками, Генеральный штаб, Ставка Верховного Главкомандования, управление войсками, организация связи, стратегические направления, войска связи, полевые управления.

Исключительно наглядно роль военной коммуникации как главного инструмента, обеспечивающего руководство боевыми действиями, проявилась в период Великой Отечественной войны. Боевой опыт тех лет со всей очевидностью доказал: без надёжно работающей связи невозможно эффективно управлять войсками, а значит – невозможно добиться победы. В одной из директив Ставки Верховного Главкомандования прямо подчёркивалось: «Связь – основное средство, обеспечивающее управление войсками. Потеря связи есть потеря управления войсками, а потеря управления войсками в бою неизбежно ведёт к поражению».

Великая Отечественная война отличалась высокой динамикой, массированным применением войск и огромным количеством задействованной боевой техники. На начальном её этапе сложившаяся система руководства не в полной мере отвечала требованиям по управлению войсками, силами и вооружением. Главная причина такого положения крылась в значительной удалён-

ности Ставки от действующих на фронте соединений.

Возникла острая необходимость приблизить командование к боевым порядкам. Для решения этой задачи было сформировано дополнительное звено в иерархии управления – Главные командования на стратегических направлениях. Их создание позволило удовлетворить возросшие потребности в руководстве крупными группировками войск, которые вели сражения на самостоятельных стратегических и операционных направлениях.

На должностных лиц Ставки не возлагалось решение вопросов оперативно-стратегического и оперативного уровня. Было принято решение предоставить им возможность сосредоточить главное внимание на стратегических проблемах, а стратегическое управление приблизить к линии фронта через промежуточную инстанцию, что в итоге повысило устойчивость и оперативность руководства войсками.

Первые же крупные сражения на советско-германском фронте показали: для эффективного решения задач на

стратегических направлениях требовались усилия не одного, а двух-трёх фронтов с привлечением дальней бомбардировочной авиации, войск ПВО, а на приморских направлениях – также сил Военно-морского флота. Поэтому уже в начальный период войны, 24 июня 1941 года, на базе Ленинградского военного округа был создан Северный фронт; затем, 25 июня 1941 года, из состава Московского военного округа сформировано полевое управление Южного фронта. 26 июля 1941 года на базе полевого управления 4-й армии возник Центральный фронт, а 30 июля 1941 года – Резервный фронт. Иными словами, количество фронтов на стратегических направлениях резко возросло [1].

Для объединения усилий войск и координации их действий в рамках стратегических направлений против групп армий гитлеровской Германии решением ГКО от 10 июля 1941 года были созданы Главные командования по управлению группировками войск на Северо-Западном, Западном и Юго-Западном стратегических направлениях [2]. За всё время Великой Отечественной войны было образовано пять Главных направлений, из которых четыре действовали на советско-германском фронте.

Главными командующими войсками направлений были назначены военачальники, хорошо известные всей стране, а членами военных советов – видные партийные и государственные деятели.

Полевые управления и штабы главных командующих направлениями создавались в спешке, при отсутствии опыта формирования подобных органов управления. Командный состав поступал из центрального аппарата Наркомата обороны, штабов фронтов и военных округов, а политработники – из крайкомов, обкомов и горкомов партии.

К началу Великой Отечественной войны 1941-1945 годов в состав полевого управления фронта (армии) входили: командование, штаб, управление (отдел) политической пропаганды, командую-

щие (начальники) родов войск (артиллерии, ВВС, автобронетанковых войск), специальных войск и служб (инженерных, связи, военных сообщений, химических, топографической и других), управления (отделы, службы) тылового устройства, кадров, финансовый орган, военная прокуратура и военный трибунал. С началом войны в Красной армии полевые управления фронтов и армий создавались как на базе уже существовавших военных округов и армий, так и путём формирования их заново. Были учреждены военные советы фронтов (армий), которые несли всю полноту ответственности за морально-политическое состояние, боеготовность и боевые действия войск. В годы войны в организацию полевых управлений фронтов и армий вносились изменения в соответствии с развитием Вооружённых сил и накопленным опытом. Согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16 июля 1941 года «О реорганизации органов политической пропаганды и введении института военных комиссаров в Рабоче-Крестьянской Красной армии» управления (отделы) политической пропаганды фронтов (армий), входившие в состав их полевых управлений, были преобразованы в политические управления (отделы). В конце июля 1941 года в соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны (ГКО) началась реорганизация и органов снабжения. Во фронтах и армиях создали управления тыла во главе с начальниками тыла, которые одновременно являлись заместителями командующего по тылу. В мае-июне 1942 года, в связи с формированием воздушных армий, управления ВВС фронтов (армий) были упразднены, а вместо них во фронтах стали создаваться управления воздушных армий. Для усиления руководства партизанским движением и оказания постоянной помощи партизанам постановлением ГКО от 30 мая 1942 года при военных советах ряда фронтов были созданы штабы партизанского движения. С целью луч-

шего изучения, обобщения и использования боевого опыта в апреле 1942 года в штабах фронтов учредили отделения по использованию опыта войны. В том же году для улучшения руководства восстановлением и ремонтом фронтовых железных, шоссейных и грунтовых дорог в составе полевых управлений фронтов сформировали управления военно-восстановительных работ, а в 1943 году – управления дорожной службы.

К концу войны полевое управление фронта (армии) включало: командование, штаб, политическое управление (отдел), командующих (начальников) родами войск, специальных войск и служб с соответствующими штабами (управлениями), начальника тыла со штабом и тыловыми службами, управление кадров, финансовый орган, военную прокуратуру и трибунал. Для обеспечения деятельности полевого управления при нём имелись соответствующие части (подразделения) связи, транспортной авиации, инженерных, автомобильных войск, а также части (учреждения) тылового обеспечения и обслуживания. Полевое управление возглавлял командующий, который являлся председателем военного совета фронта (армии). С учётом предложений членов военного совета он принимал решения по управлению подчинёнными войсками и проводил их в жизнь, отдавая приказы и распоряжения лично и через штаб. Штаб в системе полевого управления был основным и старшим по отношению ко всем другим штабам, управлениям, отделам и службам фронта (армии). На начальника штаба возлагалась организация работы всего полевого управления, согласование деятельности командующих (начальников) родами войск, специальных войск и служб, а также заместителей командующего в интересах подготовки и успешного ведения операций. Систематически совершенствуясь и накапливая практический опыт, полевые управления фронтов и армий в годы войны в основном успешно решали задачи в оборонительных и

наступательных операциях, а также в организации обеспечения войск всеми необходимыми материальными средствами. Опыт деятельности полевых управлений, полученный в ходе войны, не утратил своего значения и в современных условиях.

В создании полевых управлений главкоматов имелся ряд особенностей. Так, главком Северо-Западного направления Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов уже 11 июля выехал на поезде из Москвы в Ленинград вместе с начальником штаба направления генералом М. В. Захаровым и несколькими штабными офицерами [3]. Остальной же личный состав полевого управления главкомата прибыл значительно позже. Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко в день своего назначения главкомом войск Западного стратегического направления являлся командующим войсками Западного фронта и на первых порах опирался на штаб этого фронта. Почти неделю он продолжал подписывать все документы как командующий войсками Западного фронта [4]. Маршал Советского Союза С. М. Будённый был назначен главкомом войск Юго-Западного стратегического направления с должности командующего 21-й армией Западного фронта, штаб которой располагался в Гомеле. Для укомплектования своего аппарата маршал Будённый использовал офицеров штаба этой армии. К 12 июля в распоряжении начальника штаба Юго-Западного направления генерала А. П. Покровского находилось всего 9 офицеров-операторов, а также 3 разведчика, 5 связистов, 5 шифровальщиков и 3 офицера тыла [5].

Штаты полевых управлений главнокомандующих разрабатывались самими главкомами и утверждались Генеральным штабом. Поэтому их организация имела некоторые различия.

20 июля 1941 года директивой заместителя наркома обороны генерала армии Г. К. Жукова был утверждён штат аппарата Главнокомандующего войска-

ми Западного направления. В нём предусматривалось наличие 110 человек командного и начальствующего состава, двух маршалов (С. К. Тимошенко и Б. М. Шапошников) и 40 генералов [5]. Штат полевого управления Главкомандующего войсками Северо-Западного направления численностью 190 человек (171 военнослужащий и 19 вольнонаёмных) [6] был введён в действие только 2 августа. В составе полевого управления Северо-Западного направления имелась морская группа, осуществлявшая взаимодействие войск и сил Краснознамённого Балтийского флота. Она насчитывала 6 человек и являлась рабочим органом заместителя народного комиссара ВМФ И. С. Исакова, который исполнял обязанности заместителя Главкомандующего Северо-Западного направления. В состав морской группы входили операторы по родам сил флота, офицеры разведывательного отдела, отделов связи и тыла [5]. Штат полевого управления главкомата войсками Юго-Западного направления численностью 215 человек, в том числе 202 военнослужащих и 13 вольнонаёмных, был утверждён 16 августа. Впоследствии штатная численность полевых управлений менялась [6].

Главным рабочим органом полевого управления главкомандования направления являлся штаб. Именно он осуществлял планирование предстоящих операций и обеспечивал организацию управления войсками.

В начальный период Великой Отечественной войны Народным комиссариатом связи (НКС) и Главным управлением связи Красной армии (ГУСКА) под руководством И. Т. Пересыпкина был выполнен колоссальный объём задач по наращиванию системы связи, а соответственно – по расширению возможностей управления войсками.

Только за первые 9 месяцев войны на вновь построенных и уже существовавших линиях НКС было подвешено медных проводов больше, чем за пять предшествовавших войне лет. За первые

полтора года войны было введено в эксплуатацию 70 000 км новых междугородных телефонных каналов. Значительно выросли и ежегодные почтовые отправления: их число достигало около 3 млрд. писем, 6 млрд. газет и журналов, свыше 100 млн. денежных переводов с общим оборотом в 50 млрд. рублей, а также до 10 млн. посылок.

В октябре 1941 года было организовано строительство резервного узла связи Ставки ВГК в городе Арзамасе. Строительство этого узла завершили за пять суток, хотя в обычное военное время на сооружение такого объекта потребовалось бы не менее 15-20 суток.

В период с 1 января 1942 года по 1 апреля 1943 года на всех фронтах воинскими частями связи было построено 21 500 км постоянных линий, подвешено свыше 121 000 км новых проводов, восстановлено 190 000 км разрушенных или повреждённых линий связи. В этот же период было сформировано более 1674 частей и подразделений различного назначения, из них в первый год войны – более 1000, в 1943 году – 464, в 1944 году – 210. К этому необходимо добавить и количество частей и подразделений связи, развёртывавшихся в корпусах и дивизиях.

Значение войск связи в обеспечении управления войсками неуклонно возрастало. Это выражалось в повышении удельного веса войск связи в общей структуре Советских Вооружённых сил. «Численность войск связи за время войны выросла в 4 раза. По мере накопления опыта, освоения новых технических средств связисты всё более успешно справлялись с выполнением сложных задач по обеспечению бесперебойного управления войсками» [7]. Общая численность всех войск связи за годы войны достигла почти 1 миллиона человек.

Высшей оценкой деятельности НКС и ГУСКА во главе с И. Т. Пересыпкиным в годы Великой Отечественной войны стало присвоение ему 21 февраля 1944 года – впервые в истории Вооружённых

сил СССР – воинского звания маршала войск связи, а также размещение его фотографии в газете «Правда» за 9 мая 1945 года среди фотографий полководцев и военачальников, внёсших наибольший вклад в Победу в этой войне.

Войска связи в годы войны внесли весомый вклад в разгром ненавистного врага. Родина по достоинству оценила ратный труд военных связистов. За годы войны 303 военных связиста были удостоены звания Героя Советского Союза, 106 отважных связистов стали полными

кавалерами ордена Славы, десятки тысяч награждены орденами и медалями СССР. Около 600 частей связи отмечено наградами Родины, более 200 из них – дважды, 58 отдельным частям связи присвоены гвардейские наименования, многие части удостоены почётных наименований городов.

Богатейший опыт, накопленный войсками связи в годы Великой Отечественной войны, был обобщён, изучен и положен в основу их послевоенного развития.

Список источников и литературы

1. Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной Войне 1941-1945 : Воен.-ист. очерк / Отв. ред. ген.-лейт. Платонов С.П.; Воен.-науч. упр. Ген. штаба. Воен.-ист. отд. Т. 1: Операции Советских Вооруженных Сил в период коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны. Июнь 1941-ноябрь 1942 г. – М.: Воениздат, 1958. – 726 с.
2. История второй мировой войны 1939-1945 гг. (в 12 томах). – Том 3. Начало войны. Подготовка агрессии против СССР. – М.: Воениздат, 1974. – 498 с.
3. Начальный период войны (По опыту первых кампаний и операций второй мировой войны) / Под общей редакцией генерала армии С. П. Иванова. – М., Воениздат, 1974. – 357 с.
4. ЦАМО СССР, ф.32 ОПС, оп. 16787, б.1, л. 41-51.
5. ЦАМО СССР, оп. 12173, д. 685, л. 22, 25.
6. Гуркин В. Некоторые вопросы из опыта создания и деятельности главных командований войск направлений в первом периоде Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 1986. № 7. С. 11-19
7. История второй мировой войны 1939-1945 гг. (в 12 томах). – Том 5. Провал агрессивных планов фашистского блока. – М.: Воениздат, 1975. – 512 с.

Воротыло Александр Григорьевич – научный сотрудник, Военная академия связи имени С. М. Будённого, (г. Санкт-Петербург, Россия), vag.69@mail.ru

Карпенко Петр Павлович – научный сотрудник, Военная академия связи имени С. М. Будённого (г. Санкт-Петербург, Россия), pkarpenko1959@gmail.com

CREATION OF THE TROOP COMMAND SYSTEM IN THE FIRST PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

A. G. Vorotylo, P. P. Karpenko

The article examines the creation of a new link in the command system – the Main Commands on strategic directions – which made it possible to meet the increased demands of commanding large troop groupings conducting combat operations on independent strategic and operational directions at a considerable distance from the operating forces. The decision was made to bring strategic command closer to the front through an intermediate link, thereby enhancing the stability and efficiency of troop command. The first major battles of the Great Patriotic War demonstrated that effectively addressing tasks on strategic directions required the efforts not of one, but of two or more fronts, with the involvement of long-range bomber aviation, air defense forces, and, in coastal directions, naval forces. The compelling role of military communications as the primary means of ensuring command and control of armed struggle was confirmed by the first combat operations of the initial period of the war.

Keywords: Main Commands, Commander-in-Chief of Forces, General Staff, Headquarters of the Supreme High Command, troop command, communications organization, strategic directions, signal troops, field headquarters.

References

1. Operacii Sovetskikh Vooruzhennykh Sil v Velikoj Otechestvennoj Vojne 1941-1945: Voen.-ist. ocherk [Operations of the Soviet Armed Forces in the Great Patriotic War 1941-1945: A Military-Historical Sketch] / Ed. by Gen.-leit. Platonov S.P.; Voen.-nauch. upr. Gen. shtaba. Voen.-ist. otd. Vol. 1: Operacii Sovetskikh Vooruzhennykh Sil v period korennoogo pereloma v khode Velikoj Otechestvennoj vojny. Iyun' 1941-noyabr' 1942 g. [Operations of the Soviet Armed Forces during the Period of Radical Change in the Course of the Great Patriotic War. June 1941 – November 1942]. – Moscow: Voenizdat, 1958. – 726 p. (In Russ.)
2. Istoriya vtoroj mirovoj vojny 1939-1945 gg. (v 12 tomakh). Tom 3. Nachalo vojny. Podgotovka agressii protiv SSSR [History of the Second World War 1939-1945 (in 12 volumes). Volume 3. The Beginning of the War. Preparation of Aggression against the USSR]. – Moscow: Voenizdat, 1974. – 498 p. (In Russ.)
3. Nachal'nyj period vojny (Po opytu pervykh kampanij i operacij vtoroj mirovoj vojny) [The Initial Period of the War (Based on the Experience of the First Campaigns and Operations of the Second World War)] / Ed. by general armii S. P. Ivanov. – Moscow: Voenizdat, 1974. – 357 p. (In Russ.)
4. TsAMO SSSR [Central Archive of the Ministry of Defense of the USSR], f.32 OPS, op. 16787, b.1, l. 41-51. (In Russ.)
5. TsAMO SSSR, op. 12173, d. 685, l. 22, 25. (In Russ.)
6. Gurkin V. Nekotorye voprosy iz opyta sozdaniya i deyatelnosti glavnykh komandovanij vojsk napravlenij v pervom periode Velikoj Otechestvennoj vojny [Certain Issues from the Experience of the Creation and Activity of the High Commands of the Directional Troops in the First Period of the Great Patriotic War] // Voенно-istoricheskij zhurnal [Military Historical Journal]. 1986. No. 7. pp. 11-19. (In Russ.)
7. Istoriya vtoroj mirovoj vojny 1939-1945 gg. (v 12 tomakh). Tom 5. Proval agressivnykh planov fashistskogo bloka [History of the Second World War 1939-1945 (in 12 volumes). Volume 5. The Failure of the Aggressive Plans of the Fascist Bloc]. – Moscow: Voenizdat, 1975. – 512 p. (In Russ.)

Vorotylo Alexander Grigorievich – researcher, Budyonny Military Academy of the Signal Corps, (St. Petersburg, Russia), vag.69@mail.ru

Karpenko Petr Pavlovich – researcher, Budyonny Military Academy of the Signal Corps, (St. Petersburg, Russia), pkarpenko1959@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 28.04.2026; принята к публикации: 20.05.2026.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Vorotylo A. G., Karpenko P. P. Sozdanie sistemy upravleniya vojskami v pervom periode Velikoj Otechestvennoj vojny // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 2(16). – С. 60-65.

FOR CITATION:

Vorotylo A. G., Karpenko P. P. Sozdanie sistemy upravleniya vojskami v pervom periode Velikoj Otechestvennoj vojny [Creation of the troop command system in the first period of the Great Patriotic war] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 60-65.

ПОЛЯРНОЕ МОРЕПЛАВАНИЕ РОССИИ В XVII ВЕКЕ

Е. Г. Овчинникова, Н. Н. Овчинников

Единственным регионом, где продолжало развиваться русское торговое судоходство и судостроение в XVII веке, был север. К этому времени сформировалась внешнеторговая политика государства, направленная на установление равных условий в торговле с иностранцами, защиту внутреннего судоходства, освоения новых территорий Сибири и Дальнего Востока. В данной статье рассматриваются основные проблемы, связанные с реализацией этой политики.

Ключевые слова: русское купечество, торговля, политика правительства, Мангазейский морской ход, полярные моря.

Важную роль в развитии торговых связей с Европой и полярного мореплавания в XVII в. сыграл так называемый Мангазейский морской ход, ускоривший доставку пушнины из Сибири в Центральную Россию. Ежегодно поморские мореходы и промышленники толпами пускались в далекую «заморскую» Мангазею в поисках пушного зверя. Путь вел от Белого моря к городу-крепости Мангазея*, основанной в 1601 году на реке Таз. В конце XVI – начале XVII вв. этот город стал главным пунктом торговли мехами. Первые сведения о Мангазейской земле проникли на Русь от новгородских промысловиков еще в XV веке. В рукописи под названием: «Сказание о человецех незнаемых на восточной стране и о языцех розных», содержится обширный перечень племен самоеди, проживавших «вблизи моря» [1, с. 4-6].

В этих полуфантастических рассказах русских людей привлекало обилие пушного зверя в этой земле. В XVI столетии слухи о Мангазее дошли до Западной Европы, особенно после начала поиска северо-восточного прохода, когда начался интенсивный сбор информации о территориях, лежащих к востоку от Уральского хребта.

Документально известно, что в 70-х гг. XVI века на сибирской реке Таз уже

существовало крупное поморское становище. В 1617 году по приказу торговые и промышленные люди ходят торговать с рек Пинеги, Мизени и Северной Двины по морю, «которого лета льды пропустят, в Мангазею для промыслов своих лет по двадцати и по тридцати и больше». Эти сведения подтверждаются данными археологических раскопок на территории мангазейского городища, где наиболее ранние из сохранившихся построек датируются семидесятыми годами XVI века [2, с. 34]. Обнаруженные сооружения являются следами древнего Тазовского городка, который в XVI веке представлял собой крупное поморское промысловое становище.

Конец XVI – начало XVII вв. было временем перехода от стихийного поморского промыслового освоения северных территорий и прилегающих к ним морей к последовательной государственной политике колонизации. Одним из проявлений этой политики стало основание в 1601 году на месте поморского Тазовского городка – Мангазеи как главного города всего Мангазейского уезда. Значение Мангазеи особенно велико в развитии арктического мореплавания и освоения Сибири. На протяжении полувека она являлась здесь единственным морским портом. Мангазея связывала Белое море с устьями рек Енисея и Лены, а также с побережьем полуострова Таймыр.

* Слово «Мангазея» на коми-зырянском языке означает «край земли» или «земля вблизи моря», т. е. Обской и Тазовской губ.

В Мангазею вело три пути. Первый, основной, имел название Мангазейский морской ход и напрямую связывал Поморье с Мангазеей. По своему характеру этот ход был не только морским. Он включал два сухопутных волока, что позволяло мореходам существенно сократить время пути и избежать труднопреодолимого в ледовом отношении участка Карского моря к северу от полуострова Ямал. Путь в Мангазею морем занимал в среднем 3-4 месяца, а иногда из-за непогоды и непроходимых льдов кочи промышленников зимовали в Пустозерском остроге*.

Второй путь в «златокипящую государеву вотчину», как называли Мангазею, был речным и частично морским. После закрытия в 1619 году Мангазейского морского хода он оставался единственным для достижения города. Маршрут проходил по левым притокам Печоры рекам Цильме и Ижмы. Далее по Печоре он вел вверх, переходил в ее правый приток реку Усу, из Усы путь шел в ее приток Соби, из Соби в Елец, а из Ельца волоком добирались до верховий другой Соби, впадающей в Обь. Перевалив через Урал, обской Собью, выходили в Обь, так как «иной дороги, опричь Соби-реки через Камень летним путем» не было. От устья Соби по Обской и Тазовской губе и реки Таз попадали в Мангазею. Печорский «черезкаменный» путь был тяжелым и опасным. Реки и речки проходили на мелких судах: набойных лодках или однодеревках. Через волок их тащили на катках, перевозили на оленях и собаках.

Третий возможный способ достигнуть Мангазею был морской, в обход полуострова Канин Нос и Ямал без форсирования рек и волоков. Этот путь предполагал использование особых судов – «новоземельных кочей», не предназна-

ченных для преодоления сухопутных волоков. Вопрос о регулярности плавания поморов морским путем в Мангазею и далее в устье Енисея до конца не решен, но то, что этот путь был хорошо известен русским мореходам, не вызывает сомнений [3, с. 198]. Морской переход в Мангазею совершался поморами на «малых кочах», предназначенных для смешанных морских (прибрежных), речных и волоковых путей. Суда этого класса были относительно легкими, имели небольшой размер, их длина обычно не превышала 8 м. На борт в XVII в. они брали около семи тонн груза, «а груза в кочах четвертей по сту и больше, в четыре пуда четверть». Коч (коча, кочмара, кочмара) появился еще в XIII в. Эти суда были идеально приспособлены для плавания в северных широтах среди битого льда, в мелкой воде и для передвижения волоком. Предположительно, название «коч» произошло от слова «коца» – «ледовая шуба». Так называлась вторая обшивка корпуса, сделанная из прочных дубовых или лиственных досок в районе переменной ватерлинии. Она предохраняла основную обшивку от повреждений при плавании среди льдов. Коч имел два якоря по четыре с половиной пуда каждый и несколько якорей поменьше – двухпудовых

Морской путь в богатую Сибирь, которую называли «Малая Индия», привлекал внимание иностранцев, стремившихся организовать здесь свои фактории. Они всяческими путями пытались выведать у поморов дорогу на Обь и далее на реки Таз и Енисей. Тобольский воевода сообщал о попытке в 1607 г. «галанских немцев» на кораблях морем из Мангазеи пройти к Енисею, но «льдом их в Енисею не пропустило проведовать». Все эти известия о походах немцев в Карскую губу, сильно напугали тобольского воеводу. В своих отписках царю он выказывал опасение, что если «немцы» могут ходить в Мангазею, не оставаясь на зимовку в Архангельске, то они способны со своими «воинскими

* В прошлом город в 23 км от Нарьян-Мара (Ненецкий автономный округ), на берегу озера Пустое. Первый город в заполярье. Основан в 1499 г. в Югорской земле по указу Ивана III. До 1780 г. административный центр Печорского края.

людьми» внезапно захватить Мангазею или любой сибирский город. Русских здесь немного и «стоять против многих людей некем» [4, с. 1053-1054], – докладывал воевода.

В 1616 г. воевода Иван Куракин ходатайствовал перед московскими властями о полном запрете русским ходить морем в Мангазею. В том же году из Москвы был прислан указ, запретивший морской путь в Мангазею тем людям, которые вздумают вперед ходить в Сибирь. В 1618 г., вняв доводам купцов и промышленников, что запрет нанесет «государевой соболиной казне убытку», царь Михаил Федорович отменил первоначальный указ. Но окончательно разрешить этот вопрос, было предложено местной администрации.

Как только прямая угроза захвата иностранными компаниями земель в Сибири миновала, правительство стало «забывать» о запрете морского Мангазейского хода. По свидетельству сожителя морских промыслов на Севере графа П. И. Шувалова, в конце XVII века через Карское море к устьям рек Обь и Таз ежегодно приходило от 30 до 40 кочей как с «промышленным заводом», так и с местными товарами для обмена их на меха у ненцев. Этот путь поморы называли «заворотом» [5, с. 125].

Важным этапом в многочисленных плаваниях русских моряков в водах полярных морей стал знаменитый поход 1648 г. Федота Алексеева (Попова) и Семена Ивановича Дежнева из устья Колымы вокруг Чукотского носа на реку Пагычу (Анадырь). Однако плавание продолжалось недолго. Тяжелые льды не позволили участникам экспедиции пройти морем до Анадыря, и кочи вернулись в Нижнеколымск.

Был организован новый поход на восток от Колымы. Подготовкой занимались Федот Алексеев, Афанасий Андреев и Бессон Астафьев – приказчики московских гостей Усовых и Гусельниковых, богатых купцов, имевших право торговать за границей. О размахе торговой

операции свидетельствует то, что Федот Алексеев имел при себе 3500 руб. и еще какое-то количество товара для обмена. Якутская таможня оценила снаряжение экспедиции в крупную по тем временам сумму – 1673 руб. Кроме провианта, оружия, орудий пушного и рыбного промыслов, обменного товара участники похода взяли с собой «13 маток в костях» (компасов в костяной оправе).

Отряд вышел из Нижнеколымска 20 июня в раннее для этих широт время. В плавание первоначально вышли шесть кочей, которыми командовали Федот Алексеев и Семен Дежнев, но в последний момент к ним присоединился седьмой коч «беглых ленских казаков» во главе с Герасимом Анкудиновым. Всего в походе приняло участие 90 человек. Из устья Колымы кочи вышли в море и в конце августа или в начале сентября, не доходя до «Большого Каменного Носу», у северо-восточных берегов бурей о льды разбило два судна. В проливе во время шторма потерпел крушение коч Герасима Анкудинова и «разбойный люд» разместили на кочах Федота Алексеева. Несколько дней экспедиция оставалась на Чукотском полуострове, затем, прижимаясь к скалистому побережью, флотилия отправилась на юг и в последних числах сентября прибыла в район Чукотского мыса на юго-востоке Чукотского полуострова. Здесь произошла первая стычка с воинственными чукчами, которые в драке ранили торгового человека Федота Алексеева.

В начале октября 1648 г. от мыса Чукотский кочи Дежнева и Алексева вышли в Берингово море. Во время шторма суда разбросало в разные стороны. Коч Дежнева выбросило «в передний конец за Анадырь реку», судя по всему, на побережье Олюторского полуострова, а суда Федота Алексева – в его более южную часть. Впоследствии Алексеев и его товарищи погибли. На коче Дежнева оставалось 25 человек. Дежнев принял решение направиться через горы к реке Анадырь. Отряд десять недель

шел по неизведанной территории в холоде и голоде. До верховий реки Анадырь, где было поставлено зимовье, с Дежневым пришло 12 человек. В 1660 г. Дежнев с «костяной казной» (130 пудов моржовых клыков, из них 50 пудов своего промысла) прибыл из Анадыри на Колыму. В 1661 г. на коче промышленника Ивана Ерастова морем он прошел в Лену, а оттуда в 1662 г. в Якутск. Из Якутска с государевой казной Дежнев был отправлен в Москву. В Москве Семен Иванович Дежнев получил жалование за 19 лет своей службы и умер в 1672 г. весьма состоятельным человеком, так и не узнав, что был участником великого географического открытия.

Экспедиция Федота Алексеева и Степана Дежнева доказала существование пролива между Азией и Америкой. Русские первопроходцы открыли морской путь вокруг Северо-Восточной Азии. Кроме того, Дежнев первым описал Чукотский полуостров и реку Анадырь, открыл острова Диомиды, на которых жили эскимосы. Походом Алексеева–Дежнева завершилось освоение поморами, промышленными людьми и казаками побережий между Белым морем,

реками Европейского Севера и Сибири. Таким образом, подтвердилась возможность достижения Тихого океана с запада северо-восточным проходом.

По морским дорогам, проложенным в первой половине XVII в. ежегодно шли караваны судов. Прямые поездки от Лены на Колыму, Индигирку и обратно были обычным явлением. Активное морское судоходство по рекам и морям Восточной Сибири продолжалось вплоть до упадка промыслов в 80-х гг. XVII в. По подсчетам М. И. Белова с 1633 по 1689 гг. было предпринято 177 плаваний по Арктическим морям: с 1633 по 1649 гг. – 9; с 1641 по 1650 гг. – 54; с 1651 по 1660 гг. – 47; с 1661 по 1670 гг. – 43; с 1671 по 1680 гг. – 12 и с 1682 по 1689 гг. – 12. Благодаря развитию полярного мореплавания стало возможным открытие Чукотки и Камчатки, Аляски и тихоокеанских островов, включение в состав России огромных территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока. Если в начале XVI в. протяженность России составляла свыше 1 млн. кв. верст, то в 1689 г. Московское государство охватывало пространство в 12 млн. кв. верст [6, с. 254-255].

Список источников и литературы

1. *Титов А.* Сибирь в XVII в.: сборник старинных русских статей о Сибири и прилегающих к ней землях / А. Титов. – М., 1890. – 262 с.
2. *Белов М. И.* Мангазея. Мангазейский морской ход / М. И. Белов, О. В. Овсянников, В. Ф. Старков, – Л.: Гидрометеоиздат, 1980. – 164 с.
3. *Дубровин Г. Е.* История северного судостроения / Г. Е. Дубровин, А. В. Огороков, В. Ф. Старков, П. Ю. Черносвитов. – СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2001, – 404 с.
4. Русская историческая библиотека: в 39 т. – т.2 Сборник различных актов XVI – XVII вв. – СПб., 1894, с. 1053-1054.
5. *Окладников Н. А.* Российские колумбы. Мезенские полярные мореходы и землепроходцы (XVI – нач. XX вв.) – Архангельск: Правда Севера, 2008. – 358 с.
6. *Кулишер И. М.* История русского народного хозяйства. М., Наука, 2004. – 751 с.

Овчинникова Елена Григорьевна – к. и. н., доцент кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), egovc@mail.ru

Овчинников Николай Николаевич – к. и. н., доцент, заведующий кафедрой Отечественной истории, политологии и социологии, Государственный университет морского и речного флота имени адмирала С. О. Макарова, (г. Санкт-Петербург, Россия), nnovch@mail.ru

RUSSIAN POLAR NAVIGATION IN THE 17TH CENTURY

E. G. Ovchinnikova, N. N. Ovchinnikov

The only region where Russian commercial shipping and shipbuilding continued to develop in the 17th century was the North. By that time, the state's foreign trade policy had taken shape, aimed at establishing equal conditions in trade with foreigners, protecting domestic navigation, and exploring new territories in Siberia and the Far East. This article examines the main problems associated with the implementation of this policy.

Keywords: Russian merchants, trade, government policy, Mangazeya sea route, polar seas.

References

1. *Titov A. Sibir' v XVII v.: sbornik starinnykh russkikh statej o Sibiri i privileyushchikh k nej zemlyakh* [Siberia in the 17th Century: A Collection of Old Russian Articles on Siberia and the Lands Adjoining It] / A. Titov. – Moscow, 1890. – 262 p. (In Russ.)
2. *Belov M. I. Mangazeya. Mangazejskij morskoy khod* [Mangazeya. The Mangazeya Sea Route] / M. I. Belov, O. V. Ovsyannikov, V. F. Starkov. – Leningrad: Gidrometeoizdat, 1980. – 164 p. (In Russ.)
3. *Dubrovin G. E. Istoriya severnogo sudostroeniya* [History of Northern Shipbuilding] / G. E. Dubrovin, A. V. Okorokov, V. F. Starkov, P. Yu. Chernosvitov. – Saint Petersburg: Aletejya, 2001. – 404 p. (In Russ.)
4. *Russkaya istoricheskaya biblioteka: v 39 t. T. 2: Sbornik razlichnykh aktov XVI – XVII vv.* [Russian Historical Library: in 39 vols. Vol. 2: Collection of Various Acts of the 16th – 17th Centuries]. – Saint Petersburg, 1894. – pp. 1053-1054. (In Russ.)
5. *Okladnikov N. A. Rossijskie kolumby. Mezenskie polyarnye morekhody i zemleprokhodcy (XVI – nach. XX vv.)* [Russian Columbuses. Mezen Polar Seafarers and Explorers (16th – Early 20th Centuries)]. – Arkhangelsk: Pravda Severa, 2008. – 358 p. (In Russ.)
6. *Kulisher I. M. Istoriya russkogo narodnogo khozyajstva* [History of the Russian National Economy]. – Moscow: Nauka, 2004. – 751 p. (In Russ.)

Ovchinnikova Elena Grigoryevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Regional Studies, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), egovc@mail.ru

Ovchinnikov Nikolay Nikolaevich – Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Russian History, Political Science and Sociology, Admiral S.O. Makarov State University of Maritime and Inland Shipping, (St. Petersburg, Russia), nnovch@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 03.02.2026; принята к публикации: 20.03.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Овчинникова Е. Г., Овчинников Н. Н. Полярное мореплавание России в XVII веке // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 2(16). – С. 66-70.

FOR CITATION:

Ovchinnikova E. G., Ovchinnikov N. N. Polyarnoe moreplavanie Rossii v XVII veke [Russian polar navigation in the 17th century] // *Sociogumanitarnye kommunikacii* [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 66-70.

О ВЕРОЯТНОСТИ НЕСЛУЧАЙНОГО СОВПАДЕНИЯ ИМЕН ПЕРВЫХ РЮРИКОВИЧЕЙ И ГЕРОЕВ *SÖGUBROT AF FORNKONUNGUM*. ЧАСТЬ II. ВЕРОЯТНОСТНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОНОМАСТИЧЕСКИХ СОВПАДЕНИЙ¹

О. Л. Губарев

*Случайными кажутся события,
причины, которых мы не знаем*
Демокрит

Статья посвящена вероятностному анализу совпадений имен первых Рюриковичей и героев «Sögubrot». С помощью гипергеометрического распределения оценивается вероятность случайности таких совпадений. Анализ выявляет, что совпадения не могут быть объяснены только случайностью, а скорее отражают общую культурную традицию скандинавского и древнерусского пространства. Рассмотрены историко-ономастические и текстологические аспекты, подкрепленные математической моделью.

Ключевые слова: Рюриковичи, ПВЛ, *Sögubrot*, гипергеометрическое распределение, вероятность, совпадение.

Актуальность вероятностного расчета совпадения имен.²

В первой части данной статьи, опубликованной в журнале «Социогуманитарные коммуникации» №4 за 2025 г., я описал проблему совпадения имен первых Рюриковичей с именами героев «Фрагмента о некоторых древних конунгах...» (далее *Sögubrot*), с исторической точки зрения без каких-либо количественных оценок.

А. Винрот [18, p.61-67] настаивает на возможности случайного совпадения имен трех разных Рюриков (*Hrurikr*), однако его анализ не включает количественную оценку, что ограничивает методологическую строгость его заключений. В отличие от этого, в данном исследовании проводится вероятностный расчет, который позволяет дать количественную оценку степени случайности совпадений.

На фоне подобных заявлений о возможности простого случайного совпа-

дения имен представляется актуальной попытка количественной оценки степени согласованности наблюдаемых совпадений с моделью случайного выбора имён, с учётом методологических ограничений такого подхода.

История вопроса.

Поиск показал, что существует обширнейшая литература по текстовому анализу раннесредневековых источников, также как имеется и разработана детально теория вероятности для определения случайности или достоверности событий.

Но если рассматривать исследования, хотя бы как-то относящиеся к теме, то обращает на себя внимание относительно небольшое количество работ.

Ф. Б. Успенский посвятил ряд работ по отдельности древнерусскому и скандинавскому именованию [2001; 2006]. А. Роув анализирует *Sögubrot* с точки зрения упоминаний верховного бога скандинавов Одина в этом источнике [16, p.1-16].

А. А. Молчанов посвятил доклад на конференции и небольшую статью на основе доклада анализу родовых имен клана Скьельдунгов в связи с гипотезой тождества Рюрика и Рёрика Фрисланд-

¹ Первая часть статьи также опубликована в журнале «Социогуманитарные коммуникации» №4 за 2025 г.

² Моя благодарность Владимиру Пашинскому, привлечшему мое внимание к необходимости подобного расчета для подтверждения моей гипотезы, а также Марии Витальевне Елиферовой за критику данной гипотезы, позволяющую сделать исследование лучше.

ского. Он также обратил внимание на совпадение имен Рюрика и Рёрика Фрисландского [8, с. 44-47]. Что заставило меня сопоставить имена не только Рюрика, но и еще двух Рюриковичей (Олега и Игоря) с героями *Sögubrot*. На что до меня никто внимания не обратил. Для сомневающихся относительно соответствия имен Игорь/Ингвар/Ивар см. английскую версию словаря Лины Петерсон [15, р. 60; 5, с. 3].

В зарубежной научной литературе работ о применении вероятностного подхода в исторических исследованиях относительно немного [14, р. 1-50].

Отечественная научная литература содержит довольно много публикаций посвященных применению различных математических методов в исторических исследованиях. Однако основные работы по применению вероятностных методов и понятия случайности в историческом исследовании принадлежат А. В. Бочарову [2002; 2004, с. 97-106; 2007, с. 111-121].

Для анализа вероятности случайных совпадений событий я использовал практическое пособие по теории вероятности, где вопрос разобран с практической точки зрения с использованием соответствующих формул и примерами расчетов самого общего характера без излишнего теоретизирования [9].

В первой части моей статьи [6, с. 7-19] я пришёл к выводу, что интерпретация этих совпадений как чисто случайных требует дополнительной проверки, выходящей за рамки качественного анализа. Если допустить скандинавское происхождение ранней княжеской элиты Руси, что неоднократно обсуждалось в историографии, то интерес к соответствующим легендарным традициям представляется объяснимым.

Если бы появление имен в двух источниках были бы совершенно независимыми событиями, то следовало бы определить относительную частоту событий (в нашем случае появление имени в источнике). И вести расчет по формуле произведения вероятностей для незави-

симых событий. Но такой расчет представляется некорректным.

ПВЛ и *Sögubrot* являются разными по происхождению и жанру источниками, независимыми друг от друга, но при этом формировавшимися в рамках общего скандинавского культурного пространства. Трудно учесть в количественном выражении факторы, определяющие взаимосвязь имен. Но важно оценить хотя бы порядок вероятности того, что имена совпали не случайно.

Структурное сходство имен: имеют место параллели в именах первых Рюриковичей и героев *Sögubrot*. В частности, сюжет о призвании героя для защиты местных жителей находит ономастические отклики в целиком посвященном событиям в Скандинавии англосаксонском эпосе «Беовульф», где имеет место совпадение имен Хредрик/Рюрик. Заимствование из англосаксонского эпоса возможно в связи с прибытием на Русь дочери последнего англосаксонского короля Гиды Харальдовны с ее свитой в период между 1073 и 1075 гг. [4, р. 21].

Династический контекст: совпадение имен (таких как Хредрик/Рюрик) в контексте легенд о власти указывает не на случайность, а на общую эпическую среду. В *Sögubrot* упоминаются легендарные конунги данов, чьи имена и деяния перекликаются с ранней историей Руси (*Gardar*).

Трансляция преданий: поскольку обе рукописи фиксировали устные предания спустя столетия после описываемых событий (ПВЛ – начало XII века, *Sögubrot* – в XIII веке), сходство имен может считаться результатом миграции легенд внутри «варяжского» культурного круга.

Ономастический анализ: имена первых русских князей имеют четкую скандинавскую этимологию (Рюрик – Hrerek, Олег – Helgi, Игорь – Ingvar), что делает их появление в обеих традициях закономерным процессом отражения реальных исторических или легендарных фигур.

Исторические взаимосвязи: Рюрик, согласно ПВЛ, умирает в 879 г., а в 882 г. владения Рёрика Фрисландского передаются императором франков Готфриду, родичу Рёрика. И Готфрид в этом же году женится на дочери Лотаря II Гизеле, чем укрепляет свои связи с императором. В том же 882 г. регент Олег с младенцем Игорем, видимо понимая, что западные владения потеряны для Рюриковичей, отправляется в поход на юг, на Киев.

Приведенные соображения указывают, что выбор имен с является не случайным процессом, а обусловлен целым рядом взаимосвязанных факторов. В таком случае наиболее корректным подходом является использование гипергеометрического распределения для оценки возможности чисто случайного совпадения имен. Вероятно ли, что эти совпадения имен происходят совершенно случайно, или за ними стоит более систематическая, культурно обусловленная причина?

Гипергеометрическое распределение.

Гипергеометрическое распределение – это закон распределения вероятностей дискретной случайной величины, который описывает, как часто выпадает «успех» (определенное свойство) при выборке без возвращения из конечной генеральной совокупности объектов.

Гипергеометрическое распределение применяется, когда выполняются три условия: есть конечная совокупность объектов (в нашем случае пул скандинавских и древнерусских имен). Имеют место реализованные и не реализованные события (в нашем случае появление в тексте и отсутствие имен). Мы учитываем без повторного обращения к ним некоторое количество объектов (имен).

Вероятность того, что в нашем случае, ровно k имен совпадут, случайно рассчитывается по следующей формуле [9, с. 35]:

$$P(X = k) = \frac{\binom{m}{k} \binom{N-m}{n-k}}{\binom{N}{n}}$$

где $\binom{n}{k}$ – биномиальный коэффициент, N – общий фонд скандинавских имен известных в эпоху викингов; m – количество уникальных имен в *Sögubrot*, k – количество точных совпадений, например Рюрик (Hrerek), Олег (Helgi), Игорь (Ivar/Ingvar).

Попробуем построить вероятностную модель для рассматриваемого случая, подставляя в нее ориентировочные значения величин с учетом накладываемых на модель допущений и ограничений.

Вероятностная модель.

Для нашей темы это означает, что мы считаем вероятность того, что k имён из одной группы (одного источника) совпадут с k именами другой группы (другого источника) при случайном выборе из ономастического пула.

Пусть N – общее число различных скандинавских мужских имён, реально употреблявшихся в IX–XI вв. Согласно словарю Лины Петерсон [15], это количество составляет 1140 имен. В ПВЛ фигурирует n_1 различных имён князей раннего периода, фактически: $n_1 = 3$ (Рюрик, Олег, Игорь) [10]. В *Sögubrot* фигурирует n_2 различных мужских имён героев. Пусть $n_2 = 56$ (порядок величины). При этом важно не количество упоминаний, а количество различных имён. Подсчет производился по тексту английского перевода [17].

Интерпретация результатов.

В данном расчёте учитываются различные имена, а не частота их упоминаний в тексте. Использование числа упоминаний как вероятностной меры не является корректным, поскольку отражает особенности повествовательной структуры источника, а не процесс случайного выбора имён.

При расчете по формуле гипергеометрического распределения вероятность того, что при выборе 56 имен из 1140 будут совпадать все три имени из заданного набора из 3 имен, равна примерно 0.00011, или 0.011%. Вероятность составляющая 0,011% – это не «беско-

нечно малая величина»; но и не тривиальная случайность. Это очень редкое, но вполне возможное событие в рамках общей скандинавской ономастической традиции.

Вероятностный анализ в статье не претендует на доказательство прямого тождества персонажей или прямого заимствования сюжетов, а используется как вспомогательный инструмент, дополняющий историко-ономастический и текстологический анализ.

То есть, совпадение не требует обязательного прямого заимствования в ПВЛ из *Sögubrot*, но и не исключает культурной общности. Вероятностный расчет оставляет пространство для историко-культурного объяснения, приведенного в первой части статьи, а не чистой случайности.

Объяснением может служить интерес аудитории скандинавских скальдов к записанной в XIII в. и только по несча-

стной случайности, не дошедшей до нас в полном объеме в числе других легендарных саг, «Сага о Скьельдунгах». На наличие интереса к саге указывает ее краткий пересказ на латыни, выполненный Арнгримом Йонссоном для восстановления генеалогии датских конунгов.

А поскольку первые Рюриковичи были возможно скандинавами данами, о чем я не раз указывал в своих предшествующих работах, то интерес их, как и остальных русов, к саге о легендарных событиях в Дании и на Руси, с генеалогической линией ведущей к Рагнару Лодброку и его сыновьям [7, с. 30-33] с историей создания и описанием обширной державы Ивара Видфаме [13].

Таким образом, совпадение имён лучше объясняется моделью общей традиции, чем моделью случайного выбора. Вопросы, поднятые в статье (в обеих ее частях), на мой взгляд, требуют дальнейшего исследования.

Список источников и литературы

1. Бочаров А. В. Проблема альтернативности исторического развития: историографические и методологические аспекты. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. На правах рукописи. Томск. ТГУ. 2002.
2. Бочаров А. В. Методологические аспекты использования понятия «вероятность» в исторических исследованиях // Вестник Томского государственного университета. №281. 2004. С. 97-106.
3. Бочаров А. В. Историографические и методологические аспекты использования понятия "случайность" в изучении исторических альтернатив // Вестник Томского государственного университета. № 297. 2007. С. 111-121.
4. Гимон Т. В. Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011.
5. Губарев О. Л. Рюрик и легитимность династии Рюриковичей // Valla, т.4, №4. 2018. С. 1-11
6. Губарев О. Л. *Sögubrot* и Рюриковичи (легендарные корни династии) // Социогуманитарные коммуникации. № 4(14). 2025. С. 7-19.
7. Милютенко Н. И. "Гардская" версия происхождения Рагнара Кожаные Штаны. (Сага о Скьельдунгах) // Ладога и эпоха викингов. Четвёртые чтения памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 21-23 декабря 1998 г.). Материалы к чтениям. СПб: Староладожский историко-архитектурный и археологический музей-заповедник. 1998. С. 30-33.
8. Молчанов А. А. Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей // Образование Древнерусского государства: спорные проблемы. [IV] Чтения памяти В. Т. Пашуто. Москва, 13-15 апреля 1992 г. Тезисы докладов. М.: Институт российской истории РАН. 1992. С. 44-47.
9. Ниворожкина и др. Практикум по теории вероятностей и математической статистике: Учебное пособие. Ростов на Дону. РГЭУ. 2007.

10. ПВЛ 1950 ч.1 – Повесть временных лет. Ч.1, Подгот. текста Д. С. Лихачева; Пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова. Под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц Акад. наук СССР. Ч. 1-2. 1-е изд. Часть 1. Приложения. М.; Л., Изд-во Акад. Наук. 1950.
11. *Успенский Ф. Б.* Имя и власть: выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. М.: Языки русской культуры. 2001.
12. *Успенский Ф. Б., Литвина А. Ф.* Выбор имени у русских князей в X — XVI вв.: Династическая история сквозь призму антропонимики. М.: Индрик. 2006.
13. *Хлезов А. А.* Держава Ивара в контексте исторических реалий. Доклад на XIV Скандинавских Чтениях. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Датский Институт Культуры в Санкт-Петербурге, 26 ноября 2021 г.
14. *Jew D., Lavan M.* Probabilistic Modelling in Ancient History // Lavan M., Jew D., Danon V. The uncertain past: probability in ancient history. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2022. P. 1-50.
15. *Peterson L.* Nordiskt runnamnslexikon (Dictionary of Names from Scandinavian Runic Inscriptions). Språk- och folkminnesinstitutet (Institute for Dialectology, Onomastics and Folklore Research). Third revised version. English translation copyright. 2001.
16. *Rowe A. E.* "Sögubrot af fornkonungum": Mythologised History for Late Thirteenth-Century Iceland // Making History: Essays on the Fornaldarsögur. Ed. Martin Arnold and Alison Finlay. London: Viking Society for Northern Research. 2010. P. 1-16.
17. *Waggoner B.* The Sagas of Ragnar Lodbrok. Throth Publications. New Haven, Connecticut. 2009.
18. *Winroth A.* Röriks at Home and Away: Viking Age Emigration // The age of the Vikings. Prinstone University Press. 2014. P. 45-70.

Губарев Олег Львович – независимый исследователь, историк, (г. Санкт-Петербург, Россия), LvovichG@rambler.ru

ON THE PROBABILITY OF NON-RANDOM COINCIDENCE OF THE NAMES OF THE EARLY RURIKIDS AND THE HEROES OF SÖGUBROT AF FORNKONUNGUM. PART II: A PROBABILISTIC INTERPRETATION OF ONOMASTIC COINCIDENCES

O. L. Gubarev

The article is devoted to the probabilistic analysis of the coincidences between the names of the first Rurikids and the heroes of "Sögubrot". Using the hypergeometric distribution, the probability of such coincidences occurring by chance is assessed. The analysis reveals that the coincidences cannot be explained solely by chance, but rather reflect a shared cultural tradition of the Scandinavian and Old Russian spheres. Historical-onomastic and textological aspects are considered, supported by a mathematical model.

Keywords: Rurikids, Primary Chronicle, Sögubrot, hypergeometric distribution, probability, coincidence.

References

1. *Bocharov A. V.* Problema al'ternativnosti istoricheskogo razvitiya: istoriograficheskie i metodologicheskie aspekty [The Problem of Alternativeness of Historical Development: Historiographical and Methodological Aspects]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Na pravakh rukopisi [Author's Abstract of PhD Dissertation. As a Manuscript]. – Tomsk: TGU, 2002. (In Russ.)
2. *Bocharov A. V.* Metodologicheskie aspekty ispol'zovaniya ponyatiya «veroyatnost'» v istoricheskikh issledovaniyakh [Methodological Aspects of Using the Concept of "Probability" in Historical Research] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Bulletin]. No. 281. 2004. pp. 97-106. (In Russ.)

3. *Bocharov A. V.* Istoriograficheskie i metodologicheskie aspekty ispol'zovaniya ponyatiya "sluchajnost'" v izuchenii istoricheskikh al'ternativ [Historiografiska och metodologiska aspekter av användningen av begreppet "slumpmässighet" i studien av historiska alternativ] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Bulletin]. No. 297. 2007. pp. 111-121. (In Russ.)
4. *Gimon T. V.* Istoriopisanie ranne-srednevekovoj Anglii i Drevnej Rusi: Sravnitel'noe issledovanie [Historiography of Early Medieval England and Ancient Rus': A Comparative Study]. – Moscow: Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke, 2011. (In Russ.)
5. *Gubarev O. L.* Ryurik i legitimnost' dinastii Ryurikovichej [Rurik and the Legitimacy of the Rurikid Dynasty] // Valla. Vol. 4, No. 4. 2018. pp. 1-11. (In Russ.)
6. *Gubarev O. L.* Sögubrot i Ryurikovichi (legendarnye korni dinastii) [Sögubrot and the Rurikids (The Legendary Roots of the Dynasty)] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Socio-Humanitarian Communications]. No. 4(14). 2025. pp. 7-19. (In Russ.)
7. *Milyutenko N. I.* "Gardskaya" versiya proiskhozhdeniya Ragnara Kozhanye Shtany. (Saga o Sk'jol'dungakh) ["Gardar" Version of the Origin of Ragnar Lothbrok. (Saga of the Skjöldungs)] // Ladoga i epokha vikingov. Chetvertye chteniya pamyati Anny Machinskoj (Staraya Ladoga, 21-23 dekabrya 1998 g.). Materialy k chteniyam [Ladoga and the Viking Age. The Fourth Readings in Memory of Anna Machinskaya (Staraya Ladoga, December 21-23, 1998). Proceedings]. – Saint Petersburg: Staroladozhskij istoriko-arkhitekturnyj i arkheologicheskij muzej-zapovednik, 1998. – pp. 30-33. (In Russ.)
8. *Molchanov A. A.* Drevneskandinavskij antroponimicheskij element v dinasticheskoj tradicii roda Ryurikovichej [Old Scandinavian Anthroponymic Element in the Dynastic Tradition of the Rurikid House] // Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva: spornye problemy. [IV] Chteniya pamyati V. T. Pashuto. Moskva, 13-15 aprelya 1992 g. Tezisy dokladov [Formation of the Old Russian State: Controversial Issues. [IV] Readings in Memory of V. T. Pashuto. Moscow, April 13-15, 1992. Abstracts of Reports]. – Moscow: Institut rossijskoj istorii RAN, 1992. – pp. 44-47. (In Russ.)
9. *Nivorozhkina i dr.* Praktikum po teorii veroyatnostej i matematicheskoj statistike: Uchebnoe posobie [Workshop on Probability Theory and Mathematical Statistics: A Textbook]. – Rostov-on-Don: RGEU, 2007. (In Russ.)
10. PVL 1950 ch.1 – Povest' vremennykh let. Ch.1 [The Tale of Bygone Years. Part 1] / Podgot. teksta D. S. Likhacheva; Per. D. S. Likhacheva i B. A. Romanova. Pod red. chl.-kor. AN SSSR V. P. Adrianovoj-Peretc. – 1st ed. – Part 1. Prilozheniya [Appendices]. – Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. Nauk, 1950. (In Russ.)
11. *Uspenskij F. B.* Imya i vlast': vybor imeni kak instrument dinasticheskoj bor'by v srednevekovoj Skandinavii [Name and Power: The Choice of Name as an Instrument of Dynastic Struggle in Medieval Scandinavia]. – Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 2001. (In Russ.)
12. *Uspenskij F. B., Litvina A. F.* Vybor imeni u russkikh knjazej v X — XVI vv.: Dinasticheskaya istoriya skvoz' prizmu antroponimiki [The Choice of Name among Russian Princes in the 10th–16th Centuries: Dynastic History through the Prism of Anthroponymy]. – Moscow: Indrik, 2006. (In Russ.)
13. *Khlevov A. A.* Derzhava Ivara v kontekste istoricheskikh realij. Doklad na XIV Skandinavskikh Chteniyakh. Muzej antropologii i ehtnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN. Datskij Institut Kul'tury v Sankt-Peterburge, 26 noyabrya 2021 g. [The Realm of Ivar in the Context of Historical Realities. Paper at the XIV Scandinavian Readings. Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences. Danish Institute of Culture in Saint Petersburg, November 26, 2021]. (In Russ.)
14. *Jew D., Lavan M.* Probabilistic Modelling in Ancient History // Lavan M., Jew D., Danon B. The uncertain past: probability in ancient history. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2022. P. 1-50.
15. *Peterson L.* Nordiskt runnamnslexikon (Dictionary of Names from Scandinavian Runic Inscriptions). Språk- och folkminnesinstitutet (Institute for Dialectology, Onomastics and Folklore Research). Third revised version. English translation copyright. 2001.

16. *Rowe A. E.* “Sögubrot af fornkonungum”: Mythologised History for Late Thirteenth-Century Iceland // *Making History: Essays on the Fornaldarsögur*. Ed. Martin Arnold and Alison Finlay. London: Viking Society for Northern Research. 2010. P. 1-16.

17. *Waggoner B.* *The Sagas of Ragnar Lodbrok*. Throth Publications. New Haven, Connecticut. 2009.

18. *Winroth A.* *Röriks at Home and Away: Viking Age Emigration // The age of the Vikings*. Prinstone University Press. 2014. P. 45-70.

Gubarev Oleg Lvovich– independent researcher, historian, (St. Petersburg, Russia), LvovichG@rambler.ru

Статья поступила в редакцию: 04.03.2026; принята к публикации: 20.04.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Губарев О. Л. О вероятности неслучайного совпадения имен первых Рюриковичей и героев Sögubrot af fornkonungum. Часть II: вероятностная интерпретация ономастических совпадений // *Социогуманитарные коммуникации*. – 2026. – № 2(16). – С. 71-77.

FOR CITATION:

Gubarev O. L. O veroyatnosti nesluchajного совpadeniya imen pervyh Ryurikovichej i geroev Sögubrot af fornkonungum. CHast' II: veroyatnostnaya interpretaciya onomasticheskikh sovpadenij [On the probability of non-random coincidence of the names of the Early Rurikids and the heroes of Sögubrot af fornkonungum. Part II: A Probabilistic interpretation of onomastic coincidences] // *Sociogumanitarnye kommunikacii* [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 71-77.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923

УЯЗВИМОСТИ, РЕСУРСЫ И ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ «ЧЕЛОВЕКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО»

Е. В. Белова

В статье рассматривается ключевой для формирования финансовой культуры вопрос определения этапов развития «человека экономического». С точки зрения концепции синтетического человекознания Б. Г. Ананьева и усложняющихся условий экономической среды представлены этапы становления «человека экономического»: «экономический индивид» – экономический субъект – экономическая личность – «экономическая индивидуальность». Обсуждаются интегральные когнитивные ресурсы развития экономической личности: экономический интеллект и экономическое системное мышление. На основе системного подхода определены этапы развития «человека экономического», психологические ресурсы и уязвимости данного развития. Обозначается способствующий развитию экономического системного мышления психолого-педагогический подход (педагогика отношений).

Ключевые слова: «человек экономический», экономический интеллект, экономическая личность, «экономическая индивидуальность», когнитивные механизмы развития личности, экономическое системное мышление, финансовая культура, финансовая грамотность, барьеры и ресурсы развития, игры, кейсы, дилеммы, «педагогика отношений».

В последние годы в сферах государственной безопасности, экономики и образования наблюдается вынужденный идейный «парадигмальный сдвиг», обусловленный тем, что информационная, экономическая и другие сферы реальности существования человека саккадически изменяются, усложняясь, ускоряясь и дифференцируясь, при этом провоцируя появления так называемых «уязвимостей систем». Поведение современного субъекта экономической деятельности является результатом действия нескольких тенденций, обусловленных как развитием Интернета, так и экономико-культурными факторами, среди которых нерегулируемые государством особенности развития рынка и рекламы, а также изменение в типе мышления самих потребителей. Данные «лакуны» в ландшафте среды, в которой действует современный потребитель, могут стать (в терминологии Б. Шнайера) «эксплоитами», а могут стать трамплином для развития общества.

Б. Шнайера в работе «Взломать всё. Как сильные мира сего используют уязвимости систем в своих интересах» [28] отмечает, что хакинг в любой сфере прежде всего связан с когнитивным хакингом, воздействующим на особенности мышления человека. В совокупности с административными, организационными, коммуникационными и другими уязвимостями данное деструктивное воздействие чаще всего разрушает, подрывает систему (становится «эксплойтом»), хотя сами по себе уязвимости не являются абсолютным злом, а являются скорее сигналом для необходимости обновления, развития, структурирования системы. С развитием интернет-технологий, цифровой экономики, искусственного интеллекта (ИИ), переходом активности человека в виртуальную среду [11, 31], а также активной экспансией экономики впечатлений, поддерживаемой потребителями [13, 22], – появление данных уязвимостей становится неизбежным процессом, сопровождающим изменения в обществе.

Р. И. Капелюшников [17] отталкивается от понятия «человека экономического» (*Homo oeconomicus*, *economic man*) как абстрактного конструкта, идеального образа, который в первоначальных теориях экономики рассматривался сначала только как стремящийся к богатству человек. Автор подчеркивает, что «человек экономический» представлен в науке как спектр упрощенных моделей, которые условно можно определить по степени их ошибочности принятия решений (отражения экономической реальности). Следовательно, как и специалисты в сфере поведенческой экономики (Д. Канеман, Н. Талеб [16, 24, 25]), Р. И. Капелюшников определение «человека экономического» косвенно связывает с необходимостью исследования системных когнитивных механизмов. Однако, большая часть современных экономистов, сконцентрировавшись на подходе, применяемом в поведенческой экономике, упоминают роль когнитивных механизмов в контексте обсуждения критерия «рациональности-иррациональности» принятия экономических решений человеком.

В психологии развитие «человека экономического» представлено в форме разнообразия поведения экономического субъекта, экономической социализации как результата отражения и интериоризации экономической культуры общества, включения человека в мир экономических отношений через интериоризацию экономического общественного опыта, системы экономических и социальных ценностей и отношений, норм и образцов поведения, а также способов мышления, соответствующих ситуации [14, 15, 26, 30]. Как уже отмечалось в предыдущей статье [7], данная культура пока формируется ситуативно, а не системно-целенаправленно.

Так, современный рынок подталкивает к раннему вовлечению в экономические отношения: Сбербанк, ВТБ, Альфа-Банк, Т-Банк выпускают детские карты на выгодных для родителей условиях. Последствия данного раннего во-

влечения, тем не менее, как и последствия раннего вовлечения в виртуальную среду Интернет представляют собой, как уже отмечалось [7, 10, 11], эксперимент «ex-post-facto», результаты которого можно фиксировать, но условиями которого сложно управлять. Ключевая специфика данной опосредованной виртуальной (коммуникативной, экономической, политической и т.д.) среды заключается в ее противоречивости: во-первых, в том, что среда сама жестуальна, связана со знаками, символами и требует знания «кода», который определяет данную среду. Дешифровка данного кода требует развитого абстрактно-логического мышления, тогда как современное поколение (которое растет в этой виртуальной среде как константной) демонстрирует признаки доминирующего наглядно-образного, «виртуального мышления» [12]. Во-вторых, в данной среде наблюдается особая форма деятельности, мыследеятельность, в ходе которой речь заменяет собой действие. Так, одной из ведущих проблем профилактики виктимности или соучастия в деструктивных формах финансового поведения является понимание причин, по которым человек либо становится жертвой или идет на преступление (не осознавая последствий). Так, Дж. Шоу отмечает, что соучастие злу (например, в форме распространения ложного контента) – это не меньшее зло [29]. Юридический взгляд на понятие «зло» представлен в работах, в которых обсуждается вопрос определения возрастных границ уголовной ответственности, эмансипации, ограничений в предоставлении доступа к экономическим и информационным ресурсам и услугам [5]. При этом дроппинг становится в последние годы одной из ведущих форм вовлечения молодежи в мошеннические схемы. В-третьих, данная среда провоцирует дисбаланс в эмоциональной сфере личности, толкает либо к астеническим (печаль, апатия, тревога), либо к стеническим (гнев, агрессия) переживаниям. Искусственно созданные информационные усло-

вия экономической виртуальной среды также отличаются наличием когнитивно-эмоционального противоречия: как можно соответствовать требованию «никому не сообщать пароль из СМС» при необходимости ввести этот пароль для доступа к услугам банка?

Б. Шнайер отмечает [27], что бороться с вредоносным хакингом можно только двумя способами: либо заранее зная формулы «мошенничества» (такие схемы как «тревожные звонки», дроппинг, фишинг, например), либо борясь с последствиями «мошенничества» (например, страхование). Первый вариант основан на знаниях алгоритмов (принцип «предупрежден – значит вооружен»), второй – на разработке «патчей системы», уничтожающих саму возможность появления уязвимостей. Первый вариант уместен, когда последствия слишком разрушительны или не поддаются исправлению. Второй – когда хакинг непредсказуем, система сложна, в ней нет четкой специализации и т.д. Однако, данные способы действенны для сложных управленческих систем: государства, экономической, политической и др. систем, последствия хакинга для которых связаны с предсказуемым набором плохих исходов, возможностями восстановления системы от внезапных разрушительных событий (пусть и в другом состоянии или форме, например, в случае с революцией или экономическим кризисом), ресурсом устойчивости. В случае с результатами воздействия на отдельного человека как систему последствия могут оказаться крайне тяжелыми, особенно это касается уязвимых слоев населения, чей «запас прочности» (поддержка семьи, наличие стабильной работы, психологическая устойчивость и т.д.) низок. Так, среди одной из десяти ведущих причин бездомности в РФ – финансовые мошенничества [4].

Следовательно, имеется набор практических проблем и задач, с которыми сталкивается современный человек, попадая в экономическую среду.

Отметим, что в зависимости от сложности, динамичности и неопределенности данной среды, способы противодействия финансовым мошенничествам требуют различного уровня способностей: сложные ситуации требуют не развитых ЗУН, компетенций, soft skills, универсальных учебных действий или компетенций, а новых грамотностей и метакомпетенций [18, 23]. Среди актуальных в последние годы новых грамотностей выделяют информационную, финансовую грамотности. Среди обсуждаемых в последние годы метакомпетенций, способствующих противодействию разного рода хакингу выделяют неакадемические формы интеллекта: практический, социальный и эмоциональный, экономический, а также системное мышление во всех его видах (в том числе, экономическое системное мышление) [6, 7, 8].

Отметим, что общим в представлении современной проблематики существования «человека экономического» является несколько идей: 1) современные проблемы, с которыми сталкивается субъект, часто опережают текущее развитие человека, что ведет к деструктивным формам поведения: либо в форме victimности, либо в форме соучастия злу. При этом данное ошибочное поведение связано с «ловушками мышления», когнитивными ошибками. Так, еще в 1976 году Карло Чиполла выделил категории экономического поведения, подчеркивая, что «глупый человек самый опасный из всех людей», «глупый человек опаснее бандита» [27, с. 69]. «Простодушные», «умные» и «бандиты», потворствуя глупости, способствуют разрушению системы. «Глупые» вредят себе и другим, их поведение непредсказуемо и не приносит пользы ни им, ни окружающим. 2) Существуют попытки ряда исследователей изобразить историю экономических, политических и социокультурных отношений через линейный детерминизм: в работе Карло Чиполла «Перец, вино (и шерсть)» как динамические факторы общественно-экономического развития в

Средние века» [27] акцент идет на факторы потребления как двигатель истории, а в работе «Пуговицы Наполеона: семнадцать молекул, которые изменили мир» [20], – на химические элементы, повлиявшие на развитие общества.

Системный подход в психологии требует учета системной, а не линейной детерминации [6, 8]. Разработчик концепции практического интеллекта Р. Стернберг выделяет так называемые «субтеории»: компонентов, опыта и контекста. Данные элементы объясняют взаимосвязь между интеллектом и внутренним миром отдельной личности (механизмами мышления, которые определяют разумное поведение); а также опытом или ролью перемен в жизни отдельного человека, выступающих как связующее звено между внутренним и внешним миром; внешним миром отдельной личности, или использованием когнитивных механизмов в повседневной жизни для того, чтобы добиться функциональной адаптации к окружающей обстановке.

Первопроходцы в сфере изучения системного мышления, Д. Медоуз и Л. Бут Свини [3], отмечают, что системное мышление позволяет увидеть картину в целом и ее отдельные элементы в частности; рассматривать сложные системы с разных точек зрения, чтобы найти рычаги воздействия на них; искать взаимные зависимости элементов; понимать как стереотипы мышления влияют на наше будущее; оценивать долгосрочные перспективы и последствия (т.е. соотносит оперативные, тактические и стратегические задачи и цели); расширять и выявлять сложные причинно-следственные связи; уметь предугадывать, где могут появиться нежелательные последствия («Черные лебеди» по Н. Н. Талебу); выяснять структуру системы и не искать виноватых («ориентация на дело»); принять имеющиеся парадоксы, противоречия и разногласия, не пытаясь немедленно разрешить их любой ценой; показывать форму системы, строя структурные схемы и создавая компью-

терные модели (т.е. визуализируя результат в виде инфографики и алгоритмов); искать в системе элементы, выполняющие роль ресурсов, запасов (уровней), учитывая вносимые ими запаздывания, инертность системы; ориентировать команду с мышления в терминах «выигрыш-проигрыш» на мышление в терминах «выигрыш-выигрыш». Интересно, что Д. Медоуз также отмечает связь между практикой управления системами и образом мышления, а также возможными системными ловушками, возникающими, в том числе, по причине создания неправильных ментальных моделей отображения реальности. С данной системной точки зрения, когнитивный хакинг – это поиск уязвимостей в процессе мышления «жертвы», а противостояние когнитивному хакингу – это распознавание угроз, выбор способов противодействия им, алгоритм противодействия угрозам.

Отметим, что в сфере принятия решений в экстремальных ситуациях, особенно в военной сфере, механизмы противодействия хакингу обсуждаются давно и приобретают форму авторских алгоритмов мыследеятельности [10]. Р. Стернберг отмечает, что понимание практического интеллекта военных лидеров может быть основано на нескольких подходах: на особенностях личности (популярный до 1940-х гг. подход), на поведенческих особенностях (популярный в 1950-х и 1960-х гг. подход), на ситуации (популярный с конца 1960-х до начала 1980-х гг. подход), на отношениях (трансформационный подход, появившийся на рубеже 90-х гг.). Р. Стернберг отмечает, что именно неявные знания являются основой успеха руководства и включают знания об управлении собой, навыки поиска проблем и решений, управлении другими людьми, знания ситуации. Привлекательность знаменитого трактата «36 стратагем» вызвана именно тем, что там дано одновременно максимально приближенное к реальности и обобщенное описание моделей ти-

пичных ситуаций принятия решений военачальником, алгоритмов действий. Каждая стратегема представляет собой сложную описательную систему: это расклад, который можно охарактеризовать по схеме «собственная ситуация и личность – ситуация и личность противника – ситуация внешняя (ресурсы во времени и пространстве, неконтролируемые переменные, случайные переменные)». Более того, стратегемное мышление подразумевает сочетание подобных раскладов. Подобное виденье стратегемного мышления и есть системное мышление в действии, т.е. моделирование ситуации, ее описание, объяснение и прогноз.

Итак, перспективы противодействия когнитивному хакингу в финансовой сфере связаны именно с развитием у отдельных индивидов системных когнитивных механизмов, которые можно по аналогии с «поддерживающими» и «подрывными» технологиями [19] поделить на системные когнитивные механизмы для известных ситуаций (конвергентные, вертикальные, стандартные интеллектуальные) и системные когнитивные механизмы для неожиданных, новых ситуаций (дивергентные, латеральные, нестандартные творческие). Экономическое жизненное пространство включает в себя «внутренние состояния человека» (вся организация психики через формы существования человека: индивид, субъект, личность, индивидуальность), психологически значимые элементы окружения (обусловленные отношением элементы экономической реальности, позволяющие «распознавать» экономические ситуации и их состав-

ляющие), взаимосвязи между ними (алгоритмы решения задач).

Адаптируя классическую модель Б. Г. Ананьева [1, 2], можно условно выделить следующие стадии развития «человека экономического» (*homo economicus*): «экономический индивид» – экономический субъект – экономическая личность – «экономическая индивидуальность» [7]. Принцип системно-функционального описания требует рассматривать все системы экономического развития в их динамике: при этом на разных этапах взросления и при выполнении разных задач соотношение влияния системы государства, финансового сектора, системы образования и общества будет меняться. Эта динамика соотношения определяет риски в развитии «человека экономического» и акцент на отдельных, поддерживаемых обществом, чертах.

Конструкт «отношение» в психологии раскрыт в теории В. Н. Мясищева [21] и отражает динамику взаимодействия и проявления эмоциональных, когнитивных и поведенческих аспектов личности в жизнедеятельности. В контексте обсуждения этапов развития «человека экономического», целесообразно будет говорить не только об «отношении», но и о «соотношении» всех систем. Рассмотрим соотношение этапов развития «человека экономического», эталонных моделей поведения человека («экзогенный подход»), критериев успешной адаптации к экономической реальности, системных когнитивных ресурсов и побудительных механизмов поведения («эндогенный подход»), а также форм экономической реальности (Таблица 1).

Таблица 1.
Соотношение этапов развития «человека экономического»

<i>Этап развития «человека экономического»</i>	<i>Эталонные модели поведения</i>	<i>Критерий успешной адаптации</i>	<i>Системные когнитивные ресурсы</i>	<i>Побудительные механизмы</i>	<i>Форма экономической реальности</i>
«Экономический индивид»	Финансовая гигиена (привычки и регулярные действия)	Выживание, безопасность	Экономический интеллект (устойчивые алгоритмы)	Потребности и задачи в конкретном пространстве и времени	Экономические сигналы – (стимул-реакция)

<i>Этап развития «человека экономического»</i>	<i>Эталонные модели поведения</i>	<i>Критерий успешной адаптации</i>	<i>Системные когнитивные ресурсы</i>	<i>Побудительные механизмы</i>	<i>Форма экономической реальности</i>
Экономический субъект	Экономическая грамотность (ЗУН)	Экономическая деятельность (эффективность)	Экономическое мышление (вариативность с учетом цели, ресурсов и ситуации)	Мотивы и цели	Экономические события и ситуации
Экономическая личность	Экономическая культура (компетенции)	Экономические роли (успех, эталонные образы «Я-экономическое»)	Экономическое сознание	Ценности	Экономические явления
«Экономическая индивидуальность»	Развитие общества (метакомпетенции новые грамотности)	Стратегия жизни (индивидуальные критерии счастья, свободы)	Интегральное сознание и системное мышление	Смыслы	Экономическое бытие

Рассмотрим теперь вариант описания этапов развития «человека экономического», уязвимостей и психолого-педагогических подходов к формированию системных когнитивных ресурсов (Таблица 2).

Таблица 2.
Соотношение этапов развития «человека экономического», уязвимостей и психолого-педагогических подходов

Этап развития «человека экономического»	Уязвимости развития	Системные когнитивные ресурсы	Психолого-педагогический подход	Критерий успешной адаптации
«Экономический индивид»	Когнитивные экономические ловушки и искажения, «экономические страхи», экономическая «паника и агрессия»	Экономический интеллект (устойчивые алгоритмы)	Экономические задачи	Выживание, безопасность
Экономический субъект	Слабое развитие неакадемических форм интеллекта, иррациональные экономические идеи	Экономическое мышление (вариативность с учетом цели, ресурсов и ситуации)	Экономические кейсы	Экономическая деятельность (эффективность)
Экономическая личность	Метапатологии и «экономические неврозы», непродуктивные типы характера, деструктивные экономические настроения	Экономическое сознание	Экономические игры, проекты	Экономические роли (успех, эталонные образы «Я-экономическое»)
«Экономическая индивидуальность»	Экономический ноогенный невроз	Интегральное сознание и системное мышление	Экономические дилеммы	Стратегия жизни (индивидуальные критерии успеха (счастья, свободы))

Таким образом, перспективы определения психолого-педагогического подхода к формированию системных когнитивных ресурсов развития «человека экономического» связаны не только с пониманием эндогенно-экзогенных особенностей данных этапов развития (эталонных моделей поведения человека, критериев успешной адаптации к экономиче-

ской реальности, системных когнитивных механизмов и побудительных механизмов поведения, а также форм экономической реальности), но и с поиском новой парадигмы педагогики, методов, техник (например, «педагогики отношений» [9]), которая учитывала бы особенности виртуальной экономической среды и специфику мышления молодежи.

Список источников и литературы

1. *Ананьев Б. Г.* Человек как предмет познания [Текст] / Б. Г. Ананьев. – 3-е изд. – Москва [и др.] : Питер, 2010. – 282 с.
2. *Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания : Борис Герасимович Ананьев. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 260 с.
3. *Азбука системного мышления / Донелла Медоуз* – Москва : Бином. Лаборатория знаний, 2013. – 343 с.
4. *Байбакова, Д. А., Гаринова, К. А.* Что известно о бездомности в России // Пути России. 2024. Т. 2. № 4. С. 215-257.
5. *Белов В. В., Белова Е. В.* Возрастные границы уголовной ответственности и психология личности // Вестник Санкт-Петербургской академии Следственного комитета. 2025. № 1 (3). С. 55-61.
6. *Белова Е. В.* Психологические критерии оценки моделей неакадемического интеллекта лидера // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2024. – № 4. – С. 308-333
7. *Белова Е. В.* Психологические барьеры и ресурсы развития «экономической личности» как фактор формирования финансовой культуры общества // Социогуманитарные коммуникации. – 2024. – № 4(10). – С. 144-161.
8. *Белова Е. В.* Системные когнитивные механизмы развития личности // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. – 2025. – № 2. – С. 313-336.
9. *Белова Е. В.* «Феномен горькой конфеты» как индикатор развития личности в ситуации решения морально-интеллектуальных задач // Актуальные вопросы психологии развития и формирования личности: методология, теория и практика. Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2025. С. 9-13.
10. *Белова Е. В.* Стратегическое мышление: исторический, управленческий и психологический аспект / Вестник факультета социальных цифровых технологий. XXV Международный Балтийский коммуникационный форум. Санкт-Петербург, 2023. С. 169-173.
11. *Белова, Е. В.* Проблема моделирования интеллекта: "Виртуальное мышление" человека и техники // РЕАЛЬНЫЙ человек в VIRTUALном мире. - Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова: материалы Всероссийского научного футурологического конгресса, 2019. – С. 73-76.
12. *Белова Е. В., Землякова К. В.* Использование психологических терминов в Интернет-среде как признак виртуализации мышления молодежи // Социогуманитарные коммуникации. – 2024. – № 4(10). – С. 128-143
13. *Бизнес в стиле фанк: Капитал пляшет под дудку таланта / Кьел Нордстрем, Йонал Риддерстрале; пер. с англ. – П. Павловского* – 3-е изд. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 288 с.
14. *Дейнека, О. С.* Экономическая психология: Учеб пособие. – СПб: Изво С-Петербур. Ун-та, 2000. – 160 с.
15. *Дейнека, О. С.* Символизация денег: Опыт эмпирического исследования // Проблемы экономической психологии. Том 1 / Отв. ред. А. Л. Журавлев, А. Б. Купрейченко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. – С. 207-241.

16. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. – Москва: АСТ, 2013. – 656 с.
17. Капелюшников Р. И. Кто такой Номо оeconomicus? // Экономическая политика. 2020. Т. 15. № 1. С. 8-39
18. Корнетов Г. Б. История педагогики: монография / Г. Б. Корнетов. – М.: АСОУ, 2013. – 460 с.
19. Кристенсен К. М. Дилемма инноватора. Москва: Альпина Бизнес Букс, 2004. 237 с
20. Лекутер П. Пуговицы Наполеона: семнадцать молекул, которые изменили мир / П. Лекутер, Д. Берресон. – Москва : Астрель : Corpus, сор. 2012. – 446 с.
21. Мясищев В. Н. Психология отношений / В.Н. Мясищев. Под ред. А. А. Бодалева. – Москва: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЖ, 1998. – 362 с.
22. Пайн Дж. Экономика впечатлений: Как превратить покупку в захватывающее действие / Б. Джозеф Пайн II, Джеймс Х. Гилмор; Перс англ. – М. : Альпина Паблишер, 2018. — 382 с.
23. Педагогика и психология высшей школы: учеб. пособие / Ф.В. Шарипов. – М.: Логос, 2012. – 448 с.
24. Талб Н. Н. Одураченные случайностью. О скрытой роли шанса в жизни. – Москва : Манн, Иванов, Фербер, 2012. – 320 с.
25. Талб Н. Н. Рискающая собственной шкурой. Скрытая асимметрия повседневной жизни. – Москва : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2022. – 384 с.
26. Терехова Т. А., Евдокимова А. С. Система детерминации экономической социализации личности // Гуманитарный вектор. 2012. № 1 (29) С. 199-204.
27. Чиполла К. Фундаментальные законы человеческой глупости / Карло Чиполла. – Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2023. — 160 с
28. Шнайер Б. – Взломать всё. Как сильные мира сего используют уязвимости систем в своих интересах – Москва. : Альпина Паблишер, 2023. – 376 с.
29. Шоу Дж. Психология зла : почему человек выбирает темную сторону / Джулия Шоу. – Москва : Альпина Паблишер, 2020. – 294 с.
30. Экономическая психология: Социокультурный подход / Под. ред. И. В. Андреевой. – Санкт-Петербург : Питер, 2000. – 511 с.
31. Negroponte N. Being digital / Nicholas Negroponte. – New York : Knopf, 1995. – VIII, 243 с.

Белова Елизавета Васильевна – к. псих. н., доцент, доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), limax3@yandex.ru

VULNERABILITIES, RESOURCES, AND STAGES OF «ECONOMIC HUMAN» DEVELOPMENT

E. V. Belova

The article discusses the key issue of defining the stages of development of the “economic man” in the formation of financial culture. From the perspective of the concept of synthetic human studies by B. G. Ananyev and the complexifying conditions of the economic environment, the stages of development of the “economic man” are presented: “economic individual” – economic subject – economic personality – “economic individuality”. The article discusses the integral cognitive resources of the development of the economic personality: economic intelligence and economic systemic thinking. Based on a systematic approach, the stages of development of the “economic man” and the psychological resources and vulnerabilities of this development are identified. a psychological and pedagogical approach (pedagogy of relations) is identified as contributing to the development of economic system thinking.

Keywords: "economic man", economic intelligence, economic personality, "economic individuality", cognitive mechanisms of personality development, economic systemic thinking, fi-

nancial culture, financial literacy, barriers and resources for development, games, cases, dilemmas, and "pedagogy of relationships".

References

1. *Anan'yev B. G.* Chelovek kak predmet poznaniya [Man as an object of knowledge] / B. G. Anan'yev. – 3-ye izd. – Moskva [i dr.] : Piter, 2010. – 282 p. (In Russ.)
2. *Anan'yev B. G.* O problemakh sovremennogo chelovekoznaniya [On the problems of modern human studies] / St. Petersburg: Piter, 2001. – 260 p. (In Russ.)
3. *Azbuka sistemnogo myshleniya [ABCs of Systems Thinking] / Donella Meadows.* – Moscow: Binom. Knowledge Laboratory, 2013. – 343 p. (In Russ.)
4. *Baibakova, D. A., Garinova, K. A.* Chto izvestno o bezdomnosti v Rossii [What is known about homelessness in Russia] // Puti Rossii [Ways of Russia]. 2024. Vol. 2. No. 4. P. 215-257. (In Russ.)
5. *Belov V.V., Belova Ye.V.* Vozrastnyye granitsy ugolovnoy otvetstvennosti i psikhologiya lichnosti [Age limits of criminal liability and personality psychology] // Vestnik Sankt-Peterburgskoy akademii sledstvennogo komiteta [Bulletin of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee] 2025. No. 1 (3). P. 55-61. (In Russ.)
6. *Belova Ye.V.* Psikhologicheskiye kriterii otsenki modeley neakademicheskogo intellekta lidera [Psychological criteria for assessing models of non-academic intelligence of a leader] // Belova Ye.V. Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina. [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin]. 2024. No. 4. P. 308-333 (In Russ.)
7. *Belova Ye.V.* Psikhologicheskiye bar'yery i resursy razvitiya «ekonomicheskoy lichnosti» kak faktor formirovaniya finansovoy kul'tury obshchestva [Psychological barriers and resources for the development of the “economic personality” as a factor in the formation of the financial culture of society] // Sotsiogumanitarnyye kommunikatsii [Socio-humanitarian communications]. 2024. – No. 4 (10). – P. 144-161. (In Russ.)
8. *Belova Ye. V.* Sistemnyye kognitivnyye mekhanizmy razvitiya lichnosti [Systemic cognitive mechanisms of personality development] / Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin]. 2025. – No. 2. – P. 313-336. (In Russ.)
9. *Belova Ye. V.* «Fenomen gor'koy konfety» kak indikator razvitiya lichnosti v situatsii resheniya moral'no-intellektual'nykh zadach [The "Bitter Candy Phenomenon" as an Indicator of Personality Development in the Context of Solving Moral and Intellectual Problems] / Aktual'nyye voprosy psikhologii razvitiya i formirovaniya lichnosti: metodologiya, teoriya i praktika. Materialy VII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii [Current Issues in the Psychology of Personality Development and Formation: Methodology, Theory, and Practice. Proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference] St. Petersburg, 2025. pp. 9-13. (In Russ.)
10. *Belova Ye. V.* Stratagemnoye myshleniye: istoricheskiy, upravlencheskiy i psikhologicheskiy aspekt [Stratagemic Thinking: Historical, Managerial, and Psychological Aspects] / Vestnik fakul'teta sotsial'nykh tsifrovyykh tekhnologiy. XKHV Mezhdunarodnyy Baltiyskiy kommunikatsionnyy forum. [Bulletin of the Faculty of Social Digital Technologies. 25th International Baltic Communication Forum] St. Petersburg, 2023. pp. 169-173. (In Russ.)
11. *Belova Ye. V.* Problema modelirovaniya intellekta: "Virtual'noye myshleniye" cheloveka i tekhniki [The Problem of Intelligence Modeling: "Virtual Thinking" of Humans and Technology] / REAL'nyy chelovek v VIRTUAL'nom mire. – Severnyy (Arkticheskiy) federal'nyy universitet imeni M.V. Lomonosova: materialy Vserossiyskogo nauchnogo futurologicheskogo kongressa [A REAL Person in a VIRTUAL World. – Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov: Proceedings of the All-Russian Scientific Futurological Congress], 2019. – P. 73-76. (In Russ.)
12. *Belova E. V., Zemlyakova K. V.* Ispol'zovanie psikhologicheskikh terminov v Inter-net-srede kak priznak virtualizatsii myshleniya molodezhi [Use of psychological terms in the Internet as a sign of virtualization of young people's mindset] // Sociogumanitarnyye kommunikatsii [Social and humanitarian communications]. 2024. № 4(10). P. 128-143. (In Russ.)

13. *Biznes v stile fank: Kapital plyashet pod dudku talanta* [Business in Funk Style: Capital Dances to the Tune of Talent] / K'ysel Nordstrem, Yonal Ridderstrale; per. s angl. – P.Pavlovskogo – 3-ye izd. – Moscow : Mann, Ivanov i Ferber, 2013. – 288 p. (In Russ.)
14. *Deyneka, O. S. Ekonomicheskaya psikhologiya: Ucheb posobiye* [Economic Psychology: A Textbook]. – SPb: Izvo S-Peterb. Un-ta, 2000. – 160 p. (In Russ.)
15. *Deyneka, O. S. Simvolizatsiya deneg: Opyt empiricheskogo issledovaniya* [Symbolization of Money: An Empirical Study] // Problemy ekonomicheskoy psikhologii [Problems of Economic Psychology]. Tom 1 / Otv. red. A.L. Zhuravlev, A.B. Kupreychenko. – M.: Izd-vo «Institut psikhologiiRAN», 2004. – P. 207-241. (In Russ.)
16. *Kaneman D. Dumay medlenno... reshay bystro* [Thinking, Fast and Slow]. – Moscow: AST, 2013. – 656 p. (In Russ.)
17. *Kapelyushnikov R. I. Kto takoy Homo oeconomicus?* [Who is Homo oeconomicus?] // Ekonomicheskaya politika [Economic policy]. 2020. T. 15. № 1. P. 8–39. (In Russ.)
18. *Kornetov G. B. Istoriya pedagogiki: monografiya* [History of Pedagogy: Monograph] / G. B. Kornetov. – Moscow: ASOU, 2013. – 460 p. (In Russ.)
19. *Kristensen K. M. Dilemma innovatora* [The innovator's dilemma]. – Moscow: Alpina Business Books, 2004. 237 p. (In Russ.)
20. *Lekuter P. Pugovitsy Napoleona: semnadtsat' molekul, kotoryye izmenili mir* [Napoleon's Buttons: Seventeen Molecules That Changed the World]. – Moscow: Astrel: Corpus, cop. 2012. – 446 p. (In Russ.)
21. *Myasishchev V. N. Psikhologiya otnosheniy* [Psychology of Relationships] / V.N. Myasishchev. – Moscow: Institut prakticheskoy psikhologii; Voronezh: MODZH, 1998. – 362 p. (In Russ.)
22. *Payn Dzh. Ekonomika vpechatleniy: Kak prevratit' pokupku v zakhvatyvayushcheye deystviye* [The Experience Economy: How to Turn a Purchase into an Exciting Action] / B. Dzhozef Payn II, Dzheyms KH. Gilmor; Pers angl. – Moscow : Al'pina Pablisher, 2018. — 382 p. (In Russ.)
23. *Pedagogika i psikhologiya vysshey shkoly: ucheb. posobie* [Pedagogy and Psychology of Higher Education: A Textbook] / F.V. Sharipov. – Moscow: Logos, 2012. – 448 p. (in Russ.)
24. *Taleb N. N. Odurachennyye sluchaynost'yu. O skrytoy roli shansa v zhizni* [Fooled by Randomness. On the Hidden Role of Chance in Life] – Moscow: Mann, Ivanov, Ferber, 2012. – 320 p. (In Russ.)
25. *Taleb N. N. Riskuya sobstvennoy shкуроy. Skrytaya asimmetriya povsednevnoy zhizni* [Risking Your Own Skin. The Hidden Asymmetry of Everyday Life] – Moscow: KoLibri, Azbuka-Attikus, 2022. – 384 p. (In Russ.)
26. *Terekhova T. A., Yevdokimova A. S. Sistema determinatsii ekonomicheskoy sotsializatsii lichnosti* [The system of determination of economic socialization of the individual] // Gumanitarnyy vektor. [Humanitarian vector]. 2012. No. 1 (29) P. 199-204. (In Russ.)
27. *Chipolla K. Fundamental'nyye zakony chelovecheskoy gluposti* [Fundamental Laws of Human Stupidity] / Carlo Cipolla. - Moscow: AST Publishing House: CORPUS, 2023. - 160 p.
28. *Shnayyer B. – Vzlomat' vso. Kak sil'nyye mira sego ispol'zuyut uyazvimosti sistem v svoikh interesakh* [Hack Everything. How the Powers That Be Use System Vulnerabilities to Their Advantages] – Moscow: Al'pina Pablisher, 2023. – 376 p. (In Russ.)
29. *Shou Dzh. Psikhologiya zla : pochemu chelovek vybirayet temnyu storonu* [The Psychology of Evil: Why People Choose the Dark Side]. Moscow: Alpina Publisher, 2020. 294 p. (In Russ.)
30. *Ekonomicheskaya psikhologiya: Sotsiokul'turnyy podkhod* [Economic Psychology: Sociocultural Approach] / Pod. red. I.V. Andreyevoy. – St. Petersburg : Piter, 2000. – 511 p. (In Russ.)
31. *Negroponte N. Being digital* / Nicholas Negroponte. — New York : Knopf, 1995. — VIII, 243 c.

Belova Elizaveta Vasilevna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Department of social-political studies, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), limax3@ayndex.ru

Статья поступила в редакцию: 18.05.2026; принята к публикации: 25.05.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Белова Е.В. Уязвимости, ресурсы и этапы развития «человека экономического» // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 2(16). – С. 78-88.

FOR CITATION:

Belova E. V. Uyazvimosti, resursy i etapy razvitiya «cheloveka ekonomicheskogo» [Vulnerabilities, resources and stages of development of the "economic man"] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 78-88.

УДК 327.83

**МУЗЫКАЛЬНЫЙ КОНКУРС "ЕВРОВИДЕНИЕ" КАК ИНДИКАТОР
ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЫ****Е. В. Алёнкина, П. А. Смирнов**

В данной статье рассматривается взаимосвязь между культурой и политикой в Европе, проявляющаяся через конкурс «Евровидение». Данный конкурс был выбран в силу его популярности (ежегодно более 160 миллионов зрителей), сопровождающей его полемики, а также потенциала в качестве инструмента культурной дипломатии. Действительно ли «Евровидение» является аполитичным феноменом? С какой целью и каким образом он был создан? Почему сам конкурс и его организаторы подвергаются обвинениям в политизации? Все перечисленные вопросы анализируются в настоящей статье.

Ключевые слова: «Евровидение», политизация «Евровидения», музыкальный конкурс, европейская политика, культурная дипломатия.

Введение.

В последнее время всё чаще можно услышать о политике на Евровидении: возмущения участников несправедливым голосованием или самими конкурсантами, голосование организаторов за введение мер против политизированности конкурса, провокационные тексты песен или поведение на мероприятии, и многое другое. Чаще всего, недовольства сопровождаются «обращением к прошлому», так как существует распространённая точка зрения о том, что Евровидение создавалось как миролюбивое музыкальное состязание, вообще не связанное с политикой.

В данной работе рассматривается связь культуры и политики в Европе, проявляющаяся через Евровидение. Именно этот конкурс взят из-за своей популярности (более 160 миллионов ежегодно), противоречивости и потенциала как инструмента культурной дипломатии. Действительно ли Евровидение вне политики? Для чего и как оно было создано? Почему конкурс и его организаторов обвиняют в политизации конкурса? Все перечисленные вопросы взяты для изучения в этой статье.

Основная часть.**1. Европейский вещательный союз**

Европейский вещательный союз (далее ЕВС) – организация общественных теле и радиовещателей, созданная в 1950 году [1]. В настоящее время – крупнейшее объединение вещателей, организация управляет системами обмена теле- и радиопередачами. Изначально Евровидением называлась общая сеть телеканалов, но впоследствии такое же название получил и песенный конкурс. Идеи о Евровидении стали появляться почти сразу после создания ЕВС, так как необходима была такая передача, которая могла бы привлечь внимание к телевидению, чтобы повысить его популярность. Отдельные исследования выделяют помимо заявленной цели Евровидения ещё две: объединение послевоенной Европы, создание общего интереса через культурное объединение [3, 5, 15]. Первое Евровидение было проведено уже в 1956 году, но правила участия и голосования менялись почти каждый год. Таким, каким люди знают Евровидение сейчас оно стало только в конце двадцатого века, когда были совмещены два способа голосования (телезрительское и голосование профессионального жюри), а также появились полуфиналы, как способ отбора конкурсантов для «Большого Финала».

ЕВС много раз отмечал, что конкурс считается аполитичным и проводится вне политики, и не должен ей подвергаться [16]. На конкурсе запрещены песни с политическим посылом, различные высказывания и жесты, которые так или иначе связаны с политикой [21], однако, люди, так или иначе вовлечённые в участие в Евровидении, часто находят способы «обходить» это правило, а сами организаторы не отсеивают все политические послания.

2. Популярный кейс

На самом первом Евровидении в 1956 году ФРГ представлял еврей (Уолтер Андреас Шварц), что многие исследователи называют «утверждением о собственной истории, взглядом на прошлое» [12]. В этом же году, от Нидерландов была отправлена песня, в которой рассказывалось о том, как хороша жизнь в Нидерландах и как прекрасны местные жители, что позднее было воспринято, как один из способов «национального брендинга» через музыкальные конкурсы [15].

В 1961 году, когда была возведена Берлинская стена, победил исполнитель из Люксембурга, который исполнял песню про двух «разделённых влюблённых», к тому же, не упоминая их гендерной идентичности [8], что привело к активным обсуждениям и спорам. В СССР в этом году вещание конкурса блокировалось, а также активно велись мероприятия по подготовке к проведению фестиваля в Сопоте, который включал в себя преимущественно гос-ва социалистические. Позднее, появилось Интервидение, заменившее фестиваль в Сопоте, но сохранившее идею о «замене Евровидения» [18, 19].

Уже в 1964 году, в Копенгагене, впервые был сорван номер из-за политического протеста: на сцену выбежал мужчина с транспарантом, на котором был лозунг с призывом к бойкоту Франсиско Франко и Антониу ди Салазара (испанский и португальский диктаторы). Вещание было оперативно остановлено

и восстановлено только к моменту следующего выступления, и, хотя видеозапись конкурса не сохранилась полностью, остались аудиодорожки, а также фотографии произошедшего. К слову о Франсиско Франко, в 1968 году, во время обострения противоречий между Испанией и Каталонией, когда от Испании на конкурс должен был поехать Каталонский исполнитель, он вмешался, единолично выбрав другую исполнительницу, испанского происхождения (Кончита Батуиста) [15]. В 1975 году произошёл первый бойкот Евровидения: Греция отказалась от участия, выразив своё несогласие с присутствием на конкурсе Турции, которая в 1974 году провела операцию «Аттила» на Кипре [20].

После распада СССР на конкурсе появилось много новых государств, которые чаще других так или иначе демонстрировали свою идентичность (говоря о своей истории, независимости), а также «нормальность», «современность» и «похожесть» на остальные Европейские государства. Причём, такой подход, вероятнее всего, привёл к принятию некоторых стран в ЕС, так как проведением масштабного конкурса они продемонстрировали свою «продвинутость» и готовность к вступлению в организацию. Например, после принятия конкурса у себя в 2002 и 2003 г. Латвия и Эстония соответственно были приняты в ЕС в 2004 г.

Ещё одним политическим аспектом на Евровидении считаются «провокационные и табуированные темы» в песнях.

В правилах конкурса прописан строгий запрет на политические подтексты. Песни, в которых такой подтекст находят, не пропускают или просят их пересмотреть и переделать (Грузия 2009, Беларусь 2021, Израиль 2024). Тем не менее, исполнители часто прибегают к различным метафорам, которые организаторы пропускают. Например, в песне Джамалы (Украина, 2016) поётся про депортацию крымских татар во время Второй мировой войны – об этом говорила сама Джамала [11], на это также ука-

зывают строчки текста и припев, исполненный на крымско-татарском языке. Часто строчки интерпретируются ещё и как комментарий к событиям в Крыму в 2014 году. Номер конкурсантов от Хорватии в 2023, заслуживает отдельного упоминания. Группа была одета в карикатурно-военную форму (символизируя диктаторов), а ближе к концу номера на сцену были вывезены макеты ядерных боеголовок (на одной из которых на хорватском сленге было написано Ленин, а в клипе на студийную версию песни, в конце появляется надпись: «Нет войне») [12]. До 21 века подобные случаи также происходили. Например, в 1976 году, вернувшаяся на конкурс Греция отправила номер с очевидным посылом про события на Кипре, на что указывают, опять же, строчки из текста [13], а в 1990 году немецкие конкурсанты пели о «долгожданном воссоединении», что было приурочено к падению Берлинской стены [4].

3. Исключения из Евровидения

Беларусь была дисквалифицирована в 2021 году из-за подачи песни с открытым политическим подтекстом дважды. В первый раз, ЕВС, сообщив о невозможности допустить политическую песню на конкурс, предложил изменить ей, однако, второй вариант песни практически не отличался от предыдущего, был оценен как «прославляющий президента Беларуси», из-за чего было принято решение об исключении.

Россия была исключена в 2022 году после 24 февраля. Изначально, организаторы не хотели исключать Россию, но непосредственно члены ЕВС (Вещатели от Украины, Дании, Швеции, Исландии, Литвы, Латвии, Норвегии, Эстонии, Финляндии, Нидерландов и Польши) выразили своё несогласие с российским присутствием, а также заявили, что в случае, если Россия, останется на конкурсе, они прекратят своё участие и, соответственно, прекратят финансирование конкурса, что сделало бы его проведение невозможным в принципе. Официальное заявление ЕВС об исключе-

нии звучало следующим образом: «не исключение России нанесло бы ущерб репутации конкурса и подорвало бы основные его ценности» [7].

Тем не менее, в настоящее время ущерб репутации конкурса наносит «не исключение» Израиля, из-за серии ситуаций с которым распространяется мнение о «становлении Евровидения политизированным». Один из первых протестов против политических мероприятий Израиля в Секторе Газа произошёл в 2019 году, когда Евровидение проходило в Тель-Авиве. Во время гала-выступления между основной частью конкурса и подсчётом голосов выступила Мадонна, в одной из частей номера которой была поставлена небольшая сценка, где двое людей с изображёнными на их спинах флагами Израиля и Палестины, поднимались по лестнице, обнимая друг друга. Также, в момент объявления голосов телезрителей, группа исполнителей из Исландии развернула палестинские флаги, выражая таким образом поддержку Палестине, за что исландскому вещателю был выставлен штраф.

После 2023 г. против Израиля стали протестовать массово зрители, а также вещатели и конкурсанты. В 2025 году 72 бывших участника Евровидения подписали письмо с требованием отстранить Израиль от участия, которое направили в ЕВС. В неделю Евровидения в мае 2025 года проводились масштабные демонстрации в поддержку Палестины в городе проведения (Базель, Швейцария) с использованием слогана “United by genocide”. В этом же году, несмотря на массовые протесты, номер конкурсантки от Израиля победил в телеголосовании, что привело перформанс на второе место в таблице результатов. Это повлекло за собой дальнейшие протесты, обвинения в рекламе (которая действительно была, в Интернете, на афишах, на различных платформах), обвинения ЕВС в недостаточном контроле и фаворитизме.

Стоит отметить, что ЕВС не полностью лоялен к Израилю, так как, например, в 2024 г., они не допустили песню с названием “October rain” (о теракте 7 октября 2023), после чего Израиль изменил текст и название, тем не менее, посыл песни остался тем же. Однако исследователи и журналисты замечают определённые двойные стандарты в отношении ко всем делегациям, по сравнению с израильской. Однако, события 2025 г. привели ЕВС только к проведению голосования между участниками по поводу «изменения системы голосования» для «становления конкурса менее политичным». Вещатели выступали за то, чтобы это голосование включало также вопрос по теме участия Израиля вообще, однако ЕВС заявили, что «в таком голосовании нет необходимости, так как вопрос политичности голосования был решён» [6]. Что, в свою очередь, привело к ещё большему возмущению и отказу стран (Испания, Ирландия, Исландия, Нидерланды, Словения. Эти же страны сейчас выражают своё несогласие с политикой США и Израиля) от участия и транслирования конкурса в 2026 г. местными радио и телевидением.

Израиль не был исключён из Евровидения, несмотря на политические исключения в 2021 г. и в 2022 г., ЕВС заявил о том, что «сравнения между войнами и конфликтами – комплексные и сложные, а мы, как неполитическая медиа-организация не можем такие сравнения проводить» [6]. Вероятнее всего, фактическими причинами не исключения Израиля является меньшее давление на ЕВС в этом вопросе, по сравнению с давлением в 2022 г., что объясняется в том числе политическими отношениями стран Европы с Россией и Израилем, а также основное спонсорство конкурса, которое осуществляется со стороны Израиля, компанией Moroccan Oil.

4. Аполитичность Евровидения

В разных частях Европы Евровидение воспринимается по-разному. Несмотря на то, что государство в любой

момент может так или иначе повлиять на конкурента, жюри, проведение конкурса или конкурс в целом, как правило, в странах Западной Европы к Евровидению относятся не так серьёзно, как в странах Восточной Европы.

Например, после Евровидения 2009 года появилась информация о проводимых службой национальной безопасности Азербайджана допросов граждан страны, которые проголосовали за номер Армении. Заявление одного из азербайджанских зрителей о подобной ситуации привело к расследованию со стороны ЕВС, в ходе которого служба безопасности Азербайджана факт допросов подтвердила, оправдав его «нынешними отношениями стран», назвав допрос «профилактическим мероприятием» [2].

Именно от постсоветской и восточной Европы на Евровидении чаще всего представляются номера, окрашенные национально, исполненные на национальном языке. Существует также «постсоветский» блок голосования, что было особенно заметно в первое время участия стран Восточной Европы, когда страны-соседи распределяли высшие баллы между собой, как бы показывая свою солидарность. До исключения России, отдельно выделялся также обмен баллами между Россией, Беларусью и Азербайджаном [15], что тоже говорит о серьёзном отношении к этому мероприятию, к восприятию его как возможности поддержать определённую страну или, наоборот, выступить против. Другие страны на Евровидение чаще отправляют не совсем серьёзные номера, или экспериментируют с номерами, что может быть связано с несколькими причинами и зависит не только от населения государства, но и от степени независимости СМИ и даже от способа выбора конкурента. Тем не менее, любой подход к Евровидению – это политика.

Аполитичность Евровидения в целом не представляется возможной по следующим причинам:

1) Через музыку выражается эмоция. Выбор темы, подбор слов, исполнение и другие аспекты номера всегда подвергаются политической ситуации в стране. Например, песня Португалии 1974 г., романтическая баллада, которая прошла цензуру в существовавшей на тот момент диктатуре, однако благодаря своему прохождению цензуры, позднее она стала сигналом для начала революции. Песня не обязательно должна быть напрямую связана с каким-то ярким политическим событием, она может раскрывать тему, специфичную или актуальную для конкретной страны, отражаясь тем самым на формировании образа государства.

2) В уставе (и кодексе) Евровидения прописано о том, что конкурсанты представляют страны, а не самих себя [14]. Репрезентуется конкурсантом то послание, которое народ или вещатель, или, в некоторых случаях, правительство, хочет передать на международную площадку. Более того, артист выступает под национальной символикой государства, что тоже связывает конкурс с политикой.

3) Государства (правительства) часто могут так или иначе вмешиваться в национальные отборы и в сам процесс Евровидения, что показывает серьёзное отношение государства к конкурсу и беспокойство восприятия государства на международной арене через Евровидение.

Заключение.

Таким образом, можно сделать выводы о том, что Евровидение никогда не было вне политики, несмотря на заявления организаторов. Действительно, сейчас информация распространяется быстрее и дальше, но люди всегда были подвержены политическому влиянию. Глобализация и технический прогресс способствуют этому сейчас. Евровидение в глазах населения и некоторых государств – это большая площадка для обмена культурой, для достижения понимания, возможность привлечь к определённой проблеме, распространить осведомлённость или создать определённый образ. Более того, на Евровидении всегда отражался политический ландшафт в Европе, и в вопросах взаимоотношений (проявляется через голосование), и в вопросах политических событий. Ярко прослеживается через этот музыкальный конкурс неоднородность политического пространства, вопросы, на которые в европейском регионе нет единого ответа, что выражается в многочисленных противоречиях, как в политике, так и в культуре. Для некоторых стран Евровидение стало возможностью показать свою приверженность европейским идеям (идее европейской идентичности), при этом, совмещая их с элементами своей самобытности, что делает Евровидение важным в вопросах культурной дипломатии для Европы и, соответственно, делает его неотделимым от политики.

Список источников и литературы

1. About | EBU [electronic resource] // EBU official site. – URL: <https://www.ebu.ch/about> (last request: 11.05.2026).
2. Azerbaijan authorities interrogate music fans in Eurovision probe [electronic resource] // The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/music/2009/aug/18/azerbaijan-authorities-interrogate-music-fans> (last request: 11.05.2026).
3. *Borić Z., Radović Kapor A.* The European song contest as a tool of cultural diplomacy // *Izvorni znanstveni rad.* – 2017. – №3. – С. 225-240.
4. Chris Kempers & Daniel Kovac [electronic resource] // ESC. URL: <https://www.eurovision.com/eurovision-song-contest/zagreb-1990/all-participants/chris-kempers-and-daniel-kovac/> (last request: 11.05.2026).
5. *Dubin A, Vuletic D, Obregón A.* The Eurovision Song Contest as a Cultural Phenomenon From Concert Halls to the Halls of Academia. – 1st ed. – New York: Routledge, 2023. – 291 p.

6. EBU Statement on Eurovision Song Contest General Assembly Discussion [electronic resource] // EBU. – URL: <https://www.ebu.ch/news/2025/07/ebu-statement-on-eurovision-song-contest-general-assembly-discussion> (last request: 11.05.2026).
7. EBU Statement on Russia in the Eurovision Song Contest 2022 [electronic resource] // EBU URL: <https://www.ebu.ch/news/2022/02/ebu-statement-on-russia-in-the-eurovision-song-contest-2022> (last request: 11.05.2026).
8. Eurovision archives [electronic resource] // Eurovision.tv. – URL: <https://eurovision.tv/history> (last request: 11.05.2026).
9. Eurovision Song Contest [electronic resource] // Eurovision.tv. – URL: <https://eurovision.tv/> (last request: 11.05.2026).
10. Eurovision: Love Thy Neighbour [electronic resource] // Statistics in Historical Musicology. – URL: <https://musichistorystats.com/eurovision-love-thy-neighbour/> (last request: 31.05.2025).
11. Jamala 2016 [electronic resource] // ESC. – URL: <https://www.eurovision.com/eurovision-song-contest/stockholm-2016/all-participants/jamala-1/> (last request: 11.05.2026).
12. *Kucheryavy, A. V. Doroshenko L. A., Arutyunyan L. V.* The political component of the Eurovision Song Contest // International Journal of Professional Science. – 2022. – №11-2. – Pp. 40-47.
13. Let 3 [electronic resource] // ESC. – URL: <https://www.eurovision.com/eurovision-song-contest/liverpool-2023/all-participants/let-3/> (last request: 11.05.2026).
14. Mariza Koch [electronic resource] // ESC. – URL: <https://www.eurovision.com/eurovision-song-contest/the-hague-1976/all-participants/mariza-koch/> (last request: 11.05.2026).
15. *O'Connor J.* The Eurovision Song Contest. The Official History. London: Carlton Books, 2007 212 p.
16. Rules of contest [electronic resource] // Eurovision song contest. – URL: <https://www.eurovision.com/newsroom/rules-of-the-contest/> (last request: 11.05.2026).
17. *Svete A., Hostnik J., Šubelj L.* It is not just about the Melody: How Europe Votes for its Favorite Songs // Uporabna informatika. 2020 № 2 (28). Pp. 66-84.
18. *Vuletic, D.* Postwar Europe and the Eurovision song contest. – 1st ed. – London: Bloomsbury Publishing, 2019. - 288 с.
19. *Vuletic, D.* The Intervision Song contest // Music and Democracy. Participatory Approaches. – Reichenau/Rax: mdwPress, 2021. – Pp. 141-156.
20. Song and dance: Eurovision's history of controversy [electronic resource] // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/tv-and-radio/article/2024/may/11/a-song-and-dance-eurovisions-history-of-controversy> (last request: 11.05.2026).
21. *Проскуракова И., Логинова Г.* Конкурс "Евровидение" проблема политизации // Сборник материалов IX Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием "Россия молодая". – Кемерово: Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, 2017. – С. 87019.

Алёнкина Елена Вадимовна – студентка 4 курса бакалавриата факультета международных и политических исследований, Северо-Западный институт, Российская академия народного хозяйства и государственного управления, (г. Санкт-Петербург, Россия), alyonkina.elena@yandex.ru

Смирнов Пётр Александрович – к. полит. н., доцент кафедры МО, Северо-Западный институт, Российская академия народного хозяйства и государственного управления, (г. Санкт-Петербург, Россия), smirnov-pa@ranepa.ru

THE EUROVISION SONG CONTEST AS AN INDICATOR OF THE POLITICAL LANDSCAPE OF MODERN EUROPE

Y. V. Alyonkina, P. A. Smirnov

This paper examines the connection between culture and politics in Europe, as manifested through Eurovision. This competition was chosen for its popularity (over 160 million annually),

controversy, and potential as a tool for cultural diplomacy. Is Eurovision truly apolitical? Why and how was it created? Why are the competition and its organizers accused of politicizing the competition? All of these questions are explored in this article.

Keywords: Eurovision, the politicization of Eurovision, the music competition, European politics, cultural diplomacy.

References

1. About | EBU [electronic resource] // EBU official site. – URL: <https://www.ebu.ch/about> (last request: 11.05.2026).
2. Azerbaijan authorities interrogate music fans in Eurovision probe [electronic resource] // The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/music/2009/aug/18/azerbaijan-authorities-interrogate-music-fans> (last request: 11.05.2026).
3. *Borić Z., Radović Kapor A.* The European song contest as a tool of cultural diplomacy // *Izvorni znanstveni rad.* – 2017. – №3. – С. 225-240.
4. Chris Kempers & Daniel Kovac [electronic resource] // ESC. URL: <https://www.eurovision.com/eurovision-song-contest/zagreb-1990/all-participants/chris-kempers-and-daniel-kovac/> (last request: 11.05.2026).
5. *Dubin A, Vuletic D, Obregón A.* The Eurovision Song Contest as a Cultural Phenomenon From Concert Halls to the Halls of Academia. – 1st ed. – New York: Routledge, 2023. – 291 p.
6. EBU Statement on Eurovision Song Contest General Assembly Discussion [electronic resource] // EBU. – URL: <https://www.ebu.ch/news/2025/07/ebu-statement-on-eurovision-song-contest-general-assembly-discussion> (last request: 11.05.2026).
7. EBU Statement on Russia in the Eurovision Song Contest 2022 [electronic resource] // EBU URL: <https://www.ebu.ch/news/2022/02/ebu-statement-on-russia-in-the-eurovision-song-contest-2022> (last request: 11.05.2026).
8. Eurovision archives [electronic resource] // Eurovision.tv. – URL: <https://eurovision.tv/history> (last request: 11.05.2026).
9. Eurovision Song Contest [electronic resource] // Eurovision.tv. – URL: <https://eurovision.tv/> (last request: 11.05.2026).
10. Eurovision: Love Thy Neighbour [electronic resource] // Statistics in Historical Musicology. – URL: <https://musichistorystats.com/eurovision-love-thy-neighbour/> (last request: 31.05.2025).
11. Jamala 2016 [electronic resource] // ESC. – URL: <https://www.eurovision.com/eurovision-song-contest/stockholm-2016/all-participants/jamala-1/> (last request: 11.05.2026).
12. *Kucheryavy, A. V. Doroshenko L. A., Arutyunyan L. V.* The political component of the Eurovision Song Contest // *International Journal of Professional Science.* – 2022. – №11-2. – Pp. 40-47.
13. Let 3 [electronic resource] // ESC. – URL: <https://www.eurovision.com/eurovision-song-contest/liverpool-2023/all-participants/let-3/> (last request: 11.05.2026).
14. Mariza Koch [electronic resource] // ESC. – URL: <https://www.eurovision.com/eurovision-song-contest/the-hague-1976/all-participants/mariza-koch/> (last request: 11.05.2026).
15. *O'Connor J.* The Eurovision Song Contest. The Official History. London: Carlton Books, 2007 212 p.
16. Rules of contest [electronic resource] // Eurovision song contest. – URL: <https://www.eurovision.com/newsroom/rules-of-the-contest/> (last request: 11.05.2026).
17. *Svete A., Hostnik J., Šubelj L.* It is not just about the Melody: How Europe Votes for its Favorite Songs // *Uporabna informatika.* 2020 № 2 (28). Pp. 66-84.
18. *Vuletic, D.* Postwar Europe and the Eurovision song contest. – 1st ed. – London: Bloomsbury Publishing, 2019. - 288 c.
19. *Vuletic, D.* The Intervision Song contest // *Music and Democracy. Participatory Approaches.* – Reichenau/Rax: mdwPress, 2021. – Pp. 141-156.
20. Song and dance: Eurovision's history of controversy [electronic resource] // The Guardian. – URL: <https://www.theguardian.com/tv-and-radio/article/2024/may/11/a-song-and-dance-eurovision-history-of-controversy> (last request: 11.05.2026).

21. *Proskuryakova I., Loginova G.* Konkurs "Evrovidenie": problema politizatsii [The Eurovision Song Contest: The Problem of Politicization] // Sbornik materialov IX Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferentsii molodykh uchenykh s mezhdunarodnym uchastiem "Rossiya molodaya" [Collection of Materials of the IX All-Russian Scientific-Practical Conference of Young Scientists with International Participation "Young Russia"]. – Kemerovo: Kuzbasskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet imeni T. F. Gorbacheva, 2017. – p. 87019. (In Russ.)

Alyonkina Elena Vadimovna – 4th year undergraduate student of the Faculty of International and Political Studies, North-West Institute, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russia), alyonkina.elena@yandex.ru

Smirnov Peter Alexandrovich – PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of International Relations, North-West Institute, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, (St. Petersburg, Russia) smirnov-pa@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию: 12.05.2026; принята к публикации: 25.05.2026.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Алёнкина Е. В., Смирнов П. А. Музыкальный конкурс "Евровидение" как индикатор политического ландшафта современной Европы // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 2(16). – С. 89-96.

FOR CITATION:

Alyonkina E. V., Smirnov P. A. Muzykal'nyj konkurs "Evrovidenie" kak indikator politicheskogo landshafta sovremennoj Evropy [The Eurovision song contest as an indicator of the political landscape of modern Europe] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 89-96.

ГЛОССАРИЙ: НОВЫЕ ТЕРМИНЫ В КУЛЬТУРЕ. ЧАСТЬ 2.

Т. В. Молчанова

Авторская подборка современных терминов в культуре включает в себя спектр довольно распространённых в культурной среде понятий, которые используются в том числе неспециалистами, но находят отражение в деятельности культурных институций.

В последние десятилетия культура претерпела значительные изменения, вызванные глобализацией, развитием технологий и изменением общественных стандартов. В этом контексте появляются новые термины, которые отражают актуальные тенденции и феномены современного общества.

Ключевые слова: культурные термины, культурные институции, глоссарий, культура XXI век, современное искусство.

В настоящее время автор собирает новейшие термины в культуре, которые еще не во всех случаях нашли свое четкое филологическое определение и культурологическое значение, но между тем отражают реалии современной культурной жизни. Первые наработки были представлены в статье «Глоссарий: новые термины в культуре» (см. Вестник факультета социальных технологий и экономики данных Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича. 2025. №3(13). С. 147-155). В данной статье представлены новые наработки автора.

Ряд терминов встречаются в специализированных кругах и зачастую не закреплены в официальных справочных изданиях. В связи с этим, автор взял на себя ответственность самостоятельно сформулировать или отредактировать встречающиеся в живой практике термины.

А

Ар-брют (фр. *art brut* – «грубое искусство», «необработанное искусство») – направление в изобразительном искусстве середины XX века. Охватывает произведения, созданные за пределами академической и традиционной культуры, свободные от её влияния.

Художественные особенности:

– произведения носят спонтанный характер, не зависят от культурных шаблонов;

– не следуют правилам правдоподобия, живописной перспективы и условных масштабов, не признают разграничение между реальным и фантастическим;

– художники работают исключительно для себя, выпуская через свои произведения образы и идеи, которые вырываются из глубин подсознания.

Артэдвайзер (от англ. *art advisor* – художественный консультант) – специалист, который предоставляет консультационные услуги по приобретению, продаже и управлению произведениями искусства.

Афрофутуризм (англ. *afrofuturism*) – направление в современной литературе, музыке, кинематографе и других видах искусства, которое переосмысляет будущее через призму культур африканской диаспоры и сочетает африканские традиции с высокими технологиями и научной фантастикой. Афрофутуризм соединяет элементы научной фантастики, фэнтези, магического реализма и африканской мифологии. В центре внимания – вопросы расового неравенства, идентичности и технологий в контексте будущего [1].

И

Индустриальный пленер – это форма художественного мероприятия, в рамках которого художники работают на

открытом воздухе, в промышленных или городских локациях. Главной целью является создание произведений искусства, отражающих промышленную культуру и атмосферу. Участники могут обращать внимание на проблемы экологии, загрязнение воздуха и воды, рабочие условия и другие аспекты промышленной деятельности [2].

Исследовательское искусство (англ. *research-based art*) – направление, которое включает в себя «художественные исследования» и является привычным элементом больших выставок с 1990-х годов.

К

«Кавайи» (яп. 可愛い) – «милый», «прелестный», «хорошенький», «славный», «маленький», «крошечный». В Японии этот термин обозначает эстетическую концепцию, которая подчёркивает невинность, детскость и ребячество и распространяется на все сферы японского общества. «Кавайи» присутствует в японской поп-культуре, в сфере развлечений, моды, еды, игрушек, внешнего вида, манер поведения.

Культурные истоки кавайи можно проследить до периода Эдо (1603-1868), когда стали популярны нэцкэ – миниатюрные скульптуры с милыми изображениями. Настоящий расцвет этого феномена начался во второй половине XX века.

Колониальное искусство – это художественное творчество, связанное с периодом колониализма, которое отражает взаимодействие европейских культур с местными традициями в колонизированных регионах. Оно включает различные формы искусства: живопись, архитектуру, скульптуру, декоративно-прикладное искусство и другие.

Концептуальное искусство (концептуализм) – литературно-художественное направление постмодернизма, оформившееся в конце 1960-х – начале 1970-х гг. Сущность данного направления отражается в представлении о том, что концепция произведения

важнее его физического выражения, цель искусства – в передаче идеи. Концептуальные объекты могут существовать в виде фраз, текстов, схем, графиков, чертежей, фотографий, аудио- и видеоматериалов. Объектом искусства может стать любой предмет, явление, процесс, поскольку концептуальное искусство представляет собой чистый художественный жест. Концептуальное искусство обращается не к эмоциональному восприятию, а к интеллектуальному осмыслению увиденного.

Культурная апроприация – это заимствование элементов культуры определенного этноса, расы или религии.

Следует отметить, что не стоит путать указанный термин и понятие «культурный обмен». Культурная апроприация подразумевает заимствование доминантной культурой не присущих ей образцов культуры, в том числе культуры коренных народов и малых этнических групп. В последнее десятилетие тема заимствования культурных кодов всё чаще звучит применительно к моде и красоте. Например, недовольство общественности неоднократно вызывали модные дизайнеры, наряжавшие белых моделей в одежду с индейскими, индийскими или африканскими мотивами или делавшие им прически в этническом стиле.

Термин «культурная апроприация» изначально был обозначен американским исследователем Артуром Эдвардом Кристи в 1945 году в его эссе «Азиатское наследие и американская жизнь». В этом произведении Кристи рассматривал ориентализм – использование восточных мотивов в европейском искусстве – и характерно, что он связывал культурную апроприацию с положительными аспектами, упоминая о писателях и художниках, черпающих вдохновение из восточной культуры.

Тем не менее, в 1970-1980-х годах термин начал использоваться в негативном контексте, когда социологи, антропологи и культурологи начали критически анализировать колониализм. В этот

период в научном сообществе всё больше нарастало понимание того, что доминирующий класс завоевателей бездумно присваивал и обесценивал культурные элементы угнетённых народов. Таким образом, с течением времени понятие культурной апроприации стало ассоциироваться с уважением к культурным традициям и ценностью самобытности, что привело к сложным обсуждениям о культуре, идентичности и власти.

М

Метамодернизм (метамодерн) – термин, обозначающий культурный дискурс и парадигму, возникшие после постмодернизма. Он относится к новым формам современного искусства и теории, которые отвечают модернизму и постмодернизму и объединяют аспекты обоих вместе.

Термин ввели голландский философ Робин ван ден Аккер и норвежский теоретик медиа Тимотеус Вермюлен в своём эссе «Заметки о метамодернизме» (*Notes on Metamodernism*), опубликованном в 2010 году в «Journal of Aesthetics & Culture».

Мурал – это чрезвычайно большое произведение искусства, чаще всего картина или огромное «граффити», нанесённое на поверхность стены.

Н

Нет-арт или Интернет-арт (англ. *net.art* – «сетевое искусство»), – вид медиаискусства, которое используется в качестве основного средства выражения среды глобальной сети Интернет.

П

Паблик-арт – искусство в городской среде, ориентированное на неподготовленного зрителя и подразумевающее коммуникацию с городским пространством.

Р

«Рынок двух скоростей» – когда массовый оборот и денежная концентрация арт-рынка расходятся все сильнее. Продажи работ дороже 50 тыс. дол. сокращаются, нижний сегмент до 10 тыс. – растёт [3].

Т

Танпин – (кит. яз. 躺平, букв. «лежать ничком») «Тан пин» это не просто жаргон, а целая философская позиция, основанная на неприятии общественных норм, принуждающих к постоянному переутомлению и сверхдостижениям.

Истоки этого движения уходят в протест против таких реалий, как система «996», означающая работу с 9 утра до 9 вечера шесть дней в неделю, которая часто рассматривается как «работа в поте лица ради ничего». Его духовной родиной можно считать Шэньчжэнь на юго-востоке Китая. В этом процветающем технологическом центре расположены гигантские заводы по производству электроники и такие компании, как Huawei Technologies и Tencent Holdings. Переработки стали нормой в начале 2000-х, когда в Китае начался бум стартапов. Компании отдавали предпочтение сотрудникам, готовым работать сверхурочно, чтобы выжить в конкурентной борьбе. Так появились Alibaba, Huawei, Xiaomi.

Система «996» (график работы с 9 утра до 9 вечера 6 дней в неделю) появилась в Китае в начале 2000-х годов во время бума стартапов. Компании отдавали предпочтение сотрудникам, готовым работать сверхурочно, чтобы выжить в конкурентной борьбе [4].

Тревел-грант – это субсидия, выделяемая для участия в профессиональной стажировке, конференции, проектной школе, семинаре, тренинге и других образовательных тематических программах для некоммерческого сектора.

У

Ультрасовременное искусство – основной характеристикой такого искусства является стирание граней между физическим и цифровым, реальным и виртуальным. Это направление выходит за рамки традиционных представлений о художественном творчестве, в его арсенале находят свое применение нейросети, VR-технологии, интерактивные инсталляции и другие инновацион-

ные медиа. Однако самой отличительной чертой данного искусства являются работы только тех авторов, которым не исполнилось 40 лет [5].

Ф

Фиджитал-арт (от англ. *physical* – физический и *digital* – цифровой) – направление в современном искусстве, сочетающее в себе элементы и физических, и цифровых объектов. То есть автор может создавать виртуальные работы с помощью блокчейн-технологий, а затем в том или ином виде переносить их в реальность, например печатать на 3D-принтере или обрамлять в NFT-рамки. Произведения фиджитал-арта можно увидеть на площадках *Generative Gallery*, *Masters digital gallery*, *The Third Place*, *VS Gallery*. Среди популярных российских фиджитал-художников – Кирилл Рейв, Rinatto L'bank, Данил Карамушкин и Юлия Низамутдинова [6].

Ч

Черная эстетика (*New Black Aesthetic*) – это культурная идеология, которая сформировалась в Соединённых Штатах Америки в 1960-х гг. параллельно с движением за гражданские права афроамериканцев и способствовала развитию черного сепаратизма в искусстве. Концептуальная основа строится на желании самоопределения афроамериканских граждан, на поиске собственных героев и сюжетов, а также зачастую на собственном опыте расовой дискриминации художника.

Э

Элоун-арт (от англ. *alone-art* – буквально «искусство одиночества» или «солитюдное искусство») (буквально: искусство одиночества или солитюдное искусство) – направление в изобразительном искусстве, которое активно развивается в настоящее время. Это понятие относится к произведениям изобразительного искусства, имеющим в центре композиции человеческую фигуру. Иногда в контексте элоун-арта упоминают классические произведения искусства, которые могут содержать мотивы одиночест-

ва (например, «Алёнушка» Васнецова, «Девушка, читающая письмо» Вермеера, «Любительница абсента» Пикассо) [7].

Этноархаика – направление современного искусства, которое стремится осмыслить образы и знаки исторического наследия и культуры коренных этносов через изобразительное искусство.

Culture Fit («культурное соответствие») – это степень соответствия ценностей, убеждений, поведения и целей сотрудника корпоративной культуре организации [8].

Copycat culture – термин, который может относиться к культуре копирования в разных сферах: бизнесе, моде и искусстве. Подразумевает подражание чужим идеям, стратегиям или тактикам реализации идеи. В качестве примера можно указать пригород Шанхая Сунцзян, где в 2006 г. построили «Город на Темзе», псевдоанглийский район с домиками в тюдоровском стиле. Этот район стал частью грандиозного проекта по развитию Сунцзяна «Один город – девять районов», в рамках которого появились еще кварталы в итальянском, испанском, голландском и даже канадском стиле [9].

Land Art или Earth Art – направление искусства, возникшее в США в конце 1960-х годов. Произведения этого направления неразрывно связаны с природным ландшафтом, откуда и происходит название. Ландшафты используются художниками как форма и средство, необходимые для создания произведений. Зачастую эти произведения создаются в тех местах, куда человеку не так просто добраться – в горах или на островах – поскольку художники лэнд-арта хотели вывести произведения искусства из музеев и галерей, вырваться из искусственного пространства в пространство природное, избавиться от взгляда на произведения искусства, как на товар. Некоторые произведения лэнд-арта очень недолговечны, приобрести их априори невозможно. Основной способ ознакомиться с такими творениями – фото- и видео.

В качестве примера можно указать на работу Роберта Смитсона (1938-1973) «Спиральная дамба» (1970) – конструкцию из глыб чёрного базальта, закрученную против часовой стрелки и направленную вглубь Большого солёного озера в штате Юта [10].

Live art – это форма художественного выражения, которая происходит в реальном времени и часто включает в себя взаимодействие с аудиторией. Это может быть представление, перформанс, инсталляция или любой другой вид искусства, который выполняется «на глазах» зрителей.

Лайв-арт может включать в себя различные элементы, такие как танец, театр, музыка, визуальные искусства и даже новые медиа. Такой формат часто использует моменты импровизации и мгновения, которые никогда не повторяются, что делает каждое выступление уникальным.

Живое искусство стремится нарушить границы традиционных форм искусства и предложить зрителям интерактивный опыт, иногда провоцируя их на участие или размышления о социальных, культурных или политических вопросах. Немаловажным становится перенос акцента непосредственно с самого произведения на процесс его создания.

Ярким примером такого искусства является творчество французского художника И. Кляйна (1928-1962) и его работу «Антропометрии» (1960), в которой модели по команде художника «озвучивали» свои движения, оставляя следы своего тела на холстах, покрытых краской.

Open call – это открытый приём заявок в творческие проекты, конкурс, в котором может принять участие любой желающий. Чаще всего в опен-коллах участвуют люди искусства: художники, фотографы, писатели и поэты, актёры, режиссёры и сценаристы, музыканты, архитекторы. Конкурсное участие в размещение работ (на выставке, публикации в журнале, онлайн-портале и т.д.) допустимо после прохождения определённой процедуры, которая соответствует идее конкурса, его тематике, техническому заданию и другим условиям, оговоренными организаторами.

Time-poor professionals – профессионалы с ограниченным количеством времени. Так музей Лондона называет заинтересованных лиц, которые хотят прийти в музей после закрытия, хорошо провести время, посетив небольшую экскурсию с закуской и шампанским. В настоящее время распространённой практикой является организация закрытых *vip* – мероприятий культурными учреждениями [11].

Список источников и литературы

1. The Afrofuture is Now [electronic resource] // Google Arts and Culture. URL: <https://artsandculture.google.com/project/afrofuturism> (last request: 15.04.2026).
2. Предлагаем Вам принять участие в Индустриальном художественном пленэре ДКС 2026 [электронный ресурс] // Официальный сайт Союза «Тверской торгово-промышленной палаты». – URL: <https://tver.tpprf.ru/ru/news/601492/> (дата обращения 15.04.2026).
3. Тренды арт-рынка 2025: не падение, а перестройка [электронный ресурс] // Официальный сайт АртГид. – URL: <https://artguide.com/articles/trendy-art-rynka-2025-ne-padenie-a-perestrojka> (дата обращения: 12.04.2026).
4. 12 часов в офисе и обморок в туалете; что такое система «996» и почему ее признали незаконной в Китае [электронный ресурс] // Культурология.ру. – URL: <https://kulturologia.ru/blogs/150722/53766/> (дата обращения: 04.12.2025)
5. Ультрасовременное искусство [электронный ресурс] // Официальный сайт Art Collecting. – URL: <https://ru.artcollecting.info/ультрасовременное-искусство/> (дата обращения: 04.02.2026).

6. Санкт-Петербургская ярмарка искусства 1703: словарь. Фиджитал-арт [электронный ресурс] // VC.com. – URL: https://vk.com/wall-213263633_819 (дата обращения: 15.04.2026).
7. Петербуржцам расскажут про «искусство одиночества» [электронный ресурс] // Официальный сайт «Фонтанка.ру». – URL: <https://www.fontanka.ru/2024/11/22/74366207/> (дата обращения: 16.04.2026).
8. Как проверить кандидата на культурный фит [электронный ресурс] // Employ City. – URL: <https://employ.city/blog/article/kak-proverit-kandidata-na-kulturnyj-fit> (дата обращения: 16.04.2026).
9. Китай в эпоху Си Цзиньпина / И. Ю. Зуенко. – Москва : Издательство АСТ, 2024. – 304 с.
10. Лэнд-арт в американском искусстве 1960-1970 гг. [электронный ресурс] // HSE University. – URL: <https://hsedesign.ru/project/3b87bf3e3aae429aab5eb6ee8831ff7e> (дата обращения: 16.04.2026).
11. The British Museum [electronic resource] // Google Arts and Culture. – URL: <https://artsandculture.google.com/partner/the-british-museum> (last request: 15.04.2026).

Молчанова Татьяна Вячеславовна – к. и. н., доцент кафедры истории и регионоведения, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), molchanova_tania@mail.ru

GLOSSARY: NEW TERMS IN CULTURE. PART 2.

T. V. Molchanova

The author's selection of contemporary cultural terms includes a range of widely used concepts in the cultural environment, including those used by non-specialists, but reflected in the activities of cultural institutions.

In recent decades, culture has undergone significant changes caused by globalization, technological advances, and changing social standards. In this context, new terms have emerged that reflect current trends and phenomena in modern society.

Keywords: cultural terms, cultural institutions, glossary, 21st century culture, contemporary art.

References

1. The Afrofuture is Now [electronic resource] // Google Arts and Culture. – URL: <https://artsandculture.google.com/project/afrofuturism> (last request: 15.04.2026).
2. Predlagaem Vam prinyat' uchastie v Industrial'nom khudozhestvennom plenere DKS 2026 [We invite you to participate in the Industrial Art Plein Air DKS 2026] [electronic resource] // Ofitsial'nyj sajt Soyuzа «Tverskoj torgovo-promyshlennoj palaty». [Official website of the Union "Tver Chamber of Commerce and Industry"]. – URL: <https://tver.tpprf.ru/news/601492/> (last request: 15.04.2026). (In Russ.)
3. Trendy art-rynka 2025: ne padenie, a perestrojka [Art Market Trends 2025: Not a Fall, but a Restructuring] [electronic resource] // Ofitsial'nyj sajt ArtGid [Official website of ArtGuide]. – URL: <https://artguide.com/articles/trendy-art-rynka-2025-ne-padenie-a-perestrojka> (last request: 12.04.2026). (In Russ.)
4. 12 chasov v ofise i obmorok v tualete; chto takoe sistema «996» i pochemu ee priznali nezakonnoj v Kitae [12 hours in the office and fainting in the toilet; what is the "996" system and why it was declared illegal in China] [electronic resource] // Kulturologiya.ru. – URL: <https://kulturologia.ru/blogs/150722/53766/> (last request: 04.12.2025). (In Russ.)
5. Ul'trasovremennoe iskusstvo [Ultra-Contemporary Art] [electronic resource] // Ofitsial'nyj sajt Art Collecting [Official website of Art Collecting]. – URL: <https://ru.artcollecting.info/ультрасовременное-искусство/> (last request: 04.02.2026). (In Russ.)

6. Sankt-Peterburgskaya yarmarka iskusstva 1703: slovar'. Fidzhital-art [St. Petersburg Art Fair 1703: Dictionary. Phygital Art] [electronic resource] // VC.com. – URL: https://vk.com/wall-213263633_819 (last request: 15.04.2026). (In Russ.)

7. Peterburzhtsam rasskazhut pro «iskusstvo odinochestva» [Petersburg residents will be told about the "art of loneliness"] [electronic resource] // Ofitsial'nyj sajt «Fontanka.ru» [Official website "Fontanka.ru"]. – URL: <https://www.fontanka.ru/2024/11/22/74366207/> (last request: 16.04.2026). (In Russ.)

8. Kak proverit' kandidata na kul'turnyj fit [How to check a candidate for cultural fit] [electronic resource] // Employ City. – URL: <https://employ.city/blog/article/kak-proverit-kandidata-na-kulturnyj-fit> (last request: 16.04.2026). (In Russ.)

9. Kitaj v epohu Si Czin'pina [China in the era of Xi Jinping] / I. Y. Zuenko. Moskva : Izdatel'stvo AST [Moscow : AST Publishing House], 2024. 304 p.

10. Lend-art v amerikanskom iskusstve 1960-1970 gg. [Land Art in American Art of the 1960s-1970s] [electronic resource] // HSE University. – URL: <https://hsedesign.ru/project/3b87bf3e3aae429aab5eb6ee8831ff7e> (last request: 16.04.2026). (In Russ.)

Molchanova Tatiana Vyacheslavovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of History and regional studies, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), molchanova_tania@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 17.04.2026; принята к публикации: 04.05.2026.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Молчанова Т. В. Глоссарий: новые термины в культуре. Часть 2. // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 2(16). – С. 97-103.

FOR CITATION:

Molchanova T. V. Glossarij: novye terminy v kul'ture. CHast' 2. [Glossary: new terms in culture. Part 2.] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 97-103.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК: 327.51

ВОПРОС О ПРИСОЕДИНЕНИИ К НАТО В МЕДИАДИСКУРСЕ ШВЕЦИИ

А. П. Спутай

Статья представлена научным руководителем – к. полит. н., доц. Пронякиной Е. Д.

Постановка задачи. Вступление Швеции в НАТО стало одним из наиболее значимых внешнеполитических решений страны за последние десятилетия и сопровождалось активной общественной дискуссией. В этой связи возникает необходимость анализа того, каким образом данный процесс интерпретируется в медиaprостранстве и какие оценки преобладают в общественном дискурсе. **Цель работы** заключается в выявлении особенностей освещения вступления Швеции в НАТО в медиадискурсе и определении характера доминирующих нарративов. **Используемые методы:** был применен ивент-анализ новостных публикаций ведущих СМИ Швеции и стран Северной Европы за 2024 г. **Результаты:** установлено, что медиадискурс по вопросу вступления Швеции в НАТО носит амбивалентный характер. Наряду с доминирующими оценками, связывающими членство в альянсе с укреплением безопасности, устойчиво воспроизводятся нарративы, акцентирующие риски эскалации, милитаризации и внутренние политико-экономические последствия.

Ключевые слова: НАТО, политика безопасности, Северная Европа, Швеция, медиадискурс, нейтралитет, внешнеполитическая идентичность.

Введение.

Традиционно внешнеполитическая идентичность Швеции формировалась на основе принципов нейтралитета и миротворчества, что способствовало закреплению образа государства-посредника и “гуманитарной сверхдержавы” (humanitär stormakt) [7] в международных отношениях. Однако уже в начале XXI века политика нейтралитета была заменена на политику “неприсоединения к военным альянсам”, а трактовка проблем мира и конфликтов приблизилась к риторике других западных государств [22, с. 20]. Поданная заявка на вступление в НАТО стала символом отхода от традиционной модели нейтралитета, и в 2024 году страна стала членом Североатлантического альянса, что ознаменовало исчезновение сформировавшегося в период Холодной войны нейтрального пространства в Северной Европе, ранее выполнявшего функцию буфера [21, с. 28] между странами НАТО и Советским Союзом, а впоследствии – Российской Федерацией.

При этом столь значимый поворот сопровождается сложными процессами переосмысления внутри общества. Вступление в Организацию Североатлантического договора стало предметом широкой общественной дискуссии, в которой наряду с аргументами о повышении уровня безопасности [2] в Евро-Арктическом регионе в целом и в Швеции в частности, присутствовали оценки, указывающие на возможные риски – рост напряженности в регионе и милитаризацию.

Актуальность.

Актуальность настоящего доклада обусловлена тем, что вступление Швеции в НАТО стало значимым внешнеполитическим сдвигом, которому сопутствовал отказ от длительной традиции нейтралитета. В таких условиях особый интерес представляет анализ того, каким образом вступление в Североатлантический альянс интерпретируется в общественном медиадискурсе Швеции, какие оценки и ожидания с ним связы-

ваются, а также какие противоречия проявляются в публичном обсуждении данного внешнеполитического решения.

Обзор литературы

При подготовке исследования были привлечены работы как российских, так и зарубежных (прежде всего скандинавских) авторов, а также широкий круг источников, позволяющих проследить дискурсивные изменения в политике безопасности Швеции в контексте ее вступления в НАТО.

В российской научной литературе внимание сосредоточено преимущественно на трансформации традиционной политики нейтралитета и внешнеполитических приоритетов Стокгольма. Так, в работах Е. В. Коруновой подробно реконструируется эволюция курса Швеции на сближение с Североатлантическим альянсом, при этом подчеркивается длительный и неоднородный характер данного процесса. О. В. Григорьева рассматривает отказ от нейтралитета через призму политической целесообразности такого решения, акцентируя внимание на его долгосрочных последствиях. В коллективной монографии под редакцией Н. С. Плевако и И. Р. Скрипки анализируются более широкие изменения архитектуры безопасности Северной Европы, что позволяет поместить шведский кейс в региональный контекст. Отдельные аспекты эволюции внешнеполитического курса Швеции рассматриваются в работе К. К. Худолея, где анализируется динамика сближения страны с НАТО и политические предпосылки данного процесса.

В работах скандинавских исследователей акцент смещен в сторону анализа общественного дискурса, вопросов идентичности и восприятия безопасности. Й. Бергман, развивая концепцию “повседневной небезопасности”, предлагает расширительное понимание безопасности, выходящее за рамки исключительно военных угроз. С. Лундквист рассматривает процесс сближения Швеции и Финляндии с НАТО через призму

трансформации государственной идентичности, подчеркивая при этом роль внешних факторов и политической коммуникации. Существенное значение имеют также исследования Т. Йонгера и Е. Розенгрена, посвященные вопросам контроля над вооружениями и ядерного нераспространения в условиях членства скандинавских стран в НАТО.

Для проведения ивент-анализа были использованы материалы новостных публикаций ведущих СМИ Швеции (Aftonbladet, Expressen, Dagens Nyheter, Svenska Dagbladet, Omni, SVT Nyheter, Helsingborgs Dagblad, Sydsvenskan), а также других стран Северной Европы за 2024 год.

Трансформация политики нейтралитета Швеции.

Нейтралитет на протяжении длительного времени выступал ключевым элементом национальной идентичности Швеции. Выбор в пользу нейтрального внешнеполитического курса был обусловлен стратегическим стремлением к внутренней консолидации общества и созданию условий для устойчивого социально-экономического и политического развития. Швеция, придерживаясь данной линии, не участвовала в вооруженных конфликтах более двух столетий.

С позиций социального конструктивизма нейтралитет может рассматриваться как устойчивый элемент общественного сознания, закрепленный в политической культуре. Однако стоит отметить, что это был все же “вооруженный нейтралитет”, т.е. он сопровождался традиционным упором на создание развитых национальных вооруженных сил [12, с. 6]. Политика нейтралитета в Швеции не была закреплена в качестве юридически обязательного принципа на конституционном уровне или же в формате международно-правовых обязательств. В значительной степени она представляла собой сформировавшуюся внешнеполитическую практику и добровольно поддерживаемую политическую установку, что впоследствии упростило

возможность пересмотра данного курса без восприятия такого шага как формального нарушения ранее принятых обязательств. Здесь любопытным кажется высказывание бывшего премьер-министра Швеции Магдалены Андерсон в контексте обязательного условия для вступления в НАТО, которое следует рассматривать как выражение глубоко укорененной нордической стратегической культуры, – “Мы считаем, что Швеция должна четко заявить, что мы не хотим, чтобы ядерное оружие или постоянные базы находились на территории Швеции. Это позиция Норвегии и Дании, которая всегда вызывала уважение, и соответствующая линия Швеции естественна” [14, с. 12]. В этом контексте позиция Швеции оказывается логическим продолжением ценностной линии, которую ранее заняли другие северные государства – Дания и Норвегия [13, с. 20].

Справедливо также предположить, что сложившийся имидж нейтральной и “мирной” страны продолжает в определенной степени способствовать легитимации политики Швеции, что не в полной мере соответствует действительности – с начала 2020-х годов страна стабильно входит в число крупнейших участников мирового рынка вооружений [9, 11].

Присоединение Швеции к Организации Североатлантического договора представляет собой логическое продолжение стратегической линии на трансатлантическую интеграцию, сформировавшейся в начале 1990-х годов [15, с. 7]. В рамках этого процесса происходила постепенная трансформация национальной идентичности страны, которая все в большей степени соотносилась с ценностями и институциональной структурой западного мира [10].

Толчок к активному развитию коллективной безопасности в Северной Европе произошел после эскалации кризиса между Россией и Украиной, а также из-за усиления опасности милитаризации Арктических территорий и угрозы, которые Северные страны обозначили

для себя со стороны России и Китая в этом регионе [23].

Официальная позиция шведского руководства отражает данную переоценку приоритетов. По словам министра иностранных дел Швеции, вступление в НАТО связано с представлением о большей защищенности в составе оборонного сообщества западных демократий по сравнению с самостоятельным обеспечением безопасности [3]. А политики некогда нейтральной страны отмечают, что в случае нападения на Североатлантический союз Швеция будет принимать, перевозить и размещать войска и материальные средства НАТО на своей территории [8]. Это также означает, что оборона Швеции начинается на внешней границе НАТО, и что страна готова защищать территорию союзников, выстраивая стратегию так называемой “тотальной обороны” [8].

В научной литературе также отмечается завершение периода неприсоединения – Шведский исследователь С. Лундквист считает, что национальная идентичность Швеции в вопросах неприсоединения закончилась в 2022 году, когда страна решила вступить в НАТО [16, с. 75].

Характерным в этой связи представляется высказывание нынешнего премьер-министра Швеции Ульфа Кристерссон, который в интервью 2023 года отмечал, что шведский нейтралитет во многом носил условный характер: при формальном неприсоединении страна фактически ориентировалась на Запад [17]. Подобная оценка отражает постепенную эрозию прежней внешнеполитической модели, завершившуюся в 2022 году, когда на фоне ухудшения международной обстановки и роста восприятия угрозы со стороны России было принято решение о подаче заявки на вступление в НАТО.

Примечательным также является факт того, что подготовка Швеции к вступлению в НАТО сопровождалась отказом от проведения референдума, что шло вразрез с демократическими тради-

циями этой страны и ее политической культурой [18, с. 86].

Амбивалентность общественно-го дискурса.

Рассмотренные выше трансформации внешнеполитической идентичности Швеции находят отражение в общественном медиадискурсе, в рамках которого формируются и артикулируются оценки данного внешнеполитического поворота. Для выявления особенностей освещения вступления Швеции в НАТО был проведен ивент-анализ новостных публикаций за период с 26 февраля по 11 марта 2024 года, охватывающий заключительные этапы процесса – от ратификации протокола о присоединении венгерским парламентом до церемонии поднятия шведского флага в штаб-квартире НАТО в Брюсселе (Рис. 1). В рамках данного исследования были проанализированы материалы СМИ, включающие источники Швеции и иных стран Северной Европы.

Несмотря на резкий рост поддержки вступления Швеции в НАТО среди населения начиная с 2022 года [4], общественный дискурс по данному вопросу имел амбивалентный характер (Рис. 2). С одной стороны, в медиа преобладали публикации, подчеркивающие усиление гарантий безопасности и значение коллективной обороны. С другой стороны, как в шведских, так и в более широких североевропейских СМИ регулярно артикулировались опасения, связанные с рисками эскалации и возможными ответными мерами со стороны России. Более того, обсуждались и внутренние риски: например, политические последствия прихода к власти Дональда Трампа, способного либо подорвать единство Альянса, либо вовлечь Швецию в новые конфликты – происходило переосмысление “американской исключительности” и текущей роли США в обеспечении безопасности государств-членов НАТО.

Последующие события частично подтвердили обоснованность этих опасений. Новое обострение вокруг Гренлан-

дия в начале 2026 года усилило дискуссию о надежности США как ключевого союзника. На этом фоне ряд североевропейских политиков пересмотрели акценты в оценке угроз. Так, Йонас Гар Стёре отметил снижение вероятности прямого конфликта с Россией в обозримой перспективе по сравнению с рисками, связанными с дестабилизирующей риторикой со стороны США [5]. Схожую позицию выразил и Ульф Кристерссон на конференции “Народ и оборона – 2026”, охарактеризовав именно политику Д. Трампа как фактор потенциальной угрозы [6].

Вступление в НАТО также воспринималось в обществе как фактор глубокой структурной трансформации экономики. В экспертном и деловом дискурсе активно обсуждалась так называемая “НАТО-экономика” – ожидаемые изменения в инфраструктуре, инвестиционной политике и технологическом развитии, включая рост финансирования оборонных отраслей и развитие производства технологий двойного назначения [1]. Все это формировало двойственное восприятие, членство в НАТО рассматривалось одновременно и как источник экономических возможностей, модернизации, роста инвестиций, и как фактор милитаризации экономики, увеличения государственных расходов и перераспределения ресурсов в пользу оборонного сектора.

Амбивалентность также усиливалась самим характером принятия данного политического решения. Традиционный нейтралитет Швеции и ее позиционирование себе в качестве “моральной сверхдержавы” [19] создавало внутреннее напряжение в обществе при переходе к роли участника военного альянса.

Одновременно в публичном пространстве возникали вопросы о соответствии процедуры вступления демократическим нормам (опасение за будущее демократии в стране) [14]: решение о подаче заявки сопровождалось быстрым формированием межпартийного консен-

суса [20, с. 86], включая резкий пере-
смотр позиции социал-демократов и ко-
ординацию с оппозицией. Сам же про-
цесс, несмотря на предварительную экс-
пертную проработку и участие всех пар-
ламентских сил, носил ускоренный ха-
рактер и во многом был обусловлен
внешнеполитическим давлением и не-
обходимостью синхронизации с Фин-
ляндией. Такая ситуация усиливала
критику со стороны части общественных,
равно как и политических акторов.

Выводы.

Проведенный анализ демонстриру-
ет, что вступление Швеции в НАТО яв-
ляет собой итог длительных изменений
во внешнеполитическом курсе страны,
которые резко ускорились после событий
2022 года. Ивент-анализ позволяет го-
ворить о том, что общественный дискурс
в Швеции по вопросу вступления в НА-
ТО не приобрел однозначного характера
в дихотомии “за” и “против”.

Доминирующее место занимает
нарратив безопасности, в рамках кото-
рого членство в НАТО рассматривается

как необходимая и даже рациональная
мера в условиях изменившейся между-
народной обстановки. При этом парал-
лельно устойчиво воспроизводится нар-
ратив риска – как внешнего, связанного с
возможной эскалацией и/или реакцией
России, так и внутреннего, затрагиваю-
щего экономические последствия, рост
оборонных расходов и неоднозначный
характер самого политического процесса.

На основе анализа видно, что всту-
пление Швеции в НАТО не привело к
формированию единого мнения в обще-
ственном дискурсе страны. Следова-
тельно, можно говорить о том, что сам
медиадискурс фиксирует некую пере-
ходную стадию в сознании общества, ко-
гда новая модель безопасности уже была
принята институционально, но не пол-
ностью еще интегрирована в обществен-
ное сознание. Состояние такого рода и
определяет двойственность восприятия
и сохраняющуюся напряженность в
интерпретации вступления Швеции в
НАТО в обществе.

Приложения

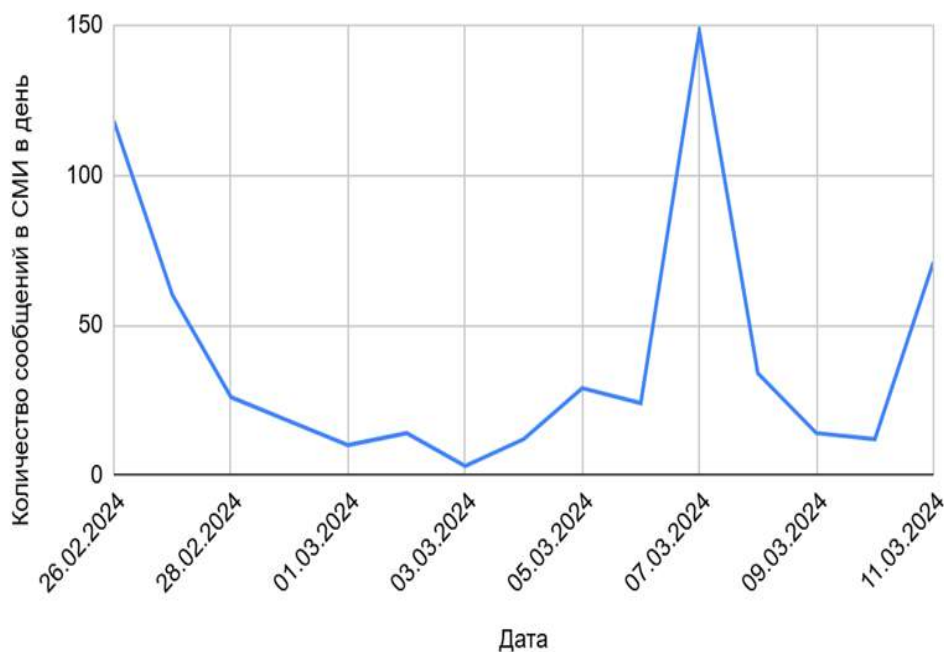

Рис. 1. Динамика распределения новостных сообщений в СМИ по дням во время завершающего этапа вступления Швеции в НАТО

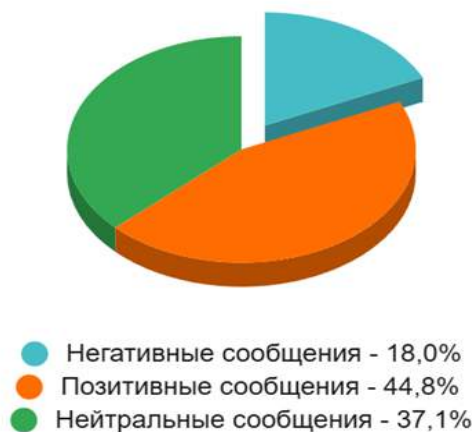

Рис. 2. Распределение сообщений в СМИ Швеции по типу тональности (позитивная, нейтральная, негативная) в рамках анализа дискурса о вступлении в НАТО

Список источников и литературы

Источники

1. Den nya Natoekonomin – så påverkas det svenska näringslivet och samhället [electronic resource] // Stockolms Handelskammare. 2024. – URL: https://stockholmshandelskammare.se/wp-content/uploads/2024/05/rapport_den_nya_natoekonomin.pdf (last request: 04.04.2026);
2. En historisk dag for Finland og Nato [electronic resource] // Regjeringen. 04.04.2023. – URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/en-historisk-dag-for-finland-og-nato/id2970918/> (last request: 03.04.2026);
3. Minister for Foreign Affairs talks at the Swedish Institute of International Affairs: Foreign policy for Swedish interests [electronic resource] // Government Offices of Sweden. 13.12.2024. – URL: <https://www.government.se/speeches/2024/12/foreign-policy-for-swedish-interests/> (last request: 03.04.2026);
4. Nato-sympatier 2022-2025 [electronic resource] // Statistikmyndigheten SCB. 11.06.2025. – URL: <https://www.scb.se/hitta-statistik/statistik-efter-amne/demokrati/partisimpatier/partisimpatundersokningen-psu/pong/tabell-och-diagram/eu--emu--och-nato-sympatier/nato-sympatier-2022-2025/> (last request: 04.04.2026);
5. Statsminister J.G. Støre “Norge i en urolig tid” [electronic resource] // Regjeringen 15.01.2026. – URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/norge-i-en-urolig-tid/id3147627/> (last request: 04.04.2026);
6. Statsministerns tal vid Folk och Försvar 2026 [electronic resource] // Regjeringen. 11.01.2026. – URL: <https://www.regeringen.se/tal/2026/01/statsministerns-tal-pa-folk-och-forsvars-rikskonferens-i-salen/> (last request: 04.04.2026);
7. Sverige ska vara en humanitär stormakt [electronic resource] // Aftonbladet. 07.04.2020. – URL: <https://www.palmecenter.se/sverige-ska-vara-en-humanitar-stormakt/> (last request: 03.04.2026);
8. Utgångspunkter för totalförsvaret 2025-2030 [electronic resource] // Försvarsmakten. 08.09.2025. – URL: <https://www.mcf.se/siteassets/dokument/om-msb/vart-uppdrag/regeringsuppdrag/besvarade-regeringsuppdrag/2025/utgangspunkter-for-totalforsvaret-2025-2030.pdf> (last request: 03.04.2026);
9. База данных по экспорту / импорту отдельных категорий вооружений и военной техники [электронный ресурс] // Центр анализа мировой торговли оружием. 2025. – URL: <https://armstrade.org/files/export-import-2000-2028.pdf> (дата обращения: 03.04.2026);
10. Гехт А. Б., Черкасов Д. Г., Шутман Д. В. Трансформация политической и партийной системы современной Швеции: фактор "Шведских демократов" // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. Т. 14. № 6 (111). С. 1865-1876.
11. Мировой экспорт вооружений в 2024 году и за период 2021-2024 гг. [электронный ресурс] // Организация Договора о коллективной безопасности. 17.03.2025. – URL: https://odkb-csto.org/analytics/?ELEMENT_ID=24011#loaded (дата обращения: 03.04.2026).

Литература

12. *Bergman J.* Everyday insecurities: Expanding the security debate in Sweden // Swedish Institute of International Affairs (UI). – 2024. – P. 1-19.
13. *Brodén A., Jonter T., Rosengren E.* Nuclear arms control, non-proliferation and disarmament in the Nordic region // Swedish Institute of International Affairs. – 2025. – P. 1-33.
14. *Britton S.* Sverige utanför Nato blir ett andningshål [electronic resource] // ETC.se. 28.04.2022. – URL: <https://www.etc.se/debatt/sverige-utanfoer-nato-blir-ett-andningshaal> (last request: 05.04.2026).
15. *Jonter T., Rosengren E.* Advocating Nuclear Disarmament as NATO Members – Lessons from the Past and Possible Routes ahead for Finland and Sweden // Swedish Institute of International Affairs. – 2024. – P. 1-37.
16. *Lundqvist S.* A Convincing Finnish Move: Implications for State Identity of Persuading Sweden to Jointly Bid for NATO Membership. // Studia Europejskie – Studies in European Affairs. – 2022. – № 4 (26). – P. 73-110.
17. *Strömberg M., Nilsson T.* Är det en revansch om Sverige träder in i Nato? [electronic resource] // Svenska Dagbladet. 27.06.2023. – URL: <https://www.svd.se/a/mQxE3l/ulf-kristersson-och-henrik-landerholm-forverkligar-natodrommen> (last request: 03.04.2026)
18. *Белухин Н. Е.* Оборонная политика Дании после референдума 2022 г. // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2024. – №2. – С. 83-96.
19. *Григорьева О.* «На своих условиях»: цена отмены двухсотлетнего нейтралитета Швеции [электронный ресурс] // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 01.02.2024. – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/na-svoikh-usloviyakh-tsena-otmeny-neutraliteta/?sphrase_id=793887 (дата обращения: 05.04.2026)
20. *Корунова Е. В.* «Решение принято»: долгая история присоединения Корунова Е.В. «Решение принято»: долгая история присоединения Швеции и Финляндии к НАТО. // Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. – 2024. – №3(16). – С. 53-97.
21. Северная Европа: политика безопасности вчера и сегодня Northern Europe: security policy yesterday and today : [монография] / [под ред. Н.С. Плевако, И.Р. Скрипки] – М.: Ин-т Европы РАН, 2025. – 138 с.
22. *Смирнова А. А., Федоров В. В.* Соотношение понятий «мир» и «нейтралитет» во внешней политике Швеции // Studia Humanitatis Borealis / Северные гуманитарные исследования. – 2016. – № 1. – С. 16-27.
23. *Худoley К.* Финляндия, Швеция и НАТО: процесс пошёл [электронный ресурс] // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 27.05.2022. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/finlyandiya-shvetsiya-i-nato/> (дата обращения: 03.04.2026).

Спутай Анна Павловна – студент 1-го курса магистратуры, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, директор проекта Центра арктических исследований и проектов Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, (Санкт-Петербург, Россия), asputay-21@edu.ranepa.ru

Пронякина Елизавета Дмитриевна – научный руководитель – к. полит. н., доцент кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, (Санкт-Петербург, Россия), pronyakina-ed@ranepa.ru

THE QUESTION OF JOINING NATO IN SWEDISH MEDIA DISCOURSE**A. P. Sputai**

*The article is presented by the scientific supervisor – Candidate of Political Sciences,
Associate professor. Pronyakina E. D.*

Problem statement. *Sweden's accession to NATO has become one of the country's most significant foreign policy decisions in recent decades and has been accompanied by an active public discussion. In this regard, there is a need to analyze how this process is interpreted in the media space and what assessments prevail in public discourse. The purpose of the work is to identify the features of the coverage of Sweden's accession to NATO in media discourse and to determine the nature of the dominant narratives. Methods used: an event analysis of news publications from the leading media in Sweden and the Nordic countries for 2024 was applied. Results: it has been established that the media discourse on Sweden's accession to NATO is ambivalent. Along with the dominant assessments linking membership in the alliance with strengthening security, narratives that emphasize the risks of escalation, militarization, and internal political and economic consequences are steadily being reproduced.*

Keywords: NATO, security policy, Northern Europe, Sweden, media discourse, neutrality, foreign policy identity

References

Sources

1. Den nya Natoekonomin – så påverkas det svenska näringslivet och samhället [electronic resource] // Stockolms Handelskammare. 2024. – URL: https://stockholmshandelskammare.se/wp-content/uploads/2024/05/rapport_den_nya_natoekonomin.pdf (last request: 04.04.2026);
2. En historisk dag for Finland og Nato [electronic resource] // Regjeringen. 04.04.2023. – URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/en-historisk-dag-for-finland-og-nato/id2970918/> (last request: 03.04.2026);
3. Minister for Foreign Affairs talks at the Swedish Institute of International Affairs: Foreign policy for Swedish interests [electronic resource] // Government Offices of Sweden. 13.12.2024. – URL: <https://www.government.se/speeches/2024/12/foreign-policy-for-swedish-interests/> (last request: 03.04.2026);
4. Nato-sympatier 2022-2025 [electronic resource] // Statistikmyndigheten SCB. 11.06.2025. – URL: <https://www.scb.se/hitta-statistik/statistik-efter-amne/demokrati/partisimpatier/partisimpatiuundersokningen-psu/pong/tabell-och-diagram/eu--emu--och-nato-sympatier/nato-sympatier-2022-2025/> (last request: 04.04.2026);
5. Statsminister J.G. Støre “Norge i en urolig tid” [electronic resource] // Regjeringen 15.01.2026. – URL: <https://www.regjeringen.no/no/aktuelt/norge-i-en-urolig-tid/id3147627/> (last request: 04.04.2026);
6. Statsministerns tal vid Folk och Försvar 2026 [electronic resource] // Regjeringen. 11.01.2026. – URL: <https://www.regeringen.se/tal/2026/01/statsministerns-tal-pa-folk-och-forsvars-rikskonferens-i-salen/> (last request: 04.04.2026);
7. Sverige ska vara en humanitär stormakt [electronic resource] // Aftonbladet. 07.04.2020. – URL: <https://www.palmecenter.se/sverige-ska-vara-en-humanitar-stormakt/> (last request: 03.04.2026);
8. Utgångspunkter för totalförsvaret 2025-2030 [electronic resource] // Försvarsmakten. 08.09.2025. – URL: <https://www.mcf.se/siteassets/dokument/om-msb/vart-uppdrag/regeringsuppdrag/besvarade-regeringsuppdrag/2025/utgangspunkter-for-totalforsvaret-2025-2030.pdf> (last request: 03.04.2026);
9. Baza dannyykh po ehksportu/importu otdel'nykh kategorij vooruzhenij i voennoj tekhniki [Database on Export/Import of Certain Categories of Arms and Military Equipment] [electronic resource] // Tsentr analiza mirovoj trgovli oruzhiem [Center for Analysis of the Global Arms Trade]. 2025. – URL: <https://armstrade.org/files/export-import-2000-2028.pdf> (last request: 03.04.2026). (In Russ.)
10. Gekht A. B., Cherkasov D. G., Shutman D. V. Transformatsiya politicheskoy i partiynoy sistemy sovremennoy Shvetsii: faktor "Shvedskikh demokratov" [Transformation of the Political and Party System of Modern Sweden: The Factor of the "Swedish Democrats"] // Voprosy natsional'nykh i federativnykh otnosheniy [Issues of National and Federal Relations]. 2024. Vol. 14. No. 6 (111). pp. 1865-1876. (In Russ.)

11. Mirovoj ehksport vooruzhenij v 2024 godu i za period 2021-2024 gg. [Global Arms Exports in 2024 and for the Period 2021-2024] [electronic resource] // Organizatsiya Dogovora o kollektivnoj bezopasnosti [Collective Security Treaty Organization]. 17.03.2025. – URL: https://odkb-csto.org/analytics/?ELEMENT_ID=24011#loaded (last request: 03.04.2026). (In Russ.)

Literature

12. Bergman J. Everyday insecurities: Expanding the security debate in Sweden // Swedish Institute of International Affairs (UI). – 2024. – P. 1-19.

13. *Brodén A., Jonter T., Rosengren E.* Nuclear arms control, non-proliferation and disarmament in the Nordic region // Swedish Institute of International Affairs. – 2025. – P. 1-33.

14. *Britton S.* Sverige utanför Nato blir ett andningshål [electronic resource] // ETC.se. 28.04.2022. – URL: <https://www.etc.se/debatt/sverige-utanfoer-nato-blir-ett-andningshaal> (last request: 05.04.2026).

15. *Jonter T., Rosengren E.* Advocating Nuclear Disarmament as NATO Members – Lessons from the Past and Possible Routes ahead for Finland and Sweden // Swedish Institute of International Affairs. – 2024. – P. 1-37.

16. *Lundquist S.* A Convincing Finnish Move: Implications for State Identity of Persuading Sweden to Jointly Bid for NATO Membership. // Studia Europejskie – Studies in European Affairs. – 2022. – №4(26). – P. 73-110.

17. *Strömberg M., Nilsson T.* Är det en revansch om Sverige träder in i Nato? [electronic resource] // Svenska Dagbladet. 27.06.2023. – URL: <https://www.svd.se/a/mQxE3l/ulf-kristersson-och-henrik-landerholm-forverkligar-natodrommen> (last request: 03.04.2026)

18. *Belukhin N. E.* Oboronaya politika Danii posle referendum 2022 g. [Denmark's Defence Policy after the 2022 Referendum] // Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN [Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences]. – 2024. – No. 2. – pp. 83-96. (In Russ.)

19. *Grigor'eva O.* «Na svoikh usloviyakh»: tsena otmeny dvukhsotletnego nejtraliteta Shvetsii ["On Its Own Terms": The Price of Abolishing Sweden's Two Hundred Years of Neutrality] [electronic resource] // Mezhdunarodnyj diskussionnyj klub «Valdaj» [Valdai International Discussion Club]. 01.02.2024. – URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/na-svoikh-usloviyakh-tsena-otmeny-neytraliteta/?sphrase_id=793887 (last request: 05.04.2026). (In Russ.)

20. *Korunova E. V.* «Reshenie prinyato»: dolgaya istoriya prisoedineniya Shvetsii i Finlyandii k NATO ["The Decision is Made": The Long History of Sweden and Finland's Accession to NATO] // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya XXV. Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika [Moscow University Bulletin. Series XXV. International Relations and World Politics]. – 2024. – No. 3(16). – pp. 53-97. (In Russ.)

21. Severnaya Evropa: politika bezopasnosti vchera i segodnya = Northern Europe: security policy yesterday and today : [monograph] / [ed. by N.S. Plevako, I.R. Skripki]. – Moscow: Int Evropy RAN, 2025. – 138 p. (In Russ.)

22. *Smirnova A. A., Fedorov V. V.* Sootnoshenie ponyatij «mir» i «nejtralitet» vo vneshnej politike Shvetsii [The Correlation between the Concepts of "Peace" and "Neutrality" in Sweden's Foreign Policy] // Studia Humanitatis Borealis / Severnye gumanitarnye issledovaniya [Northern Humanitarian Studies]. – 2016. – No. 1. – pp. 16-27. (In Russ.)

23. *Khudolej K.* Finlyandiya, Shvetsiya i NATO: protsess poshyol [Finland, Sweden and NATO: The Process is Underway] [electronic resource] // Mezhdunarodnyj diskussionnyj klub «Valdaj» [Valdai International Discussion Club]. 27.05.2022. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/finlyandiya-shvetsiya-i-nato/> (last request: 03.04.2026). (In Russ.)

Sputai Anna Pavlovna – 1st Year Master's Student (Northwestern Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Project Manager of the Arctic Research and Projects Center at the Northwestern Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, (Saint Petersburg, Russia), asputay-21@edu.ranepa.ru

Pronyakina Elizaveta Dmitrievna – scientific supervisor – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations, Northwestern Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, (Saint Petersburg, Russia), pronyakina-ed@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию: 26.03.2026; принята к публикации: 04.05.2026.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Спутай А. П. Вопрос о присоединении к НАТО в медиадискурсе Швеции // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 2(16). – С. 104-113.

FOR CITATION:

Sputai A. P. Vopros o prisoedinenii k NATO v mediadiskurse SHvecii [The question of joining NATO in Swedish media discourse] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 104-113.

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ДЛЯ АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОСЛЕ 2022 ГОДА

И. А. Дерябина

Статья представлена научным руководителем – к. полит. н., доц. Пронякиной Е. Д.

Статья посвящена трансформации арктической политики России после 2022 г. Автор констатирует постепенное разрушение концепции «арктической исключительности» и переход региона от зоны диалога к арене геополитического противостояния. Выделены четыре группы вызовов: институциональный кризис (паралич Арктического совета), милитаризация и расширение НАТО, санкционное давление и технологическая блокада, информационная война и феномен постправды. Особое внимание уделено двойственной роли неарктических государств (Китай, Япония, Южная Корея, Индия, Сингапур), сотрудничество с которыми создаёт как возможности для компенсации ухода западных партнёров, так и новые риски для безопасности. На основе анализа российских источников делается вывод о необходимости адаптации России к новой реальности, сочетающей жёсткое отстаивание национальных интересов с поиском альтернативных форм международного взаимодействия.

Ключевые слова: Арктика, региональная безопасность, арктическая политика России, Арктический совет, НАТО, неарктические государства, Китай, санкции, информационная война.

Введение

Вопрос о правовом статусе Арктики на протяжении десятилетий оставался предметом научных дискуссий и межгосударственных согласований, однако до недавнего времени регион сохранял особый статус «территории диалога». В академическом дискурсе, начиная с 2010-х годов, сформировалось понятие «арктической исключительности», под которым понималась способность арктических государств выстраивать конструктивное сотрудничество вне зависимости от глобальной и региональной политической конъюнктуры. Как отмечают исследователи в области Арктики, эта парадигма сегодня окончательно разрушена. М. Беннетт и К. Доддс в монографии «Разморозка: борьба за будущее Арктики» констатируют: «То, что мы раньше называли арктической исключительностью, было полностью разрушено» [8, с. 267]. Российские эксперты В. П. Журавель и С. Н. Гриняев, анализируя этот труд, подтверждают, что прежнее видение Арктики как «полюса мира», сформулированное в

мурманской речи М. С. Горбачева 1987 г., более не достижимо [8, с. 269].

События 2022 г. стали катализатором фундаментальных изменений в системе международных отношений в Арктике. Начало специальной военной операции на Украине привело к беспрецедентному разрыву отношений между Россией и остальными западными арктическими государствами. Семь стран – членов Арктического совета (Дания, Исландия, Канада, Норвегия, США, Финляндия, Швеция) объявили о приостановке участия во всех мероприятиях, проходящих под председательством России и на её территории. Как отмечают в своём исследовании А. О. Баранникова и С. М. Смирнов, «раскол, или даже развал Арктического совета, неизбежный в случае дальнейшей изоляции России, отражается на арктических устремлениях» не только нашей страны, но и других государств региона [2, с. 85]. Фактически была парализована работа главной международной площадки, десятилетиями обеспечивавшей циркумполярное сотрудничество.

В этих условиях Арктика окончательно перестаёт быть «зоной диалога» и превращается в арену геополитического противостояния. Вступление Финляндии и Швеции в НАТО, рост военной активности альянса в регионе, беспрецедентное санкционное давление – все эти факторы формируют новую реальность, к которой вынуждена адаптироваться Россия как крупнейшая арктическая держава. К. С. Зайков и Д. С. Кортуннов в работе, посвящённой феномену постправды, подчёркивают, что «сегодня Арктика является одним из ключевых регионов, где разворачивается противостояние ведущих государств мира» [10, с. 150]. При этом они обращают внимание на важнейший аспект – информационное измерение этого противостояния, где образ России систематически искажается западными средствами массовой коммуникации [10, с. 152-153].

Одним из принципиально новых явлений после 2022 г. стало качественное изменение роли неарктических государств, прежде всего Китая, в арктических процессах. Если ранее их присутствие рассматривалось преимущественно в экономической и научной плоскостях, то в новых геополитических условиях вовлечённость внерегиональных игроков приобретает отчётливое военно-стратегическое измерение. Углубление сотрудничества России с Китаем в Арктике, с одной стороны, открывает возможности для компенсации ухода западных партнёров, но с другой – объективно усиливает конфронтационность Запада и используется НАТО для обоснования наращивания военного присутствия. Позиции в отношении арктического региона других азиатских государств – Японии, Южной Кореи, Индии, Сингапура – также претерпели изменения, создавая сложную мозаику интересов и рисков.

Актуальность темы определяется необходимостью осмысления принципиально новой ситуации, сложившейся в Арктическом регионе после 2022 г., с

акцентом на проблемы региональной безопасности. Целью работы является анализ рисков, с которыми столкнулась Россия, включая институциональную изоляцию, милитаризацию, санкционное давление и информационную войну, а также исследование двойственных последствий вовлечения неарктических государств в арктические процессы. Исходя из поставленной цели, в статье последовательно рассматриваются внешние и внутренние вызовы, новая архитектура безопасности с участием внерегиональных игроков, а также меры, предпринимаемые Россией для адаптации к изменившимся условиям. В заключении подводятся итоги анализа и обосновывается вывод о необходимости адаптации России к новой реальности, сочетающей отстаивание национальных интересов с поиском альтернативных форм международного взаимодействия в Арктике.

Новые вызовы для политики России после 2022 года.

После 2022 г. Россия столкнулась в Арктике с комплексом взаимосвязанных рисков, которые можно сгруппировать в четыре основных направления: институциональный кризис и изоляция от многосторонних форматов, беспрецедентная милитаризация региона и расширение присутствия НАТО, санкционное давление и технологическая блокада, а также системная информационная война. Рассмотрим каждый из этих вызовов подробнее.

Первый и наиболее системный риск связан с институциональным кризисом и фактической изоляцией России от многосторонних форматов арктического сотрудничества. Арктический совет, созданный в 1996 г. как ведущий орган регионального управления, на протяжении четверти века служил уникальной площадкой, где вопросы экономики, экологии и науки решались вне логики геополитического противостояния. Однако после марта 2022 г. ситуация кардинально изменилась. Семь западных государств –

членов Совета объявили о «паузе» в сотрудничестве с Россией, что привело к приостановке 128 научных и кооперационных проектов [6, с. 105]. Как отмечают авторы монографии «Разморозка» М. Беннетт и К. Доддс, на политическом и дипломатическом уровне Арктический совет фактически прекратил свою работу [8, с. 267]. Российские эксперты В. П. Журавель и С. Н. Гриняев подчёркивают парадоксальность сложившегося положения: западные страны, инициировавшие бойкот, сами признают, что работа Совета без участия России теряет смысл, поскольку 40 % территории региона входят в состав Российской Федерации [8, с. 268]. Тем не менее, как констатирует В. П. Журавель в обзоре 2024 г., к концу года Норвегии, председательствовавшей в Совете, удалось восстановить лишь деятельность рабочих групп, а контакты с Россией носили эпизодический характер и осуществлялись преимущественно в дистанционном формате [6, с. 106]. Это означает, что Россия утратила возможность напрямую влиять на формирование повестки и принятие решений по ключевым вопросам арктического управления на основной международной площадке.

Второй риск носит военнополитический характер и связан с беспрецедентной милитаризацией региона и расширением присутствия НАТО. Вступление Финляндии и Швеции в Североатлантический альянс кардинально изменило баланс сил. Все арктические страны, за исключением России, теперь входят в НАТО. Заместитель секретаря Совета Безопасности РФ М. Попов ещё в начале 2022 г. указывал, что США на арктическом направлении предусматривают расширение военного присутствия путём развёртывания эсминцев в Баренцевом море, строительства новых тяжёлых ледоколов и создания объектов базирования военно-морских сил. Эти планы активно реализуются.

Особенно показательной является динамика военных учений НАТО в Арктике после 2022 г. Если в период с 2014

по 2021 гг. учения проводились с частотой один-два крупных мероприятия в год, то начиная с 2022 г. их интенсивность резко возросла. Так, в 2022 г. прошли масштабные учения «Cold Response 2022» с участием около 30 тыс. военнослужащих [14]. В 2023 г. состоялись учения «Arctic Challenge Exercise 2023» с привлечением более 140 самолётов из стран НАТО и партнёров [13], а также противолодочные манёвры «Dynamic Mongoose 2023» в водах Исландии и Северной Атлантики [15]. В 2024 г. страны альянса провели ряд учений, включая «Steadfast Defender 2024» с участием 90 тыс. военнослужащих из всех 32 стран, «ICEX 2024» – подлёдные учения атомных подводных лодок США, а также «Northern Viking 2024» и «Dynamic Mongoose 2024» [16, 17]. Как отмечает исследователь И. А. Аржанов, «после 2022 года масштаб и частота учений НАТО в Арктике выросли в два-три раза по сравнению с предыдущим пятилетием» [1, с. 114].

Командующий Северным флотом А. Моисеев отметил, что в Арктике расположено до пятидесяти объектов военной инфраструктуры иностранных государств, включая 22 аэродрома и 23 военно-морские базы [6, с. 110]. При этом, как подчёркивается в исследовании В. П. Журавеля «Арктика в 2024 году: международный и российский аспекты», анализ состава, содержания и направленности учений в сложных климатических условиях Заполярья свидетельствует о том, что страны НАТО расширяют район оперативного применения военно-морских сил в Северном Ледовитом океане и повышают интенсивность разведывательной деятельности [6, с. 111]. Для парирования возрастающих угроз Россия приступила к созданию Ленинградского военного округа.

Третий риск – санкционное давление и технологическая блокада, которые напрямую угрожают реализации ключевых экономических проектов в российской Арктике. После февраля 2022 г.

ряд крупных западных компаний объявил о выходе из арктических проектов. Норвежская Equinor, англо-голландская British Petroleum, французская Total приостановили своё участие, японские компании заморозили новые инвестиции в проект «Арктик СПГ-2», индийская государственная корпорация отказалась от планировавшихся вложений в «Восток Ойл» [9, с. 110]. Еврокомиссия наложила санкции на программу приграничного сотрудничества «Коларктик», в которой участвовали Россия, Финляндия, Швеция и Норвегия. Особенно болезненным стал уход технологических партнёров, поскольку освоение арктического шельфа и производство сжиженного природного газа требуют сложнейшего оборудования, которое ранее поставлялось преимущественно из недружественных стран. Как отмечают В. П. Журавель и Д. С. Тимошенко, в этих условиях России пришлось экстренно решать задачи импортозамещения, переориентации на внутренние ресурсы и поиска новых партнёров [9, с. 112-113]. Несмотря на санкционное давление, ряд крупных проектов, таких как «Ямал СПГ», продолжает функционировать, а китайские компании сохраняют присутствие в регионе [12, с. 177]. Однако риски срыва сроков и удорожания проектов остаются высокими. Заместитель председателя Правительства РФ Ю. Трутнев в 2024 г. указывал на существующие проблемы: стоимость кредитов делает неконкурентоспособными тарифы на ледокольное сопровождение, при дефиците грузового флота ледового класса мощности российских верфей позволяют построить до 2030 г. только 16 судов из 70 необходимых, а источники финансирования ряда ключевых инфраструктурных проектов до сих пор не определены [6, с. 112].

Четвёртый риск носит качественно иной характер – это информационная война и феномен постправды, системно искажающие образ России в Арктике и формирующие враждебный фон для лю-

бого будущего взаимодействия. К. С. Зайков и Д. С. Кортунов провели детальный контент-анализ 176 публикаций ведущих западных средств массовой коммуникации – The New York Times, The Washington Post, The Guardian, The Daily Telegraph – за период 2022-2025 гг. [10, с. 155-158]. Результаты этого исследования демонстрируют устойчивые манипулятивные нарративы. Российские действия в Арктике систематически интерпретируются исключительно как агрессивные и дестабилизирующие, тогда как аналогичные действия государств НАТО подаются как вынужденная оборона. В публикациях активно используются эмоционально окрашенные заголовки, происходит искажение причинно-следственных связей. Например, потепление в Российской Арктике напрямую увязывается с началом специальной военной операции, которая якобы препятствует западным учёным получать доступ к данным. Лесные пожары в Сибири объясняются тем, что пожарные силы задействованы на Украине [10, с. 160-162]. При этом, как подчёркивают авторы исследования, публикации о возможностях сотрудничества в Арктике практически отсутствуют – медиапространство монополизировано нарративами конфронтации и кризиса. Такое информационное давление формирует у зарубежной аудитории устойчивое предвзятое отношение к России, что в долгосрочной перспективе подрывает доверие и создаёт дополнительные препятствия для восстановления международного диалога в регионе. Авторы квалифицируют это как применение «оружия массового поражения в информационной сфере», последствия которого могут оказаться не менее разрушительными, чем экономические санкции [9, с. 165].

Роль неарктических государств в региональной безопасности

Кардинальные изменения архитектуры безопасности в Арктике после 2022 г. не ограничиваются только активизацией НАТО и институциональным

кризисом. Принципиально новым явлением стало качественное изменение роли неарктических государств, прежде всего Китая, в региональных процессах. Если ранее их присутствие рассматривалось преимущественно в экономической и научной плоскостях, то в новых геополитических условиях вовлечённость внерегиональных игроков приобретает отчётливое военно-стратегическое измерение, создавая для России как возможности, так и принципиально новые вызовы в сфере безопасности.

Китай, позиционирующий себя как «приарктическое государство», после 2022 г. значительно активизировал сотрудничество с Россией в регионе. Как отмечают М. В. Черняев, Е. А. Егорычева и Е. Ю. Сидорова, ухудшение отношений России с коллективным Западом стало фактором, способствующим сближению интересов двух стран по исследованию Арктики [12, с. 175]. В 2017 г. страны объявили о намерениях продвигать сопряжение проекта «Один пояс – один путь» и Евразийского экономического союза, связав эту инициативу с Северным морским путём. Практическая реализация этих договорённостей выразилась в беспрецедентном участии китайских компаний в крупнейших энергетических проектах. Доля Китая в проекте «Ямал СПГ» составляет 29,9 %, в проекте «Арктик СПГ 2» – 20 % [12, с. 178]. В июне 2024 г. была открыта летняя судоходная линия между портами КНР и Архангельском через Северный морской путь, на которой работают четыре китайских контейнеровоза. Китайские судоходные компании увеличили количество рейсов по Севморпути почти в два раза – с семи в 2023 г. до тринадцати в 2024 г. [12, с. 179]. В сфере освоения Северного морского пути китайская компания China COSCO SHIPPING Corporation Limited совместно с Фондом Шёлкового пути и российской компанией «Совкомфлот» договорились о создании транспортного предприятия «Морской арктический транспорт», деятель-

ность которого направлена на обеспечение круглогодичной транспортировки сжиженного природного газа [4, с. 364].

Однако та же самая активизация китайского присутствия, которую Россия рассматривает как необходимое замещение западных партнёров, западными государствами интерпретируется принципиально иначе. Как отмечается в исследовании Э. З. Галимуллина, В. Б. Кашина и А. С. Крамаренко, «активизация НАТО в Арктике за последнее десятилетие была связана и с растущим вниманием Китая к региону» [4, с. 360]. В официальном коммюнике Брюссельского саммита 2021 г. было прямо заявлено, что амбиции и поведение Китая создают системные вызовы для основанного на правилах международного порядка, а также непосредственно для безопасности Североатлантического альянса [4, с. 362]. Таким образом, углубление российско-китайского сотрудничества в Арктике объективно становится дополнительным фактором, усиливающим конфронтационность Запада и используемым для обоснования наращивания военного присутствия НАТО в регионе [5].

Военно-политическое присутствие Китайской Народной Республики в Арктике после 2022 г. также претерпело изменения. Как отмечают исследователи, сегодня опасения западных стран усиливают военно-политическое взаимодействие Китая с Россией. В условиях перераспределения оборонных расходов России в пользу украинского конфликта, по мнению западных экспертов, РФ может пойти на предоставление своему восточному соседу ещё больших преференций и возможностей для расширения присутствия в регионе [4, с. 366]. В апреле 2023 г. на учениях в Баренцевом море в качестве наблюдателей присутствовала делегация из Китая, а месяцем ранее было заявлено о готовности двух стран создать совместный рабочий орган по развитию Северного морского пути. При этом, как подчёркивают авторы, возможность формирования именно военного альянса

России и Китая представляется маловероятной – договор об обороне с Корейской Народно-Демократической Республикой 1961 г. остаётся единственным подобного рода китайским документом [4, с. 367]. Интерес КНР к Севморпути характеризуется скорее как стратегический, нежели тактический, и связан с планами Китайской национальной ядерной корпорации по созданию собственных атомных ледоколов [12, с. 181].

Эта двойственность для России усугубляется тем, что Китай, углубляя сотрудничество с Россией, одновременно стремится сохранить баланс и поддерживает отношения с другими арктическими государствами. Как отмечают Черняев, Егорычева и Сидорова, став наблюдателем в Арктическом совете, Китай ищет возможности для расширения сотрудничества не только с Россией, но и с другими странами региона, включая Исландию и Норвегию [12, с. 180]. Стараясь сохранить баланс сил влияния в Арктике, Китай по-прежнему стремится к интернационализации арктических проектов и привержен многостороннему подходу развития региона. Более того, несмотря на стратегическое партнёрство с Россией, китайские компании проявляют осторожность в отношении санкционных рисков. В декабре 2023 г. китайские компании CNPC и CNOOC под давлением американских санкций были вынуждены приостановить формальное участие в проекте «Арктик СПГ 2», хотя и продолжили поставки газотурбинного оборудования и других технологий [12, с. 182]. Это демонстрирует, что даже ближайший стратегический партнёр вынужден учитывать внешние ограничения, что создаёт для России дополнительные риски нестабильности в долгосрочных проектах.

Позиции других неарктических государств – Японии и Южной Кореи – также претерпели изменения после 2022 г., но принципиально иного характера. Обе страны, будучи союзниками США, под давлением санкционной политики были

вынуждены заморозить или существенно ограничить своё участие в российских арктических проектах. Как отмечают А. О. Баранникова и С. М. Смирнов, Япония после обострения украинского кризиса поставила на паузу многие перспективные направления сотрудничества, включая проекты модернизации инфраструктуры в российской Арктике и разработки новых месторождений [2, с. 88]. При этом Япония, не желая рисковать энергетической безопасностью, в 2022 г. увеличила закупки российского сжиженного природного газа и периодически закупает небольшие объёмы нефти и нефтепродуктов. Японская судоходная компания Mitsui O.S.K. Lines продолжает эксплуатировать крупнейший в мире флот танкеров-газовозов с высоким арктическим классом, при этом практически весь командный состав этих судов состоит из граждан России [2, с. 89].

Аналогичная ситуация сложилась с Южной Кореей, которая заморозила проекты строительства газозовов ледового класса для России, предназначенных для обслуживания проекта «Арктик СПГ 2». В то же время, как подчёркивают авторы, крупный бизнес Южной Кореи, особенно занятый в судостроении, автомобилестроении и производстве бытовой техники в России, наиболее сильно пострадал от антироссийских санкций. Бизнес и научные круги понимают, что замораживание ситуации из-за конфликта в другой части света больнее всего ударяет именно по Южной Корее: Китай постепенно заполняет освобождающиеся сырьевые ниши на обширном российском рынке как в области арктического судостроения и океанотехники, так и в организации линейного транзитного судоходства по Северному морскому пути [2, с. 89-90].

Отдельного внимания заслуживают арктические амбиции Индии и Сингапура, имеющих статус наблюдателей в Арктическом совете. География показывает, что транзит по трассам Северного морского пути, а также импорт углево-

дородов с арктических месторождений для этих стран может представлять интерес исключительно в теоретическом плане. Однако, как отмечают Баранникова и Смирнов, сингапурские компании, имеющие хорошие позиции на рынке строительства судов портофлота и производства портово-перегрузочного оборудования, вполне могли рассчитывать на получение контрактов на модернизацию российских арктических портов [2, с. 87]. Индия же повернулась в сторону Арктики, скорее, по политическим причинам – чтобы своевременно реагировать на действия своего основного геополитического противника, Китая. При этом руководство страны постоянно подчёркивает, что приоритетом Индии в Арктике являются научные исследования и сохранение окружающей среды, что зафиксировано в стратегическом документе «Арктическая политика Индии», опубликованном в марте 2022 г. [2, с. 88].

Заключение.

Проведённый анализ позволяет констатировать, что система международных отношений в Арктике после 2022 года вступила в принципиально новую фазу своего развития, характеризующуюся окончательным разрушением прежней парадигмы «арктической исключительности». Концепция, позволявшая региону на протяжении десятилетий оставаться пространством конструктивного диалога вне зависимости от глобальной политической конъюнктуры, утратила своё значение. Как показано в работах зарубежных и российских исследователей, Арктика сегодня представляет собой арену геополитического противостояния, где военно-силовые инструменты начинают доминировать над дипломатическими механизмами, а институциональная архитектура, выстраивавшаяся четверть века, оказалась парализованной.

Для России сложившаяся ситуация содержит комплекс взаимосвязанных рисков, затрагивающих ключевые измерения национальной безопасности. Ин-

ституциональная изоляция и фактическое отстранение от работы Арктического совета лишили Россию возможности напрямую влиять на формирование повестки регионального управления на основной международной площадке. Стремительная милитаризация региона и расширение присутствия НАТО, включая вступление Финляндии и Швеции в альянс, создали принципиально новую военно-стратегическую реальность у северных границ России. Беспрецедентное санкционное давление и технологическая блокада поставили под угрозу реализацию ключевых экономических проектов и обострили проблему импортозамещения в критически важных областях. Системная информационная война, формирующая искажённый образ России в западном медиапространстве, подрывает доверие и создаёт дополнительные препятствия для восстановления международного диалога в долгосрочной перспективе.

Принципиально новым явлением после 2022 г. стало качественное изменение роли неарктических государств в арктических процессах, несущее для России двойственные последствия. Углубление сотрудничества с Китаем стало объективной необходимостью, позволяющей компенсировать уход западных партнёров. Китайские инвестиции, технологии и растущий спрос на энергоресурсы создают основу для функционирования таких проектов, как «Ямал СПГ», и развития инфраструктуры Северного морского пути. Однако та же самая активизация китайского присутствия объективно усиливает конфронтационность Запада и используется НАТО для обоснования наращивания военного присутствия в регионе. При этом сам Китай, стремясь сохранить баланс, продолжает поддерживать отношения с другими арктическими странами, а китайские компании под давлением санкций вынуждены корректировать своё участие в российских проектах, что создаёт для России элемент неопределённости. Позиции

Японии и Южной Кореи, заморозивших участие в российских проектах под давлением санкционной политики, демонстрируют уязвимость экономического сотрудничества перед геополитическими факторами, хотя объективная основа для взаимного интереса сохраняется. Индия и Сингапур, действуя преимущественно в логике геополитического балансирования, также вносят элемент многовекторности в арктическую повестку.

Таким образом, перед Россией как крупнейшей арктической державой стоит задача адаптации к новой реальности, сочетающей жёсткое отстаивание национальных интересов с поиском альтернативных форм международного взаимодействия. Несмотря на то, что

диалог в рамках прежних институтов крайне затруднён, а стабильность региона подвергается серьёзным испытаниям, именно последовательная реализация национальных интересов в сочетании с открытостью к равноправному взаимодействию остаётся единственно возможной стратегией. Будущее Арктики будет определяться не столько способностью навязать свою волю силой, сколько умением предложить эффективные механизмы балансирования между конкуренцией и сотрудничеством, учитывающие интересы как арктических, так и неарктических государств при безусловном приоритете суверенитета и национальной безопасности прибрежных стран.

Список источников и литературы

1. *Аржанов И. А.* Военно-политическая безопасность в Арктике до и в контексте «украинского кризиса» / И. А. Аржанов // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая политика. – 2024. – Т. 16, № 3. – С. 98-126. – DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-98-126.
2. *Баранникова А. О., Смирнов С. М.* Арктические амбиции стран Северо-Восточной Азии и перспективы сотрудничества с Россией // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 3. С. 84-91. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/84-91>
3. *Гавриленко В. А.* Актуальные вопросы теории и практики правового регулирования политики Арктических государств в Арктическом регионе / В. А. Гавриленко, И. В. Головейко, Н. И. Уткин // Юридический вестник Самарского университета. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 80-88. – DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-80-88>.
4. *Галимуллин Э. З., Кашин В. Б., Крамаренко А. С.* Снежный Дракон: политика Китая в Арктике перед лицом новых вызовов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 3. С. 358-370. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-358-370>
5. *Гехт А. Б., Веденина К. А.* Стратегия Швеции в арктическом регионе // В сборнике: Подготовка профессиональных кадров в магистратуре для цифровой экономики (ПКМ-2023). Всероссийская науч.-техн. и науч.-метод. конференция магистрантов и их руководителей. Сборник лучших докладов: в 2-х томах. Санкт-Петербург, 2024. С. 456-460.
6. *Журавель В. П.* Арктика в 2024 г.: международный и российский аспекты // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2025. № 1. С. 103-113. DOI: 10.15211/vestnikieran12025103113
7. *Журавель В. П.* Проблема освоения Арктики в условиях санкционного давления на Россию // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2022. №2. С. 32-40. DOI: 10.15211/vestnikieran220223240
8. *Журавель В. П., Гриняев С. Н.* Конец арктической исключительности: рецензия на монографию «Разморозка: борьба за будущее Арктики» // Арктика и Север. 2025. № 61. С. 265-272. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.61.265>
9. *Журавель В. П., Тимошенко Д. С.* Российская Арктика в период санкционного давления и геополитической нестабильности // Арктика и Север. 2022. № 49. С. 105-124. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.105

10. *Зайков К. С., Кортунов Д. С.* Арктика в эпоху постправды: риски для международной безопасности и сценарии противодействия // Арктика и Север. 2025. № 61. С. 147-172. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.61.147>
11. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года : утв. Указом Президента РФ от 26.10.2020 № 645. – Москва : [б. и.], 2020. – 38 с. – URL: https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972&ved=2ahUKEwjpwqC11duSAxW6gP0NHuUvILQQFnoECB4QAQ&usq=AOvVaw1RjYNPL5MY_7e36p2kAfmT (дата обращения: 17.03.2026)
12. *Черняев М. В., Егорычева Е. А., Сидорова Е. Ю.* Россия и Китай в Арктике: современное состояние и перспективы развития сотрудничества // Арктика и Север. 2025. № 61. С. 173-184. DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.61.173>
13. Arctic Challenge Exercise 2023 [Electronic resource] // Finnish Defence Forces. – URL: <https://ilmavoimat.fi/en/ace23-en> (last request: 08.05.2026).
14. Cold Response 2022 [Электронный ресурс] // Norwegian Armed Forces. – URL: <https://www.forsvaret.no/en/exercises-and-operations/exercises/cr22> (last request: 08.05.2026).
15. Dynamic Mongoose 2023 Concludes [Electronic resource] // NATO Maritime Command. – URL: <https://mc.nato.int/media-centre/news/2023/standing-nato-maritime-group-one-completes-participation-in-exercise-dynamic-mongoose> (last request: 08.05.2026).
16. ICEX 2024: Arctic Under-ice Exercise [Electronic resource] // U.S. Navy. – URL: https://www.nepa.navy.mil/Portals/20/Documents/ICEX/FINAL%20ICEX%202024%20Supplemental%20EAOEA_1.24.24_508.pdf (last request: 08.05.2026).
17. NATO kicks off Steadfast Defender 2024 [Electronic resource] // NATO. – URL: <https://shape.nato.int/stde24/newsroom/news/-nato-marks-the-start-of-exercise-steadfast-defender-2024> (last request: 08.05.2026).

Дерябина Ивана Алексеевна – студент 3 курса направления «Международные отношения», Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, (г. Санкт-Петербург, Россия), ideryabina-23@ranepa.ru

Пронякина Елизавета Дмитриевна – научный руководитель – к. полит. н., доцент кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, (Санкт-Петербург, Россия), pronyakina-ed@ranepa.ru

NEW CHALLENGES FOR RUSSIA'S ARCTIC POLICY IN THE CONTEXT OF REGIONAL SECURITY AFTER 2022

I. A. Deryabina

The article is presented by the scientific supervisor – Candidate of Political Sciences, Associate professor. Pronyakina E. D.

This article examines the transformation of Russia's Arctic policy after 2022. The author analyzes the erosion of the concept of "Arctic exceptionalism" and the region's transition from a zone of dialogue to an arena of geopolitical confrontation. Four groups of challenges are identified: institutional crisis (the paralysis of the Arctic Council), militarization and expansion of NATO, sanctions pressure and technological blockade, information warfare, and the phenomenon of post-truth. Particular attention is paid to the dual role of non-Arctic states (China, Japan, South Korea, India, Singapore), cooperation with which creates both opportunities to compensate for the withdrawal of Western partners and new security risks. Based on an analysis of Russian and international sources, a conclusion is drawn regarding the need for Russia to adapt to a new reality, combining rigorous defense of national interests with the search for alternative forms of international cooperation.

Keywords: Arctic, regional security, Russia's Arctic policy, Arctic Council, NATO, non-Arctic states, China, sanctions, information warfare.

References

1. Arzhanov I. A. Voенно-politicheskaya bezopasnost' v Arktike do i v kontekste «ukrainского krizisa» [Military-Political Security in the Arctic Before and in the Context of the "Ukrainian Crisis"] / I. A. Arzhanov // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 25: Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika [Moscow University Bulletin. Series 25: International Relations and World Politics]. – 2024. – Vol. 16, No. 3. – pp. 98-126. – DOI: 10.48015/2076-7404-2024-16-3-98-126. (In Russ.)

2. Barannikova A. O., Smirnov S. M. Arkticheskie ambitsii stran Severo-Vostochnoy Azii i perspektivy sotrudnichestva s Rossiyei [Arctic Ambitions of Northeast Asian Countries and Prospects for Cooperation with Russia] // Oykumena. Regionovedcheskie issledovaniya [Oikoumene. Regional Studies]. 2024. No. 3. pp. 84-91. – <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2024-3/84-91> (In Russ.)

3. Gavrilenko V. A. Aktual'nye voprosy teorii i praktiki pravovogo regulirovaniya politiki Arkticheskikh gosudarstv v Arkticheskom regione [Current Issues of Theory and Practice of Legal Regulation of the Policy of Arctic States in the Arctic Region] / V. A. Gavrilenko, I. V. Goloveyko, N. I. Utkin // Yuridicheskiy vestnik Samarskogo universiteta [Legal Bulletin of Samara University]. – 2024. – Vol. 10, No. 3. – pp. 80-88. – DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2024-10-3-80-88>. (In Russ.)

4. Galimullin E. Z., Kashin V. B., Kramarenko A. S. Snezhnyy Drakon: politika Kitaya v Arktike pered litsom novykh vyzovov [Snow Dragon: China's Policy in the Arctic in the Face of New Challenges] // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations]. 2024. Vol. 24, No. 3. pp. 358-370. – <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-3-358-370> (In Russ.)

5. Gekht A. B., Vedenina K. A. Strategiya Shvetsii v arkticheskom regione [Sweden's Strategy in the Arctic Region] // V sbornike: Podgotovka professional'nykh kadrov v magistrature dlya tsifrovoy ekonomiki (PKM-2023). Vserossiyskaya nauch.-tekhn. i nauch.-metod. konferentsiya magistrantov i ikh rukovoditeley. Sbornik luchshikh dokladov: v 2-kh tomakh [In the collection: Training of Professional Personnel in Master's Programs for the Digital Economy (PKM-2023). All-Russian Scientific-Technical and Scientific-Methodological Conference of Master's Students and Their Supervisors. Collection of Best Reports: in 2 volumes]. – Saint Petersburg, 2024. – pp. 456-460. (In Russ.)

6. Zhuravel' V. P. Arktika v 2024 g.: mezhdunarodnyy i rossiyskiy aspekty [The Arctic in 2024: International and Russian Aspects] // Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN [Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences]. 2025. No. 1. pp. 103-113. – DOI: 10.15211/vestnikieran12025103113 (In Russ.)

7. Zhuravel' V. P. Problema osvoeniya Arktiki v usloviyakh sanktsionnogo davleniya na Rossiyu [The Problem of Arctic Development under Sanctions Pressure on Russia] // Nauchno-analiticheskiy vestnik IE RAN [Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences]. 2022. No. 2. pp. 32-40. – DOI: 10.15211/vestnikieran220223240 (In Russ.)

8. Zhuravel' V. P., Grinyaev S. N. Konets arkticheskoy isklyuchitel'nosti: retsenziya na monografiyu «Razmorozka: bor'ba za budushchee Arktiki» [The End of Arctic Exceptionalism: Review of the Monograph "Thaw: The Fight for the Future of the Arctic"] // Arktika i Sever [Arctic and North]. 2025. No. 61. pp. 265-272. – DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.61.265> (In Russ.)

9. Zhuravel' V. P., Timoshenko D. S. Rossiyskaya Arktika v period sanktsionnogo davleniya i geopoliticheskoy nestabil'nosti [The Russian Arctic during the Period of Sanctions Pressure and Geopolitical Instability] // Arktika i Sever [Arctic and North]. 2022. No. 49. pp. 105-124. – DOI: 10.37482/issn2221-2698.2022.49.105 (In Russ.)

10. *Zaykov K. S., Kortunov D. S.* Arktika v epokhu postpravdy: riski dlya mezhdunarodnoy bezopasnosti i stsenarii protivodeystviya [The Arctic in the Post-Truth Era: Risks for International Security and Counteraction Scenarios] // *Arktika i Sever [Arctic and North]*. 2025. No. 61. pp. 147-172. – DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.61.147> (In Russ.)
11. Strategiya razvitiya Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii i obespecheniya natsional'noy bezopasnosti na period do 2035 goda [Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security for the Period up to 2035] : utv. Ukazom Prezidenta RF ot 26.10.2020 No. 645 [approved by Decree of the President of the Russian Federation of October 26, 2020 No. 645]. – Moscow : [b. i.], 2020. – 38 p. – URL: https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=http://www.kremlin.ru/acts/bank/45972&ved=2ahUKEwjpwqC11duSAxW6gP0HHaUvILQQFnoECB4QAQ&usg=AOvVaw1RjYNPL5MY_7e36p2kAfmT (last request: 17.03.2026). (In Russ.)
12. *Chernyaev M. V., Egorycheva E. A., Sidorova E. Yu.* Rossiya i Kitay v Arktike: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya sotrudnichestva [Russia and China in the Arctic: Current State and Prospects for Cooperation] // *Arktika i Sever [Arctic and North]*. 2025. No. 61. pp. 173-184. – DOI: <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2025.61.173> (In Russ.)
13. Arctic Challenge Exercise 2023 [Electronic resource] // Finnish Defence Forces. – URL: <https://ilmavoimat.fi/en/ace23-en> (last request: 08.05.2026).
14. Cold Response 2022 [Электронный ресурс] // Norwegian Armed Forces. – URL: <https://www.forsvaret.no/en/exercises-and-operations/exercises/cr22> (last request: 08.05.2026).
15. Dynamic Mongoose 2023 Concludes [Electronic resource] // NATO Maritime Command. – URL: <https://mc.nato.int/media-centre/news/2023/standing-nato-maritime-group-one-completes-participation-in-exercise-dynamic-mongoose> (last request: 08.05.2026).
16. ICEX 2024: Arctic Under-ice Exercise [Electronic resource] // U.S. Navy. – URL: https://www.nepa.navy.mil/Portals/20/Documents/ICEX/FINAL%20ICEX%202024%20Supplemental%20EAOEA_1.24.24_508.pdf (last request: 08.05.2026).
17. NATO kicks off Steadfast Defender 2024 [Electronic resource] // NATO. – URL: <https://shape.nato.int/std24/newsroom/news-/nato-marks-the-start-of-exercise-steadfast-defender-2024> (last request: 08.05.2026).

Deryabina Ivana Alekseevna – 3rd-year student majoring in International Relations, Northwestern Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, (St. Petersburg, Russia), ideriabina-23@ranepa.ru

Pronyakina Elizaveta Dmitrievna – scientific supervisor – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations, Northwestern Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, (Saint Petersburg, Russia), pronyakina-ed@ranepa.ru

Статья поступила в редакцию: 26.03.2026; принята к публикации: 04.05.2026.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Дерябина И. А. Новые вызовы для арктической политики России в контексте региональной безопасности после 2022 года // *Социогуманитарные коммуникации*. – 2026. – № 2(16). – С. 114-124.

FOR CITATION:

Deryabina I. A. Novye vyzovy dlya arkticheskoy politiki Rossii v kontekste regional'noj bezopasnosti posle 2022 goda [New challenges for Russia's arctic policy in the context of regional security after 2022] // *Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]*. 2026. № 2(16). P. 114-124.

УДК [378.016 : 796.41] : 796.12.23

КОМПЛЕКСНЫЙ МЕТОД КАК ОСНОВА ЭФФЕКТИВНОГО РАЗВИТИЯ ГИБКОСТИ И ПОДВИЖНОСТИ В СУСТАВАХ У СТУДЕНТОВ 18-19 ЛЕТ*Е. В. Враге, С. С. Семенова*

В статье рассматриваются вопросы подготовки студентов к выполнению нормативов теста на гибкость, как обязательного испытания для VII ступени Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне»; проведены исследования уровня развития гибкости по тесту «Наклон» у юношей и девушек – студентов 1-х курсов Санкт-Петербургского Государственного университета телекоммуникаций; определены понятия «гибкость», «подвижность в суставах», «активная и пассивная гибкость»; раскрыты современные средства развития гибкости в виде активных, пассивных и смешанных упражнений; рассмотрены основные методы развития гибкости и подвижности в суставах; определены особенности применения комплексного метода развития гибкости у занимающихся 18-19 лет, предложены варианты комплексных упражнений на основе сочетания повторных движений и удержания статических положений активного и пассивного характера.

Ключевые слова: комплекс ГТО, Государственные требования, обязательные испытания, тест «Наклон», студенты, гибкость и подвижность в суставах, средства и методы развития гибкости, комплексный метод, комплексные упражнения.

Введение.

В Указе Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» отмечается, что «...до 2030 года необходимо увеличение доли граждан, ведущих здоровый образ жизни, а также увеличение до 70 % доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом» [1].

В основе реализации данной цели лежат Государственные требования Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО) к уровню физической подготовленности населения страны, утвержденные приказом Министерства спорта РФ от 22 февраля 2023 г. № 117 [2].

В системе комплекса ГТО определены 18 ступеней для дифференциации испытуемых по возрастным группам. Для оценки уровня физической подготовленности в каждой ступени определены основные тесты (упражнения) и тесты по выбору на различные физиче-

ские качества и прикладные навыки, нормативы которых соответствуют золотому, серебряному и бронзовому знакам отличия.

Требованиями комплекса ГТО определены следующие ступени, которые охватывают молодежь студенческого возраста:

– VII ступень (возрастная группа от 18 до 19 лет включительно);

– VIII ступень (возрастная группа от 20 до 24 лет включительно).

Студентам этих возрастных групп для оценки уровня физической подготовленности и выполнения требований на золотой, серебряный или бронзовый знаки отличия комплекса ГТО необходимо пройти тестирование на развитие физических качеств и прикладных навыков. В качестве основных тестов им определены 4 группы упражнений: на скоростные возможности, на выносливость, на силу и на гибкость. При этом, тест на гибкость рассматривается в качестве обязательного испытания для данной категории граждан [2].

Тест на гибкость (далее тест «Наклон») представляет собой наклон вперед из положения стоя с прямыми ногами на гимнастической скамье. Амплитуда наклона (величина гибкости) измеряется в см от уровня скамьи до кончиков средних пальцев рук.

Проведенные исследования уровня развития гибкости по тесту «Наклон» у студентов СПб ГУТ показали, что не все испытуемые возрастной группы 18-19

лет выполнили нормативные требования на золотой, серебряный и бронзовый знаки отличия комплекса ГТО (см. таблицу 1).

Так, из 127 проверенных юношей–студентов только 13 выполнили тест «Наклон» на золотой знак отличия, при этом 53 человека (41,7 %) не смогли показать минимальный пороговый результат 6 см, соответствующий бронзовому знаку.

Таблица 1.
Выполнение нормативов комплекса ГТО по тесту на гибкость «Наклон» студентами 1 курса в возрасте 18-19 лет

Испытуемые	VII ступень комплекса ГТО (18–19 лет)							
	Золотой знак 13 см и более		Серебряный знак 12–8 см		Бронзовый знак 7–6 см		Без знака менее 6 см	
Юноши, (студенты) 1-й курс, n = 127	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
		13	10,2	43	33,9	18	14,2	53
Девушки, (студентки) 1-й курс, n = 130	Золотой знак 16 см и более		Серебряный знак 15–9 см		Бронзовый знак 8–7 см		Без знака менее 7 см	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
	57	43,8	49	37,7	10	7,7	14	10,8

У девушек уровень развития гибкости оказался значительно выше: 57 испытуемых из 130 показали результат на золотой знак отличия (43,8 %), причем только 14 не выполнили минимальный норматив комплекса ГТО по тесту «Наклон» (10,8 %).

Таким образом, существует проблемная ситуация, которая обусловлена недостаточной подготовленностью студентов–первокурсников к обязательному испытанию–тесту на гибкость «Наклон» из комплекса ГТО. Поэтому вопросы обоснования средств и методов развития гибкости у студентов на начальном этапе обучения является важной научной задачей.

Основные результаты.

Под гибкостью понимается способность человека выполнять двигательные

действия с большой амплитудой. В этой связи показатели гибкости оцениваются по предельной (максимальной) амплитуде выполняемых физических упражнений. [3, 4].

Амплитуда движений зависит от многих факторов, в том числе от анатомических особенностей, формы и строения суставных сумок; уровня развития некоторых мышечных групп и их антагонистов; эластичности мышц и связок, возбуждения растягиваемых мышц; температуры внешней среды, возраста человека и т. д. [5].

Термин **«гибкость»** применяется, когда речь идет о суммарной подвижности в суставах и используется при интегральной оценке подвижности звеньев всего тела. Термин **«подвижность в суставах»** применяется для оценки

амплитуды движений в отдельных суставах, например, подвижность в лучезапястных, плечевых, тазобедренных суставах [3, 4].

Гибкость необходима для более эффективного выполнения многих физических упражнений, как общеразвивающей, так и спортивной направленности. Хорошая гибкость обеспечивает свободу, быстроту и экономичность выполнения некоторых профессиональных приемов и действий. Гибкость непосредственно влияет на состояние развития всех физических качеств: силы, силовой выносливости, быстроты, ловкости. Недостаточно развитая гибкость затрудняет двигательную координацию занимающихся и ограничивает перемещение отдельных звеньев тела. [4].

Различают две формы проявления гибкости: активную и пассивную. [5]. **Активная гибкость** – это способность человека достигать максимально возможной подвижности в суставах за счет собственных мышечных усилий. **Пассивная гибкость** определяется наибольшей амплитудой движения, которую можно достичь за счет дополнительного воздействия внешних сил, которые создаются партнером, различными отягощениями, предметами, снарядами или собственными вспомогательными усилиями. Поэтому, показатели пассивной гибкости всегда больше аналогичных показателей активной.

Основными средствами развития гибкости и подвижности в суставах являются динамические и статические упражнения с увеличенной амплитудой движений. Эти упражнения делятся на три группы: активные, пассивные и смешанные [3, 4].

Активные упражнения представляют собой движения, которые осуществляются за счет сокращения мышц, проходящих через сустав. К основным упражнениям, способствующим развитию активной подвижности в суставах, относятся:

- наклоны головы и туловища вперед, назад, влево, вправо;
- повороты головы и туловища налево и направо;
- круговые движения руками, головой, туловищем;
- рывковые движения руками;
- круговые движения в лучезапястных и голеностопных суставах;
- маховые движения ногами;
- шпагаты левой, правой, продольный шпагат, мосты, полумосты;
- выпады вперед, назад, влево, вправо, выпады правой влево и др.;
- седы на пятках, упоры сидя сзади, упоры лежа сзади т. п.

Пассивные упражнения представляют собой движения растягивающего характера, производимые за счет воздействия внешних сил или собственных дополнительных усилий. К упражнениям, способствующим развитию пассивной подвижности в суставах, относятся:

- упражнения с различными отягощениями (медболом, гантелями, бодибаром, дисками от штанги, мини штангой и др.);
- упражнения с собственным весом на гимнастических снарядах (на перекладине, брусьях, кольцах и др.);
- упражнения вдвоем, которые выполняются под воздействием усилий партнера (пружинящие наклоны и наклоны с фиксацией в различных положениях; удержание партнером ноги, отведенной в сторону до отказа и др.);
- упражнения с различными предметами (со скакалкой, с гимнастической палкой, обручем, эспандером, резиновым бинтом и другими амортизаторами);
- упражнения на снарядах и специальных устройствах (на гимнастической скамейке, степ-платформе, гимнастической стенке, хореографическом станке и др.);
- упражнения, выполняемые с применением собственных дополнительных мышечных усилий (круговые движения в лучезапястных в положении пальцы в замок, наклон вперед с захватом, фиксация согнутой кисти с нажим

ладонью сверху другой рукой и другие упражнения с самозахватами).

Смешанные упражнения представляют собой комплексные движения, в которых активные действия в первой части сменяются пассивными во второй (с помощью партнера или самозахвата). В смешанных упражнениях обязательным условием является смена преодолевающего режима работы мышц на уступающий. Например, в комплексном упражнении пружинящие наклоны вперед в седе завершаются статическим наклоном вперед с захватом; при выполнении комплексного упражнения в парах: наклоны вперед в седе завершаются наклонами под воздействием усилий партнера.

Следует отметить, что активные упражнения, выполняемые в динамическом и статическом режимах, рекомендуется использовать в качестве основных средств развития гибкости и подвижности в студенческом возрасте. При этом можно добиться хороших результатов в развитии гибкости при тренировочном режиме, в котором выполняются 40% активных, 40% пассивных и 20% статических упражнений [3].

Для развития гибкости наиболее эффективным считается **повторный метод**, который заключается в многократном повторении движений активного и пассивного характера с постепенно возрастающей амплитудой. При этом могут выполняться, как динамические, так и статические упражнения [4, 8].

Разновидностями этого методами являются: повторный метод динамического растягивания, повторный метод статического растягивания и комплексный метод [4, 6, 7].

Повторный метод динамического растягивания характеризуется повторением динамических упражнений с одинаковой мощностью, характером и длительностью интервалов отдыха. В его методической основе лежит зависимость величины растягивания от количества повторений и амплитуды выполняемых

движений. Содержание динамического растягивания составляют как активные, так и пассивные упражнения.

Метод повторных движений активного характера предполагает свободные движения с максимальной амплитудой и многократным повторением упражнения за счет собственных мышечных усилий.

Метод повторных движений пассивного характера предусматривает выполнение свободных действий с преодолением сопротивления отдельных мышц и связок за счет внешнего воздействия: применения отягощений различного веса, помощи партнера, использования гимнастических предметов, самозахватов.

Величина растягивания мышц и связок в динамических упражнениях находится, как правило, в пределах 50–80 % от максимальной амплитуды движения. Эта величина показывает безопасный уровень для растягивания мышц и связок, особенно у занимающихся с низким уровнем физической подготовленности. При этом возможен постепенный переход к выполнению упражнений и на предельных амплитудах. Особенный контроль за болевыми ощущениями при динамическом растягивании на максимальных амплитудах необходим при выполнении пассивных упражнений.

Повторный метод динамического растягивания с применением упражнений активного и пассивного характера являлся основным в методике развития гибкости и подвижности в суставах у студентов на занятиях по физической культуре [7].

Повторный метод статического растягивания предполагает напряжение определенных мышечных групп в статическом положении всего тела. В его методической основе лежит зависимость величины растягивания от продолжительности времени фиксирования статических положений. Содержание статического растягивания со-

ставляют как активные, так и пассивные упражнения.

Метод повторных статических положений активного характера предусматривает фиксацию статических поз на максимальной амплитуде за счет собственных мышечных усилий.

Метод повторных статических положений пассивного характера заключается в фиксации статических поз с преодолением сопротивления мышц и связок посредством воздействия извне: применения отягощений разного веса, усилий партнера, использования гимнастических предметов, самозахватов и т. п.

Применение повторного метода статического растягивания предполагает выполнение следующих методических правил [6]:

– упражнения в статических напряжениях выполнять после динамических упражнений на подвижность в суставах;

– выполнять статические упражнения в виде специальных комплексов;

– включать в комплекс упражнений на растягивание 5-6 различных статических положений-поз;

– развивать статические напряжения мышц и связок близких к максимальному в течение 6-10 с;

– выполнять упражнения на статическое растягивание с постепенным на-

растанием мышечного напряжения и с последующим его ослаблением;

– соблюдать достаточные интервалы отдыха между напряжениями;

– выполнять упражнения на расслабление мышц после каждого статического напряжения.

Повторный метод статического растягивания используется в качестве дополнительного при развитии гибкости и подвижности в суставах у студентов на занятиях по физической культуре. При этом обязательным условием является предварительная разминка в виде выполнения ряда динамических упражнений активного характера [4, 6, 9].

Комплексный метод предусматривает рациональное сочетание повторных движений и удержания статических положений как активного, так и пассивного характера. Как правило данный метод реализуется через применение комплексных упражнений [10]. На рисунках 1 и 2 приведен вариант такого комплексного упражнения на степ-платформе с гантелями. Из исходного положения узкой стойки на конце степа поперек, гантели вверх занимающийся сначала выполняет наклоны вперед с движением гантелей вниз к носкам ног, а затем – наклоны вперед с фиксацией по 6 с., удерживая гантели внизу носков ног.

Рис.1 – Наклон вперед в узкой стойке на степ-платформе

Рис. 2 – Наклон вперед с фиксацией в узкой стойке на степ-платформе

По мнению некоторых авторов комплексный метод является наиболее эффективным для развития гибкости и подвижности в суставах [6, 10]. Он может успешно применяться на занятиях по физической культуре в различных, в том числе и более сложных модификациях. Например, сначала занимающийся выполняет динамичные пружинящие наклоны вперед из положения седа на полу (ноги прямые и вместе) до касания пальцами носков ног (12-16 раз), затем эти же наклоны выполняются с помощью усилий партнера, который стоя сзади при каждом пружинящем движении активно надавливает на спину двумя руками (16-20 раз); после этого выполняется наклон вперед с самозахватом ног и удержанием этого статического положения (8-10 с); завершается комплексное упражнение фиксацией статического наклона на максимальной амплитуде с воздействием партнера на спину.

Следует отметить, что комплексный метод следует использовать на занятиях только после качественной разминки, соблюдая повышенные меры контроля и самоконтроля за состоянием мышц, связок, болевыми ощущениями, в целях исключения получения травм и микро-

травм, вероятность которых при растягивании данным методом возрастает.

Заключение.

Таким образом, рассматриваемая методика развития гибкости и подвижности в суставах у студентов возраста 18-19 лет на основе комплексирования повторных методов динамического и статического растягивания с использованием активных и пассивных упражнений может быть применена на учебных занятиях по физической культуре, а также в процессе самостоятельных занятий в домашних условиях.

Для ее практической реализации необходимо разработать комплексы упражнений для развития гибкости и подвижности в суставах и представить каждое из упражнений в виде дидактического алгоритма: название, направленность, описание техники выполнения, пошаговая иллюстрация, методические указания. При этом необходима экспериментальная проверка эффективности предлагаемых упражнений и методики их проведения в условиях педагогического эксперимента и выработки практических рекомендаций преподавателям и студентам.

Список источников и литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».
2. О внесении изменений в Положение о Всероссийском физкультурно-спортивном комплексе «Готов к труду и обороне» (ГТО) : постановление Правительства Российской Федерации от 11 января 2023 г., № 33.
3. Холодов Ж. К. Теория и методика физического воспитания и спорта : учебное пособие / Ж. К. Холодов, В. С. Кузнецов. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 480 с.
4. Научно-исследовательская работа по гимнастике : учебно-методическое пособие / К. С. Смазнов, Н. Е. Гуков, О. П. Старовойтова [и др.]. – СПб. : ВИФК, 2020. – 88 с.

5. Лях В. И. Гибкость и методика ее развития / В. И. Лях // Физкультура в школе. 1999. № 1. – С. 25-29.
6. Самостоятельная корригирующая тренировка по гимнастике мужчин пожилого возраста : монография / Г. Г. Дмитриев, А. Н. Кислый, Е. В. Враге [и др.]. – СПб. : ВИФК, 2024. – 199 с.
7. Основы теории и методики проведения учебно-тренировочных занятий по физической подготовке : учебное пособие / А. Л. Старовойтов, А. Н. Кислый, К. С. Смазнов [и др.] ; под ред. А. Л. Старовойтова. – СПб. : ВИФК, 2023. – 232 с.
8. Сермеев К. С. Спортсменам о воспитании гибкости / К. С. Сермеев. М : Физкультура и спорт, 1970. – 154 с.
9. Теория и методика гимнастики : учебное пособие / А. Л. Старовойтов, К. С. Смазнов, Н. Е. Гуков [и др.]. – СПб. : ВИФК, 2020. – 180 с.
10. Кислый А. Н. Комплексный метод как дидактическая основа эффективного развития физических качеств на занятиях по гимнастике и атлетической подготовке / А. Н. Кислый, К. С. Смазнов, Н. Е. Гуков, О. В. Баранова // Научно-теоретический журнал «Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта». – 2023. – №2 (216). – С. 202-209

Враге Евгения Викторовна – старший преподаватель кафедры физической культуры, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), evgeniawrage@mail.ru

Семенова Светлана Сергеевна – доцент, к. пед. н., доцент кафедры физической культуры, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), scvetas64@yandex.ru

AN INTEGRATED METHOD AS THE BASIS FOR THE EFFECTIVE DEVELOPMENT OF FLEXIBILITY AND MOBILITY IN JOINTS AMONG STUDENTS AGED 18-19 YEARS

E. V. Vrage, S. S. Semenova

The article discusses the issues of preparing students to meet the standards of the flexibility test, as a mandatory test for the VII stage of the All-Russian Physical culture and Sports complex "Ready for labor and defense"; studies of the level of flexibility development on the Slope test in boys and girls – 1st year students of St. Petersburg State University of Telecommunications; determined the concepts of "flexibility", "joint mobility", "active and passive flexibility"; modern means of flexibility development in the form of active, passive and mixed exercises are revealed; The main methods of developing flexibility and mobility in joints are considered; the features of using a comprehensive method for developing flexibility in students aged 18-19 are determined; options for complex exercises based on a combination of repeated movements and holding static positions of an active and passive nature are proposed.

Keywords: GTO complex, State requirements, mandatory tests, "Tilt" test, students, flexibility and mobility in joints, means and methods of flexibility development, complex method, complex exercises.

References

1. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 21 iyulya 2020 g. № 474 «O nacional'nyh celyah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda» [Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 474 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030"]. (In Russ.)
2. O vnesenii izmenenij v Polozhenie o Vserossijskom fizkul'turno-sportivnom komplekse «Gotov k trudu i oborone» (GTO) : postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 11 yanvarya 2023 g., № 33 [On Amendments to the Regulations on the All-Russian Physical Cul-

ture and Sports Complex "Ready for Labor and Defense" (RLD) : Decree of the Government of the Russian Federation of January 11, 2023, No. 33]. (In Russ.)

3. *Kholodov Zh. K.* Teoriya i metodika fizicheskogo vospitaniya i sporta [Theory and Methods of Physical Education and Sports] : uchebnoe posobie / Zh. K. Kholodov, V. S. Kuznetsov. – Moscow: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2001. – 480 p. (In Russ.)

4. Nauchno-issledovatel'skaya rabota po gimnastike [Research Work on Gymnastics] : uchebno-metodicheskoe posobie / K. S. Smaznov, N. E. Gukov, O. P. Starovojtova [et al.]. – Saint Petersburg: VIFK, 2020. – 88 p. (In Russ.)

5. *Lyakh V. I.* Gibkost' i metodika ee razvitiya [Flexibility and Methods of Its Development] / V. I. Lyakh // Fizkul'tura v shkole [Physical Education at School]. 1999. No. 1. – pp. 25-29. (In Russ.)

6. Samostoyatel'naya korriruyushchaya trenirovka po gimnastike muzhchin pozhilogo vozrasta [Independent Corrective Gymnastics Training for Elderly Men] : monografiya / G. G. Dmitriev, A. N. Kislyj, E. V. Vrage [et al.]. – Saint Petersburg: VIFK, 2024. – 199 p. (In Russ.)

7. Osnovy teorii i metodiki provedeniya uchebno-trenirovochnykh zanyatij po fizicheskoy podgotovke [Fundamentals of Theory and Methods of Conducting Training Sessions in Physical Training] : uchebnoe posobie / A. L. Starovojtov, A. N. Kislyj, K. S. Smaznov [et al.] ; ed. by A. L. Starovojtov. – Saint Petersburg: VIFK, 2023. – 232 p. (In Russ.)

8. *Sermeev K. S.* Sportsmenam o vospitanii gibkosti [To Athletes on the Development of Flexibility] / K. S. Sermeev. – Moscow: Fizkul'tura i sport, 1970. – 154 p. (In Russ.)

9. Teoriya i metodika gimnastiki [Theory and Methods of Gymnastics] : uchebnoe posobie / A. L. Starovojtov, K. S. Smaznov, N. E. Gukov [et al.]. – Saint Petersburg: VIFK, 2020. – 180 p. (In Russ.)

10. *Kislyj A. N.* Kompleksnyj metod kak didakticheskaya osnova ehffektivnogo razvitiya fizicheskikh kachestv na zanyatiyakh po gimnastike i atleticheskoy podgotovke [The Complex Method as a Didactic Basis for the Effective Development of Physical Qualities in Gymnastics and Athletic Training Classes] / A. N. Kislyj, K. S. Smaznov, N. E. Gukov, O. V. Baranova // Nauchno-teoreticheskij zhurnal «Uchenye zapiski universiteta im. P. F. Lesgafta» [Scientific-Theoretical Journal "Scientific Notes of the P. F. Lesgaft University"]. – 2023. – No. 2 (216). – pp. 202-209. (In Russ.)

Vrage Evgenia Viktorovna – Senior Lecturer at the Department of Physical Education, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), evgeniawrage@mail.ru

Semenova Svetlana Sergeevna – docent, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Physical Culture, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), scvetas64@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 13.04.2026; принята к публикации: 04.05.2026.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Vrage E. V., Semenova S. S. Комплексный метод как основа эффективного развития гибкости и подвижности в суставах у студентов 18-19 лет // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 2(16). – С. 125-132.

FOR CITATION:

Vrage E. V., Semenova S. S. Kompleksnyj metod kak osnova ehffektivnogo razvitiya gibkosti i podvizhnosti v sustavah u studentov 18-19 let [An integrated method as the basis for the effective development of flexibility and mobility in joints among students aged 18-19 years] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 125-132.

РЕЦЕНЗИИ НА НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

УДК: 94(47).084.8:06

ОТ СТАЛИНА ДО ГОРБАЧЕВА: СОВЕТСКИЙ СОЮЗ НА ПУТИ К ПЕРЕСТРОЙКЕ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ПОЛЫНОВ М. Ф. «СССР: ОТ СТАЛИНСКОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ К ГОРБАЧЕВСКОЙ ПЕРЕСТРОЙКЕ. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА 1940-Х - ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1980-Х ГГ.»¹

А. С. Пученков

Исследование подготовлено при поддержке гранта РНФ, проект №25-28-01095, «Образ и миф Б. Н. Ельцина в научной историографии и общественном сознании постсоветской России: российский дискурс и зарубежный контекст», выполняемом в Русской Христианской Гуманитарной академии имени Ф. М. Достоевского.

В рецензии анализируется монография профессора М. Ф. Польшова «СССР: от сталинского восстановления к горбачевской перестройке. Вторая половина 1940-х – первая половина 1980-х гг.» (СПб.: Алетейя, 2021). Отмечается, что автору удалось представить оригинальный взгляд на ключевые процессы развития послевоенного советского общества: геополитические условия холодной войны, экономическое развитие СССР, эволюцию советской общественной и политической системы, кадровые изменения в высшем руководстве. Особое внимание уделяется предпосылкам перестройки, оценке личности и роли М. С. Горбачева, а также характеру начатых в 1985–1986 гг. преобразований. Подчеркивается, что работа основана на широком круге источников, отличается взвешенностью выводов и вносит заметный вклад в историографию позднесоветского периода.

Ключевые слова: история СССР, послевоенный период, холодная война, перестройка, М. С. Горбачев, сталинское восстановление, советская экономика, политическое руководство, историография, М. Ф. Польшов.

Несколько лет назад известное петербургское издательство «Алетейя» опубликовало монографию профессора М. Ф. Польшова [1]. В центре внимания автора – исторические предпосылки перестройки. Почему высшее руководство советского государства во главе с Горбачевым решилось на масштабные преобразования? Действительно ли СССР к 1985 году находился в глубоком и затяжном кризисе, затрагивавшим экономику, внешнюю политику и идеологию? Правомерно ли определение брежневской эпохи как «застоя»? Какие теоретические положения легли в основу знаменитого горбачевского «нового мышления»? И главное: действительно ли необходимы были начатые по инициативе

Горбачева реформы? Может быть, кораблю советского государства следовало и дальше спокойно плыть по течению, не пытаясь изменить свой курс?

Свой взгляд на эти и многие другие вопросы предлагает в своем исследовании профессор М. Ф. Польшов. Объемная монография (48,4 п. л.) состоит из пяти частей, каждая из которых, в свою очередь, разделена на тематические главы: «Геополитические условия развития СССР после Второй мировой войны», «Основные тенденции развития экономики», «Меняющееся советское общество», «Перемены в коридорах власти. 1978-1985 гг.», «М. С. Горбачев у власти. 1985-1986 гг.». Хронологически, как видим, в монографии рассматривается важнейший период советской истории – от первых послевоенных лет и до начала перестроечной эпопеи. Такую научную

¹ Польшов М. Ф. СССР: от сталинского восстановления к горбачевской перестройке. Вторая половина 1940-х - первая половина 1980-х гг. СПб., : Алетейя, 2021. - 772 с.

смелость автора, представившего свой взгляд почти на всю вторую половину советской эпохи, безусловно следует приветствовать. В общем и целом, Матвей Федорович справился с поставленными им задачами: на страницах монографии М. Ф. Польшова представлена впечатляющая картина развития послевоенного советского общества - от последних лет правления Сталина и до первого года пребывания у власти Горбачева.

Заметные исследования, связанные с заключительным этапом существования советского государства, временем Горбачева, в последнее время выходят все чаще и чаще.² Обширна и историография, посвящённая отрезку истории нашей страны, связанному с именами Н. С. Хрущева и Л. И. Брежнева: достаточно сказать, что за последние годы вышло несколько внушительных и интересных биографий этих лидеров, авторы которых предприняли попытку по-новому высветить грани личности Никиты Сергеевича и Леонида Ильича.³

Казалось бы, что подготовить обзорный труд, подвергающий серьёзному анализу наиболее заметные события и явления в жизни советского общества и государства в период от первых послево-

енных лет и до начала правления Горбачева, в условиях подобной «научной конкуренции» крайне затруднительно, однако, автору рецензируемой монографии, это удалось: перед нами действительно свежий и оригинальный взгляд на важнейшие и переломные процессы, происходившие в послевоенном Советском Союзе.

М. Ф. Польшов давно и плодотворно занимается различными аспектами эпохи перестройки, неразрывно связанной с именем Михаила Сергеевича Горбачева. Перу М. Ф. Польшова принадлежат десятки работ, посвященных этой, поистине неисчерпаемой проблематике.⁴ Тяжело и болезненно воспринимая распад Советского Союза, М. Ф. Польшов пытается все же быть объективным при оценке личности центральной фигуры перестройки - Горбачева.

Правомерно полагая, что «вопрос о том, кто стал главным инициатором холодной войны, является ключевым», [1, с. 12] М. Ф. Польшов считает необходимым подвергнуть ревизии экономический потенциал двух сверхдержав – СССР и США. По мнению автора, еще до начала Второй мировой войны существовали «серьезные диспропорции во всех областях экономики в пользу США», а за период 1939-1945 гг. «эти диспропорции ещё больше увеличились» [1, с. 12]. Осознание Америкой своего громадного превосходства над СССР обусловило и решимость администрации Белого дома

² Станкевич З. А. Советский Союз: обрыв истории. М., 2016; Зубок В. М. Неудавшаяся империя: Советский Союз в холодной войне от Сталина до Горбачева. М., 2016; Зубок В. М. Коллапс. Гибель Советского Союза. М., 2023; Батурин Ю. М. Союз (не) возможный. Документированная хроника Новоогаревского процесса. М., 2021; Таубман У. Горбачев. Его жизнь и время. М., 2019; Пученков А. С. Августовский путч 1991 г.: взгляд на события из здания ЦК (по показаниям очевидцев) // Новейшая история России. 2019. Т. 9. №2. С. 454-484; Пученков А. С. Генсек и Президент: М. С. Горбачев в 1990-1991 гг. Калининград, 2024. Отдельно следует указать и на фундаментальные труды Р. Г. Пихоя, в исследованиях которых рассмотрен весь послевоенный период советской истории: Пихоя Р. Г. Советский Союз: История власти. 1945 - 1991. Новосибирск, 2000; Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Сорок лет после войны, 1945 - 1985. М., 2007; Пихоя Р. Г. Москва. Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий, 1985 - 2005. М., 2007. Пихоя Р. Г. О периодизации системного кризиса Советского Союза // Российская история. 2019. №2. С. 3-29.

³ Таубман У. Хрущев. М., 2005; Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М., 2018; Савин А. И., Дённингхаус В. Леонид Брежнев. Опыт политической биографии. М., 2024.

⁴ Польшов М. Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940 - первая половина 1980-х гг. СПб., 2010; Польшов М. Ф. Внешняя политика Горбачева, 1985 - 1991 гг. СПб., 2014; Польшов М. Ф. М. С. Горбачев и объединение Германии // Новейшая история России. 2011. №1 (1). С. 201-215; Польшов М. Ф. М. С. Горбачев и новое политическое мышление: истоки, основные идеи, результаты // Новейшая история России. 2012. №2 (4). С. 136-152; Польшов М. Ф. Экономическая политика в Советском Союзе в годы перестройки // Вестник СПбГУ. История. 2024. Т. 69. №2. С. 371-386; Польшов М. Ф., Потапов А. К. «Да куда они денутся? Перебьются»: Литовский сепаратизм и политика союзного Центра в годы перестройки // Новейшая история России. 2025. Т. 15. №2. С. 455-472; Польшов М. Ф. Расчеты и просчеты политики М. С. Горбачева в 1990 - 1991 гг. // Российская история. 2025. №5. С. 159-163.

попытаться навязать Советскому Союзу свою волю во всех ключевых вопросах послевоенного мироустройства. Президент США Г. Трумэн полагал, что амбиции Советского Союза, претендовавшего на увеличение своего влияния в мире, следует укротить. «Русские давили везде, где чувствовали слабинку, и мы должны были встречать такое давление в местах его возникновения так, чтобы СССР и весь мир понимали это», – вспоминал Г. Трумэн [2, с. 127]. «Запад, – утверждает М. Ф. Польшов, – не оставлял для Сталина больших возможностей для маневра. Вопрос в отношении СССР был поставлен предельно жестко: либо он признает гегемонию Америки и пойдет в фарватере ее политики, либо изматывающее в гонке вооружений противоборство» [1, с. 12]. По словам историка, Советский Союз вынуждали «признать свою вторичность в послевоенном мире и англо-американское господство в нем», что было для страны, внёсшей решающий вклад в разгром гитлеровской Германии, неприемлемо [1, с. 21].

Стоит ли удивляться тому, что при администрации Г. Трумэна «противоборство между США и СССР становилось все более открытым и необратимым» [1, с. 21]. Анализируя знаменитую фултонскую речь У. Черчилля, М. Ф. Польшов отмечает: «В Советском Союзе прекрасно понимали, что голосом Черчилля говорит Америка. По сути дела, это была политическая программа, доктрина» [1, с. 20].

Историк далёк от желания возложить всю ответственность за начало «холодной войны» лишь на США, указывая и на определённые шаги советского руководства, которые также способствовали углублению кризисных явлений в отношениях между двумя державами. Вместе с тем СССР и США при проведении своей политики руководствовались разными соображениями: «Если СССР пытался упрочить геополитическое положение с целью укрепления своей безопасности, то Соединенные Штаты в первую очередь добивались того, чтобы

обеспечить собственное гегемонистское положение, возглавить начавшиеся глобализационные процессы в послевоенном мире, а это возможно было только в том случае, если не допускать появления новой сверхдержавы. Вот почему одним из главных мотивов в холодной войне со стороны США, как показал весь послевоенный опыт, стало навязывание СССР изматывающей гонки вооружений. Холодная война, возникшая после Второй мировой войны, – констатирует учёный, – в значительной мере была инициирована США. Это был совершенно сознательный выбор послевоенной Америки. Курс этот преследовал главную цель: не допустить расширения СССР в послевоенном мире, препятствовать его становлению как великой державы и в конечном итоге добиться его уничтожения как геополитического противника» [1, с. 29].

Анализируя изнурительную гонку вооружений, происходившую между СССР и США в течение нескольких десятилетий, исследователь высказывает убеждение, что для Советского Союза она была не под силу. «Гонка вооружений являлась тяжелейшим бременем для СССР. Она стала серьёзным тормозом его социально-экономического развития. Советскому Союзу оказались не под силу одновременно конкуренция в области гонки вооружений, развитие на высоком уровне гражданских отраслей и повышение уровня жизни людей. Нет сомнения в том, что более чем 40-летнее военно-экономическое противостояние самым прямым образом способствовало нарастанию экономического и социального кризиса в СССР и переходу к политике перестройки в 1985 году», – утверждает М. Ф. Польшов. [1, с. 46-47]. При этом условия, в которых началось противостояние СССР и США с самого начала были крайне неблагоприятными для страны Советов: наша страна уступала Соединенным Штатам по экономическому потенциалу по различным данным от 6 до 8 раз, подобное соотношение сил ставило СССР «в заведомо проигрышное

положение. Наша страна, чтобы добиться равенства в вооружениях, вынуждена была значительную часть средств изыскивать из других сфер, в том числе и социальной сферы, снижая тем самым уровень жизни людей» [1, с. 199].

К концу 1970-х – первой половине 1980-х годов СССР оказался, по сути во внешнеполитическом тупике: год от года нарастали проблемы не только в отношениях со странами Запада и в первую очередь с США, но не все было благополучно и в социалистическом лагере; огромный репутационный ущерб нанесли Советскому Союзу события в Польше и Афганистане; снижение цен на нефть на мировом рынке лишило советский бюджет значительных валютных поступлений. Общая ситуация в стране требовала «от руководства страны серьёзных изменений» [1, с. 199].

Значительное внимание в монографии уделено экономическому развитию послевоенного СССР, вероятно, это сильнейший раздел книги. Автор, признавая серьёзные достижения, достигнутые советским государством в области восстановления разрушенного за годы войны народного хозяйства, все же далёк от идеализации экономики СССР. За десятилетия, прошедшие после победы в Великой Отечественной войне, СССР «превратился в высокоразвитую индустриальную державу. Она была способна производить высокотехнологичные изделия, а по объёму промышленного производства находилась на втором месте в мире после США. В это время мощное развитие получили как обрабатывающие отрасли, так и добывающие. Был создан развитый топливно-энергетический комплекс, способный обеспечить потребности страны в топливе и сырье. Однако индустриальная модель экономики достигла пределов своего роста и закономерно вступила в кризисное положение. Советская экономика, – утверждает М. Ф. Польшов, – стала терять свою конкурентоспособность в период перехода от индустриальной мо-

дели к постиндустриальной. Бюрократизированная, монополизированная экономика слабо реагировала на вызовы времени, особенно в период массового внедрения новейших достижений науки и техники в производство» [1, с. 200]. Последнее обстоятельство к середине 1980-х гг. было очевидно едва ли не для всех: мобилизационная модель экономики исчерпала себя ещё в 1950-е гг., а новую модель, которая должна была прийти ей на смену, создать в Советском Союзе так и не смогли. Ученый обращает внимание на парадокс, отчетливо проявлявшийся в развитии советской экономики середины 1980-х гг.: «К середине 1980-х годов Советский Союз, с одной стороны, достиг апогея в своём экономическом развитии, с другой – он находился в состоянии кризиса. В кризисном положении оказалась как промышленность, так и сельское хозяйство. Экономика теряла динамизм. Темпы роста промышленного и сельскохозяйственного производства имели тенденцию к падению». Как следствие, констатирует исследователь, «дальнейшее поступательное развитие экономики без серьёзных реформ было уже невозможно. Вопрос о системном и коренном реформировании экономики превратился в настоятельную практическую задачу», а «перестройка в экономической сфере к середине 1980-х годов стала объективной необходимостью» [1, с. 322-323].

Менялось в послевоенные годы и советское общество: к моменту начала перестройки оно давно уже перестало быть идейно монолитным, а многие из представителей интеллектуальной элиты Страны Советов все более и более критически относились к консервативному политическому режиму. При этом для части советской интеллигенции 1960-х-1970-х гг. было характерно стремление найти какую-то свою особую нишу и вырваться на свободу из тисков официальной идеологии: в те годы велись споры между новыми представителями идеологии «западников», «почвенников» и т. д. Устойчивые позиции имели и

близкие к высшим эшелонам власти «либерал-социалисты», являвшиеся частью советской партийной и научной элиты. Безусловно, что споры о дальнейших путях развития советского государства затрагивали лишь незначительную часть общества [1, с. 472-473, 480].

Подводя своего читателя к мысли о том, что перестройка была необходима, автор все же считает необходимым подчеркнуть, что «она не могла начаться без человека, который в 1985 году занял пост Генерального секретаря ЦК КПСС», т. е. без М. С. Горбачева. [1, с. 480].

Ценным дополнением к основному содержанию книги является входящий в четвертую часть книги подготовленный автором биографический очерк о последнем генсеке: исследователь отмечает исключительную коммуникабельность Горбачева, его редкую для партийных деятелей того времени образованность, а главное – «умение находить общий язык с множеством людей»: Михаил Сергеевич проявлял себя энергичным, инициативным и знающим работником, способным выполнить любое поручение руководства [1, с. 491]. Безусловно, феноменальный взлёт Горбачева был в значительной степени закономерен: он умел не только привлекать на свою сторону все новых и новых сторонников, но и привлекал своей индивидуальностью – фигур такого масштаба в партийной среде было совсем немного. Обнаружившиеся ещё в школьные годы незаурядные лидерские качества Михаила Сергеевича признает и автор монографии [1, с. 485]. Несомненная харизма Горбачева, помноженная на его исключительную политическую ловкость, приобретённую за многие годы пребывания на партийной работе, к началу 1985 г. подвели его к реальной возможности занять высший пост в стране – должность Генерального секретаря ЦК КПСС.

Правда, для этого Горбачеву надо было ещё дождаться смерти К. У. Черненко, а затем не дать проявить себя по-

тенциальным соперникам – Г. В. Романову и В. В. Гришину. Однако они не имели такой поддержки, как Михаил Сергеевич: «Никто из претендентов на пост Генсека не имел такой опоры среди партийной номенклатуры, как Горбачев», – отмечает автор, обращающий внимание на важнейшее обстоятельство, сыгравшее едва ли не определяющую роль в выдвижении Горбачева на пост генсека: «К моменту смерти Черненко сторонники Горбачева в высокой степени были уже мобилизованы, в то время как его противники оказались застигнутыми врасплох. Противники Горбачева, коих в Политбюро было немало, а среди них современники называют Тихонова, Щербицкого, Кунаева, Гришина, Романова, не имели заранее согласованной кандидатуры, поскольку некоторые из названных деятелей (Тихонов, Гришин, Романов) сами примеривали на себя “шапку Мономаха” [1, с. 605]. В результате на заседании Политбюро, предшествующего Пленуму ЦК КПСС, на котором должны были избрать нового генсека, все присутствующие (включая Г. В. Романова, В. В. Гришина, Н. А. Тихонова), вслед за А. А. Громыко, дружно поддержали кандидатуру М. С. Горбачева, воздав должное деловым качествам Михаила Сергеевича и его партийной принципиальности – конечно, это были принятые в таком случае ритуальные восхваления; далеко не все ораторы, говорившие об уникальных качествах Горбачева были его идейными сторонниками. А вот на Пленуме Горбачев получил поистине единодушную поддержку: «Без преувеличения можно сказать, что Горбачев был избран Генеральным секретарем не только единогласно, но большинством присутствующих и единодушно», – констатирует М. Ф. Польшин, отмечающий, что «уже через некоторое время, многие из проголосовавших на Политбюро и на Пленуме за Горбачева, будут об этом жалеть» [1, с. 616].

Начиналось время столь противоречивых и неоднозначных перестроеч-

ных преобразований, новому генсеку достался от его предшественников тяжкий груз сложнейших проблем, однако никто в тот момент не мог и подумать о том, что спустя неполные семь лет могучее советское государство прекратит своё существование.

Подводя итоги своему исследованию, М. Ф. Польшов признает, что начавшаяся в апреле 1985 года перестройка в СССР была обусловлена объективным ходом социально-экономического и политического развития страны. «Дальше затягивать проведение реформ было уже нельзя. Апогей социально-экономического кризиса и смена руководства КПСС совпали по времени, что и сделало возможным начать реформы. В советской политической системе крупномасштабные преобразования, затрагивавшие фундаментальные основы общественного строя, мог инициировать только наделённый огромной властью Генеральный секретарь ЦК КПСС», – отмечает М. Ф. Польшов, утверждающий, что «заранее продуманного плана Перестройки не существовало», лишь в короткий период правления Ю. В. Андропова высшее руководство страны заговорило о реформах, но «тогда ограничились небольшим экономическим экспериментом, который не дал очевидных положительных результатов и не от-

крыл перспектив для экономической реформы» [1, с. 701].

Политика ускорения, проводимая Горбачевым в 1985-1986 гг., к серьёзным положительным результатам не привела, от неё поспешили отказаться. «Последующие реформы, проводившиеся под руководством нового Генсека, привели страну к экономическому, социальному и политическому кризису, из которого выйти не удалось. Перестройка, начавшаяся ради благородной цели – придания социализму нового дыхания, превращения нашей страны в современную технологическую державу, – закончилась прямо противоположным результатом: разрушением общественно-политического строя и СССР как государства», – пишет в заключении своей интересной книги М. Ф. Польшов [1, с. 705].

Важное и глубокое исследование М. Ф. Польшова несомненно оставит заметный след в отечественной историографии перестройки. Книга М. Ф. Польшова, основанная на привлечении широкого круга источников, включая отдельные неопубликованные архивные материалы, отличается не только солидной академической манерой изложения, характерной для традиций петербургской исторической школы, но и взвешенными и осторожными выводами, которые не могут не вызвать интересную и содержательную научную дискуссию.

Список источников и литературы

1. *Польшов М. Ф.* СССР: от сталинского восстановления к горбачевской перестройке. Вторая половина 1940-х – первая половина 1980-х гг. СПб., 2021.
2. *Трумэн Г.* Воспоминания: В двух томах. М.: Принципиум, 2021. Т. 2. – 672 с.

Пученков Александр Сергеевич – д. и. н., профессор кафедры новейшей истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, (г. Санкт-Петербург, Россия), ar80@mail.ru

FROM STALIN TO GORBACHEV: THE SOVIET UNION ON THE PATH TO PERESTROIKA. REVIEW OF THE BOOK BY M. F. POLYNOV USSR: FROM STALINIST RECOVERY TO GORBACHEV'S PERESTROIKA. THE SECOND HALF OF THE 1940S – THE FIRST HALF OF THE 1980S

A. S. Puchenkov

The study was prepared with the support of the Russian Science Foundation grant, project No. 25-28-01095, "The image and myth of Boris Yeltsin in the scientific historiography and public consciousness of post-Soviet Russia: Russian discourse and the foreign context", performed at the Russian Christian Humanitarian Academy named after F. M. Dostoevsky.

The review analyzes the monograph by Professor M. F. Polynov "USSR: from Stalinist recovery to Gorbachev's perestroika. The second half of the 1940s – the first half of the 1980s" (St. Petersburg: Aletya, 2021). It is noted that the author succeeded in presenting an original view on the key processes in the development of post-war Soviet society: the geopolitical conditions of the Cold War, the economic development of the USSR, the evolution of the Soviet social and political system, and personnel changes in the top leadership. Special attention is paid to the prerequisites of perestroika, the assessment of the personality and role of M. S. Gorbachev, as well as the nature of the transformations initiated in 1985-1986. It is emphasized that the work is based on a wide range of sources, is distinguished by balanced conclusions, and makes a significant contribution to the historiography of the late Soviet period.

Keywords: history of the USSR, post-war period, Cold War, perestroika, M. S. Gorbachev, Stalinist recovery, Soviet economy, political leadership, historiography, M. F. Polynov

References

1. Polynov M. F. SSSR: ot stalinskogo vosstanovleniya k gorbachevskoj perestrojke. Vtoraya polovina 1940-kh – pervaya polovina 1980-kh gg. [The USSR: From Stalinist Restoration to Gorbachev's Perestroika. Second Half of the 1940s – First Half of the 1980s]. Saint Petersburg, 2021. (In Russ.)
2. Truman G. Vospominaniya: V dvukh tomakh [Memoirs: In Two Volumes]. Moscow: Printsipium, 2021. Vol. 2. – 672 p. (In Russ.)

Puchenkov Alexander Sergeevich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Modern History of Russia, Institute of History of St. Petersburg State University, (St. Petersburg, Russia), ap80@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 12.04.2026; принята к публикации: 06.05.2026.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Пученков А. С. От Сталина до Горбачева: советский союз на пути к перестройке. Рецензия на книгу: Польшов М. Ф. «СССР: от сталинского восстановления к горбачевской перестройке. Вторая половина 1940-х – первая половина 1980-х гг.» // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 2(16). – С. 133-139.

FOR CITATION:

Puchenkov A. S. Stalina do Gorbacheva: sovetskij soyuz na puti k perestrojke. Recenziya na knigu: Polynov M. F. «SSSR: ot stalinskogo vosstanovleniya k gorbachevskoj perestrojke. Vtoraya polovina 1940-h – pervaya polovina 1980-h gg.» [From Stalin to Gorbachev: the Soviet Union on the path to perestroika. Review of the book by M. F. Polynov USSR: from stalinist recovery to gorbachev's perestroika. The second half of the 1940s – the first half of the 1980s] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 133-139.

УДК 93/94

АМЕРИКАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ ТРАГЕДИЮ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: БЕРТРАН ПАТЕНОД «БОЛЬШОЕ ШОУ В СТРАНЕ БОЛЬШЕВИКОВ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АМЕРИКАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПОМОЩИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ ВО ВРЕМЯ ГОЛОДА 1921 ГОДА»¹

А. С. Позднякова

В статье анализируется монография Бертрана Патенода «Большое шоу в стране большевиков» как первое комплексное исследование деятельности Американской администрации помощи (АРА) в период голода 1921-1923 гг. Рассматриваются ключевые сюжеты книги: логистика спасательной миссии, политические мотивы США (использование помощи как инструмента свержения большевиков), повседневность сотрудников АРА, а также сильные стороны и недостатки работы (американоцентричность, игнорирование голода в Украине и Сибири). Делается вывод о значении труда Патенода для изучения советско-американских отношений и гуманитарных катастроф XX века.

Ключевые слова: Бертран Патенод, голод, АРА, Советская Россия, НЭП.

Введение.

Историография Гражданской войны в России за последние годы пополнилась как отечественными, так и зарубежными трудами, демонстрирующими новые подходы и концептуальные сдвиги. Среди российских исследований выделяется фундаментальная работа В. И. Голдина и В. В. Кондрашина «Гражданская война в России. 1917-1922 годы» (т. 12 многотомной «Истории России», 2024), в которой представлен обзор отечественной и зарубежной историографии и охарактеризованы современные теоретические подходы к осмыслению конфликта. Важным вкладом в изучение политической культуры эпохи стала коллективная монография под редакцией Б. И. Колоницкого, К. В. Годунова, А. В. Резника и К. А. Тарасова «Имя раздора: Политическое использование понятия «гражданская война» (1917-1918)» (2025), посвященная анализу языка и символики революционного времени. Отметим и переиздание в 2024 г. монографии В. С. Измозика «Глаза и

уши режима: государственный политический контроль в Советской России, 1917-1928».

Зарубежная историография последних лет отмечена выходом ряда значительных работ. В 2024 г. вышло переиздание монографии Джонатана Смита «The “Russian” Civil Wars, 1916-1926: Ten Years That Shook the World», в которой автор предложил радикальное расширение хронологических и географических рамок, рассматривая Гражданскую войну как серию взаимосвязанных конфликтов, охвативших весь распадающийся имперский пространство вплоть до Центральной Азии. Алистер Райт в монографии «Revolution and Civil War in North Russia: Karelia and the Murmansk Region, 1917-1920» (2025) обратился к малоизученным периферийным регионам, проанализировав специфику установления советской власти на Севере России и роль продовольственного фактора в иностранной интервенции.

В историографии русской революции и Гражданской войны есть сюжеты, которые долгое время оставались в тени. Один из них – деятельность Американской администрации помощи (АРА) в

¹ Патенод Б. Большое шоу в стране большевиков: Деятельность Американской администрации помощи в Советской России во время голода 1921 года. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024. – 928 с., ил. (Эпоха войн и революций; вып. 20).

период голода 1921-1923 годов. Книга американского историка Бертрана Патенода «The Big Show in Bololand» (в русском переводе – «Большое шоу в стране большевиков») стала первым комплексным исследованием этой темы на Западе, а по сути – и в мировой науке в целом. Опубликованная в 2002 году издательством Стэнфордского университета, работа Патенода быстро приобрела статус классической. В 2024 году издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге выпустило долгожданный русский перевод фундаментального труда Бертрана М. Патенода.

Основная часть.

Бертран Патенод – ведущий научный сотрудник Гуверовского института при Стэнфордском университете,² специалист по истории русской революции и советско-американских отношений. Над «Большим шоу в стране большевиков» он работал пятнадцать лет, изучив обширные архивные коллекции АРА, хранящиеся в Гуверовском институте. Результат превзошёл ожидания: вместо сухой академической монографии читатель получает многослойное повествование, сочетающее достоинства детектива, репортажа с места катастрофы и глубокого политического анализа.

Голод 1921-1923 годов в Советской России стал одной из самых страшных гуманитарных катастроф XX века. По разным оценкам, он унёс от пяти до десяти миллионов жизней и угрожал ещё 25-30 миллионам человек. Книга Патенода рассказывает о беспрецедентной по масштабам американской спасательной миссии, возглавленной будущим президентом США Гербертом Гувером. На пике своей деятельности летом 1922 года АРА кормила ежедневно почти 11 миллионов советских граждан в 19 тысячах столовых. Миссия насчитывала около 300 американских организаторов, под

руководством которых работали 120 тысяч местных сотрудников [1, с. 135].

Центральный вопрос, который ставит Б. Патенод: как и почему Соединённые Штаты, только что отказавшиеся признавать советское правительство, вдруг направили в Россию сотни своих граждан с продовольствием на десятки миллионов долларов? Ответ, который даёт автор, парадоксален. Гувер искренне надеялся, что помощь станет орудием свержения большевиков. Патенод пишет: «Однако Гувер и Хьюз сопротивлялись, они не могли вообразить, что власть большевиков окажется продолжительной. Гувер был уверен, что обратное движение маятника неизбежно» [1, с. 99]. Когда АРА находилась внутри России, американское правительство получило «особый инструмент, позволяющий наблюдать за развитием событий и, вероятно, действовать, когда придет время» [1, с. 99]. По мнению автора, Гувер рассуждал, что если Америка накормит голодающих крестьян, те перестанут бояться советской власти и поднимут восстание: «Гувер давно стремился направить спасательную экспедицию вглубь страны, и когда это, наконец, стало возможным, правительство Ленина выглядело настолько уязвимым, что Гуверу показалось бы вполне реалистичным сделать американское присутствие катализатором перехода к постбольшевистской России» [1, с. 220]. Однако вместо ожидаемого краха коммунистического режима американская помощь спасла, по разным оценкам, от пяти до десяти миллионов жизней. Гарольд Фишер подсчитал, что «помощь АРА России составила сумму 61566231,53 доллара США» [1, с. 250].

Автор делит монографию на четыре части. Первая («Голод: поле битвы») построена по хронологическому принципу и описывает главные обстоятельства разразившейся катастрофы и оказания помощи пострадавшим. В этой части рассматриваются проблемы, связанные с конфликтами внутри АРА, доставкой продовольствия, размещением миссии и

² Весной 2026 г. Министерство юстиции Российской Федерации внесло Стэнфордский университет (США) в список организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории России.

оказанием помощи. Патенод описывает эту операцию как логистическое чудо. Сотни тысяч тонн продовольствия пересекали океан, затем двигались по разрушенной железнодорожной сети вглубь России: «В 1921 году в эксплуатации оставалось около 20% довоенного подвижного состава» [1, с. 193]. В пиковый момент деятельности АРА её сотрудники кормили ежедневно около одиннадцати миллионов человек – больше, чем население многих европейских стран того времени.

Вторая часть («Любовь и голод на Волге») представлена историями личных побед и трагедий спасателей и их подопечных. Здесь автор обращается к личным воспоминаниям участников миссии. Патенод отмечает: «Неясно даже, сколько точно сотрудников были досрочно отправлены домой из-за нервных срывов» [1, с. 259]. Глава «Подмостки» содержит тяжёлые свидетельства: голодные дети, отчаявшиеся матери, горы трупов. В этой же части Патенод пишет об эпидемии сыпного тифа и об общем уровне медицины в молодой советской республике, точнее – о её отсутствии. Автор глазами американцев рассказывает о преступности – бандитах на улицах городов: «В 1922 году жертва грабежа в России обычно теряла не пачку обесценившихся денег, а одежду» [1, с. 293]. Далее он замечает: «Американским спасателям надо было следить за тем, чтобы не остаться без штанов» [1, с. 295].

Патенод не избегает и такой сложной темы, которую он выделил в отдельную главу, – «Рассказы о каннибализме». Он справедливо пишет, что «пытаться оценить масштабы явления невозможно, многие случаи были нераскрыты, а свидетельства о ставших известными нередко сильно преувеличивали ситуацию» [1, с. 306]. Добавим, что при изучении практики революционных трибуналов Приуралья (Вятка, Пермь, Екатеринбург) нами было обнаружено лишь одно дело о женщине, имеющей трёх несовершеннолетних детей, кото-

рая, потеряв 9-летнюю дочь, умершую от истощения, решила накормить остальных детей трупом. Власова была признана психически нездоровой и отправлена в лечебницу.

Монография Патенода будет полезна и тем, кто изучает советскую повседневность раннего НЭПа: главы «Антракт», «За кулисами», «Затруднения» описывают то, как сотрудники АРА взаимодействовали с населением, отдыхали, воспринимали советские города, сёла и деревни, ходили в театры, знакомились с русскими женщинами. К концу миссии тридцать американцев нашли советских невест [1, с. 357]. Следует отметить, что автор описывает различные ситуации и человеческие истории крайне деликатно и этично.

Третья часть («Скажи, что это не так, товарищ») исследует политическую конфронтацию между эмиссарами американского капитализма и большевистскими комиссарами. Патенод, опираясь на воспоминания, приходит к выводу, что американцы довольно быстро поняли: реальной силой в любой местности являлись сотрудники ЧК (ОГПУ) [1, с. 402]. В этой части автор описывает сложности взаимоотношений между АРА и местными властями. Так, закрытие подразделения в Оренбурге было связано с чередой личных конфликтов между двумя сторонами [1, с. 435].

В четвёртой части («Мастера эффективности») рассказывается о русско-американском культурном взаимодействии в ходе миссии. Автор отмечает, что русские воспринимали американцев как посланников Бога, дети играли в «американцев» [1, с. 509]. Интересны наблюдения сотрудников миссии о ментальности крестьян: «американским спасателям пришлось приспособливаться к непривычному для них отношению к жизни и поведению, но и им так и не удалось примириться с покорностью смерти» [1, с. 622]. Многими примерами Патенод доказывает свою мысль о том, что

американское присутствие «смягчало худшие эксцессы» в России.

Название книги не случайно. Автор показывает, что участники американской миссии воспринимали свою работу как спектакль – «Big Show». У этого шоу были зрители (американская публика, от пожертвований которой зависело финансирование), режиссёры (Гувер и его штаб в Вашингтоне) и актёры (молодые американцы, развозившие муку и сгущённое молоко по российской глубинке).

Патенод убедительно доказывает: образ голода, который создавался для американцев, был тщательно отретуширован. Да, публиковались шокирующие фото исхудавших детей и трупов на улицах. Но параллельно распространялись и другие кадры – чистые столовые, улыбающиеся крестьянские дети с банками какао, благодарственные надписи в адрес «американского народа». Это была продуманная кампания, призванная показать: ваши деньги идут на доброе дело, большевики не страшны, а Америка – великая гуманитарная держава. Однако Патенод не впадает в цинизм. Он честно признаёт: несмотря на все пропагандистские цели, голодающие действительно получали еду. Это главное противоречие, которое автор анализирует с замечательной тонкостью.

Сильные стороны работы – мощная источниковая база. Патенод не просто цитирует архивы, он «разговаривает» с ними. Дневники рядовых сотрудников АРА, отчёты бухгалтеров, переписка Гувера с Лениным и Чичериным, фотографии, статистические таблицы – всё это складывается в объёмную картину. Особый интерес представляют записи американцев, которые, приехав в Россию убеждёнными антикоммунистами, начинали сомневаться в своей правоте, видя разруху и искреннюю веру простых людей в советскую власть.

Ещё одно достоинство монографии – литературное качество. Патенод – прекрасный рассказчик. Читатель запоминает не только цифры и фамилии, но

и живых людей: например, сотрудника АРА, который устроил в Самаре американский бейсбольный матч для местных мальчишек [1, с. 572], или советского чиновника, требовавшего от американцев отчитываться о каждом фунте муки в присутствии партийного наблюдателя.

Бесспорной заслугой автора является отсутствие идеологической ангажированности. Патенод не клеймит большевиков за то, что они довели страну до голода (хотя и не скрывает роли продразвёрстки и военного коммунизма). Он не изображает американцев как ангелов-спасителей. Автор показывает сложность исторической ситуации, в которой не было «хороших» и «плохих» в чистом виде.

У книги есть и недостатки. Во-первых, это объём. Девятьсот страниц мелким шрифтом – это испытание даже для подготовленного читателя. Патенод, как представляется, не смог заставить себя выбросить ни один из найденных им фактов. Второй недостаток – американоцентричность. Мы видим голод глазами американцев. Российские крестьяне, дети, старики – те, ради кого всё затевалось, – почти не имеют голоса в этой книге. Они существуют как объекты помощи, а не как субъекты со своей волей, страхами и надеждами. Можно заметить и некоторую географическую ограниченность: основное внимание уделено Поволжью и великорусским губерниям. Украина, где голод был не менее страшен, появляется лишь эпизодически. Казахстан, Северный Кавказ, Сибирь почти полностью выпадают из повествования.

Заключение.

«Большое шоу в стране большевиков» будет полезно историкам, изучающим эпоху Гражданской войны и раннего советского периода, а также всем, кто интересуется тем, как на практике выглядит «мягкая сила» и как гуманитарная помощь становится инструментом политики. Книга также полезна тем, кто хочет понять природу российско-американских отношений. Многие сте-

реотипы – с обеих сторон – сформировались именно в 1920-е годы, и автор показывает, как это происходило.

Бертран Патенод написал не просто хорошую книгу. Он создал образцовое историческое исследование, в котором архивная точность сочетается с литературным талантом, а аналитическая

глубина – с человеческим сочувствием к жертвам трагедии. В девятисотстраничной монографии автору удалось вместить множество боли, парадоксов и неудобных вопросов. Однако это именно тот случай, когда объём оправдан содержанием.

Список источников и литературы

1. Патенод Б. Большое шоу в стране большевиков: Деятельность Американской администрации помощи в Советской России во время голода 1921 года. Спб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024. – 928 с., ил. (Эпоха войн и революций; вып. 20).

Позднякова Анастасия Сергеевна – к. и. н., доцент кафедры истории, Российский государственный аграрный университет – Московская сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева, (г. Москва, Россия), pozdnyakova.med@gmail.com

AN AMERICAN VIEW OF THE RUSSIAN TRAGEDY. REVIEW OF THE BOOK: BERTRAN PATENOD, "THE BIG SHOW IN THE BOLSHEVIC COUNTRY: THE AMERICAN ASSISTANCE ADMINISTRATION IN SOVIET RUSSIA DURING THE 1921 FOLLOWS"

A.S. Pozdnyakova

The article analyzes Bertrand Patenaude's monograph "The Great Show in the Land of the Bolsheviks" as the first comprehensive study of the activities of the American Relief Administration (ARA) during the famine of 1921-1923. The key themes of the book are examined: the logistics of the rescue mission, the political motives of the United States (using aid as a tool to overthrow the Bolsheviks), the daily lives of the ARA employees, and the strengths and weaknesses of the organization (American-centrism, ignoring the famine in Ukraine and Siberia). The article concludes that Patenod's work is significant for studying Soviet-American relations and the humanitarian disasters of the 20th century.

Keywords: Bertrand Patenod, famine, ARA, Soviet Russia, NEP.

References

1. Patenaude B. Bol'shoe shou v strane bol'shevikov: Deyatel'nost' Amerikanskoj administracii pomoshchi v Sovetskoj Rossii vo vremya goloda 1921 goda [The Big Show in the Land of the Bolsheviks: Activities of the American Relief Administration in Soviet Russia during the Famine of 1921]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2024. – 928 p., ill. (Ehpkha vojn i revolyucij; iss. 20). (In Russ.)

Pozdnyakova Anastasia Sergeevna – PhD in History, Associate Professor of the Department of History, Russian State Agrarian University – Moscow Agricultural Academy named after K.A. Timiryazev (Moscow, Russia), pozdnyakova.med@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 23.04.2026; принята к публикации: 12.05.2026.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Позднякова А. С. Американский взгляд на русскую трагедию. Рецензия на книгу: Бертран Патенод «Большое шоу в стране большевиков: Деятельность Американской администрации помощи в Советской России во время голода 1921 года» // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 2(16). – С. 140-145.

FOR CITATION:

Pozdnyakova A. S. Amerikanskij vzglyad na russkuyu tragediyu. Recenziya na knigu: Bertran Patenod «Bol'shoe shou v strane bol'shevikov: Deyatel'nost' Amerikanskoj administracii pomoshchi v Sovetskoj Rossii vo vremya goloda 1921 goda» [An American view of the Russian tragedy. Review of the book: Bertran Patenod, "The big show in the Bolshevik country: the American assistance administration in soviet Russia during the 1921 follows"] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 140-145.

ПУБЛИКАЦИИ ПО МАТЕРИАЛАМ КОНФЕРЕНЦИИ «XXVII МЕЖДУНАРОДНЫЙ БАЛТИЙСКИЙ КОММУНИКАЦИОННЫЙ ФОРУМ»

УДК 330.342.24

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОРОДСКОГО УПРАВЛЕНИЯ НА ОСНОВЕ ТЕХНОЛОГИЙ «УМНОГО ГОРОДА» (НА ПРИМЕРЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА)

А. А. Гречко, К. А. Ряполов

Статья представлена научным руководителем – к. э. н., доц. Калимуллиной О. В.

Статья посвящена повышению эффективности городского управления на основе концепции «умного города» (на примере Санкт-Петербурга). Рассматриваются технологические решения: Интернет вещей, большие данные, искусственный интеллект. Анализируются факторы успеха: интеграция данных, межведомственная координация, вовлечение граждан. На примере сервисов Петербурга (платформа контроля раскопок, нейросеть «Городовой»), GigaChat в ЕИРЦ) показано, что цифровизация формирует системную трансформацию управления и повышает качество жизни.

Ключевые слова: умный город, городское управление, эффективность управления, цифровизация, большие данные, искусственный интеллект, качество жизни, цифровая трансформация.

В условиях ускоренной урбанизации и роста требований населения к качеству жизни вопросы повышения эффективности городского управления приобретают особую актуальность. Современные города сталкиваются с возрастающей нагрузкой на инфраструктуру, транспортную систему, жилищно-коммунальное хозяйство и социальные службы. Это требует перехода от традиционных административных подходов к управлению к интегрированным цифровым моделям, способным обеспечивать устойчивое развитие и высокое качество городской среды. Одним из наиболее перспективных направлений в этой сфере является реализация концепции «умного города», предполагающей использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), анализа данных и вовлечения граждан в процессы принятия решений.

Концепция «умного города» основана на идее интеграции цифровых технологий – Интернета вещей (IoT), больших

данных, искусственного интеллекта и цифровых платформ – в систему управления городом. Такая интеграция обеспечивает сбор и обработку информации в режиме реального времени, автоматизацию процессов и повышение прозрачности деятельности органов власти. В результате создаются условия для более рационального использования ресурсов, повышения качества муниципальных услуг и укрепления доверия между жителями и администрацией.

В России данное направление получило системное развитие на государственном уровне. В 2018 году при Министерстве строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации был запущен проект «Умный город», целью которого стало создание эффективной системы управления и комфортной городской среды [3]. Проект направлен на повышение конкурентоспособности российских городов, развитие инфраструктуры и внедрение современных технологий управления. В 2022

году Минстрой РФ утвердил «Стандарт умного города», включающий 18 тематических блоков и 38 показателей оценки, что позволяет унифицировать подходы к цифровизации муниципального управления [4]. Таким образом, внедрение технологий «умного города» становится не просто инновационным направлением, а стратегическим инструментом модернизации городской политики.

Санкт-Петербург выступает одним из лидеров среди российских регионов по внедрению концепции «умного города». Здесь реализуется собственная программа «Умный Санкт-Петербург», предусматривающая комплексное развитие ИКТ-инфраструктуры, интеграцию данных, использование аналитических инструментов и активное участие горожан в принятии управленческих решений. По результатам исследований 2021 года в работе «Концепция "Умного города" в системе цифровизации городского хозяйства Санкт-Петербурга» были определены ключевые цели, приоритеты и инструменты цифровой трансформации городского управления.

В городе активно развиваются цифровые решения в сфере жилищно-коммунального хозяйства, благоустройства и инфраструктуры. Например, создана Единая координационная платформа, охватывающая 94 % работ по раскопкам, что позволяет оптимизировать контроль за подрядными организациями и минимизировать нарушение городской среды. Кроме того, внедрена нейросеть «Городовой», предназначенная для автоматического распознавания нарушений благоустройства и фиксации проблемных зон [2]. Эти системы формируют основу для комплексного подхода к анализу данных и принятию решений на основе объективной информации.

Особое значение имеют решения в области обработки больших данных, автоматизации обращений граждан и развития сервисов «умного ЖКХ». Интеграция с искусственным интеллектом, в частности использование ИИ-моделей, та-

ких как GigaChat в Едином информационно-расчётном центре (ЕИРЦ), способствует повышению скорости и точности обработки запросов [2]. Развиваются и инструменты мониторинга в реальном времени, позволяющие контролировать состояние транспортных потоков, инженерных сетей и коммунальных объектов.

Наряду с технологическими аспектами большое внимание уделяется организационным мерам. В Санкт-Петербурге активно развиваются межведомственная координация и интеграция данных, формируется культура работы с цифровыми инструментами, повышается квалификация специалистов, ответственных за цифровое управление. Важную роль играет взаимодействие с гражданами. Согласно опросу, ВЦИОМ, 44 % россиян хотели бы жить в «умном городе», а 14 % уже считают, что живут в нём [1]. Этот показатель отражает растущую социальную готовность к цифровым изменениям и понимание гражданами преимуществ новых технологий.

В городе формируются также инновационные объединения, направленные на развитие технологической экосистемы. Так, кластер «Санкт-Петербург – кластер чистых технологий для городской среды» объединяет компании, работающие в сферах энергоэффективности, интеллектуальных сетей и цифровых решений для управления городской инфраструктурой. Такие консорциумы способствуют обмену опытом, привлечению инвестиций и ускорению внедрения инноваций.

Опыт Санкт-Петербурга показывает, что внедрение технологий концепции «умного города» действительно способствует повышению эффективности управления городской инфраструктурой и качеству жизни населения. Основными факторами успеха являются интеграция данных, развитие цифровых сервисов, использование аналитических инструментов и активное участие граждан. Вместе с тем, устойчивость этих процессов зависит от уровня организационной зрелости муниципальных структур,

стандартизации подходов и готовности населения к цифровому взаимодействию.

Важно, чтобы внедрение технологий не ограничивалось реализацией отдельных проектов, а формировало системную трансформацию всей модели городского управления. В долгосрочной перспективе Санкт-Петербургу целесообразно продолжать развитие платформенных решений, обеспечивающих

взаимодействие между службами и гражданами, а также масштабировать успешные практики на новые сферы – от экологического мониторинга и энергетики до городской мобильности. В условиях климатических изменений, роста населения и перехода к «зелёной» экономике именно комплексная цифровизация становится залогом устойчивости и конкурентоспособности современного города.

Список источников и литературы

1. Всероссийский телефонный опрос «ВЦИОМ-Спутник» [Электронный ресурс] // tass. URL: <https://tass.com/society/1885719> (дата обращения: 30.10.2025)
2. Елена Б. М., Нелли Н. М. Цифровизация в сфере государственного управления жилищно-коммунальным хозяйством и человеческий фактор [Электронный ресурс] // ideas.repec.org. URL: <https://ideas.repec.org/a/url/upravl/v12y2021i4p92-105.html> (дата обращения: 29.10.2025)
3. Использование цифровых технологий и данных для создания «умных» городов, ориентированных на человека [Электронный ресурс] // itf-oecd.org. URL: <https://www.itf-oecd.org/sites/default/files/docs/data-human-centric-cities-mobility-g20.pdf> (дата обращения: 29.10.2025)
4. Стандарты "Умного города" [Электронный ресурс] // tadviser. URL: https://tadviser.com/index.php/Article:Smart_City_Standards (дата обращения: 30.10.2025)

Гречко Алеся Александровна – студент, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), greckoalesa62@gmail.com

Ряполов Кирилл Андреевич – студент, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), kirjusha0101@gmail.com

Калимуллина Ольга Валерьевна – научный руководитель – к. э. н., доцент, и. о. заведующего кафедрой ЭД, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), kalimullina.ov@sut.ru

IMPROVING THE EFFICIENCY OF URBAN MANAGEMENT BASED ON SMART CITY TECHNOLOGIES (USING THE EXAMPLE OF ST. PETERSBURG)

A. A. Grechko, K. A. Ryapolov

The article is presented by the scientific supervisor, Candidate of Economics, Associate Professor O. V. Kalimullina.

The article is devoted to improving the efficiency of urban management based on the concept of a smart city (using the example of St. Petersburg). Technological solutions are considered: the Internet of Things, big data, artificial intelligence. Success factors are analyzed: data integration, interdepartmental coordination, citizen involvement. Using the example of St. Petersburg's services (excavation control platform, Gorodovoy neural network, and GigaChat in the EIRC), it is shown that digitalization forms a systemic transformation of management and improves the quality of life.

Keywords: smart city, urban management, management efficiency, digitalization, big data, artificial intelligence, quality of life, digital transformation.

References

1. Vserossijskij telefonnyj opros «VCIOM-Sputnik» [All-Russian Telephone Survey "VCIOM-Sputnik"] [Electronic resource] // TASS. – URL: <https://tass.com/society/1885719> (last request: 30.10.2025). (In Russ.)
2. *Mudrova E. B., Muraviova N. N.* Tsifrovizatsiya v sfere gosudarstvennogo upravleniya zhilishchno-kommunal'nym khozyajstvom i chelovecheskij faktor [Digitalization in Public Administration in the Housing and Utility Sector and the Human Factor] [Electronic resource] // Upravlenets. – 2021. – Vol. 12, No. 4. – pp. 92-105. – DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-4-7. – URL: <https://ideas.repec.org/a/url/upravl/v12y2021i4p92-105.html> (last request: 29.10.2025). (In Russ.)
3. Ispol'zovanie tsifrovyykh tekhnologiy i dannykh dlya sozdaniya «umnykh» gorodov, orientirovannykh na cheloveka [Using Digital Technologies and Data to Create Human-Centric Smart Cities] [Electronic resource] // International Transport Forum, OECD. – 2020. – URL: <https://www.itf-oecd.org/sites/default/files/docs/data-human-centric-cities-mobility-g20.pdf> (last request: 29.10.2025). (In Russ.)
4. Standarty "Umnogo goroda" [Smart City Standards] [Electronic resource] // TAdviser. – URL: https://tadviser.com/index.php/Article:Smart_City_Standards (last request: 30.10.2025). (In Russ.)

Grechko Alesya Aleksandrovna – student, The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), greckoalesa62@gmail.com

Ryapolov Kirill Andreevich – student, The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), kir-jusha0101@gmail.com

Kalimullina Olga Valeryevna – **Scientific supervisor** – Candidate of Economics, Associate Professor, Acting Head of the Department of ED, The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), kalimullina.ov@sut.ru

Статья поступила в редакцию: 06.04.2026; принята к публикации: 23.04.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Гречко А. А., Рыполов К. А. Повышение эффективности городского управления на основе технологий «умного города» (на примере Санкт-Петербурга) // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 2(16). – С. 146-149.

FOR CITATION:

Grechko A. A., Ryapolov K. A. Povyshenie effektivnosti gorodskogo upravleniya na osnove tekhnologiy «umnogo goroda» (na primere Sankt-Peterburga) [Improving the efficiency of urban management based on smart city technologies (using the example of St. Petersburg)] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 146-149.

УДК 659.1

ИМИДЖ МАКСА ФЕРСТАППЕНА В СМИ: ПАРАДОКС ГОНЩИКА, КОТОРОГО ЛЮБЯТ ВОПРЕКИ ПРАВИЛАМ

И. Е. Астафьева-Румянцева, Л. И. Набиева

В статье рассматривается формирование и эволюция имиджа четырехкратного чемпиона «Формулы-1» Макса Ферстаппена в средствах массовой информации. На основе теоретического подхода Ирвинга Гофмана об «управлении впечатлением» анализируются ключевые факторы, повлиявшие на восприятие гонщика аудиторией: агрессивный стиль пилотирования, детство в жёстких условиях, эмоциональная прямолинейность в высказываниях, наставническое отношение к новичкам и публичный образ семьянина. Делается вывод, что аутентичность и прямота, вопреки классическим законам маркетинга, оказываются эффективнее идеализированных пиар-стратегий, а успех Ферстаппена основан на подлинности, страсти к делу и многогранности личности, раскрытой через медиа.

Ключевые слова: имидж, Макс Ферстаппен, Формула-1, управление впечатлением, СМИ, аутентичность, медиаобраз, гоночная карьера, психологическое воздействие, эволюция имиджа.

Имидж – это преднамеренно или бессознательно создаваемое впечатление о личности, социальной или экономической структуре. Он формируется не только на основе восприятия внешнего вида, речи и манеры поведения, но и грамотного пиара и освещения в медиасреде. Ирвинг Гофман утверждал, что имидж – это искусство «управлять впечатлением» [1].

Сегодня имидж, по большей части формируется посредством медиасреды. Медиа играют ключевую роль в развитии публичного капитала гонщиков «Формулы-1», позволяя им монетизировать личный бренд, привлекать спонсоров и расширять аудиторию. Социальные сети стали важным активом современного гонщика, но, с другой стороны, они превращают жизнь спортсмена в непрерывный перформанс, где даже подготовка к заезду или семейный ужин могут стать контентом. Сегодня элитные спортсмены вынуждены осваивать искусство «аутентичной презентации себя» — балансировать между ролью победителя и показом «реального» человека, который стоит за славой. Открытость парадоксальным образом усиливает доверие аудитории и превращает спортив-

ный успех в часть более масштабного нарратива о преодолении, характере и человечности.

Макс Ферстаппен – действующий четырехкратный пилот «Формулы-1». Его имидж прошел сложную эволюцию – от восприятия его как прирожденного, но агрессивного гонщика, до многократного чемпиона, чья прямолинейность стала признаком высочайшего профессионализма и аутентичности. Его любят, его ненавидят, но никто не остается равнодушным и в СМИ постоянно фигурирует его имя. Рассмотрим кейсы, которые помогли пилоту стать лицом «Формулы-1»:

1. Агрессия на трассе. Макс дебютировал в 17 лет, став самым молодым гонщиком в истории «Формулы-1». Ради него ФИА сделали исключение в регламенте, что сильно не понравилось другим пилотам, на равных его не воспринимали. С самого начала Макс заработал репутацию очень жесткого и рискованного гонщика. Его манера езды «на грани» часто вызывала споры и инциденты на трассе, что, по мнению некоторых коллег, создавало неоправданный риск.

Однако СМИ освещали иную сторону его карьеры. В сети у него был образ

«вундеркинда», подчеркивался невероятный талант и молодость. Общественное мнение, как это часто бывает, разделилось. Одни видели в нем долгожданного нового героя, который не боится бросать вызов устоям. Других раздражали его самоуверенность и агрессия, которую они считали неоправданной. Так, у пилота появилось прозвище «Безумный Макс». Именно за агрессивность на трассе его и полюбили миллионы, что закрепило в его имидже и образе.

Один из примеров «безумства» Макса и реакция общественности. Второй год в медиа освещают ситуацию, которая произошла 1 июня 2025 года на трассе Испании между Максом Ферстаппеном и Джорджем Расселом. В середине гонки, Макс, недовольный решением судей за инцидент с Джорджем, вышел из себя и на высокой скорости въехал в болид соперника, чем вызвал незамедлительную реакцию со стороны СМИ и других пилотов. Одни говорят, что «Безумный Макс» наконец-то вернулся и именно таким должен быть настоящий чемпион – не бояться идти на риск и отстаивать свою позицию. Однако другая половина пришла в недоумение от этого поступка и осудили Ферстаппена, сказав, что это неспортивное поведение и за такое нужно дисквалифицировать, ведь он из-за своих предубеждений подверг риску других гонщиков. Нико Росберг, бывший пилот «Формулы-1» и чемпион мира дал комментарий в эфире Sky Sports: «Это выглядело как намеренная месть. Дождался соперника, врезался в него. Так же, как, по его мнению, он врезался в тебя в первом повороте. Это абсолютно неприемлемо, и я считаю, что по правилам тут должен быть чёрный флаг. Если ты ожидаешь соперника, чтобы врезаться в него, это чёрный флаг».

Несмотря на критику поступка Макса, он все также остался в глазах поклонников и СМИ сильным и решительным пилотом. Данная ситуация негативно повлияла на его репутацию, но не

испортила её, более того, о ней быстро забыли. Благодаря упорству и таланту пилота, а также грамотному построению имиджа, даже после таких ситуаций Макс остается сильнейшим пилотом в глазах общественности и других пилотов. Из обычного «высочки» и «золотого мальчика», он стал четырехкратным чемпионом мира и завоевал себе место в истории автоспорта. Его приравнивают к таким легендам автоспорта как: Михаэль Шумахер, Айртон Сenna и Ники Лауда.

Макс родился в гоночной среде. Его отец – бывший пилот «Формулы-1», Йос Ферстаппен, а мать – талантливая гонщица, которая сразу выиграла несколько картинговых турниров. В 2016 году мир гонок потрясла новость о применении Йоса физической силы в адрес своего сына. Макс рос в жестоких условиях, его отец заставлял сына тренироваться до тех пор, пока мальчик не будет валяться с ног. После неудачной гонки, он оставил его на заправке, заставив одного пешком добираться домой в качестве «воспитательных мер». После неудачных заездов пилот боялся снимать шлем, чтобы отец не видел его слез. Эта откровенность открыла чемпиона совершенно с другой стороны. Если раньше его считали холодным и расчетливым пилотом, который готов идти на риск ради победы и не заботится о последствиях и здоровье других гонщиков, то теперь мир увидел, кто именно сделал его таким и какими методами. Макс стал в глазах общественности парнем, который боялся своего отца и одновременно с этим, обожал мир автоспорта. В совокупности, все эти детали сделали Ферстаппена – чемпионом, с тяжелой судьбой и добрым сердцем. Несмотря на воспитание, Макс сумел сохранить в себе человечность, на трассе он – пилот, готовый на все, ради победы. А в жизни – добрый парень, которого всю жизнь наказывали и заставляли до боли в мышцах тренироваться. Именно эти подробности, и в первую очередь, честность, укрепили имидж

Макса Ферстаппена и помогли болельщикам полюбить его ещё больше.

Макс Ферстаппен всегда славился своими высказываниями. В то время как другие пилоты выстраивают исключительно положительный имидж и образ «хороших» парней, Макс не притворяется и предпочитает быть настоящим. Его высказывания на интервью, по радио в прямых эфирах во время гонки и критика как ФИА, так и собственной команды, стали – визитной карточкой.

Яркий пример прямолинейности – его острая реакция на коррективы ФИА на Гран-При Сингапура. Руководство пыталось обязать всех пилотов использовать охлаждающие жилеты в гонке. Макс публично назвал такое решение «нелепым», заявив: «Я совершенно не согласен с этим... Речь идёт о нашей собственной безопасности... Я не думаю, что они должны навязывать нам это» [2]. Подобные высказывания только подкрепляют его имидж независимого и принципиального человека, который до последнего готов отстаивать свою точку зрения, к которой стали прислушиваться и другие гонщики.

Публичная стратегия Ферстаппена и его команды строится не на «выкручивании» скандалов, а на управлении и подчеркивании его аутентичности. Команда не пытается сглаживать его резкие высказывания. Напротив, они становятся частью его бренда — бескомпромиссного гонщика, который говорит то, что думает.

В начале своей карьеры Макс имел много проблем с коллегами по цеху. Зачастую к нему относились предвзято и даже не любили за его талант, считая его выскочкой и золотым ребенком империи Red Bull Racing. Из-за скандалов, агрессивной езды, драк и оскорблений других пилотов паддока – возникало много проблем как на трассе, так и вне «Формулы-1». Однако, несмотря на суровый имидж на трассе, проблемы в юном возрасте и предвзятость со стороны коллег, Макс Ферстаппен стал своего рода

наставником для молодых гонщиков, давая им взвешенные и мудрые советы. Он призывает их не заикливаться исключительно на «Формуле-1»: «Я всегда советую оставаться открытым для других вариантов на случай, если не получится с «Ф-1», ведь не всем выпадает такая возможность – хотя ты можешь быть довольно хорошим гонщиком» [3].

«У меня особенно хорошие отношения с Бортолето. Мы провели несколько виртуальных гонок в одной команде. Я также немного помогал ему в «Формуле-3» и «Формуле-2». Габриэль – обычный человек». Именно так отозвался Макс о новичке Габриэле Бортолето в недавнем интервью. Пилот является хорошим другом новичка и неоднократно высказывался о его потенциале в сети. Макс является неофициальным наставником Габриэля. В СМИ также часто подмечают, что Ферстаппен тепло относится к Бортолето и является его старшим братом в мире гонок, к которому всегда можно обратиться за советом и просто хорошо провести время [4].

В сентябре прошлого года на одном из Гран-При новичок Кими Антонелли, переоценив себя, спровоцировал столкновение с Максом на трассе из-за чего чемпиону пришлось досрочно завершить гонку. Молодой пилот мог ожидать острой реакции со стороны коллеги, однако Ферстаппен поддержал Кими и даже похвалил за агрессивную езду и попытки обгона. Антонелли не раз говорил о том, что искренне благодарен чемпиону за поддержку, советы и веру в него. В СМИ Макса прозвали «Отцом» и похвалили за поддержку молодого поколения. Общественность, в свою очередь, в очередной раз убедилась, что Ферстаппен «безумен» лишь на трассе, а за её пределами является глубоко эмпатичным и мудрым человеком.

Личная жизнь Ферстаппена часто освещается в СМИ и является поводом для обсуждений. Много лет он состоит в отношениях с Келли Пике и воспитывает её дочь от первого брака. Взаимоот-

ношения Макса и падчерицы вызывает бурю обсуждений и умиления в сети. Сам он неоднократно называл себя «бонусным» папой. В мае 2025 года у четырехкратного чемпиона родилась дочь, это событие перевернуло его взгляды на жизнь. Он открыто заявлял: «Изменились ли мои приоритеты? Да, они изменились. Приходишь домой, а там кто-то новый, новый член семьи. Это невероятно красиво». Пилот также подчеркивал, что отцовство помогло ему многое осознать, что сделало его более спокойным и рассудительным.

Несмотря на то, что Макс почти всё свое время посвящает гоночной деятельности (помимо «Формулы-1», он выступает в серии GT3, сим-рейсинге, планирует выступить в 24 часах Ле-Мана, а также имеет свою собственную гоночную команду Verstappen.com Racing), с рождением дочери все чаще в интервью можно услышать то, что он хочет больше времени уделять своей семье. В январе 2026 года чемпион сказал о том, что для него «нет ничего важнее и дороже семьи и детей». Такую фразу общественность услышала от Макса в 2026 году. В интервью он сравнивал свой гоночный путь с Михаэлем Шумахером и отмечая, что «у меня нет цели завоевать семь чемпионских титулов» [5]. Раньше Ферстаппена считали человеком, помешанным на гонках и всем, что с этим связано. Однако его мнение изменилось с появлением в его жизни падчерицы, а зачем и родной

дочери. Сейчас чемпион все также рискует, выкладывается на трек на все 100, но теперь у него в приоритете – семья. И если будет нужно, он готов уйти из «Формулы-1» ради неё.

Таким образом, отцовство позволило Максиму Ферстаппену показать публике свою многогранность, добавив к имиджу «безумного» чемпиона черты зрелого и любящего человека. Эти изменения откликнулись в сердцах миллионов по всему миру, за что Макса полюбили не только на трассе, но и за её пределами.

Имидж Макса Ферстаппена – это не просто статичная красивая картинка, а живой, меняющийся процесс. От «вундеркинда-высочки» и «агрессивного гонщика» он прошел путь до «мудрого чемпиона», который позволяет себе проявлять иронию и показывать себя настоящего, оставаясь не только легендой гонок, но и хорошим человеком. Его история доказывает, что в XXI веке, вопреки всем законам маркетинга, аутентичность и прямота могут быть успешнее любой, даже самой продуманной, пиар-стратегии. Миллионы любят его не за идеальность, а за подлинность, за неприкрытую страсть к своему делу и за напоминание о том, что настоящая слава рождается не в соцсетях и СМИ, а там, где человек делает то, что предназначено ему судьбой, – на гоночной трассе, где он является бесспорным королем.

Список источников и литературы

1. Имидж – это искусство управлять впечатлением [Электронный ресурс] // Информационная группа «LiveInternet». 2013. URL: <https://www.liveinternet.ru/users/4254506/post256171514/> (дата обращения: 09.10.2025).
2. Макс Ферстаппен: «Стараюсь убедить молодых пилотов не заикливаться на «Ф-1» [Электронный ресурс] // Информационная группа «Спортс». 2025. URL: <https://www.sports.ru/automoto/1116924661-maks-ferstappen-starayus-ubedit-molodyx-pilotov-ne-zaciklivatsya-na-f.html> (дата обращения: 09.10.2025).
3. Нелепо. Ферстаппен раскритиковал ФИА за охлаждающие жилеты [Электронный ресурс] // Информационная группа «Championat». 2025. URL: <https://www.championat.com/auto/news-6188042-nelepo-ferstappen-raskritikoval-fia-za-ohlazhdayushchie-zhiletty.html/> (дата обращения: 09.10.2025).

4. Макс Ферстаппен: Для меня семья и дети важнее титулов [Электронный ресурс] // Информационная группа «f1news». 2025. URL: https://www.f1news.ru/interview/max_verstappen/186597.shtml (дата обращения: 09.10.2025).

5. Макс Ферстаппен: «Для меня нет ничего важнее семьи и детей» [Электронный ресурс] // Информационная группа «f1report». 2025. URL: <https://f1report.ru/news/f1-92530.html> (дата обращения: 09.10.2025).

Астафьева-Румянцева Ирина Евгеньевна – к. филос. н., доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), rina.astafjewa@ya.ru

Набиева Лейсан Ильясовна – студентка 3-го курса по направлению «Реклама и связи с общественностью», Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), leysan200514@gmail.com

MAX VERSTAPPEN'S IMAGE IN THE MEDIA: THE PARADOX OF A RACER WHO IS LOVED AGAINST THE RULES

I. E. Astafieva-Rumyantseva, L. I. Nabieva

The article examines the formation and evolution of the image of four-time «Formula-1» champion Max Verstappen in the media. Based on Irving Hoffman's theoretical approach to «impression management», the key factors that influenced the perception of a racer by the audience are analyzed: aggressive piloting style, childhood in harsh conditions, emotional directness in statements, mentoring newcomers and the public image of a family man. It is concluded that authenticity and directness, contrary to the classical laws of marketing, are more effective than idealized PR strategies, and Verstappen's success is based on authenticity, passion for business and the versatility of personality revealed through the media.

Keywords: image, Max Verstappen, Formula-1, impression management, media, authenticity, media image, racing career, psychological impact, image evolution.

References

1. Imidzh – ehto iskusstvo upravlyat' vpechatleniem [Image is the Art of Managing Impressions] [Electronic resource] // Informatsionnaya gruppya «LiveInternet» [Information Group "LiveInternet"]. 2013. – URL: <https://www.liveinternet.ru/users/4254506/post256171514/> (last request: 09.10.2025). (In Russ.)

2. Maks Ferstappen: «Starayus' ubedit' molodykh pilotov ne zatsiklivat'sya na «F-1» [Max Verstappen: "I Try to Convince Young Drivers Not to Become Obsessed with F-1"] [Electronic resource] // Informatsionnaya gruppya «Sports» [Information Group "Sports"]. 2025. – URL: <https://www.sports.ru/automoto/1116924661-maks-ferstappen-starayus-ubedit-molodyx-pilotov-ne-zacziklivatsya-na-f.html> (last request: 09.10.2025). (In Russ.)

3. Nelepo. Ferstappen raskritikoval FIA za okhlazhdayushchie zhilet'y [Absurd. Verstappen Criticized the FIA for Cooling Vests] [Electronic resource] // Informatsionnaya gruppya «Championat» [Information Group "Championat"]. 2025. – URL: <https://www.championat.com/auto/news-6188042-nelepo-ferstappen-raskritikoval-fia-za-okhlazhdayushchie-zhilet'y.html/> (last request: 09.10.2025). (In Russ.)

4. Maks Ferstappen: Dlya menya sem'ya i deti vazhnee titulov [Max Verstappen: For Me, Family and Children are More Important than Titles] [Electronic resource] // Informatsionnaya gruppya «f1news» [Information Group "f1news"]. 2025. – URL: https://www.f1news.ru/interview/max_verstappen/186597.shtml (last request: 09.10.2025). (In Russ.)

5. Maks Ferstappen: «Dlya menya net nichego vazhnee sem'i i detej» [Max Verstappen: "There is Nothing More Important to Me than Family and Children"] [Electronic resource] //

Informatsionnaya gruppya «f1report» [Information Group "f1report"]. 2025. – URL: <https://f1report.ru/news/f1-92530.html> (last request: 09.10.2025). (In Russ.)

Astafieva-Rumyantseva Irina Evgenievna –Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Political Sciences, The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), rina.astafjewa@ya.ru

Nabieva Leisan Pyasovna – 3rd-year student in the field of Advertising and Public Relations, The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), leysan200514@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 08.04.2026; принята к публикации: 20.04.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Астафьева-Румянцева И. Е., Набиева Л. И. Имидж Макса Ферстаппена в СМИ: парадокс гонщика, которого любят вопреки правилам // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 2(16). – С. 150-155.

FOR CITATION:

Astafieva-Rumyantseva I. E., Nabieva L. I. Imidzh Maksa Ferstappena v SMI: paradoks gonshchika, kotorogo lyubyat vopreki pravilam [Max Verstappen's image in the media: the paradox of a racer who is loved against the rules] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 150-155.

РАЗВИТИЕ ПЕРЕГОВОРНОГО ПРОЦЕССА РОССИИ И КИТАЯ В ОТНОШЕНИИ ГАЗОПРОВОДА «СИЛА СИБИРИ – 2»

А. Г. Кузнецова

Статья представлена научным руководителем – к. и. н., доц. Гехтом А. Б.

В статье рассматриваются ход и перспективы переговорного процесса России и Китая в отношении газопровода «Сила Сибири – 2», обсуждаются политико-экономические факторы, влияющие на реализацию проекта, включая позицию Монголии и альтернативный маршрут через Казахстан. Рассматривается роль ПАО «Газпром» как основного оператора и инвестора, а также ключевых российских подрядчиков. Приводятся актуальные параметры маршрута, договорённости, закреплённые меморандумом 2025 года, и прогнозируемые объёмы экспорта газа.

Ключевые слова: «Сила Сибири – 2», Россия, Китай, Монголия, экспорт газа, Газпром, энергетическая безопасность, переговорный процесс, диверсификация поставок, газотранспортная инфраструктура.

«Сила Сибири – 2» представляет собой второй проект разработки магистрального газопровода, предназначенного для транспортировки природного газа из месторождений Сибири в Синьцзян-Уйгурский автономный район на западе Китая. В отличие от первого проекта «Сила Сибири – 1», трасса которого пролегает по территориям Иркутской области, Республики Саха (Якутия) и Амурской области, вторая магистраль предполагает диверсификацию экспортных поставок углеводородов для России, уменьшение зависимости от стран Евросоюза; увеличение экспорта газа и наращивание доходов бюджета России; улучшение энергетической безопасности Китая, в том числе за счёт сдерживания зависимости от далёких СПГ-поставщиков; газификация многих российских регионов – Томской, Кемеровской, Иркутской областей, Бурятии, Забайкалья и Красноярского края; развитие газовой инфраструктуры на Востоке России и соединение её с ЕСГ страны; закрепление «азиатского вектора» российской экспортной стратегии и усиление роли Китая как ценового арбитра в Евразии.

Официальное проектирование газопровода «Сила Сибири – 2» началось в 2020 году. Согласно заявлениям Алек-

сея Миллера, председателя правления ПАО «Газпрома», вопрос о строительстве второго магистрального газопровода обсуждался задолго до начала эксплуатации «Силы Сибири – 1», что свидетельствует о стратегическом интересе к расширению экспортных мощностей [3]. В 2023 году между РФ и КНР было достигнуто соглашение о поставках природного газа по «дальневосточному» маршруту, однако процесс переговоров затянулся из-за различных политико-экономических факторов. В мае 2024 года было объявлено об активных обсуждениях технических и финансовых аспектов проекта, а в августе Монголия выразила противодействие осуществлению «Силы Сибири – 2» до 2028 года из-за экономических рисков и возможных проблем с транзитом топлива через территорию страны, что создало дополнительные сложности для его реализации. В ноябре того же года был рассмотрен альтернативный вариант – строительство газопровода через Казахстан, предложенный вице-премьером РФ Александром Новаком [2]. Однако в начале 2025 года посол КНР отверг данную инициативу, указывая на наличие ещё более сложных технических и политических

препятствий, что существенно осложнило перспективы реализации проекта.

На текущий момент установлен актуальный маршрут газопровода, который начинается на Ямале и предусматривает прохождение через Западную Сибирь, Красноярский край, Иркутскую область и Монголию, с последующим выходом в Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая. Согласно юридически обязывающему меморандуму о строительстве газопровода, подписанному 2 сентября 2025 года между российской компанией ПАО «Газпром», Монголией и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией (CNPC), предполагается возможность соединения «Силы Сибири – 2» с трубопроводом «Союз Восток», что обеспечит дальнейшее транспортирование газа в город Шанхай. Общая протяженность газопровода составляет около 6,7 тысяч километров, из которых примерно 2,7 тысячи километров проходят по территории России, а около 960 километров – по территории Монголии. Российская сторона будет играть ведущую роль в строительстве и управлении газопроводом, при этом основным оператором и инвестором выступает ПАО «Газпром». В его обязанности входит координация всех этапов проекта, включая проектирование, финансирование, строительство и эксплуатацию газопровода на территории Российской Федерации. В реализации проекта задействованы дочерние структуры «Газпрома», такие как «Газпромстрой» и другие, отвечающие за строительные работы. Среди российских подрядчиков выделяются компании, такие как «Стройтрансгаз» (входит в группу «Стройгазмонтаж» Аркадия Ротенберга), которая является одним из ключевых исполнителей по строительству магистральных газопроводов, а также российские производители труб, такие как Объединенная металлургическая компания (ОМК) и Челябинский трубопрокатный завод (ЧТПЗ). В то же время часть труб может закупаться у китайских производителей.

Создание газопровода, в сочетании с существующими и планируемыми маршрутами, позволит России экспортировать в Китай до 98 млрд. кубометров газа в год, когда еще 1 декабря 2024 года «Газпром» вывел «Силу Сибири – 1» в Китай на максимальную проектную мощность в 38 млрд. кубометров газа в год, а за девять месяцев 2025 года – нарастил поставки более чем на 27% [1]. Несмотря на то, что данный проект не способен полностью заменить европейский рынок, на котором Россия ранее поставляла до 155 млрд. кубометров газа ежегодно, реализация проекта «Сила Сибири – 2» может компенсировать почти половину сокращения экспорта российского трубопроводного газа в Европейский союз в период с 2021 по 2023 год. Независимый эксперт по международным отношениям из Азербайджана Юнис Шарифли писал: «Хотя потенциальная выручка от реализации проекта «Сила Сибири – 2» не достигает уровня 20–30 миллиардов долларов в год, характерных для экспорта газа в Европу, оценки свидетельствуют о возможных доходах в диапазоне от 2,5 до 4,3 миллиарда долларов ежегодно. Помимо прямых экономических выгод, связанных с экспортом газа, реализация газопровода будет способствовать стимулированию спроса на российскую сталь и услуги субподрядных организаций, а также ускорит экономический рост на Дальнем Востоке России. Эти аспекты соответствуют стратегическим приоритетам Москвы по развитию региона и диверсификации экономической деятельности» [4].

Проект «Сила Сибири – 2» обладает потенциалом кардинально изменить мировой газовый и экономический ландшафт, поскольку сможет устранить энергетический рычаг, которым ранее обладали США в отношении Китая. В результате реализации данного проекта США утратят значительную часть своего влияния на энергетическом рынке Китая, в то время как Европа останется зависимой от дорогостоящего американ-

ского сжиженного природного газа. Для России проект представляет важный источник доходов, способствующий укреплению национального дохода, а для Китая – обеспечение стабильной поставки газа, что станет важной опорой для его экономического роста и развития.

Список источников и литературы

1. «Газпром» обновил рекорд суточных поставок в Китай по "Силе Сибири" [Электронный ресурс] // ТАСС. – 2025. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/25379483> (дата обращения: 08.10.2025).
2. Газопровод «Сила Сибири – 2» из России в Китай: когда запустят, какой будет маршрут, как смогли договориться [Электронный ресурс] // Газета.Ру. – 2025. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2025/09/02/21630236.shtml> (дата обращения: 21.10.2025).
3. Миллер: цена газа по газопроводу «Сила Сибири-2» для Китая будет ниже, чем для стран Европы [Электронный ресурс] // РБК. – 2024. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/68b6af069a794765c6ec69a3> (дата обращения: 16.10.2025).
4. Power of Siberia 2: A Pipeline Between Ambition and Uncertainty [Electronic resource] // TRENDS Research & Advisory. – 2024. – URL: <https://trendsresearch.org/insight/power-of-siberia-2-a-pipeline-between-ambition-and-uncertainty/> (last request: 22.10.2025).

Кузнецова Анна Геннадьевна – студентка второго курса группы ЗР-42, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), annakuznetsova456@yandex.ru

Гехт Антон Борисович – научный руководитель – к. и. н., доцент, заведующий кафедрой Истории и регионоведения, заместитель декана факультета СТЭД по научной работе, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), a.geht@yandex.ru

DEVELOPMENT OF THE NEGOTIATION PROCESS BETWEEN RUSSIA AND CHINA REGARDING THE «POWER OF SIBERIA – 2» GAS PIPELINE

A. G. Kuznetsova

The article is presented by the scientific supervisor – Candidate of Historical Sciences, Associate professor. Gekht A. B.

The article examines the course and prospects of the negotiation process between Russia and China regarding the Power of Siberia-2 gas pipeline, discussing the political and economic factors affecting the implementation of the project, including Mongolia's position and the alternative route through Kazakhstan. It considers the role of PJSC Gazprom as the main operator and investor, as well as key Russian contractors. The current parameters of the route, agreements formalized in the 2025 memorandum, and projected volumes of gas exports are provided.

Keywords: «Power of Siberia – 2», Russia, China, Mongolia, gas export, Gazprom, energy security, negotiation process, supply diversification, gas transmission infrastructure.

References

1. «Gazprom» obnovil rekord sutochnykh postavok v Kitaj po "Sile Sibiri" [Gazprom Renewed Record for Daily Supplies to China via the "Power of Siberia"] [Electronic resource] // TASS. – 2025. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/25379483> (last request: 08.10.2025). (In Russ.)
2. Gazoprovod «Sila Sibiri – 2» iz Rossii v Kitaj: kogda zapustyat, kakoj budet marshrut, kak smogli dogovorit'sya [The "Power of Siberia – 2" Gas Pipeline from Russia to China: When Will It Be Launched, What Will Be the Route, How They Managed to Reach an Agreement] [Electronic resource] // Gazeta.Ru. – 2025. – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2025/09/02/21630236.shtml> (last request: 21.10.2025). (In Russ.)

3. Miller: cena gaza po gazoprovodu «Sila Sibiri-2» dlya Kitaya budet nizhe, chem dlya stran Evropy [Miller: The Gas Price via the Power of Siberia-2 Pipeline for China Will Be Lower than for European Countries] [Electronic resource] // RBK. – 2024. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/68b6af069a794765c6ec69a3> (last request: 16.10.2025). (In Russ.)

4. Power of Siberia 2: A Pipeline Between Ambition and Uncertainty [Electronic resource] // TRENDS Research & Advisory. – 2024. – URL: <https://trendsresearch.org/insight/power-of-siberia-2-a-pipeline-between-ambition-and-uncertainty/> (last request: 22.10.2025).

Kuznetsova Anna Gennadyevna – second-year student of group ZR-42, The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), annakuznetsova456@yandex.ru

Geht Anton Borisovich – scientific supervisor – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Regional Studies, Deputy Dean of the STED Faculty for Research, The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), a.geht@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 04.04.2026; принята к публикации: 28.04.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Кузнецова А. Г. Развитие переговорного процесса России и Китая в отношении газопровода «Сила Сибири – 2» // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 2(16). – С. 156-159.

FOR CITATION:

Kuznetsova A. G. Razvitie peregovornogo processa Rossii i Kitaya v otnoshenii gazoprovoda «Sila Sibiri – 2» [Development of the negotiation process between Russia and China regarding the «Power of Siberia – 2» gas pipeline] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 156-159.

УДК 303.717 + 004.93

СРАВНЕНИЕ АЛГОРИТМОВ КЛАСТЕРИЗАЦИИ K-MODES И CLOPE (НА ПРИМЕРЕ ДАННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА)

П. И. Червоткина

Статья представлена научным руководителем – д. соц. н., доц. Малининой Т. Б.

В статье проводится сравнительный анализ двух алгоритмов кластеризации категориальных данных – K-modes и CLOPE – на примере данных социологического опроса ВЦИОМ по теме кибербезопасности (выборка 1561 респондент после предварительной обработки). Рассматриваются особенности применения каждого метода к бинарным переменным, отражающим практики обеспечения безопасности в интернете, управление паролями и осведомленность о государственных механизмах защиты персональных данных. Показано, что K-modes демонстрирует более высокую интерпретируемость результатов и значение силуэтной метрики (0,35 против 0,2895 у CLOPE), что делает его предпочтительным для выявления основных тенденций. CLOPE, в свою очередь, позволяет формировать более компактные и внутренне однородные кластеры, выявляя редкие и специфические группы респондентов.

Ключевые слова: кластеризация категориальных данных, алгоритмы K-modes и CLOPE, машинное обучение, метрика силуэта.

Введение.

Кластеризация как метод анализа особенно востребована в социологии, поскольку не требует разметки данных и способна работать с категориальными переменными, зачастую преобладающими в опросах. Алгоритмы кластеризации можно разделить на основании основных идей определения близости точек данных:

1. На основе центроида
2. На основе плотности
3. На основе распределения или модели
4. На основе иерархии
5. На основе сетки [5, с. 71]

К известным алгоритмам кластеризации относятся: K-modes и CLOPE (на основе центроида), ROCK и метод Уорда (иерархические).

Алгоритм K-modes – это обобщение K-means для категориальных данных. Он использует метрику Хэмминга для определения расстояния до центров кластеров, которые представляют собой наиболее часто встречающиеся значения характеристик объектов в кластере.

Алгоритм CLOPE (Clustering with sLOPE), предложенный в 2002 Y. Yang,

X. Guan, и J. You считается эффективным для больших наборов категориальных данных [6]. Коэффициент r (отталкивания) позволяет определить итоговое число кластеров. Чем больше r , тем ниже уровень сходства и тем больше кластеров будет создано.

Основная часть.

Предварительная обработка данных
Для сравнения алгоритмов используется массив данных от ВЦИОМ по теме кибербезопасности [1]. Выбор данных обоснован актуальностью темы цифровизации и рисков, связанных вместе с ней.

Наблюдения, где респонденты затруднились ответить хотя бы в одном из вопросов, были исключены в переменных EDU, S2, DONOD, FO, TIP, tq1, tq2_1-16, tq4_1-10, tq5. В переменных tq6, tq7_1-3, tq8_1-6, tq9 значения «затрудняюсь ответить» были оставлены, так как доля таких ответов составила чуть больше 8% для переменных tq8_1-6, около 6% для остальных. Предполагается, что такие ответы могут отражать недостаточную осведомленность респондентов в вопросах кибербезопасности и представляют ценность для анализа.

Так как переменные tq2_1-16, tq4_1-10, tq8_1-6 представляют собой множественные ответы, то каждое значение было перекодировано в бинарные переменные.

Объем выборки составил 1561.

Наиболее удобными для кластеризации оказались бинарные переменные. Для оценки связи бинарных признаков использовался критерий хи-квадрат с коэффициентом Крамера. Из анализа исключены переменные с сильной взаимосвязью (коэффициент Крамера > 0.2) и низкой долей положительных ответов (< 14%), что свидетельствует об их недостаточной вариативности для кластеризации. Таким образом, оставлены переменные с ответами о практиках обеспечения безопасности в интернете, управления паролями: «Не пересылаю пароли по электронной почте и в личных сообщениях в социальных сетях» (ans_11), «Использую программы-антивирусы» (ans_1), «Не храню информацию о банковской карте – CVC и ПИН код карты в компьютере» (ans_10) «Иногда повторяю пароли, но для важных сервисов стараюсь использовать разные» (par_4), «Никогда не захожу в свои аккаунты через

чужие устройства» (par_7), «Использую двухфакторную аутентификацию (не только пароль, но и второй код, например, из СМС)» (par_2). Также включена переменная об осведомленности о способах государственной защиты персональных данных при финансовых операциях: «Персональная электронная подпись» (gos_2). Доля распределений положительных ответов идет от 14% до 44%.

Сравнение алгоритмов CLOPE, K-modes.

Инициализация K-modes шла с фиксированными значениями и инициализацией центроидов Huang, n_init=10, random_state = 42. Для сравнения алгоритмов использовался такой набор признаков – ans_11, ans_1, ans_10, par_4, par_7, par_2, gos_2, SEX. Оптимальными были выбраны 5 кластеров с самым высоким значением метрики силуэта (0.35). Метрика рассчитывалась на основе метрики Хэмминга и показывала хорошую разделяемость кластеров.

Кластеризация CLOPE была оценена по различным значениям r (отталкивания), наилучший результат был достигнут при значении r = 4.5. Подробное сравнение алгоритмов указано в табл. 1.

Таблица 1.
Метрики качества кластеризации k-modes и CLOPE

	k-modes	CLOPE			
	5 кластеров	R = 3 (10 кластеров)	R = 3.5 (9 кластеров)	R = 4 (9 кластеров)	R = 4.5 (10 кластеров)
Метрика силуэта	0.35	0.2411	0.2706	0.2832	0.2895
Cost	1581.0	341.96	360.69	335.76	322.43

Можно увидеть, что K-modes демонстрирует более высокое качество кластеризации по силуэтной метрике (0.35 против максимальных 0.2895 у CLOPE), что свидетельствует о лучшей разделимости кластеров и их содержательной интерпретируемости для социологических данных. Однако CLOPE при значении r = 4.5 показывает наименьшую сумму расстояний точек до центров

их кластеров (322.43), формируя более компактные и внутренне однородные группы респондентов. Важно отметить, что полученные значения силуэта можно считать хорошими для данных в социальных науках. Согласно некоторым работам, пороговое значение для того, чтобы считать, что данные имеют кластерную структуру считается 0.25 [3]. Однако это значение предлагается для

кластеризации метрических данных. Обзор исследований по кластеризации порядковых или номинальных данных в социальных науках показывает, что значения силуэтного коэффициента редко превышают 0.2-0.3 [4].

Почти все респонденты во всех кластерах не совершают никаких действий, чтобы обезопасить себя в сети. Согласно алгоритму K-modes, самые молодые респонденты наиболее высоко владеют цифровыми навыками: большинство из кластера 1 (297 респондентов, средний возраст 43, мужчины 76.1%) используют двухфакторную аутентификацию, а также знают о способе государственной защиты персональных данных – персональной электронной подписи. Кластеры 4 (244 респондентов, средний возраст 47.4, женщины 100%) и кластер 5 (262 респондентов, средний возраст 49.7, мужчины 100%) также знают о персональной электронной подписи. Для этих кластеров характерно проживание в городах миллиониках. Характеристики выявленных кластеров согласуются с исследованием Фазульяновой С. Н., Логиновой И. А., Яковлева А. В. [2], где продвинутый уровень осведомленности демонстрируют в основном мужчины лишь в отдельных практиках.

Алгоритм CLOPE указал мелкие кластеры с высокой однородностью, что позволяет выделить уникальные немногочисленные группы. Так кластер 8 (81 респондент, средний возраст 43.2, мужчины 54.3%), обладающий самым высо-

ким уровнем компетентности в сфере кибербезопасности, в большинстве использует программы-антивирусы, двухфакторную аутентификацию и знают о персональной электронной подписи. Также этот кластер и кластеры из K-modes с высоким уровнем компетентности знают о том, как частные лица (например, блогеры) используют собираемые данные в интернете (ответ «определенно да»), в отличие от менее осведомленных респондентов.

Заключение.

Результаты исследования показали преимущество алгоритма K-modes перед CLOPE для анализа социологических данных. Для социологического исследования интерпретируемость результатов зачастую важнее формальных метрик качества. За счет указания количества кластеров социолог может найти оптимальный вариант кластеризации опираясь не только на метрики, но и на теоретическую модель и существующие научные подходы. При этом алгоритм CLOPE позволяет выявить более тонкие особенности и уловить редкие группы респондентов со специфическими характеристиками, что может быть ценно для детального анализа отдельных сегментов. Однако для общего описания социальной реальности и выявления основных тенденций такое дробное разделение может оказаться излишним, затрудняя формирование целостной картины и интерпретацию результатов.

Список источников и литературы

1. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Цифровая среда без риска: возможно ли это? [Электронный ресурс] // Аналитический обзор. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovaja-sreda-bez-riska-vozmozno-li-eto> (дата обращения: 20.09.2025).
2. Фазульянова С. Н. Компетентность жителей Самарской области в вопросах кибербезопасности: опыт социологического измерения / Фазульянова С. Н., Логинова И. А., Яковлев А. В. [Электронный ресурс] // Социология. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentnost-zhiteley-samarskoj-oblasti-v-voprosah-kiberbezopasnosti-opyt-sotsiologicheskogo-izmereniya> (дата обращения: 20.09.2025).
3. Benaya R. Clustering Content Types and User Roles Based on Tweet Text Using K-Medoids Partitioning Based / Benaya R., Sibaroni Y., Ihsan A. F. // Journal of Informatics and Computer Science (JOSYC). 2023. Vol. 4, No. 4. P. 749-756. DOI: 10.47065/josyc.v4i4.3751.

4. *Dinh D. T.* Estimating the optimal number of clusters in categorical data clustering by silhouette coefficient / Dinh D. T., Fujinami T., Huynh V. N. // International Symposium on Knowledge and Systems Sciences. – Singapore : Springer Singapore, 2019. – P. 1-17.

5. *Ghosal A.* Short Review on Different Clustering Techniques and Their Applications / Ghosal A., Nandy A., Das A. K., Goswami S., Panday M. // Emerging Technology in Modelling and Graphics / ed. Mandal J., Bhattacharya D. – Singapore : Springer, 2020. – P. 69-81. – (Advances in Intelligent Systems and Computing ; vol. 937). – URL: <https://www.springerprofessional.de/a-short-review-on-different-clustering-techniques-and-their-appl/16938704> (last request: 20.09.2025).

6. *Yang Y.* CLOPE: A Fast and Effective Clustering Algorithm for Transactional Data / Yang Y., Guan X., You J. [electronic resource] // Proceedings of the ACM SIGKDD International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining. 2002. P. 682-687. URL: <https://dl.acm.org/doi/10.1145/775047.775149> (last request: 20.09.2025).

Червоткина Полина Игоревна – бакалавр, кафедра социального анализа и математических методов в социологии, Факультет социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, (г. Санкт-Петербург, Россия), bcur1119@gmail.com

Малинина Татьяна Борисовна – научный руководитель – д. соц. н., к. физ.-мат. н., доцент, профессор кафедры социального анализа и математических методов в социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, (г. Санкт-Петербург, Россия), t.malinina@spbu.ru

COMPARISON OF K-MODES AND CLOPE CLUSTERING ALGORITHMS (USING THE DATA FROM A SOCIOLOGICAL SURVEY AS AN EXAMPLE)

P. I. Chervotkina

*The article is presented by the scientific supervisor, Doctor of Social Sciences,
Associate Professor Malinina T. B.*

This article provides a comparative analysis of two categorical data clustering algorithms – K-modes and CLOPE – using data from a VTsIOM sociological survey on cybersecurity (a sample of 1,561 respondents after preprocessing). The application of each method to binary variables reflecting internet security practices, password management, and awareness of government personal data protection mechanisms is discussed. It is shown that K-modes demonstrates higher interpretability of results and a higher silhouette metric value (0.35 versus 0.2895 for CLOPE), making it preferable for identifying key trends. CLOPE, in turn, allows for the formation of more compact and internally homogeneous clusters, identifying rare and specific groups of respondents.

Keywords: categorical data clustering, K-modes and CLOPE algorithms, machine learning, silhouette metric.

References

1. Vserossijskij centr izucheniya obshchestvennogo mneniya (VCIOM). Cifrovaya sreda bez riska: vozmozhno li ehto? [Russian Public Opinion Research Center (VCIOM). Digital Environment Without Risk: Is It Possible?] [Electronic resource] // Analiticheskij obzor [Analytical Review]. 2024. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovaja-sreda-bez-riska-vozmozhno-li-ehto> (last request: 20.09.2025). (In Russ.)

2. *Fazulyanova S. N.* Kompetentnost' zhitelej Samarskoj oblasti v voprosakh kiberbezopasnosti: opyt sociologicheskogo izmereniya [Competence of Residents of the Samara Region in Cybersecurity Issues: The Experience of Sociological Measurement] / Fazulyanova S. N., Loginova I. A., Yakovlev A. V. [Electronic resource] // Sociologiya [Sociology]. 2023. No. 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompetentnost-zhiteley-samarskoj-oblasti-v-voprosakh-kiberbezopasnosti-opyt-sotsiologicheskogo-izmereniya> (last request: 20.09.2025). (In Russ.)

3. *Benaya R.* Clustering Content Types and User Roles Based on Tweet Text Using K-Medoids Partitioning Based / Benaya R., Sibaroni Y., Ihsan A. F. // Journal of Informatics and Computer Science (JOSYC). 2023. Vol. 4, No. 4. P. 749-756. DOI: 10.47065/josyc.v4i4.3751.

4. *Dinh D. T.* Estimating the optimal number of clusters in categorical data clustering by silhouette coefficient / Dinh D. T., Fujinami T., Huynh V. N. // International Symposium on Knowledge and Systems Sciences. – Singapore : Springer Singapore, 2019. – P. 1-17.

5. *Ghosal A.* Short Review on Different Clustering Techniques and Their Applications / Ghosal A., Nandy A., Das A. K., Goswami S., Panday M. // Emerging Technology in Modelling and Graphics / ed. Mandal J., Bhattacharya D. – Singapore : Springer, 2020. – P. 69-81. – (Advances in Intelligent Systems and Computing ; vol. 937). – URL: <https://www.springerprofessional.de/a-short-review-on-different-clustering-techniques-and-their-appl/16938704> (last request: 20.09.2025).

6. *Yang Y.* CLOPE: A Fast and Effective Clustering Algorithm for Transactional Data / Yang Y., Guan X., You J. [electronic resource] // Proceedings of the ACM SIGKDD International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining. 2002. P. 682-687. URL: <https://dl.acm.org/doi/10.1145/775047.775149> (last request: 20.09.2025).

Chervotkina Polina Igorevna – Bachelor’s degree, Department of Social Analysis and Mathematical Methods in Sociology, Faculty of Sociology, St. Petersburg State University, (St. Petersburg, Russia), bcur1119@gmail.com

Malinina Tatiana Borisovna – scientific supervisor – Doctor of Social Sciences, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Social Analysis and Mathematical Methods in Sociology, St. Petersburg State University, (St. Petersburg, Russia), t.malinina@spbu.ru

Статья поступила в редакцию: 21.04.2026; принята к публикации: 05.05.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Червоткина П. И. Сравнение алгоритмов кластеризации K-modes и CLOPE (на примере данных социологического опроса) // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 2(16). – С. 160-164.

FOR CITATION:

Chervotkina P. I. Sravnenie algoritmov klasterizacii K-modes i CLOPE (na primere dannykh sociologicheskogo oprosa) [A Comparison of K-Modes and CLOPE Clustering Algorithms (Using Sociological Survey Data)] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 160-164.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ КРЕАТИВНОЙ НАРУЖНОЙ РЕКЛАМЫ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

М. А. Церковников

Статья представлена научным руководителем – ассистентом каф. СПН Жаданом Р. А.

Статья посвящена пересмотру представлений о наружной рекламе в условиях доминирования цифровых каналов. На основе психологических компонентов воздействия (когнитивный, аффективный, регулятивный) и современных трендов (DOOH, интерактивность, интеграция с онлайн-средой) анализируются успешные кейсы. Доказывается, что креативные ООН-кампании сохраняют высокую эффективность, преодолевая «баннерную слепоту» и выступая мощным триггером цифрового взаимодействия.

Ключевые слова: наружная реклама, ООН, DOOH, креативность, эффективность рекламы, цифровая эпоха, психология рекламы, интерактивная реклама, интеграция с онлайн-средой, баннерная слепота.

Доминирование цифровых каналов в современном медийном ландшафте сформировало у маркетологов устойчивое представление о полном переходе внимания целевых аудиторий в онлайн-среду. Следствием этого считается снижение эффективности классических инструментов маркетинга, в частности, наружной рекламы [1]. Однако исследования Kantar подтверждают: в 2025 году самой действенной стала реклама, органично вписанная в жизнь и отличающаяся творческим подходом [2]. Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью пересмотра устаревших видений и демонстрации потенциала нестандартных ООН-кампаний (Out-of-Home, «вне дома») для преодоления «баннерной слепоты» и установления связи с потребителем. Эта статья на примерах докажет, что новаторская наружная реклама сохраняет высокую эффективность даже в цифровой век.

Эффективность нестандартных ООН-кампаний имеет прочное психологическое обоснование. Психология рекламы выделяет три ключевых компонента воздействия: когнитивный, аффективный и регулятивный [3].

Когнитивный компонент связан с процессами восприятия и обработки информации. Задача наружной рекламы –

мгновенно привлечь и удержать внимание. Этому способствуют яркие цвета, резкие контрасты, крупные шрифты и, что наиболее важно в контексте нестандартных кампаний, эффект неожиданности. Когда реклама выходит за рамки привычного формата (например, 3D-объект, интерактивный элемент), она нарушает автоматизм восприятия, заставляя человека остановиться и осмыслить увиденное [3].

Аффективный компонент отвечает за формирование эмоционального отклика. Современная креативная наружная реклама стремится не просто проинформировать, а вызвать эмоцию – удивление, радость, ностальгию. Эмоциональная реклама лучше запоминается и создает позитивный образ бренда, что ведет к долгосрочной лояльности клиентов. Использование юмора, игровых механик или отсылок к поп-культуре делает коммуникацию более человечной и приближенной к аудитории [3].

Регулятивный компонент направлен на побуждение к конкретным действиям. Инновационные кампании часто напрямую стимулируют поведение, интегрируя QR-коды, призывы к взаимодействию в социальных сетях или механики, предполагающие немедленную реакцию (например, реакция на движе-

ние прохожего). Это трансформирует пассивного наблюдателя в активного участника коммуникации [3].

Современные ООН-кампании добиваются успеха благодаря нескольким ключевым тенденциям:

1. Цифровая наружная реклама (Digital Out-of-Home, DOOH) перестала быть просто заменой бумажных постеров. Современные LED-экраны позволяют транслировать контент, адаптирующийся в реальном времени к различным условиям: времени суток, погоде, актуальным событиям [4]. Например, рекламная кампания может показывать зонты в дождь и прохладительные напитки в жаркий день. Технологии искусственного интеллекта (ИИ) позволяют анализировать данные о проходящей аудитории и адаптировать сообщение под ее демографический портрет, повышая релевантность.

2. ООН всё чаще не вещает, а общается с потребителем. Бренды активно внедряют интерактивные элементы, которые превращают рекламный контакт

в событие. Яркие примеры – это интерактивные остановки, реклама, реагирующая на движение прохожих, и AR-проекты, превращающие статичные картинки в интерактивные сцены [4].

3. ООН перестала существовать в отрыве от онлайн-среды. Напротив, она стала мощным стимулом для онлайн-активности. Размещение QR-кодов, уникальных хештегов и упоминаний аккаунтов побуждает аудиторию немедленно переходить в цифровое пространство, чтобы продолжить взаимодействие с брендом [4]. Оригинальная реклама создает виральный эффект: люди сами продвигают бренд, публикуя её фото в социальных сетях.

4. Выход за рамки плоского билборда – ключевой признак нестандартной кампании. Тренд включает в себя эффектные 3D-форматы, нарушающие границы носителя, и умную интеграцию в городскую среду. Это делает рекламу органичной частью среды и усиливает эффект узнавания.

Таблица 1.
Психологические компоненты и их реализация в нестандартных ООН-кампаниях

Психологический компонент	Цель воздействия	Примеры инструментов и техник
Когнитивный	Привлечение и удержание внимания, запоминаемость	3D-форматы, нестандартные формы щитов, сюрреалистичные образы, яркие цветовые контрасты
Аффективный	Формирование эмоциональной связи, позитивных ассоциаций	Использование юмора, ностальгии, AR-интерактив, вовлечение в игровой сценарий, красивые визуальные эффекты
Регулятивный	Побуждение к действию (посещение, покупка, переход в онлайн)	QR-коды, призывы к действию в соцсетях, датчики движения, ограниченные по времени предложения

Теоретические положения и выделенные тренды находят свое практическое подтверждение в реальных кампаниях, признанных эффективными по версии авторитетных профессиональных премий.

Кейс 1. Креативная интеграция с окружающей средой. Ярким примером является кампания Coca-Cola «Возьми Колу, освети темноту» в Норвегии. Вме-

сто броских и кричащих постеров были использованы фотографии унылых улиц Осло в зимний период, где единственным цветным элементом была бутылка Coca-Cola. Этот подход, основанный на реалистичности и региональной специфике, вызвал положительный отклик у аудитории, проживающей в условиях долгой зимы, создавая мощный эмоцио-

нальный отклик и ассоциацию бренда с источником света и позитива [2].

Кейс 2. Использование сюрреализма и интерактивности. Победителем в категории телерекламы Kantar стал ролик сервиса доставки еды Deliveroo «Человек-осьминог». Этот же креатив, будучи адаптирован для других носителей, демонстрирует стратегию риска и смелости. Сюрреалистичный персонаж, сочетающий черты человека и осьминога, привлекает внимание именно своей необычностью, заставляя зрителя остановиться, чтобы понять увиденное [2].

Проведенное исследование позволяет опровергнуть тезис о низкой эффективности наружной рекламы в цифровую эпоху. Как показал анализ, ее кризис связан не с исчерпанием потенциала самого канала, а с недостатком креативности и нежеланием брендов от-

казываться от устаревших шаблонов. Именно такой неожиданный и осязаемый опыт ищет потребитель, уставший от цифрового шума.

Успешные кейсы объединяет несколько факторов: глубокое понимание психологии восприятия, ориентация на создание эмоциональной связи, смелость в использовании сюрреалистичных и интерактивных форматов, а также бесшовная интеграция с онлайн-средой. Таким образом, наружная реклама не противостоит цифровой, а становится ее мощным союзником, физическим триггером, запускающим цифровое взаимодействие. Перспективы развития ООН лежат в дальнейшей интеграции с технологиями (ИИ, AR), что откроет новые возможности для персонализации и вовлечения.

Список источников и литературы

1. Винник А. Е. Наружная реклама: эффективность и восприятие жителями современного города // Фундаментальные исследования. 2021. № 4. С. 24-29.
2. Да сгинет тьма: самые эффективные мировые креативы 2025 года по версии Kantar [Электронный ресурс] // ADPASS. URL: <https://adpass.ru/samye-luchshie-reklamnye-kreativy-2025-kantar/> (дата обращения: 01.10.2025).
3. Психология рекламы и ее воздействие на сознание и поведение потребителей [Электронный ресурс] // Национальный рекламный форум. URL: <https://advertisingforum.ru/blog/psihologiya-reklamy-i-ee-vozdjstvie-na-soznanie-i-povedenie-potrebitelej/> (дата обращения: 01.10.2025).
4. Топ-10 трендов наружной рекламы в 2024-2025 гг. [Электронный ресурс]. Globax Media. URL: <https://globax.media/offlajn-prodvizhenie/top-10-trendov-naruzhnoj-reklamy-v-2024-2025-gg> (дата обращения: 01.10.2025).

Церковников Михаил Андреевич – бакалавр, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), TserkovnikovMisha@yandex.ru

Жадан Роман Алексеевич – научный руководитель – ассистент кафедры СПН, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), Zhadan_2000@bk.ru

EFFECTIVENESS OF CREATIVE OUTDOOR ADVERTISING IN THE DIGITAL AGE

M. A. Tserkovnikov

*The article is presented by the scientific supervisor – Assistant of the Department of SPN
Zhadan R. A.*

The article reconsiders the perception of outdoor advertising in the context of digital channel dominance. Based on psychological components of impact (cognitive, affective, regulative) and current trends (DOOH, interactivity, integration with the online environment), successful case studies are analyzed. It is argued that creative OOH campaigns retain high effectiveness, overcoming "banner blindness" and acting as a powerful trigger for digital interaction.

Keywords: outdoor advertising, OOH, DOOH, creativity, advertising effectiveness, digital age, advertising psychology, interactive advertising, online integration, banner blindness.

References

1. Vinnik A. E. Naruzhnaya reklama: effektivnost' i vospriyatie zhitelyami sovremennogo goroda [Outdoor advertising: effectiveness and perception by residents of a modern city] // Fundamental'nye issledovaniya [Fundamental Research]. 2021. № 4. S. 24-29. (In Russ.)
2. Da sginet t'ma: samye effektivnye mirovye kreativy 2025 goda po versii Kantar [Let darkness perish: the world's most effective creatives of 2025 according to Kantar] [electronic resource] // ADPASS. URL: <https://adpass.ru/samye-luchshie-reklamnye-kreativy-2025-kantar/> (last request: 01.10.2025). (In Russ.)
3. Psikhologiya reklamy i ee vozdeystvie na soznanie i povedenie potrebiteley [Psychology of Advertising and Its Impact on Consumer Consciousness and Behavior] [electronic resource] // Natsional'nyy reklamnyy forum [National Advertising Forum]. URL: <https://advertisingforum.ru/blog/psihologiya-reklamy-i-ee-vozdeystvie-na-soznanie-i-povedenie-potrebitelej/> (last request: 01.10.2025). (In Russ.)
4. Top-10 trendov naruzhnoy reklamy v 2024-2025 gg. [Top 10 Outdoor Advertising Trends in 2024-2025] [electronic resource]. Globax Media. URL: <https://globax.media/offlajn-prodvizhenie/top-10-trendov-naruzhnoj-reklamy-v-2024-2025-gg> (last request: 01.10.2025). (In Russ.)

Tserkovnikov Mikhail Andreevich – Bachelor, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), TserkovnikovMisha@yandex.ru

Zhadan Roman Alekseevich – scientific supervisor – Assistant of the Department of SPN, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), Zhadan_2000@bk.ru

Статья поступила в редакцию: 06.04.2026; принята к публикации: 28.04.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Церковников М. А. Эффективность креативной наружной рекламы в цифровую эпоху // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 2(16). – С. 165-168.

FOR CITATION:

Tserkovnikov M. A. Effektivnost' kreativnoy naruzhnoy reklamy v tsifrovuyu epokhu [Effectiveness of Creative Outdoor Advertising in the Digital Age] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 165-168.

УДК 316.77

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ МЕДИА: ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОЕКТА #МЫВМЕСТЕ)

С. В. Рябинина

Статья представлена научным руководителем – к. соц. н., доц. Аваковой Э. Б.

Статья рассматривает репрезентацию добровольчества в государственных медиа (на примере проекта #МыВместе) с точки зрения формирования гражданской активности молодежи. С опорой на концепцию публичной сферы Ю. Хабермаса анализируются формы взаимодействия «жизненного мира» и «систем» в медийном дискурсе. На примере анализа публикаций проекта (2024-2025 гг.) дается характеристика медийного образа добровольца, формирующегося на пересечении институциональных, солидарных, героических и эмоционально-мотивационных дискурсивных моделей.

Ключевые слова: репрезентация добровольческой деятельности, государственные медиа, гражданская активность молодежи, проект #МыВместе, публичная сфера, жизненный мир и система, медийный дискурс, социальный образ волонтера.

Добровольчество в современной России стало неотъемлемым элементом государственной социальной политики и важным маркером гражданской идентичности. Люди все чаще вовлекаются в добровольческую деятельность, руководствуясь желанием быть полезным [1]. Развитие волонтерского движения сопровождается активным медийным освещением, формирующим образ добровольца как социально значимого субъекта, участвующего в укреплении общественной солидарности и национального единства. Государственные медиа, включая проект #МыВместе, не только информируют о событиях, но и задают нормативные рамки восприятия гражданского участия. Цель данного исследования – определить, каким образом в государственных медиа репрезентируется добровольческая деятельность и как медийные стратегии влияют на восприятие гражданской активности молодежи. Теоретической основой служит концепция публичной сферы и коммуникативного действия Ю. Хабермаса, позволяющая рассмотреть волонтерство как пространство взаимодействия «жизненного мира» и «систем».

Современная медийная репрезентация добровольчества формируется на пересечении государственной идеологии гражданского участия и реальных общественных практик взаимопомощи. Государственные медиа выполняют двойственную функцию: с одной стороны, они способствуют популяризации волонтерства как социальной ценности, с другой – структурируют восприятие социальной активности через институциональные рамки, формируя образ «правильного» участия в общественной жизни. В терминах Ю. Хабермаса этот процесс отражает взаимодействие между «жизненным миром», основанным на взаимопонимании, и «системой», действующей инструментально [4].

По данным Д. Ф. Телпеаевой и др. [3], государственная политика поддержки волонтерства направлена на вовлечение молодежи через цифровые платформы, гранты и образовательные программы. Медийная репрезентация этой политики демонстрирует институционализацию добровольчества: от локальных инициатив к системным формам участия. В этом контексте медиа выполняют функцию согласования интересов между гражданами и государством [4].

М. Н. Кичерова, Е. А. Юрина и Т. В. Каравайцева [2] отмечают, что в социальных сетях репрезентация волонтерства носит преимущественно отчётный характер: публикации фиксируют прошедшие мероприятия, создавая эффект прозрачности, но не стимулируя горизонтальное взаимодействие. Тем не менее, такая однотипность публикаций способствует формированию позитивного образа добровольца как молодого, активного и вовлечённого участника общественных инициатив.

Таким образом, репрезентация волонтерства в государственных медиа носит комплексный характер. Она сочетает просветительские и мобилизационные функции, способствует популяризации общественного участия, одновременно задавая нормативные границы «одобряемой» гражданской активности. В терминах Хабермаса это пространство, где жизненный мир и система взаимодействуют, сохраняя баланс между автономией граждан и стратегическими целями государства.

Эмпирический анализ в рамках предпринятого исследования направлен на изучение того, каким образом в ме-

диаматериалах федерального проекта «#МыВместе» (2024-2025 гг.) репрезентируется деятельность волонтеров и формируется образ гражданской активности. Исследование базировалось на методах контент-, дискурс- и визуального анализа. Материалы включали публикации на сайте myvместе.рф, посты в социальной сети «ВКонтакте», новости в СМИ (Коммерсант, РБК, Лента.ру) и контент с платформы ДоброМедиа (dobro.press). Всего проанализировано 80 текстовых фрагментов и 20 визуальных объектов, включая элементы фирменного стиля.

Контент-анализ выявил тематическое ядро медиадискурса, где доминируют категории «помощь», «солидарность», «гражданская активность» и «патриотизм». Их соотношение варьируется в зависимости от контекста: в 2024-2025 гг. усилились мотивы институционального участия, отражающие интеграцию проекта с государственными структурами (партнёрства с «Автодор» и Народным фронтом). Это подтверждает выводы о рационализации общественных инициатив, сделанные Д. Ф. Телепаевой и соавт. (см. Таблицу 1) [3].

Таблица 1.
Доминирующие темы медиаматериалов проекта «#МыВместе» в 2024-2025 гг.

Доминирующая тема	Доля в медиаматериалах	Пример цитаты
Гражданская активность	15%	«Наши волонтеры – активные граждане, готовые поддерживать друг друга»
Солидарность	25%	«Только вместе мы справимся с испытаниями – сила в единстве!»
Помощь	22%	«Более 180 тысяч гуманитарных рейсов – дороги помощи объединяют страну»
Патриотизм / институциональное участие	38%	«Волонтеры и партнеры #МыВместе делают страну сильнее»

Тематический анализ исследуемых публикаций показал, что около 65% публикаций носят отчётный характер, 25% – анонсовый, и лишь 10% – рефлексивный или образовательный. Подобная структура поддерживает устойчивый позитивный образ волонтера, но ограничивает пространство для инициатив

сивный или образовательный. Подобная структура поддерживает устойчивый позитивный образ волонтера, но ограничивает пространство для инициатив

«снизу», что согласуется с позицией М. Н. Кичеровой и соавт. [2].

Дискурс-анализ позволил выделить четыре доминирующих типа: институциональный (45%), солидарный (30%), героический (15%) и эмоционально-мотивационный (10%). Институциональный дискурс акцентирует партнёрство государства и добровольческих объединений, в то время как солидарный и героический моральное измерение гражданской активности. Таким образом, проект «#МыВместе» выступает пространством согласования ценностей, где система управляет коммуникацией, но сохраняет элементы открытого взаимодействия [4].

Визуальный анализ брендбука проекта показал, что единообразие визуальных паттернов (оранжево-белая гамма, символика флага, коллективные сцены) усиливает ощущение сопричастности, но снижает индивидуальное разнообразие. Фирменная цветовая палитра (оранжевый градиент #ff954d) символизирует энергию и солидарность, а изображения преимущественно молодых волонтеров (18-30 лет) закрепляют образ волонтерства как массового и современного явления, ключевой движущей си-

лой которого является молодежь. В терминах Хабермаса это можно рассматривать скорее как попытку выстроить общенациональный визуальный язык участия, а не как инструмент колонизации жизненного мира [4].

Репрезентация добровольчества в государственных медиа отражает процесс институционального закрепления гражданской активности и интеграции индивидуальных инициатив в рамки государственной политики. Анализ показывает, что при сохранении элементов бюрократической унификации медиа не утрачивают коммуникативного потенциала: они создают пространство символического взаимодействия, где ценности солидарности, взаимопомощи и гражданского участия обретают видимую форму. Государственные медиа выступают посредником между системой и жизненным миром, обеспечивая баланс между управляемостью и автономией граждан. Тем самым репрезентация волонтерства становится не только инструментом идеологической консолидации, но и фактором укрепления публичной сферы, в которой формируются модели социального диалога и ответственности.

Список источников и литературы

1. Авакова Э. Б., Кузнецов А. А. Добровольческая деятельность в сопровождении профессионального самоопределения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Стратегии развития общества и экономики в новой реальности: Сборник трудов шестой международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 17 –18 октября 2024 года. – Ростов-на-Дону: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 2024. – С. 372-378.
2. Кичерова М. Н., Юрина Е. А., Каравайцева Т. В. Волонтерская деятельность молодежи: репрезентация в социальных сетях // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2023. – Т. 9, № 1 (33). – С. 44-65.
3. Телпаева Д. Ф., Вишневский Ю. Р., Гаврилик О. Н., Минченко Д. В. Политика государственной поддержки и роль добровольчества в жизненных планах российских и белорусских студентов // Научный результат. Социология и управление. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 243-255.
4. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия: в 2 т. – М.: Весь Мир, 2022 (ориг. 1981).

Рябинина Софья Владимировна – студентка 4 курса группы 3834201/20102, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, (г. Санкт-Петербург, Россия), sofya-ryabinina@list.ru

Авакова Элина Борисовна – научный руководитель – к. соц. н., доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, (г. Санкт-Петербург, Россия), avakova_eb@spbstu.ru

**«REPRESENTATION OF VOLUNTEER ACTIVITIES IN STATE MEDIA:
FOSTERING YOUTH CIVIC ENGAGEMENT» (ON THE EXAMPLE
OF THE #МЫВМЕСТЕ PROJECT)**

S. V. Ryabinina

The article is presented by the scientific supervisor – Candidate of Social Sciences, associate professor. Avakova E. B.

This article examines the representation of volunteerism in state media (using the #WeAreTogether project as an example) from the perspective of fostering youth civic engagement. Drawing on J. Habermas's concept of the public sphere, the study analyzes the forms of interaction between the "lifeworld" and the "system" in media discourse. Based on an analysis of project publications (2024-2025), the article characterizes the media image of the volunteer, which is shaped at the intersection of institutional, solidarity-based, heroic, and emotionally-motivated discursive models.

Keywords: representation of volunteer activities, state media, youth civic engagement, #МыВместе project, public sphere, lifeworld and system, media discourse, social image of the volunteer.

References

1. Avakova E. B., Kuznetsov A. A. Dobrovol'cheskaya deyatelnost' v soprovozhdenii professional'nogo samoopredeleniya detej-sirot i detej, ostavshikhsya bez popecheniya roditel'ev [Volunteering Activities in Supporting Professional Self-Determination of Orphans and Children Left without Parental Care] // Strategii razvitiya obshchestva i ekonomiki v novoj real'nosti: Sbornik trudov shestoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Rostov-na-Donu, 17–18 oktyabrya 2024 goda [Strategies for the Development of Society and the Economy in the New Reality: Proceedings of the Sixth International Scientific-Practical Conference, Rostov-on-Don, October 17-18, 2024]. – Rostov-on-Don: Rossijskaya akademiya narodnogo khozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente RF, 2024. – pp. 372-378. (In Russ.)

2. Kicherova M. N., Yurina E. A., Karavajtseva T. V. Volonterskaya deyatelnost' molodezhi: reprezentaciya v social'nykh setyakh [Youth Volunteering Activities: Representation in Social Networks] // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya [Tyumen State University Herald. Social, Economic and Legal Research]. – 2023. – Vol. 9, No. 1 (33). – pp. 44-65. (In Russ.)

3. Telepaeva D. F., Vishnevskij Yu. R., Gavrilik O. N., Minchenko D. V. Politika gosudarstvennoj podderzhki i rol' dobrovol'chestva v zhiznennykh planakh rossijskikh i belorusskikh studentov [State Support Policy and the Role of Volunteering in the Life Plans of Russian and Belarusian Students] // Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie [Research Result. Sociology and Management]. – 2024. – Vol. 10, No. 3. – pp. 243-255. (In Russ.)

4. Khabermas Yu. Teoriya kommunikativnogo dejstviya: v 2 t. [Habermas J. The Theory of Communicative Action: in 2 vols.] – Moscow: Ves' Mir, 2022 (original published 1981). (In Russ.)

Ryabinina Sofya Vladimirovna– 4th-year student, Group 3834201/20102, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, (St. Petersburg, Russia), sofya-ryabinina@list.ru.

Avakova Elina Borisovna– scientific supervisor – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Higher School of Media Communications and Public Relations, Humanitar-

Статья поступила в редакцию: 11.04.2026; принята к публикации: 30.04.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Рябинина С. В. Репрезентация добровольческой деятельности в государственных медиа: формирование гражданской активности молодежи (на примере проекта #МыВместе) // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 2(16). – С. 169-173.

FOR CITATION:

Ryabinina S. V. Reprezentaciya dobrovol'cheskoj deyatel'nosti v gosudarstvennyh media: formirovanie grazhdanskoj aktivnosti molodezhi (na primere proekta #MyVmeste) [Representation of volunteer activities in state media: fostering youth civic engagement (on the example of the #WeAreTogether project)] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 169-173.

УДК 659.44

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ СОЗДАНИЯ ИМИДЖА ЛАНДШАФТНОГО БЮРО (НА ПРИМЕРЕ КОМПАНИИ «ИВОЛГА»)

А. А. Добрикова, А. А. Смелов

В статье исследуются психологические механизмы формирования имиджа ландшафтного бюро «Иволга» (г. Выборг). Актуальность обусловлена необходимостью создания образа надежной и компетентной компании для привлечения клиентов в сфере дорогостоящих проектов. На основе анализа коммуникационных материалов (посты ВК, отзывы клиентов) выделены три ключевые группы механизмов: демонстрация региональной экспертизы, обеспечение надежности и прозрачности, а также формирование эмоциональной связи и клиентоориентированности. Системное применение этих механизмов способствует успешному формированию имиджа и развитию компании на региональном рынке.

Ключевые слова: психологические механизмы, имидж компании, ландшафтное бюро, надежность, компетентность, клиентоориентированность, региональный маркетинг.

На современном рынке услуг формирование устойчивого позитивного имиджа играет решающую роль в успешности любой компании. Для ландшафтных бюро, чья работа требует значительных финансовых затрат со стороны клиентов и зачастую связана с долгим процессом воплощения проектов, создание образа надежной и компетентной компании является особенно важным. В рамках данного исследования были изучены ключевые психологические механизмы, способствующие формированию имиджа ландшафтного бюро «Иволга», работающего в городе Выборг и специализирующегося на создании уникальных ландшафтных проектов, которые учитывают особенности местного климата и историко-культурного наследия региона. Под психологическими механизмами мы понимаем: «системы психических явлений, которые предназначены для преобразования и формирования активности, выраженной одним или несколькими мотивами, в требуемую активность, выраженную другими мотивами» [2].

Целью исследования является выявление и анализ психологических механизмов, используемых бюро «Иволга»

для формирования имиджа надежной и компетентной компании.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

1. Провести анализ документов ландшафтного бюро «Иволга».
2. Идентифицировать основные психологические механизмы, применяемые в данных материалах, с учетом региональной специфики.
3. Систематизировать выявленные механизмы.
4. Сформулировать выводы.

Основным методом исследования был выбран анализ документов, направленных на внешнюю аудиторию. База исследования для анализа включала:

1. 50 статей, постов и описаний проектов, размещенных в официальном сообществе ВК ландшафтного бюро «Иволга» за период с 1 июня по 10 октября 2025 г. [1].

2. 20 отзывов клиентов, размещенных на сайте бюро и локальных онлайн-платформах (2ГИС, Отзовик).

Для анализа материалов были определены следующие группы критериев, отражающие психологические аспекты формирования имиджа надежности и компетентности:

1. Индикаторы экспертности: упоминание опыта работы в условиях Северо-Западного региона, местной флоры и фауны, размещение сертификатов соответствия климатическим условиям, демонстрация решения сложных задач (например: работа на склонах, создание дренажных систем в условиях высокой влажности).

2. Индикаторы надежности и прозрачности: упоминание в материалах об официальной работе с заказчиком, оформлении договорных отношений, наличии гарантий на посадочный материал и выполненные работы, четкость в описании этапов сотрудничества, а также упоминание лицензий и разрешений, актуальных для данного региона.

3. Клиентоориентированность: публикация кейсов, подчеркивание уникальности и указание на персонализированный подход в каждом проекте в контексте местного ландшафта и архитектуры.

4. Высококачественные фотографии проектов, демонстрирующие гармоничное вписывание ландшафта в историческую или природную среду Выборга, наличие фотографий команды в процессе работы, использование узнаваемого фирменного стиля.

В ходе изучения коммуникационных материалов ландшафтного бюро «Иволга» мы выделили три ключевые группы психологических механизмов, активно применяемых для формирования имиджа надежной и компетентной компании, адаптированного к условиям рынка Выборга и Выборгского района Ленинградской области.

Первая группа механизмов направлена на демонстрацию экспертности и специфической компетенции, релевантной для региона. Материалы бюро активно подчеркивают многолетний опыт работы именно в условиях климата Северо-Западного района, знание особенностей местной почвы и растительности. Например, в описаниях проектов часто акцентируется внимание на под-

боре морозостойких и влаголюбивых растений, а также на разработке эффективных дренажных систем, что является критически важным для Выборга. Наличие в команде специалистов с профильным образованием, ориентированным на региональные особенности, и упоминание об их участии в местных профильных выставках или семинарах, также способствует формированию доверия к компетентности сотрудников бюро.

Вторая группа механизмов фокусируется на создании у клиентов ощущения надежности, стабильности и прозрачности в сотрудничестве. Было отмечено, что ландшафтное бюро «Иволга» активно транслирует принципы четкого договорного оформления, поэтапной реализации проектов с обязательным согласованием на каждом этапе и предоставлением гарантий на посадочный материал и выполненные работы. Компания публикует информацию о соблюдении строительных норм и правил, применимых в регионе, а также о наличии положительных отзывов от потребителей, убеждая потенциальных клиентов в ответственности и добросовестности исполнителя.

Третья группа выявленных механизмов связана с формированием эмоциональной связи между потенциальным клиентом и исполнителем, подчеркиванием клиентоориентированности. В материалах бюро часто используются визуальные образы, демонстрирующие, как ландшафтные проекты гармонично вписываются в историческую застройку Выборга или в природные ландшафты Ленинградской области. Истории успеха, где описывается, как бюро помогло создать уютное пространство для отдыха или увеличить эстетическую привлекательность участка, подчеркивая при этом уникальные потребности каждого клиента, способствуют установлению доверительных отношений. Акцент на индивидуальном подходе и стремлении реализовать мечты клиентов, понимая их желание к созданию комфортной

среды в специфических условиях региона, укрепляет имидж бюро.

Таким образом, нами были определены и систематизированы три ключевые группы таких механизмов как: демонстрация специфической для региона экспертизы и компетенции, создание ощущения надежности и прозрачности в сотрудничестве, а также формирование эмоциональной связи и клиентоориентированности с учетом локального контекста. Системное и целенаправленное

применение данных механизмов в коммуникационной стратегии ландшафтного бюро «Иволга» позволяет эффективно формировать положительный имидж, что является залогом привлечения новых клиентов и долгосрочного развития компании на региональном рынке. Полученные выводы могут служить руководством для оптимизации маркетинговых и PR-стратегий ландшафтных бюро, стремящихся укрепить свои позиции в конкретных географических локациях.

Список источников и литературы

1. Коптелова, И. Е. Теоретический анализ изучения психологических механизмов / И. Е. Коптелова // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskiy-analiz-izucheniya-psihologicheskikh-mehanizmov> (дата обращения: 23.10.2025).

2. Официальное сообщество ландшафтного бюро «Иволга» [электронный ресурс] // социальная сеть «ВКонтакте». – URL: <https://vk.com/landshaftvyborg> (дата обращения: 16.10.2025).

Добрикова Алия Ануваровна – к. культ, доцент кафедры рекламы, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, (г. Санкт-Петербург, Россия), aa.dobrikova@gmail.com

Смелов Александр Анатольевич – студент, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, (г. Санкт-Петербург, Россия), asmelov87@gmail.com

PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF CREATING THE IMAGE OF A LANDSCAPE BUREAU (BASED ON THE IVOLGA COMPANY)

A. A. Dobrikova, A. A. Smelov

The article investigates the psychological mechanisms of image formation for the "Ivolga" landscape design bureau (Vyborg). Its relevance is due to the necessity of creating an image of a reliable and competent company to attract clients for high-cost projects. Based on the analysis of communication materials (VK posts, client reviews), three key groups of mechanisms were identified: demonstration of regional expertise, ensuring reliability and transparency, and fostering emotional connection and client-centricity. Systematic application of these mechanisms contributes to successful image formation and company development in the regional market.

Keywords: psychological mechanisms, company image, landscape design bureau, reliability, competence, client-centricity, regional marketing.

References

1. Koptelova, I. E. Teoreticheskiy analiz izucheniya psikhologicheskikh mekhanizmov [Theoretical Analysis of the Study of Psychological Mechanisms] / I. E. Koptelova // Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya [Psychology and Pedagogy: Methods and Problems of Practical Application]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskiy-analiz-izucheniya-psihologicheskikh-mehanizmov> (last request: 23.10.2025). (In Russ.)

2. Oficial'noe soobshchestvo landshaftnogo byuro «Ivolga» [Official Community of the Landscape Bureau "Ivolga"] [electronic resource] // social'naya set' «VKontakte» [social network "VKontakte"]. – URL: <https://vk.com/landshaftvyborg> (last request: 16.10.2025). (In Russ.)

Dobrikova Aliya Anuvarovna – Candidate of Culture, Associate Professor of the Department of Advertising, St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design, (St. Petersburg, Russia), aa.dobrikova@gmail.com

Smelov Alexander Anatolyevich – Student, St. Petersburg State University of Industrial Technology and Design, (St. Petersburg, Russia), asmelov87@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 21.04.2026; принята к публикации: 25.05.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Добрикова А. А., Смелов А. А. Психологические механизмы создания имиджа ландшафтного бюро (на примере компании «Иволга») // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 2(16). – С. 174-177.

FOR CITATION:

Dobrikova A. A., Smelov A. A. Psikhologicheskiye mekhanizmy sozdaniya imidzha landshaftnogo byuro (na primere kompanii «Ivolga») [Psychological mechanisms of creating the image of a landscape bureau (based on the Ivolga company)] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 174-177.

УДК 32.019.52

КОНКУРЕНТНЫЙ АНАЛИЗ В РАЗРАБОТКЕ СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ ЛИЧНОГО БРЕНДА МОДЕЛЬЕРА ИСТОРИЧЕСКОГО КОСТЮМА

И. Е. Астафьева-Румянцева, Е. Е. Сапожникова

В условиях роста конкуренции в нишевых сегментах fashion-индустрии частные мастера исторического костюма сталкиваются с необходимостью системного продвижения личного бренда. Однако многие из них, обладая многолетним опытом и репутацией, не имеют инструментов для стратегического анализа рыночного окружения и выработки управленческих решений в цифровой среде. Предполагается, что применение расширенной модели 7P для конкурентного анализа и последующая разработка матрицы SWOT-решений позволяет сформировать дорожную карту продвижения личного бренда, учитывающую уникальные особенности мастера – его профессиональные достижения, интеграцию в субкультуру исторической реконструкции, а также работу с заказчиками любой комплектции. На основе матрицы SWOT-решений сформулированы стратегические направления: системное присутствие в VK с регулярными рубриками и опорой на фестиваль опыт; запуск сравнительного контента «ручная работа vs фабрика»; таргетированная реклама; формирование экспертного tone of voice; использование просветительского контента (лекции, мастер-классы) для привлечения новой аудитории.

Ключевые слова: личный бренд, конкурентный анализ, модельер исторического костюма, стратегия продвижения, SWOT-анализ, матрица SWOT-решений, модель 7P, социальная сеть VK.

В связи с уходом с российского рынка ряда зарубежных брендов внимание потребителей и бизнеса сместилось в сторону отечественных производителей. За 2025 год количество вакансий в сфере производства тканей, одежды и обуви выросло на 67 %, спрос на швей – более чем на 50 %, число резюме дизайнеров одежды – на 25 %, модельеров-конструкторов – на 40 % [1]. Хотя создание исторического костюма остаётся камерным направлением, усиление конкуренции в смежных сферах требует от частного мастера выстроенного личного бренда. Современные потребители всё чаще ориентируются на личность исполнителя: они доверяют тому, кто стоит за продуктом, и выбирают тех, чьи ценности им близки [4].

Однако для того, чтобы выстроенный личный бренд действительно работал, недостаточно интуитивного понимания своей уникальности. Необходимо системно изучить рыночное окружение: кто уже предлагает схожие услуги, ка-

кими способами удовлетворяются потребности целевой аудитории и какие альтернативы выбирают клиенты. Другими словами, разработка стратегии продвижения личного бренда должна начинаться с конкурентного анализа.

В рамках данного исследования предлагается разделить всех выявленных игроков на две группы. Прямые конкуренты – частные модельеры, которые также шьют исторический костюм на заказ и строят вокруг этого личный бренд. Косвенные конкуренты [3] – компании, фабрики и мастерские, оказывающие аналогичные услуги по пошиву, но не имеющие персонального лица, а также альтернативные способы получения исторического образа: прокат готовых платьев, обучение самостоятельному шитью, услуги художников по костюмам. Такая классификация позволяет охватить не только ближайших соперников, но и более мощных игроков, а также потенциальные угрозы, исходящие от

альтернативных способов удовлетворения потребности клиента.

В качестве иллюстрации одного из возможных алгоритмов конкурентного анализа рассмотрим личный бренд модельера исторического костюма Натальи Сапожниковой. Отбор конкурентов для анализа основывался на следующих критериях: принадлежность к сфере исторического костюма, наличие личного бренда, активное присутствие в социальных сетях и на маркетплейсах, а также наличие собственного сайта.

Для сравнения конкурентов использовалась расширенная модель маркетингового комплекса 7P, адаптированная для сферы услуг [2]. Соответственно, анализ проводился по следующим параметрам: ассортимент и специализация, ценовой сегмент, каналы сбыта и место присутствия, продвижение, личность и команда, процесс работы, визуальное подтверждение. Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1.
Сравнительный анализ конкурентов

Критерий	Прямой конкурент	Прямой конкурент	Косвенный конкурент
	Люция Shestakova (Gleamnight)	Мария Рыбакова (Maria Rybakova)	Производство «Сударушка»
Ассортимент	Историческая реконструкция одежды 18-20 вв.; корсеты; свадебные и вечерние платья; мужская одежда; шляпы, аксессуары.	Премиум-сегмент: женская одежда и аксессуары; пошив для театра и кино; реконструкция для музеев.	Сценические, карнавальные, народные костюмы; танцевальная обувь; ростовые куклы; «одежда сцены» (занавесы).
Цена	От 7 000 до 250 000 руб. Наценка за большие размеры (+20%/+40%).	Не публикуется (премиум-сегмент).	Не публикуется. Ориентир на B2B (театры, коллективы, госзаказы).
Каналы	Сайт, ВК, Instagram* , Ярмарка Мастеров; ателье и шоу-рум в Екатеринбурге.	Сайт, группа ВК; шоу-рум и ателье в Твери.	Сайт, розничный магазин в Кирове; оптовые поставки по России и миру.
Продвижение	Демонстрация работ в соц-сетях; скидки, сертификаты; публичный договор о защите авторских прав.	Участие в международных показах (Милан); сотрудничество с музеями; публикации в СМИ.	B2B-коммуникация, работа через госзакупки; упор на опыт (с 1999 года).
Личность	«Антикварный модельер». Экспертный, доверительный тон. Ценности: ручной труд, эксклюзивность.	Сильный публичный бренд. Позиционирование через личные достижения и историю семьи.	Безличная компания. Официальный тон. Упоминает команду профессионалов без выделения личности.
Процесс	Консультация → эскиз → замеры → пошив → примерки → готовая работа. Работает с любыми городами.	Полный цикл: от разработки коллекций до пошива и реализации через шоу-рум.	Работа по заявкам. Собственное производство, склад тканей. Индивидуальные и оптовые заказы.

* Instagram, продукт компании Meta, признана экстремистской организацией в России.

Более тридцати лет модельер Наталья Сапожникова успешно работала без активного присутствия в социальных сетях: её известность формировалась через «сарафанное радио», публикации в профильных сообществах, участие в клубах реконструкции, тематических конкурсах, фестивалях и показах. Наталья – многократная победительница конкурса «Северная звезда», постоянная участница Недель моды в Санкт-Петербурге и член жюри конкурса «Мисс Юная Петербурженка». Её портфолио, представленное на «Ярмарке Мастеров», демонстрирует широкий спектр работ – от исторических реконструкций до современных сценических образов. Ключевая особенность, отличающая Наталью от большинства конкурентов, – её глубокая интеграция в субкультуру

исторической реконструкции. Она является активным членом военно-исторического клуба «Пятый Македонский легион» (Legio V Macedonica), который существует в Санкт-Петербурге с 2002 года и специализируется на эпохе Древнего Рима I-II веков нашей эры (рисунок 1). В рамках клуба Наталья не только участвует в реконструкциях, но и занимается просветительской деятельностью: проводит лекции и мастер-классы, в том числе по созданию римской мозаики. Такое погружение в историческую среду даёт ей уникальное конкурентное преимущество – понимание аутентичных материалов, кроя, поведения вещи в движении, что недоступно мастеру, работающему только по иллюстрациям.

Рис.1 – Наталья Сапожникова (слева) и две другие участницы военно-исторического клуба «Legio V Macedonica» в аутентичных костюмах римских матрон

Важным этическим и конкурентным преимуществом Натальи является её позиция в отношении параметров заказчиков. В отличие от многих модельеров, участвующих в конкурсах «Северная звезда» и других показах, где нередко диктуются жёсткие требования к внешности и размерам моделей, Наталья принимает заказы от клиентов любой комплекции, возраста и пола (рисунок 2, 3). Она шьёт по индивидуальным меркам для всех обратившихся, не де-

лая исключений. Это не только расширяет её аудиторию, включая людей крупного телосложения, родителей детей с нестандартными параметрами, а также мужчин больших размеров, но и формирует репутацию мастера с человеческим лицом. Отзывы на её странице «Ярмарки Мастеров» подтверждают, что клиенты ценят индивидуальную подгонку, что недоступно при покупке готовой фабричной одежды, качество исполнения и оперативность.

Рис. 2. – Примеры костюмов, созданных Натальей Сапожниковой: слева стилизация по мотивам сериала «Великолепный век», справа – автор в историческом платье эпохи барокко (XVII–XVIII века)

Таким образом, Наталья Сапожникова обслуживает несколько сегментов целевой аудитории: родители детей, заказывающих карнавальные и сказочные костюмы; люди крупного телосложения, включая женщин с размером одежды 50

и выше; участники исторической реконструкции из числа членов клубов и фестивалей; танцевальные и театральные коллективы (рисунок 3); конкурсантки и участницы светских мероприятий.

Рис. 3 – Автор и участницы детского танцевального коллектива в костюмах

Однако современная цифровая среда диктует новые требования к личному бренду: недостаточно только профессионального опыта, репутации и сарафанного радио. Необходимо системное продвижение в интернете, выстроенный стиль общения (tone of voice) и регулярная коммуникация с каждым из пере-

численных сегментов в социальных сетях, прежде всего в VK.

На основе проведённого конкурентного анализа и с учётом текущего положения бренда Натальи Сапожниковой был проведён SWOT-анализ показавший, что к сильным сторонам бренда можно отнести: многолетний опыт (более

30 лет), индивидуальный подход и гибкую систему скидок, наличие готовых работ и портфолио на «Ярмарке Мастеров», активное членство в военно-историческом клубе и просветительскую деятельность (лекции, мастер-классы), а также принципиальную работу с заказчиками любой комплектации без исключений. Слабые стороны объединяют отсутствие системного продвижения в социальных сетях, несформулированный tone of voice, отсутствие рекламы и слабую активность в VK. Возможности определяются как выход на новые цифровые каналы коммуникации, формирование узнаваемого стиля и рубрик, сотрудничество с тематическими блогерами, публикация итогов участия в фестивалях, конкурсах и показах. В качестве

угроз рассматриваются рост числа новых частных мастеров, популяризация прокатов вместо индивидуального пошива, переключение спроса на самостоятельное изготовление костюмов (DIY-обучение), а также усиление конкуренции со стороны крупных фабрик, выходящих на B2C-рынок.

Для перехода от диагностики к конкретным управленческим решениям применим матрицу парных комбинаций факторов SWOT [5]. В таблице 2 представлены стратегические направления развития личного бренда Натальи Сапожниковой, сформированные на основе сопоставления сильных и слабых сторон с возможностями и угрозами внешней среды, с учётом акцента на социальную сеть VK.

Таблица 2.
Матрица SWOT-решений для личного бренда Натальи Сапожниковой

Предмет анализа	Стратегическое решение
Сильные стороны + возможности	Опираясь на 30-летний опыт и портфолио, запустить в VK рубрику «За кулисами фестиваля» – посты с итогами участия в конкурсах и показах. Использовать индивидуальный подход для сотрудничества с блогерами-реконструкторами.
Сильные стороны + угрозы	Против роста числа мастеров и прокатов – создать серию постов «Ручная работа vs масс-маркет» с наглядным сравнением качества. Против DIY – короткие видео «Советы антикварного модельера» в VK Клипах, подчёркивающие ценность эксперта.
Слабые стороны + возможности	Компенсировать отсутствие системного продвижения: утвердить контент-план на 3 месяца (3 поста/неделю в VK). Выработать единый tone of voice (доверительный, с ноткой антикварного шарма) через рубрики: «Процесс», «Детали», «Вопрос-ответ», «История костюма: лекции онлайн», используя просветительский контент для привлечения новой аудитории, которая затем может перейти в сегмент заказчиков. Запустить таргетированную рекламу в VK на аудиторию исторических фестивалей.
Слабые стороны + угрозы	Для противодействия крупным фабрикам и новым мастерам – в первую очередь устранить слабость «отсутствие рекламы». Минимальные действия: настроить еженедельные посты и выделить бюджет от 2000 руб./мес. на таргет VK. Против DIY – ввести бесплатную мини-консультацию по фасону или материалам, превращая «самоучку» в лида.

Таким образом, результатом применения матрицы SWOT-решений является дорожная карта развития личного бренда Натальи Сапожниковой. Приоритетными стратегическими направлениями признаны: системное присут-

вие в VK с регулярными рубриками и опорой на фестивальное участие; запуск сравнительного контента, демонстрирующего преимущества индивидуального пошива перед фабричными изделиями и прокатом; использование таргети-

рованной рекламы для привлечения целевой аудитории; а также формирование доверительной коммуникации через экспертный tone of voice. Реализация этих мер позволит укрепить позициони-

рование бренда, дифференцировать его от массовых предложений и повысить конкурентоспособность модельера в цифровой среде.

Список источников и литературы

1. В модной индустрии растет спрос на продуктовых менеджеров и 3D-дизайнеров [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2026. – 25 марта. – URL: <https://rg.ru/2026/03/25/v-modnoj-industrii-rastet-spros-na-produktovyh-menedzherov-i-3d-dizajnerov.html> (дата обращения: 13.04.2026).
2. Деева Е. М., Курушин Д. А. Маркетинг услуг : учебное пособие. – Ульяновск : УлГТУ, 2015. – 218 с.
3. Ламбен Ж.-Ж. Менеджмент, ориентированный на рынок / Перев. с англ. под ред. В. Б. Колчанова. – СПб.: Питер, 2007. – 797 с.
4. Малова М. H2H-маркетинг: как построить доверительные отношения с клиентами в 2025 году [Электронный ресурс] // Деловой мир. – URL: <https://delovoyimir.biz/novaya-era-h2h-marketinga.html> (дата обращения: 12.04.2026).
5. Томпсон А.А., Стрикленд А. Дж. Стратегический менеджмент. Искусство разработки и реализации стратегии: Учебник для вузов / Пер. с англ. под ред. Л. Г. Зайцева, М. И. Соколовой. – М: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1998. – 576 с.

Астафьева-Румянцева Ирина Евгеньевна – к. филос. н., доцент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), rina.astafjewa@ya.ru

Сапожникова Екатерина Евгеньевна – студентка 1-го курса магистратуры по направлению «Реклама и связи с общественностью», Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), katerina.sigitova@gmail.com

COMPETITIVE ANALYSIS IN THE DEVELOPMENT OF A MARKETING STRATEGY FOR PROMOTING THE PERSONAL BRAND OF A HISTORICAL COSTUME DESIGNER

I. E. Astafjewa-Rumyantseva, E. E. Sapozhnikova

In the context of growing competition in niche segments of the fashion industry, private masters of historical costume are faced with the need to systematically promote their personal brand. However, many of them, despite their years of experience and reputation, lack the tools for strategic analysis of the market environment and decision-making in the digital realm. It is assumed that the application of the extended 7P model for competitive analysis and the subsequent development of a SWOT-solution matrix allows for the creation of a personal brand promotion roadmap that takes into account the unique features of the master, such as their professional achievements, integration into the historical reconstruction subculture, and ability to work with clients of all sizes. Based on the SWOT-solution matrix, strategic directions have been formulated: a systematic presence in VK with regular sections and a focus on festival experience; the launch of comparative content on "handmade vs factory"; targeted advertising; and the formation of an expert.

Keywords: personal brand, competitive analysis, historical costume designer, promotion strategy, SWOT analysis, SWOT decision matrix, 7P model, VK social network.

References

1. V modnoj industrii rastet spros na produktovykh menedzherov i 3D-dizajnerov [The Fashion Industry Sees Growing Demand for Product Managers and 3D Designers] [Electronic resource] // Rossijskaya gazeta [Russian Gazette]. – 2026. – 25 marta. – URL: <https://rg.ru/2026/03/25/v-modnoj-industrii-rastet-spros-na-produktovykh-menedzherov-i-3d-dizajnerov.html> (last request: 13.04.2026). (In Russ.)
2. *Deeva E. M., Kurushin D. A.* Marketing uslug: uchebnoe posobie [Services Marketing: A Textbook]. – Ulyanovsk: UIGTU, 2015. – 218 p. (In Russ.)
3. *Lambin Zh.-Zh.* Menedzhment, orientirovannyj na rynek [Lambin J.-J. Market-Oriented Management] / Per. s angl. pod red. V. B. Kolchanova. – Saint Petersburg: Piter, 2007. – 797 p. (In Russ.)
4. *Malova M.* H2H-marketing: kak postroit' doveritel'nye otnosheniya s klientami v 2025 godu [H2H Marketing: How to Build Trusting Relationships with Clients in 2025] [Electronic resource] // Delovoj mir [Business World]. – URL: <https://delovoymir.biz/novaya-era-h2h-marketinga.html> (last request: 12.04.2026). (In Russ.)
5. *Tompson A. A., Strickland A. Dzh.* Strategicheskij menedzhment. Iskusstvo razrabotki i realizacii strategii: Uchebnik dlya vuzov [Thompson A.A., Strickland A.J. Strategic Management: The Art of Strategy Development and Implementation: A Textbook for Universities] / Per. s angl. pod red. L. G. Zajceva, M. I. Sokolovoj. – Moscow: Banki i birzhi, YuNITI, 1998. – 576 p. (In Russ.)

Astafieva-Rumyantseva Irina Evgenievna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Political Sciences, The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), rina.astafjewa@ya.ru

Sapozhnikova Ekaterina Evgenievna – 1st-year graduate student in Advertising and Public Relations, The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), katerina.sigitova@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 15.05.2026; принята к публикации: 28.05.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Астафьева-Румянцева И. Е., Сапожникова Е. Е. Конкурентный анализ в разработке стратегии продвижения личного бренда модельера исторического костюма // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 2(16). – С. 178-184.

FOR CITATION:

Astafieva-Rumyantseva I. E., Sapozhnikova E. E. Konkurentnyj analiz v razrabotke strategii prodvizheniya lichnogo brenda model'era istoricheskogo kostyuma [Competitive analysis in the development of a marketing strategy for promoting the personal brand of a historical costume designer] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 178-184.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В XXI ВЕКЕ

К. Ю. Потаенкова

Статья представлена научным руководителем – к. и.н., доц. Гехтом А. Б.

В статье рассматривается трансформация ценностных ориентиров российского общества в XXI веке. Анализируются изменения в восприятии семьи, труда и цифровой среды как значимых сфер современной социальной жизни. Особое внимание уделяется влиянию интернета и социальных сетей на формирование новых критериев успеха, самопрезентации и публичного признания. Показано, что традиционные установки стабильности, коллективной ответственности и опоры на государство постепенно дополняются ценностями личного выбора, самореализации, психологического комфорта и автономии. Делается вывод о формировании новой ценностной конфигурации российского общества, в которой традиционные и современные ориентиры сосуществуют и взаимно дополняют друг друга.

Ключевые слова: ценностные ориентиры, российское общество, цифровизация, социальные сети, семья, труд, самореализация, публичность, индивидуализация.

За два десятилетия XXI века привычные ценности российского общества значительно трансформировались. В начале 2000-х годов в общественном сознании еще доминировали идеи стабильности, коллективного долга и опоры на государство, но со временем, под влиянием технологического прогресса, все большее значение начали приобретать темы личной реализации, свободы выбора и самоуважения.

Важным фактором этих преобразований стало стремительное распространение интернета и социальных сетей. С начала 2000-х годов они превратились из средств общения и обмена информацией в пространства самопрезентации и формирования новых критериев успеха, таких как узнаваемость, демонстрация комфортного уровня жизни и поддержание публичного имиджа.

Эта трансформация способствовала переносу части социальных ориентиров из традиционных сфер, таких как образование, работа и семья, в интернет-сообщества. Именно там все чаще формируются представления о благополучии и жизненных приоритетах. Молодые поколения особенно восприимчивы

к этим изменениям: публичная самопрезентация превратилась в социальный ресурс, влияющий и на отношения, и на построение карьеры.

В ценностной иерархии семьи глобальных изменений не произошло. По данным ВЦИОМ, семья остается самым значимым ориентиром для 67 % россиян [1]. Изменилось только представление о хорошей семье: на первое место вышли взаимопонимание, уважение личных границ и психологический комфорт. Этими показателями объясняется то, как высокий уровень разводов сочетается с декларируемой обществом важностью семьи.

В 2023 году зарегистрировано 684 тыс. разводов – это максимум за девять лет [2]. Сегодня брак все чаще воспринимается не как обязательная социальная норма, а как осознанный личный выбор, где право на разрыв отношений столь же естественно, как и решение их сохранить.

В сфере труда также зафиксированы изменения. Работа перестает восприниматься исключительно как способ получения дохода. Теперь, помимо экономических факторов, оцениваются воз-

возможности профессионального роста, самореализации и комфортные условия на рабочем месте. По данным ВЦИОМ, удовлетворенность россиян своей занятостью достигла 84 % – это наивысший показатель за годы наблюдений [3].

При выборе места работы все большее значение приобретают карьерный рост, атмосфера в коллективе и ощущение собственной значимости при выполнении задач. Эти изменения отражают значимый сдвиг: современный рынок труда постепенно перестает быть рынком работодателя и становится рынком соискателя.

Тем временем в цифровой среде наблюдаемость становится новой социальной нормой. Современные города научились видеть людей насквозь: в Москве действует около 230 тыс. камер, объединенных в единую систему видеонаблюдения, с 2020 года на ее базе работают аналитические сервисы городской безопасности [4].

Развитие этой системы уже не воспринимается исключительно как инструмент контроля. Скорее, оно становится привычным элементом городской инфраструктуры, обеспечивающим защиту и порядок. Подобная нормализация наблюдаемости показывает, что ценность безопасности все чаще связывается с готовностью общества принимать цифровые формы регулирования повседневной жизни.

Параллельно меняется отношение к видимости в онлайн-пространстве. Публичность в социальных сетях все чаще воспринимается, как признак открытости

и надежности, а не утратой приватности, как это было ранее. Само присутствие в цифровой среде становится формой социальной активности и способом выражения собственной идентичности.

Постепенно формируется новая картина мира, в которой открытость и готовность быть на виду воспринимаются, как естественная часть повседневной жизни. Цифровая среда не только отражает уже существующие ценности, но и активно участвует в их производстве, закреплении и распространении. Именно поэтому изменения в системе ценностных ориентиров нельзя рассматривать отдельно от технологической трансформации общества.

Подводя итог, следует отметить, что преобразования, происходящие в российских ценностях, отражают постепенное формирование нового общественного сознания. Идеалы стабильности и коллективной ответственности уступают место ценностям личного выбора, самореализации и аутентичности. Семья, работа и цифровая среда становятся сферами осознанного выбора, где человек стремится к внутреннему комфорту, самореализации и гармонии.

Технологическое развитие и продвижение индивидуализма усиливают автономию личности, но одновременно требуют новых форм доверия и открытости обществу. Таким образом, происходит постепенное обновление общественной культуры, в которой традиции и современность существуют, дополняя друг друга.

Список источников и литературы

1. Семья как ценность [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – 2024. – 24 января. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (дата обращения: 20.10.2025).
2. 8 из 10 союзов распадаются: главное о браках и разводах в России [Электронный ресурс] // РБК Тренды. – 2025. – 3 апреля. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/67eb9ba99a7947165b574ab9> (дата обращения: 20.10.2025).
3. Не только деньги: о факторах выбора работы в России [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. – 2024. – 4 апреля. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ne-tolko-dengi-ili-o-faktorakh-vybora-raboty-v-rossii> (дата обращения: 20.10.2025).

4. Москва стала одним из самых безопасных мегаполисов мира [Электронный ресурс] // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. — 2024. — 5 марта. — URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/10847050/> (дата обращения: 22.10.2025).

Потаенкова Ксения Юрьевна – студент, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), kpotaenkovaa@gmail.com

Гехт Антон Борисович – научный руководитель – к. и. н., доцент, заведующий кафедрой истории и регионоведения, заместитель декана факультета СТЭД по научной работе, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), a.geht@yandex.ru

TRANSFORMATION OF VALUE ORIENTATIONS OF RUSSIAN SOCIETY IN THE 21st CENTURY

K. Yu. Potaenkova

*The article is presented by the scientific supervisor – Candidate of Historical Sciences,
Associate professor. Gekht A. B.*

The article examines the transformation of value orientations of Russian society in the 21st century. It analyzes changes in perceptions of family, work and the digital environment as significant spheres of modern social life. Special attention is paid to the influence of the Internet and social networks on the formation of new criteria of success, self-presentation and public recognition. The article shows that traditional attitudes toward stability, collective responsibility and reliance on the state are gradually being supplemented by the values of personal choice, self-realization, psychological comfort and autonomy. The conclusion is made that a new value configuration of Russian society is being formed, in which traditional and modern orientations coexist and complement each other.

Keywords: value orientations, Russian society, digitalization, social networks, family, work, self-realization, publicity, individualization.

References

1. Sem'ya kak cennost' [Family as a Value] [Electronic resource] // VCIOM [Russian Public Opinion Research Center]. – 2024. – 24 January. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (last request: 20.10.2025). (In Russ.)

2. 8 iz 10 soyuzov raspadayutsya: glavnoe o brakakh i razvodakh v Rossii [8 out of 10 Unions Break Up: The Main Facts about Marriages and Divorces in Russia] [Electronic resource] // RBK Trendy [RBC Trends]. – 2025. – 3 April. – URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/67eb9ba99a7947165b574ab9> (last request: 20.10.2025). (In Russ.)

3. Ne tol'ko den'gi: o faktorakh vybora raboty v Rossii [Not Only Money: On the Factors of Job Choice in Russia] [Electronic resource] // VCIOM [Russian Public Opinion Research Center]. – 2024. – 4 April. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ne-tolko-dengi-ili-o-faktorakh-vybora-raboty-v-rossii> (last request: 20.10.2025). (In Russ.)

4. Moskva stala odnim iz samykh bezopasnykh megapolisov mira [Moscow Has Become One of the Safest Megacities in the World] [Electronic resource] // Oficial'nyj portal Mera i Pravitel'stva Moskvy [Official Portal of the Mayor and the Government of Moscow]. – 2024. – 5 March. – URL: <https://www.mos.ru/mayor/themes/10847050/> (last request: 22.10.2025). (In Russ.)

Potaenkova Kseniya Yuryevna – student, The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), kpotaenkovaa@gmail.com

Gekht Anton Borisovich – Scientific supervisor – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History and Regional Studies, Deputy Dean of the Faculty of STEAD for Scientific Work, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), a.geht@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 07.05.2026; принята к публикации: 29.05.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Потаенкова К. Ю. Трансформация ценностных ориентиров российского общества в XXI веке // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 2(16). – С. 185-188.

FOR CITATION:

Potaenkova K. Yu. Transformatsiya tsennostnykh orientirov rossiyskogo obshchestva v XXI veke [Transformation of value orientations of Russian society in the 21st century] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 185-188.

БИОКОМПЬЮТЕР CL1: КАК ИСКУССТВЕННЫЙ МОЗГ ИЗ СТВОЛОВЫХ КЛЕТОК МЕНЯЕТ ПАРАДИГМУ ВЫЧИСЛЕНИЙ И БУДУЩЕЕ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА

К. Р. Хайдаршин, А. А. Харлова

Статья представлена научным руководителем – к. т. н., доц. Белой Т. И.

В статье рассматриваются перспективы биологических вычислений как альтернативы кремниевой электронике, развитие гибридных биокомпьютеров с фокусом на платформе CL1 компании Cortical Labs, где человеческие нейроны, выращенные из стволовых клеток, интегрированы с электродной матрицей на чипе. Описываются методы поддержания живой среды, двусторонняя коммуникация, обучение нейронов в игровых задачах, а также перспективы нейроморфных ИИ и вызовы биоэтики, надежности и энергоэффективности.

Ключевые слова: биокомпьютер, гибридные системы, нейронные культуры, мозг-на-чипе, биоэтика, энергоэффективность.

Вычислительная техника за последние десятилетия достигла огромного прогресса. Дальнейшее развитие кремниевых схем сталкивается с фундаментальными ограничениями: миниатюризацией транзисторов, приближающейся к физическим пределам; ростом тепловых потерь и энергозатрат; масштабируемостью архитектур. В результате, возрастает интерес к направлениям, выходящим за пределы классических электронных схем. В силу целого ряда причин появляется новая концепция — использование биологических или биохимических процессов как вычислительной среды, то есть так называемые биокомпьютеры или «мокрые компьютеры» (*wetware computers*).

В отличие от классических электронных компьютеров, где вычисления осуществляются посредством электрических сигналов, транзисторов и цифровой логики, биокомпьютеры есть **объединение** биологии, химии, биоинженерии и информатики, открывающее принципиально новые архитектуры обработки данных — с высокой степенью параллелизма, самовосстановлением, адаптацией и крайне высокой плотностью хранения информации, опирающееся на биохимические взаимодействия, молекулярные

гибридизации, ферментативные реакции, клеточную сеть или нейронные связи. Например, в системах на основе ДНК вычисление может производиться посредством гибридизации цепочек, ингибирования ферментов, самоассамблеи, что позволяет реализовать логические операции и алгоритмические конструкции.

Основным преимуществом систем является массовый параллелизм: в растворе миллиарды молекул, ферментов, в тканях — целых клеток, обладающих высокой плотностью информации и низким электропотреблением, которые могут взаимодействовать между собой одновременно, что позволяет решать комбинаторные задачи гораздо быстрее, чем серийный цифровой процессор [5]. Примером является ранний эксперимент *Leonard Adleman* (1994 г.), где была продемонстрирована ДНК-реализация задачи о гамильтоновом пути (*Hamiltonian Path Problem*) [1].

Существующие исследования по теме можно разделить на несколько ключевых направлений: ДНК-компьютеры, белковые и клеточные вычисления, гибридные системы (биоэлектронные интерфейсы), нанобиомолекулярные сети и самоорганизующиеся структуры.

ДНК-компьютеры – это вычислительные системы, которые используют биологические молекулы ДНК, РНК и ферменты для хранения и обработки данных. Они действуют в водной среде в пробирке. В основе их работы лежит химическая реакция – комплементарное связывание нуклеотидов (Аденин с Тимином и Гуанин с Цитозином). В ДНК-компьютерах сама молекула ДНК выступает одновременно и в роли носителя памяти, и в роли программного обеспечения, при этом плотность хранения информации в теории достигает 10^{18} бит на см^3 [7].

В контексте белковых и клеточных вычислений в качестве вычислительных элементов выступают белки-регуляторы, ферменты или целые живые клетки, и, в отличие от ДНК-компьютеров, которые полагаются на комплементарное связывание нуклеотидов, белковые и клеточные системы способны обрабатывать сигналы, выполнять логические операции и генерировать выходные **биомолекулы**, имитируя принципы работы живых биологических сетей [2].

Нанобиомолекулярные сети и самоорганизующиеся структуры – это передовое направление молекулярных вычислений, в котором вычисления выполняются за счет сложной динамики самоорганизующихся физических систем на основе молекул ДНК или ферментов. Базовой технологией в этом направлении выступают резервуарные вычисления, а для их эффективной настройки применяется направленная эволюция топологий биомолекулярных сетей, осуществляемая прямо в материальном слое [6].

Однако наибольшего прогресса на текущий момент достигли гибридные схемы.

Под гибридными схемами понимается интеграция живых биологических тканей, например, нейронных культур, с электронными компонентами, что позволяет им обмениваться данными с цифровыми устройствами. Данные схемы лежат в основе разработки «живых

сенсоров», интерфейсов мозг–машина и новых вычислительных архитектур.

Работа над интерфейсами мозг–машина тесно связана с развитием всей области в целом. Компании *Neuralink* и *Synchron* разрабатывают высокоплотные имплантаты для интеграции с живым мозгом, решая схожие задачи записи и стимуляции нейронной активности [4]. Эти усилия в медицинской сфере закладывают технологический фундамент для будущих гибридных систем, создавая мост между цифровым миром и биологической тканью.

Пионерами в создании гибридных схем на основе нейронов выступают стартапы вроде *Koniku*, разрабатывающие био-гибридные чипы для распознавания запахов; и *FinalSpark*, предлагающие удаленный доступ к нейронным культурам для исследований.

Одним из наиболее ярких достижений направления стал *CL1*, гибридный биокомпьютер компании *Cortical Labs*, объединяющий человеческие нейроны, выращенные из стволовых клеток, с электронным чипом [3].

В основе такой системы лежит в первую очередь производство нейронов. Для решения этой задачи используются индуцированные плюрипотентные стволовые клетки человека (*Induced Pluripotent Stem Cells, iPSC*), то есть зрелые клетки, например, фибробласты кожи или клетки крови, в которые ввели определенный набор белков для их перевода в эмбриональное состояние. Полученные клетки дифференцируют в моторные, сенсорные или кортикальные нейроны.

Биологическая часть поддерживается питательными растворами из глюкозы, аминокислот, антиоксидантов и витаминов и системой контроля параметров среды; размещается на многоканальной электродной матрице (*Multielectrode Array, MEA*). В выросшей поверх *MEA* сети аксоны и дендриты пересекаются с электродами, которые теперь могут регистрировать всплески

активности нейронов или стимулировать их, что позволяет запустить цикл обучения с подкреплением (*Reinforcement Learning, RL*).

Другими словами, электроника обеспечивает управление и сбор данных, а внешнее программное обеспечение – анализ сигналов и обратную связь. Таким образом, *CL1* представляет собой «мозг-на-чипе», где электронная и биологическая составляющие функционируют как единая вычислительная система.

В лабораторных экспериментах нейроны *CL1* обучались реагировать на внешние сигналы — например, в ранней версии системы нейроны смогли «научиться» играть в простую видеоигру *Pong*, адаптируясь к стимулам и вырабатывая устойчивые паттерны активности. Это показало способность нейронной сети к обучению через обратную связь, что является фундаментальным отличием от жестко детерминированных кремниевых логических схем.

Передача сигналов в данной гибридной схеме (рис. 1) организована как замкнутый цикл между симулированной компьютерной средой и биологической культурой нейронов, выращенных на чипе. Этот цикл состоит из двух ключевых каналов: прямого и обратного.

Прямой канал передает данные из внешней среды нейронам. Симулированная компьютерная среда генерирует текущие внешние состояния – например, координаты мяча и положение ракетки в игре. Эти дискретные параметры преобразуются в паттерны электрических стимулов, которые через микроэлектроды чипа подаются на живую нейронную сеть. Нейроны воспринимают эти стимулы как афферентные сигналы, вызывая деполяризацию мембран и генерацию потенциалов действия. Так внешние события кодируются в нейронную активность, формируя внутренние состояния сети.

Рис. 1. Архитектура замкнутой гибридной системы биокомпьютера *CL1*.

Спонтанная и целенаправленно вызванная активность нейронов непре-

рывно регистрируется теми же микроэлектродными – включается режим запи-

си. Амплитудно-временные паттерны спайков, коротких и сильных электрических импульсов, оцифровываются и декодируются в управляющие команды — например, движение ракетки влево или вправо. Этот сигнал подается обратно в симуляцию как выходной сигнал, изменяя внешние состояния среды через так называемый обратный канал. Одновременно система оценивает степень предсказуемости следующей стимуляции: если действие нейронов привело к упорядоченному ходу игры — возникает положительная обратная связь; если к хаосу — отрицательная.

Ключевой механизм адаптации системы — принцип свободной энергии. Нейроны пластически перестраивают свою активность в реальном времени, чтобы минимизировать ошибку предсказания между ожидаемой и реальной стимуляцией. Таким образом, биологическая сеть обучается играть целенаправленно без внешнего алгоритма — исключительно за счёт замкнутого контура из стимула, внутреннего состояния и действия. Это демонстрирует вычислительную парадигму, где живая материя выступает аналоговым процессором, подчиняющимся тем же принципам минимизации свободной энергии, что и биологический мозг.

Биокомпьютеры типа *CL1* могут стать аппаратной основой для нейроморфных ИИ-систем, способных к обучению без традиционных цифровых сетей. Их живая природа обеспечивает свойства обобщения и непредсказуемого

творчества, которые трудно реализовать в программном коде.

В долгосрочной перспективе *CL1* может привести к появлению гибридных дата-центров, где часть вычислений выполняется живыми нейронными узлами. Это позволит снизить энергозатраты и расширить адаптивность систем в реальном времени.

Однако, несмотря на все перспективы и преимущества использование живых тканей, клеток или нейронных сетей вызывает вопросы биоэтики, надежности, воспроизводимости и безопасности. Живые клетки требуют постоянных условий и имеют ограниченный жизненный цикл. Долговременная эксплуатация таких систем остается сложной задачей.

Вплоть до 2024 года понимание нутритивной поддержки головного мозга базировалось на экстраполяции общих биохимических знаний, а не на детализированных данных о его уникальных и динамичных метаболических потребностях. Парадигма биологических вычислений бросает вызов не только инженерной мысли, но и самим основам нашего самопонимания.

Цифровое общество вынуждено выйти за рамки обсуждения данных и алгоритмов и вступить в эру нейрофилософии, где от ответов на вопросы о сути мышления и этических границах его модификации будет напрямую зависеть траектория технологического и цивилизационного развития.

Список источников и литературы

1. *Adleman L. M.* Molecular computation of solutions to combinatorial problems // *Science*. – 1994. – Vol. 266, No. 5187. – P. 1021–1024. – DOI: 10.1126/science.7973651.
2. *Hu Y.* Intelligent molecular logic computing toolkits: nucleic acid-based construction, functionality, and enhanced biosensing applications / Y. Hu, J. Zhang, K. Shen, W. Shen, H. K. Lee, S. Tang // *Chemical Science*. – 2025. – Vol. 16, Issue 43. – P. 20139–20180. – DOI: 10.1039/d5sc06176h.
3. *Kagan B. J.* The CL1 as a platform technology to leverage biological neural system functions // *Nat Rev Bioeng*. – 2025. – Vol. 3. – P. 724–725. – DOI: 10.1038/s44222-025-00340-3.
4. *Lavazza A.* Neuralink's brain-computer interfaces: medical innovations and ethical challenges // *Frontiers in Human Dynamics*. – 2025. – Vol. 3. – Article 1553905. – DOI: 10.3389/fhumd.2025.1553905.

5. Organoid intelligence (OI): the new frontier in biocomputing and intelligence-in-a-dish / L. Smirnova, B. S. Caffo, D. H. Gracias, Q. Huang, I. E. Morales Pantoja, B. Tang, D. J. Zack, C. A. Berlinicke, J. L. Boyd, T. D. Harris, E. C. Johnson, B. J. Kagan, J. Kahn, A. R. Muotri, B. L. Paulhamus, J. C. Schwamborn, J. Plotkin, A. S. Szalay, J. T. Vogelstein, P. F. Worley, T. Hartung // *Frontiers in Science*. – 2023. – Vol. 1. – Article 1017235. – DOI: 10.3389/fsci.2023.1017235.

6. *Steinkühler J.* Directed evolution effectively selects for DNA based physical reservoir computing networks capable of multiple tasks / J. Steinkühler, T. Pandey // *arXiv*. – 2025. – URL: <https://arxiv.org/pdf/2509.04000> (дата обращения: 03.05.2026).

7. *Yang S.* DNA as a universal chemical substrate for computing and data storage / S. Yang, B. W. A. Bögels, F. Wang, C. Xu, H. Dou, S. Mann, C. Fan, T. F. A. de Greef // *Nature Reviews Chemistry*. – 2024. – Vol. 8, Issue 3. – P. 179–194. – DOI: 10.1038/s41570-024-00576-4.

Хайдаршин Константин Радимович – студент, группа ИКПИ-23, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), kosthaydarshin@gmail.ru.

Харлова Алёна Александровна – студент, группа ИКПИ-23, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), khrlw@gmail.com

Белая Татьяна Иоановна – научный руководитель – к. т. н., доцент, доцент кафедры программной инженерии и вычислительной техники, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), belaya.ti@sut.ru

CL1 BIOCOMPUTER: HOW ARTIFICIAL BRAIN FROM STEM CELLS IS CHANGING THE COMPUTING PARADIGM AND THE FUTURE OF DIGITAL SOCIETY

K. R. Khaidarshin, A. A. Kharlova

The article is presented by the scientific supervisor – Candidate of Technical Sciences, Associate professor. Belaya T. I.

The article discusses the prospects of biological computing as an alternative to silicon electronics. development of hybrid biocomputers with a focus on the company's CL1 platform Cortical Labs, where human neurons grown from stem cells are integrated with an electrode matrix on a chip. It describes methods for maintaining a living environment, two-way communication, training neurons in game tasks, as well as the prospects for neuromorphic AI and the challenges of bioethics, reliability and energy efficiency.

Keywords: biocomputer, hybrid systems, neural cultures, brain-on-a-chip, bioethics, energy efficiency.

References

1. *Adleman L. M.* Molecular computation of solutions to combinatorial problems // *Science*. – 1994. – Vol. 266, No. 5187. – P. 1021–1024. – DOI: 10.1126/science.7973651.

2. *Hu Y.* Intelligent molecular logic computing toolkits: nucleic acid-based construction, functionality, and enhanced biosensing applications / Y. Hu, J. Zhang, K. Shen, W. Shen, H. K. Lee, S. Tang // *Chemical Science*. – 2025. – Vol. 16, Issue 43. – P. 20139-20180. – DOI: 10.1039/d5sc06176h.

3. *Kagan B. J.* The CL1 as a platform technology to leverage biological neural system functions // *Nat Rev Bioeng*. – 2025. – Vol. 3. – P. 724-725. – DOI: 10.1038/s44222-025-00340-3.

4. *Lavazza A.* Neuralink's brain-computer interfaces: medical innovations and ethical challenges // *Frontiers in Human Dynamics*. – 2025. – Vol. 3. – Article 1553905. – DOI: 10.3389/fhumd.2025.1553905.

5. Organoid intelligence (OI): the new frontier in biocomputing and intelligence-in-a-dish / L. Smirnova, B. S. Caffo, D. H. Gracias, Q. Huang, I. E. Morales Pantoja, B. Tang, D. J. Zack, C. A. Berlinicke, J. L. Boyd, T. D. Harris, E. C. Johnson, B. J. Kagan, J. Kahn, A. R. Muotri, B. L. Paulhamus, J. C. Schwamborn, J. Plotkin, A. S. Szalay, J. T. Vogelstein, P. F. Worley, T. Hartung // *Frontiers in Science*. – 2023. – Vol. 1. – Article 1017235. – DOI: 10.3389/fsci.2023.1017235.

6. *Steinkühler J.* Directed evolution effectively selects for DNA based physical reservoir computing networks capable of multiple tasks / J. Steinkühler, T. Pandey // *arXiv*. – 2025. – URL: <https://arxiv.org/pdf/2509.04000> (last request: 03.05.2026).

7. *Yang S.* DNA as a universal chemical substrate for computing and data storage / S. Yang, B. W. A. Bögels, F. Wang, C. Xu, H. Dou, S. Mann, C. Fan, T. F. A. de Greef // *Nature Reviews Chemistry*. – 2024. – Vol. 8, Issue 3. – P. 179-194. – DOI: 10.1038/s41570-024-00576-4.

Khaidarshin Konstantin Radimovich – student, IKPI-23 group, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), kosthaydarshin@gmail.ru .

Harlova Alyona Aleksandrovna – student, IKPI-23 group, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), khrlw@gmail.com

Belaya Tatiana Ioanovna – scientific supervisor – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Software Engineering and Computer Engineering, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), belaya.ti@sut.ru

Статья поступила в редакцию: 17.05.2026; принята к публикации: 30.05.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Хайдаршин К. Р., Харлова А. А. Биокomпьютер CL1: как искусственный мозг из стволовых клеток меняет парадигму вычислений и будущее цифрового общества // *Социогуманитарные коммуникации*. – 2026. – № 2(16). – С. 189-194.

FOR CITATION:

Khaidarshin K. R., Kharlova. A. A. Biokomp'yuter CL1: kak iskusstvennyy mozg iz stvolovykh kletok menyaet paradigmu vychisleniy i budushchee tsifrovogo obshchestva [CL1 biocomputer: how artificial brain from stem cells is changing the computing paradigm and the future of digital society] // *Sociogumanitarnye kommunikacii* [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 189-194.

ГРАНИЦА МЕЖДУ СУБЪЕКТИВНОСТЬЮ И ОБЪЕКТИВНОСТЬЮ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЛОГЕРОВ-ЖУРНАЛИСТОВ

С. П. Дронникова, Р. А. Жадан

Статья посвящена анализу соотношения субъективности и объективности в деятельности блогеров-журналистов в современном медиaprостранстве. Рассматриваются особенности блогерской журналистики как синтеза личной позиции и профессиональных стандартов, а также влияние субъективности на доверие аудитории. Особое внимание уделяется понятию «ответственной субъективности» и необходимости соблюдения баланса между самовыражением и достоверностью информации.

Ключевые слова: блогеры-журналисты, журналистика, медиaprостранство, субъективность, объективность, коммуникация, доверие, мнение.

В последние годы медиaprостранство претерпело существенные изменения: традиционные СМИ утратили монополию на распространение информации, уступив значительную часть аудитории блогерам и независимым авторам. В современном мире именно представители блогосферы становятся для миллионов пользователей основным источником новостей, аналитики и общественных оценок. Вместе с ростом влияния блогеров актуализируется проблема разграничения субъективности и объективности в их деятельности. С одной стороны, персональная точка зрения и индивидуальный стиль составляют основу их идентичности и способствуют формированию устойчивой аудитории, которая разделяет и воспринимает предлагаемую позицию, что и формирует его авторитет. С другой стороны, при обращении к освещению социально значимых вопросов, к их материалам предъявляются требования, характерные для профессиональной журналистики – ожидается фактологическая точность, верификация данных и сбалансированность подачи. Вследствие некорректной формулировки материала и представления готовых выводов данная область утрачивает объективность. Понимание того, как блогеры могут совмещать личную позицию с профессиональной ответственностью, становится

ключевым для развития современной журналистики и доверия общества к источникам информации.

Блогерская журналистика представляет собой синтез традиционной журналистики и персонального медиа. В отличие от редакционных изданий, где материалы проходят фильтр редакционной политики и фактчекинга, блогер создаёт контент самостоятельно, ориентируясь на личные взгляды, эмоции и отклик аудитории. Такое положение даёт свободу, но и повышает риск смещения в сторону субъективности. Если классическая журналистика основывается на принципах объективности, достоверности и баланса мнений, то блогосфера опирается на авторскую позицию и эмоциональную подачу.

Объективность один из ключевых профессиональных стандартов журналистики, наряду с достоверностью, точностью, полнотой и соблюдением этических норм [1]. Объективность подразумевает:

1. Передачу фактов без искажения. Журналист сообщает то, что действительно произошло, а не то, что соответствует его личным убеждениям или интересам редакции;

2. Баланс мнений. Если тема конфликтна, журналист должен предоставить слово разным сторонам, особенно если их позиции различаются;

3. Отделение фактов от комментариев. Факт и оценка не должны смешиваться; если журналист выражает мнение, оно должно быть обозначено как таковое.

Традиционная журналистика основывается на принципах общественной ответственности, доверия аудитории и этики профессии. Для блогера, особенно работающего без редакции, данные принципы могут казаться ограничением творческой свободы, именно они формируют доверие аудитории и отличают журналистику от пропаганды, инструмента влияния или субъективного мнения.

В работе блогера-журналиста субъективность выступает в качестве инструмента самовыражения и способом коммуникации с аудиторией, выражая личное мнение автора к происходящему. Она помогает:

1. Создать уникальный стиль подачи информации;
2. Передать эмоции и личное восприятие событий, усиливая вовлечённость читателя;
3. Выразить гражданскую позицию, становясь активным участником общественного диалога;
4. Отстроиться от безликости традиционных СМИ, где журналист часто скрыт за редакционной политикой.

В традиционных СМИ субъективность старались минимизировать ради доверия аудитории. В блогерской журналистике, напротив, личность автора становится брендом, и субъективность превращается в главный источник доверия.

Субъективность – это не всегда недостаток. В контексте блогинга она становится частью авторского стиля. Подписчики ждут от блогера не столько «сухих» фактов, сколько личной интерпретации, эмоций и оценки происходящего [2]. Таким образом, субъективность превращается в форму коммуникации: через личный опыт автор помогает аудитории осмыслить события, сделать их ближе и понятнее. Однако опасность возникает тогда, когда мнение выдаётся

за факт, а эмоциональная реакция за журналистское расследование.

Граница между субъективностью и объективностью не является фиксированной, она динамична и зависит от контекста, формата и целей автора. Условно её можно провести по различным критериям. В объективности целью публикации становится информирование, а основой являются проверенные факты и достоверные источники, а в субъективной позиции цель выразить свое мнение и за основу берутся эмоции и личный опыт. Объективная позиция предоставляет аудитории данные для самостоятельного анализа, принятия решений и выбора стороны, в случае субъективной позиции блогер-журналист формирует у аудитории собственное мнение и предоставляет уже готовую точку зрения, делая ее авторитетной.

Исследование М. М. Назарова и В. Н. Иванова на тему «Популярные журналисты и блогеры в российской информационной среде: доверие и социальные представления аудитории» доказывает, что граница между объективностью и субъективностью в медиа становится всё менее чёткой [3]. Для многих зрителей «объективность» больше не означает беспристрастность, а субъективная позиция блогера, если она совпадает с мировоззрением аудитории, воспринимается как «честность» и даже как форма собственной объективности. Работа была посвящена анализу доверия аудитории к блогерам и журналистам в современном медиaprостранстве. Традиционная объективность журналистов вызывает у аудитории недоверие, а личная, откровенная субъективность и открытая позиция завоевывает внимание.

Граница не является линией, а зоной контакта, в которой появляется «ответственная субъективность» – проверенные факты, обозначение собственных эмоций и объяснение выводов. Блогер-журналист находится в точке, где лич-

ное восприятие служит не искажением, а инструментом понимания.

Деятельность Ксении Собчак репрезентует модель гибридной коммуникации, в которой осуществляется синтез субъективной авторской позиции и профессиональных стандартов верификации фактов. В интервью-проектах она задаёт острые вопросы и опирается на подготовленные данные, но делает это в ярко выраженной авторской манере. Её субъективность проявляется в выборе тем и эмоциональной подаче, а объективность в структуре и фактической базе беседы.

Ответственный блогер-журналист осознаёт, что аудитория воспринимает его слова как источник информации,

обозначая грань между фактом и комментарием разделяя новости и личные размышления, добавляя ссылки на источники, признавая возможные ошибки.

Деятельность блогеров-журналистов сочетает объективность профессионала и субъективность автора. Вне редакционных рамок они полностью отвечают за достоверность информации и влияние своих взглядов на общество. Важно сохранять честность, не теряя индивидуальности. Современная медиасфера требует новой культуры ответственности и прозрачности, чтобы блогинг мог быть не только развлечением, но и просветительским, общественно значимым и заслуживающим доверия источником.

Список источников и литературы

1. Назаров М. М., Иванов В. Н. Популярные журналисты и блогеры в российской информационной среде: доверие и социальные представления аудитории / М. М. Назаров, В. Н. Иванов // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2024. Т. 24. № 2. – С. 387-403. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-387-403

2. Федорова М. В. Особенности отношений видеоблогинга и традиционной журналистики // Молодой ученый. – 2021. – № 25 (367). – С. 381-383. – URL: <https://moluch.ru/archive/367/82473> (дата обращения: 17.10.2025).

3. Психологические аспекты объективности и предвзятости СМИ [Электронный ресурс] // Spravochnik.ru: электрон. науч.-попул. справочник. – URL: https://spravochnik.ru/zhurnalistika/psihologicheskie_aspekty_obektivnosti_i_predvzyatosti_smi (дата обращения: 16.10.2025).

Дронникова Софья Петровна – студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), soffidronnikova@mail.ru

Жадан Роман Алексеевич – ассистент кафедры социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), Zhadan_2000@bk.ru

THE BOUNDARY BETWEEN SUBJECTIVITY AND OBJECTIVITY IN THE WORK OF BLOGGER-JOURNALISTS

S. P. Dronnikova R. A. Zhadan

The article analyzes the relationship between subjectivity and objectivity in the work of blogger-journalists in the modern media space. It examines the specifics of blogger journalism as a synthesis of personal perspective and professional standards, as well as the impact of subjectivity on audience trust. Particular attention is given to the concept of “responsible subjectivity” and the need to balance self-expression with the reliability of information.

Keywords: blogger-journalists, journalism, media space, subjectivity, objectivity, communication, trust, opinion.

References

1. *Nazarov M. M., Ivanov V. N.* Populyarnye zhurnalisty i blogery v rossijskoj informacionnoj srede: doverie i social'nye predstavleniya auditorii [Popular Journalists and Bloggers in the Russian Information Environment: Trust and Social Representations of the Audience] / M. M. Nazarov, V. N. Ivanov // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia]. – 2024. Vol. 24. No. 2. – pp. 387-403. DOI: 10.22363/2313-2272-2024-24-2-387-403 (In Russ.)

2. *Fedorova M. V.* Osobennosti otnoshenij videoblogginga i tradicionnoj zhurnalistiki [Characteristics of the Relationship between Video Blogging and Traditional Journalism] // Molodoj uchenyj [Young Scientist]. – 2021. – No. 25 (367). – pp. 381-383. – URL: <https://moluch.ru/archive/367/82473> (last request: 17.10.2025). (In Russ.)

3. Psikhologicheskie aspekty ob'ektivnosti i predvzyatosti SMI [Psychological Aspects of Objectivity and Bias in the Media] [Electronic resource] // Spravochnick.ru: e'lektron. nauch.-popul. spravochnik [Spravochnick.ru: electronic scientific-popular reference book]. – URL: https://spravochnick.ru/zhurnalistika/psihologicheskie_aspekty_obektivnosti_i_predvzyatosti_smi (last request: 16.10.2025). (In Russ.)

Dronnikova Sofia Petrovna – second-year student, The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), soffidronnikova@mail.ru

Zhadan Roman Alekseevich – assistant, department of social-political sciences, The Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), zhadan_2000@bk.ru

Статья поступила в редакцию: 07.05.2026; принята к публикации: 27.05.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Дронникова С. П., Жадан Р. А. Граница между субъективностью и объективностью в деятельности блогеров-журналистов // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 2(16). – С. 195-198.

FOR CITATION:

Dronnikova S. P., Zhadan R. A. Granitsa mezdu sub'ektivnost'yu i ob'ektivnost'yu v deyatel'nosti blogerov-zhurnalistov [The boundary between subjectivity and objectivity in the work of blogger-journalists] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. № 2(16). P. 195-198.

DEVELOPMENT AND APPLICATION OF A GLASSES-FREE 3D DISPLAY SYSTEM BASED ON A PSEUDO-HOLOGRAPHIC PYRAMID

N. I. Shchedrin

The article is presented by the scientific supervisor – Senior Lecturer, Marsheva N. V.

This article presents a study on the design and implementation of an affordable, glasses-free 3D visualization system utilizing a pseudo-holographic pyramid. It outlines the technology's working principles, presents a practical implementation case, and discusses its potential applications in education. The results confirm the effectiveness of this approach for creating engaging 3D illusions without specialized hardware.

Keywords: reflective optics, Pepper's Ghost illusion, prototype development, educational tools, 3D modelling, visual demonstration.

The continuous evolution of digital display technologies has increased demand for immersive visual experiences that require no specialized user equipment. Recent studies highlight that glasses-free stereoscopic displays are gaining traction in various professional and educational fields [1]. Glasses-free three-dimensional (3D) visualization represents a significant step forward in making digital content more accessible and intuitive to interact with. Research confirms that students find such three-dimensional tools engaging and effective for understanding complex structures, which supports the growing interest in implementing these technologies in educational settings [2]. This study explores a low-cost solution based on established optical principles to create compelling 3D content. Such visualizations can improve learning comprehension, attract audience attention, and serve as effective demonstration tools. The primary goal of this work is to develop and validate a functional pseudo-holographic display system. To accomplish this, three main tasks were undertaken. First, a comparative analysis of contemporary glasses-free 3D visualization techniques was conducted. Second, original 3D digital content was created and prepared through modelling, texturing, and animation specifically optimized for pyramid projection. Finally, this digital content was integrated

with the existing pyramid structure to evaluate the system's perceptual effectiveness.

Modern technologies for creating 3D images without glasses can be broadly categorized into systems that generate pseudo-3D optical illusions and those that produce true volumetric or holographic images [3].

Pseudo-3D illusion systems are among the most historically significant and widely accessible. The foundation of this category is the Pepper's Ghost illusion, which operates on a simple principle where a high-contrast image from a hidden source reflects onto a transparent surface placed at a 45-degree angle to the viewer. This optical arrangement creates a semi-transparent, ghost-like object integrated into physical space. The technique's advantages include simplicity, low cost, and strong visual impact, explaining its enduring popularity in theatres, museums, and educational exhibits [4]. However, its main limitation is the inability to reconstruct a true light field, offering only monocular depth cues [3].

An evolution of this concept is the Holographic Pyramid Display, which expands the Pepper's Ghost principle into a multi-faceted format. Typically configured as a four-sided transparent pyramid, it uses a single horizontal screen beneath the structure. A specially formatted video

with four synchronized views of a 3D object plays on the screen, with each pyramid face reflecting one view to create a composite image that appears as a solid 3D model floating inside. As viewers move around the display, they see different object sides, significantly enhancing the spatial presence and depth illusion compared to basic Pepper's Ghost setups [3]. Modern implementations use advanced digital rendering for realistic animated sequences, increasing system interactivity and appeal [3, 4].

The practical implementation involved creating a working prototype beginning with digital reconstruction of the "Bonch Tigers" SPbSUT mascot. Using ZBrush, a high-resolution digital sculpture was developed, then created a low-polygon version through retopology for smooth performance. Texturing in Substance Painter

produced essential material maps including Albedo for base color, Roughness for surface glossiness, and Normal for simulating detailed surfaces. These maps ensured realistic material response under the pyramid's reflective conditions. Then a seamless 360-degree rotation in Blender was established, rendering the scene with Cycles path-tracing at Full HD resolution and 30 frames per second. HDRI lighting simulated natural environmental lighting for authentic reflections. The process yielded four video sequences showing the rotating tiger from cardinal directions. Using a 3-mm transparent acrylic pyramid selected for optical clarity, the videos were composited into a cross-pattern ensuring perfect synchronization. When played on a horizontal tablet, the system produced a striking illusion of a colorful, animated 3D tiger floating within the pyramid (Fig. 1).

Fig. 1. The operational pseudo-holographic pyramid displaying the animated "Bonch Tigers" mascot

System testing under different lighting conditions confirmed that dim environments produced the most vivid, high-contrast illusions, while strong overhead lighting caused some image fading, consistent with known limitations of reflection-based systems [3]. User feedback from

demonstrations was overwhelmingly positive, with observers noting strong depth perception and expressing surprise at the effect's clarity and stability from various viewing angles.

To sum up, the successful implementation of this pseudo-holographic pyramid

system validates its utility as a powerful yet accessible tool for 3D visualization. The project demonstrates a complete pipeline from asset creation to integration, showing that impressive results require modest resources. The system's key advantages are accessibility and reproducibility, with low material costs and open-source software like Blender making it feasible for educational institutions and small businesses. Applications are diverse, including visualizing historical artifacts,

molecular structures, and anatomical models in education, where it may promote more consistent learning outcomes [5], alongside product prototype showcases in corporate settings and engaging interactive exhibits in museums and galleries [3, 4]. In the future, improvements will include system scaling and added interactivity through motion sensors for user control. This work provides a foundation for developing affordable immersive technologies.

References

1. *Georgieva, K.* Comparative Analysis of Different Display Technologies for Defect Detection in 3D Objects / K. Georgieva, G. Georgiev // *Technologies*. – 2025. – Vol. 13, No. 3. – P. 118. – URL: <https://doi.org/10.3390/technologies13030118> (last request: 23.04.2026).
2. *Feng, X.* The effects of a three-dimensional virtual learning medium on spatial ability and learning achievement in the anatomical sciences / X. Feng, S. Powers, L. Eberman, Z. Liu, X. Xin, Y. Zhang // *Computers & Education: X Reality*. – 2025. – Vol. 100123. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.cexr.2025.100123> (last request: 23.04.2026).
3. *Keselj, A.* An Overview of 3D Holographic Visualization Technologies and Their Applications in Education / A. Keselj, K. Žubrinčić, M. Miličević, M. Kuzman // *2023 46th MIPRO ICT and Electronics Convention (MIPRO) : proceedings*. – 2023. – P. 454-459. – URL: <https://doi.org/10.23919/mipro57284.2023.10159973> (last request: 23.04.2026).
4. *Chehlarova, T.* Managing Pepper's Ghost Illusion Using Intelligent Methods / T. Chehlarova, K. Chehlarova // *2020 IEEE 10th International Conference on Intelligent Systems (IS) : proceedings*. – 2020. – P. 415-420. – URL: <https://doi.org/10.1109/is48319.2020.9199846> (last request: 23.04.2026).
5. *Muro, S.* Evaluation of glasses-free 3D anatomy learning materials through a randomized control study with a puzzle-like method / S. Muro, K. Miyosawa, K. Yamaguchi, K. Okamoto, S. Okamoto, T. Itamiya, K. Akita // *Anatomical Sciences Education*. – 2025. – Vol. 18. – P. 684-696. – URL: <https://doi.org/10.1002/ase.70063> (last request: 23.04.2026).

Shchedrin Nikita Ivanovich – Bachelor, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), shchedrin.ni@sut.ru

Marsheva Nataliia Vladimirovna – scientific supervisor – Senior Lecturer, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, (St. Petersburg, Russia), marsheva.nv@sut.ru

РАЗРАБОТКА И ПРИМЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ АВТОСТЕРЕОСКОПИЧЕСКОЙ 3D-ВИЗУАЛИЗАЦИИ НА ОСНОВЕ ПСЕВДОГОЛОГРАФИЧЕСКОЙ ПИРАМИДЫ

Н. И. Щедрин

Статья представлена научным руководителем – ст. преп., Маршева Н. В.

Данная статья представляет исследование по разработке и реализации доступной системы 3D-визуализации без использования очков на основе псевдоголографической пирамиды. В работе описываются принципы работы технологии, представлен практический пример реализации и обсуждаются потенциальные возможности применения в об-

разовании. Результаты подтверждают эффективность данного подхода для создания 3D-иллюзий без специализированного оборудования.

Ключевые слова: рефлексивная оптика, иллюзия «призрак Пешпера», разработка прототипа, образовательные инструменты, 3D-моделирование, визуальная демонстрация.

Список источников и литературы

1. *Georgieva, K.* Comparative Analysis of Different Display Technologies for Defect Detection in 3D Objects [Электронный ресурс] / K. Georgieva, G. Georgiev // *Technologies*. – 2025. – Vol. 13, № 3. – P. 118. – URL: <https://doi.org/10.3390/technologies13030118> (дата обращения: 23.04.2026).
2. *Feng, X.* The effects of a three-dimensional virtual learning medium on spatial ability and learning achievement in the anatomical sciences [Электронный ресурс] / X. Feng, S. Powers, L. Eberman, Z. Liu, X. Xin, Y. Zhang // *Computers & Education: X Reality*. – 2025. – Vol. 100123. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.cexr.2025.100123> (дата обращения: 23.04.2026).
3. *Keselj, A.* An Overview of 3D Holographic Visualization Technologies and Their Applications in Education [Электронный ресурс] / A. Keselj, K. Žubrinić, M. Miličević, M. Kuzman // *2023 46th MIPRO ICT and Electronics Convention (MIPRO) : proceedings*. – 2023. – P. 454-459. – URL: <https://doi.org/10.23919/mipro57284.2023.10159973> (дата обращения: 23.04.2026).
4. *Chehlarova, T.* Managing Pepper's Ghost Illusion Using Intelligent Methods [Электронный ресурс] / T. Chehlarova, K. Chehlarova // *2020 IEEE 10th International Conference on Intelligent Systems (IS) : proceedings*. – 2020. – P. 415-420. – URL: <https://doi.org/10.1109/is48319.2020.9199846> (дата обращения: 23.04.2026).
5. *Muro, S.* Evaluation of glasses-free 3D anatomy learning materials through a randomized control study with a puzzle-like method [Электронный ресурс] / S. Muro, K. Miyosawa, K. Yamaguchi, K. Okamoto, S. Okamoto, T. Itamiya, K. Akita // *Anatomical Sciences Education*. – 2025. – Vol. 18. – P. 684-696. – URL: <https://doi.org/10.1002/ase.70063> (дата обращения: 23.04.2026).

Щедрин Никита Иванович – бакалавр, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), shchedrin.ni@sut.ru

Маршева Наталия Владимировна – научный руководитель – старший преподаватель, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, (г. Санкт-Петербург, Россия), marsheva.nv@sut.ru

Статья поступила в редакцию: 18.05.2026; принята к публикации: 30.05.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Щедрин Н. И. Разработка и применение системы автостереоскопической 3D-визуализации на основе псевдоголографической пирамиды // *Социогуманитарные коммуникации*. – 2026. – № 2(16). – С. 199-202.

FOR CITATION:

Shchedrin N. I. Razrabotka i primenenie sistemy avtostereoskopicheskoj 3D-vizualizacii na osnove psevdogolograficheskoj piramidy [Development and Application of a Glasses-Free 3D Display System Based on a Pseudo-Holographic Pyramid] // *Sociogumanitarnye komunikacii [Social and humanitarian communications]*. 2026. № 2(16). P. 199-202.

TOWARDS BETTER RUSSIAN SIGN LANGUAGE TRANSLATION: DATASET CHALLENGES AND TRAINING STRATEGIES

Z. V. Rybinskaia

The article is presented by the scientific supervisor – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor Khlopotov M. V.

This paper analyzes the current state of Russian Sign Language (RSL) datasets and identifies the main challenges in their use for AI-based translation systems. A comparative analysis of the Bukva, Slovo, and HaGRID datasets was conducted to assess their size, annotation quality, diversity, and openness. The results show that while Slovo provides the most linguistically diverse material, Bukva and HaGRID contribute valuable methodological and validation frameworks. The study emphasizes the need for hybrid and multimodal datasets to enhance inclusivity and practical RSL translation performance.

Keywords: Russian Sign Language, dataset analysis, artificial intelligence, gesture recognition, machine translation.

In recent years, artificial intelligence technologies have been increasingly applied to promote inclusive communication. Examples include sign language recognition and translation, automatic subtitling, and interactive assistants for people with hearing impairments. When developing a Russian-language intelligent service aimed at overcoming communication barriers, one of the key tasks is the creation and adaptation of translation models for Russian Sign Language (RSL). This study aims to identify the key challenges in existing RSL-related datasets and propose practical strategies for improving their quality and applicability in translation models. Unlike most previous studies that focus on English-based systems, this paper highlights the underexplored Russian context, where data accessibility and linguistic specificity remain key limitations.

To evaluate the strengths and weaknesses of existing datasets, a comparative analysis was conducted across three major Russian gesture datasets, Bukva, Slovo, and HaGRID, based on four key criteria:

- 1) dataset size and coverage,
- 2) diversity of signers and recording conditions,
- 3) annotation and validation quality,
- 4) openness of licensing.

To complement the dataset analysis, previous research on Russian dactyl recognition using neural networks, particularly YOLO-based architectures, was also considered [1-3]. This helps illustrate how object detection methods can support gesture segmentation and labeling in RSL datasets.

One of the most notable resources is the Bukva dataset, created by the AI Forever team. It contains approximately 27 GB of video data (3,757 RGB videos) with both dynamic and static representations of the RSL manual alphabet – each letter is represented by more than 100 examples, divided into training and test subsets. The open-source nature of Bukva allows its use for further fine-tuning of neural networks, as well as for correction and expansion of the dataset. However, despite its integrity and accessibility, the dataset remains limited in size and semantic depth: it contains only alphabetic gestures, without words, phrases, or consideration of communicative context and signer variability. This restricts the applicability of fine-tuned models in real-life communication scenarios.

The next step in development is represented by the Slovo dataset, released by SberDevices. It includes 20,400 Full HD videos, over 1,000 unique gesture classes

(including dactyl alphabet signs), recorded by 194 native signers and RSL experts from around the world. This resource represents a significant breakthrough: a large number of gesture classes, diverse signers, and high recording quality all contribute to better model training conditions. Special attention was paid to data accuracy – the complete dataset creation cycle included data collection, validation, annotation, and even a testing phase to identify users proficient in RSL. Nevertheless, Slovo also faces certain limitations: recordings were made in controlled environments, many gestures are static, and the dataset does not yet cover full sentences or natural discourse used in spontaneous communication. Moreover, only part of the dataset and several fine-tuned neural models were released publicly. However, such limitations are difficult to avoid when forming a conventional dataset of this type.

Another noteworthy resource is HaGRID, another large-scale gesture dataset developed by SberDevices, though focused not on RSL translation but on gesture control tasks. It contains 554,800 images across 18 gesture classes collected from 37,583 users worldwide. HaGRID deserves attention due to its rigorous multi-stage validation process, which makes it one of the cleanest and most structured datasets in Russian practice. To minimize errors and eliminate ambiguous data, the developers divided validation into two stages. The first stage included baseline filtering and annotator training, while the second involved re-checking images under stricter constraints: removing photos of children, unclothed individuals, and any images containing textual inscriptions or symbols (national, religious, etc.). The overlap between validation sets was strictly limited to five samples, as the cost of error was considered particularly high. Although HaGRID does not cover the linguistic specifics of RSL (phonology, syntax, or cultural variation), it remains a valuable general resource for gesture recognition. Its thorough validation and data col-

lection pipeline demonstrate the maturity of Russian data-engineering approaches and may serve as a methodological foundation for the creation of specialized RSL datasets in the future.

Thus, the Russian dataset landscape for RSL is still in an active stage of formation, striving toward completeness and quality. The main challenges can be summarized as follows:

- 1) limited dataset volume and gesture class diversity, especially for phrasal or connected sign language speech;
- 2) insufficient variability in signers, backgrounds, and recording conditions, which reduces model generalization;
- 3) complex annotation requirements due to multimodality (hand movement, body posture, facial expression, and context), which are not yet fully addressed;
- 4) underdeveloped standards for openness, licensing, and interoperability;
- 5) significant financial and time costs of collecting video data from RSL users and experts.

The analysis shows that while Slovo provides the most diverse and scalable data, Bukva remains limited to alphabetic signs, and HaGRID, though methodologically robust, lacks linguistic specificity for RSL translation. Overall, Russian datasets for sign language research are still in a formative stage and require high-quality and representative datasets, yet the Russian implementation of this task still faces serious challenges – limited data volumes, low variability, annotation complexity, and high production costs. These findings suggest the need for a hybrid dataset combining the linguistic richness of Slovo with the methodological rigor of HaGRID, along with extended annotation frameworks covering facial expressions, body posture, and communicative context. Future research may focus on developing multimodal RSL datasets that better reflect real-life communication and promote inclusive, AI-driven translation services in the Russian context.

References

1. Dolin. A. A. Neural network concept for recognizing elements of the Russian dactyl alphabet // International Journal Symbol of Science. 2024. №. 2. pp. 42-47.
2. Kharlamenkov A. E., Ashrafi A., Mokhnachyov V. S., Filippovich U. N., Chernenko S. E. Sign language recognition based on kinematic segmentation of gestures // Contemporary Pedagogical Education. 2022. №. 2. pp. 126-131.
3. Pechenov I. P., Gulyaev I. V., Shabanova I. N., Astrelin D. M. Development of models and methods for recognizing the Russian dactyl alphabet [Electronic resource] // Engineering Bulletin of Don. 2024. №. 5 (19.03.2024). URL: <http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n5y2024/9212> (last request: 05.11.2025).

Rybinskaia Zlata Vladislavovna – student, St. Petersburg State University of Information Technology, Mechanics and Optics, (St. Petersburg, Russia), zltrbn@gmail.com

Khlopotov Maxim Valerievich – scientific supervisor – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Faculty of Applied Informatics, St. Petersburg State University of Information Technology, Mechanics and Optics, (St. Petersburg, Russia), khlopotov@itmo.ru

К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ УЛУЧШЕННОГО ПЕРЕВОДА РУССКОГО ЖЕСТОВОГО ЯЗЫКА: ПРОБЛЕМЫ НАБОРОВ ДАННЫХ И СТРАТЕГИИ ОБУЧЕНИЯ

З. В. Рыбинская

Статья представлена научным руководителем – к. т. н., доц. Хлопотовым М. В.

В данной статье анализируется текущее состояние наборов данных по русскому жестовому языку (РЖЯ) и выявляются основные проблемы их использования в системах перевода на основе искусственного интеллекта. Проведён сравнительный анализ наборов данных Виква, Слово и HaGRID для оценки их размера, качества аннотации, разнообразия и открытости. Результаты показывают, что, хотя Слово предоставляет наиболее лингвистически разнообразный материал, Виква и HaGRID вносят ценный вклад в методологическую основу и валидационные механизмы. Исследование подчёркивает необходимость гибридных и мультимодальных наборов данных для повышения инклюзивности и практической эффективности перевода РЖЯ.

Ключевые слова: русский жестовый язык, анализ наборов данных, искусственный интеллект, распознавание жестов, машинный перевод.

Список источников и литературы

1. Долин А. А. Нейросетевая концепция распознавания элементов русской дактильной азбуки // Символ науки: международный научный журнал. 2024. №. 2. С. 42-47.
2. Харламенков А. Е., Ашрафи А., Мохначев В. С., Филиппович У. Н., Черненко С. Е. Распознавание жестового языка на основе киремного деления жестов // Современное педагогическое образование 2022. №. 2. С. 126-131.
3. Печенов И. П., Гуляев И. В., Шабанова И. Н., Астрелин А. А., Курляк Д. М. Разработка моделей и методов распознавания русской дактильной азбуки // Инженерный вестник Дона 2024. №. 5 (19.03.2024). URL: <http://www.ivdon.ru/ru/magazine/archive/n5y2024/9212> (дата обращения: 05.11.2025).

Рыбинская Злата Владиславовна – студентка, Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики, (г. Санкт-Петербург, Россия), zltrbn@gmail.com

Хлопотов Максим Валерьевич – научный руководитель – к. т. н., доцент, факультет прикладной информатики, Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики, (г. Санкт-Петербург, Россия), khlopotov@itmo.ru

Статья поступила в редакцию: 12.05.2026; принята к публикации: 30.05.2026

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Рыбинская З. В. К вопросу о создании улучшенного перевода русского жестового языка: проблемы наборов данных и стратегии обучения // Социогуманитарные коммуникации. – 2026. – № 2(16). – С. 203-206.

FOR CITATION:

Rybinskaia Z. V. K voprosu o sozdanii uluchshennogo perevoda russkogo zhestovogo yazyka: problemy naborov dannyh i strategii obucheniya [Towards better Russian sign language translation: dataset challenges and training strategies] // Sociogumanitarnye kommunikacii [Social and humanitarian communications]. 2026. No 2(16). P. 203-206.